

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Андрей
ПЛАТОНОВ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - МЮНХЕН 2004

Тексты печатаются по изданиям:

Шарманка: Пьеса в 3 актах, 6 картинах / Публ. М. А. Платоновой; Послесл. Н. Полтавцевой; Рис. Н. Козлова // Театр. 1988. № 1. С. 3-29.

Высокое напряжение: Пьеса в 5 д. // Современная драматургия. 1984. № 3. С. 163-181.

14 Красных избушек, или “Герой нашего времени”: Пьеса: В 4 д. / Публ. М. А. Платоновой; Послесл. В. Васильева // Волга (Саратов). 1988. № 1. С. 38-70.

Лепящий улыбку: Драма в 7 д. с эпиграфом // Литературное обозрение. 1936. № 18. С. 47-50.

Голос отца (Молчание): Пьеса в 1 д. // Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб., 1995. С. 391-425.

Без вести пропавший, или Избушка возле фронта: Пьеса в 1 д. // Русские женщины: тематический репертуарный сборник. М., 1970. С. 102-112.

Волшебное существо: Пьеса в 4 д., 6 карт. / Отв. ред. Г. Никитин. М.: Отдел распространения драматических произведений ВУОАП, 1967. 84 л.

Ученик Лицея: пьеса в 5 д. // Наш современник. 1974. № 6. С. 71-123.

Ноев Ковчег: (Каиново отдродье): Комедия // Нов. мир. 1993. № 9. С. 97-140.

Добрый Тит: Платонов, А. Краткое изложение темы пьесы для Центрального детского театра // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии / Сост.: Н. В. Корниенко, Е. Д. Щубина. М.: Современный писатель, 1994. С. 475-476.

До сих пор не опубликованы и не доступны:

Настоящее и будущее (1946)

Русское поле (1943)

Сестра красноармейца (1941)

Красный Лиман 1936 (?) (из архива М. А. Платоновой).

СОДЕРЖАНИЕ

Шарманка	4
Высокое напряжение	41
14 Красных избушек, или «Герой нашего времени»	66
Лепящий улыбку	100
Голос отца.....	106
Без вести пропавший, или избушка возле фронта	113
Волшебное существо	123
Ученик лицея.....	162
Ноев ковчег	215
Добрый Тит. Краткое изложение темы пьесы	247

ШАРМАНКА

Пьеса в трех актах, шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Щоев — заведующий кооперативной системой в далеком районе.

Евсей — его заместитель.

Опорных, Клокотов — кооперативные агенты-заготовители.

Годовалов — представитель пайщиков, лавкомиссия.

Евдокия — выдвиженка.

Первая служащая.

Первый служащий.

Алеша — бродячий культработник с музыкой.

Мюд — девушка-подросток, подруга Алеша по общей работе.

Кузьма — железный человек, аттракцион группы Алеша — Мюд.

Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен — датский профессор-пишевик, прибывший с целью приобрести «ударную душу» СССР для Западной Европы.

Серена — его дочь, девица.

Говорящая труба на столе Щоева.

Агент из совхоза.

Чуждый человек.

Четыре девушки-осоавиахимовки.

Пожарный.

Милиционер.

Кольцевой почтальон.

Детские лица, глядящие в окно учреждения.

Двое рабочих, разбирающих строение.

Несколько служащих — мужчин и женщин.

Люди из кооперированного населения.

Люди в очереди у парка культуры и отдыха.

Двое или трое прохожих строителей.

Работники прилавка у дверей кооперативов.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Районная местность. Дорога в даль страны; попутные деревья, которые шевелит редкий ветер; влево — постройка в пустоте горизонта, вправо виден небольшой город — районный центр. Над городом флаги. На краю города стоит большое жилье в виде амбара, над ним флаг, на флаге нарисовано кооперативное рукопожатие, которое можно понять издали.

Ветер и безлюдье. Далекие флаги трепещут. Над землей солнце и огромный летний день. Вначале, кроме ветра, все остальное тихо. Затем слышатся звуки движущегося железа. Неизвестное тяжкое железо движется, судя по звукам, медленно, еле-еле. Девичий голос устало поет негромкую песню. Песня приближается вместе с железом.

На сцену выявляется механическая личность — Железный человек, в дальнейшем называемая Кузьмой. Это металлическое заводное устройство в форме низкого, широкого человека, важно вышагивающего вперед и хлопающего все время ртом, как бы совершая дыхание. Кузьму ведет за руку, вращая ее вокруг оси, как руль или регулятор, молодой человек в соломенной шляпе, с лицом странника — Алеша. Вместе с ним появляется Мюд — девушка-подросток. Она держит себя и говорит — доверчиво и ясно: она не знала угнетения. За спиной у Алеши шарманка. Вся группа дает впечатление, что это пешие музыканты, а Кузьма их аттракцион. Кузьма вдруг останавливается и хлопает нижней челюстью, будто хочет пить. Группа стоит среди пустого светлого мира.

Мюд. Алеша, мне на свете стало скучно жить...

Алеша. Ничего, Мюд, скоро будет социализм — тогда все обрадуются.

Мюд. А я?

Алеша. И ты тоже.

Мюд. А если у меня сердце отчего-то заболит?!

Алеша. Ну что же: тогда тебе его вырежут, чтоб оно не мучилось.

Пауза. Мюд напевает без слов. Алеша всматривается в пространство.

Мюд (от напева переходит к песне).

По трудовой, веселой дороге
Идем мы босые, пешком, —
Осталось идти нам немного:
Построен счастливый наш дом...

Алеша, я задумалась — и вышло: у меня сердце заболело оттого, что я оторвалась от масс...

Алеша. Ты живешь ненаучно. От этого у тебя болит всегда что попало. Я тебя, как наступит социализм, так изобрету всю сначала — и ты будешь дитя всего международного пролетариата.

Мюд. Ладно. А то ведь я при капитализме родилась. Два года при нем вся страдала... (Обращается к Кузьме, касается его руками, — Мюд всегда трогает руками тех людей и предметы, с которыми вступает в отношения). Кузьма, скажи мне что-нибудь умное-умное!

Кузьма чавкает человеческой пастью. Алеша переводит какое-то устройство в обшлагах Кузьмы и держит его руку.

Ну, Кузьма же!

Кузьма (деревянным равнодушным голосом, в котором всегда слышится ход внутренних, трущихся шестерен). Оппортунка...

Мюд (прислушивается). А еще что?

Кузьма. Рвачка... Бес-прин-ципщина... Правый-левый элемент... Отсталость... тебя возглавить надо!

Мюд. А еще я кто?

Алеша делает манипуляцию в руке Кузьмы.

Кузьма. Ты классовая прелесть... Ты сугубый росток... Ты ударник бедняцкой радости... Мы уже...

Мюд (быстро). Знаю-знаю: мы уже вступили в фундамент, мы уже обеими ногами (движется и приплясывает), мы вполне и всецело, мы прямо что-то особенное!!

Кузьма. ...Мы прущая масса вперед!.. (Из Кузьмы далее идут холостые неразборчивые звуки).

Мюд (Кузьме). Я люблю тебя, Кузя, ты ведь бедное железо! Ты важный такой, а у самого сломатое сердце и тебя выдумал Алеша! Ведь тебя быть не может, ты — так себе!..

Кузьма молчит и не хлопает ртом. Гудит паровоз вдалеке.

Алеша. Пойдем, Мюд. Уж скоро вечер. На земле настанет тоска, а нам надо есть и ночевать.

Мюд. Алеша, у меня все идеи от голода болят! (Трогает свою грудь).

Алеша (касается Мюд). Где?

Мюд. Там, Алеша, где у меня бывает то хорошо, то нет.

Алеша. Это вредительство природы, Мюд.

Мюд. Она фашистка?

Алеша. А ты думала — кто?

Мюд. Я тоже думала, что она фашистка. Вдруг солнце потухнет! Или дождь — то капает, то нет! Верно ведь? Нам нужна большевицкая природа — как весна была — правда? А это что? (Показывает на местность). Это подкулачница, и больше ничего. В ней планового начала нету.

Кузьма невнятно рычит. Алеша регулирует его, и он умолкает. Кратко, вблизи гудит паровоз.

Алеша. Пускай она посветится еще. (Глядит на местность). Мы ее тоже ликвидируем скоро, как зажиточное привиденье. Мы ведь ее не делали, зачем же она есть?!

Мюд. Поскорей, Алеша, а то ждать скучно.

Слышны шаги людей.

Кузьма (бормочет). Нереагирование на активность...

Мюд. Что он?

Алеша. Это у него остаточные слова застряли. (Регулирует Кузьму на его затылке).

Приходят человека два-три строителей — с сундучками, с пилами, с флагом в руках переднего.

Мюд. Вы кто — ударники или нет?

Один из строителей. Мы, барышня, — они!

Мюд. А мы культработники. Нас колхозная избушка-читальня послала...

Один из строителей. Вы что ж, побирушка, что ли?

Мюд. Алеша, они — идиотизм деревенской жизни!..

Кузьма (рычит что-то, затем). Живите смирно... Сейте кенаф и клещевину... (Гудит дальше и умолкает; слышится трение внутри механизма).

Один из строителей. Сыграй, малый, и нам что-нибудь — для упоенья.

Алеша. Счас. (Заводит Кузьму сзади).

Мюд. Клади пяточок в Кузьму. (Показывает, куда класть — в рот). Это на культработу с единоличными дворами. Вы ведь любите дворы?

Один из строителей кладет пятак Кузьме в рот. Кузьма жевнул челюстью. Алеша берет Кузьму за руку и ставит шарманку на игру. Кузьма заскрежетал неразборчиво. Алеша стал играть на шарманке ветхий мотив. Кузьма запел более внятно.

Мюд (поет вместе с Кузьмой).

Все-мир-но-му про-ле-та-ри-ю,
Власть держащему, —
Слава!

Под-ку-лач-ни-ку, перегибщику, аллилуйщику,
Дву-руш-нику, беспринципщику,
Правому и левому
И вся-кой темной силе —
Веч-ный по-зор!..

Другой строитель (выслушав). Продай нам железного оппортуниста!

Мюд. Кузю-то?! Что ты, он нам самим дорог. А на что?

Другой строитель. А для утех. Бог же в свою бытность завел себе черта. Так и мы — будем себе держать оппортуниста!

Один из строителей (Алексею). На, парень, тебе рубль за выдумку. Поешь, а то голова ослабнет.

Алеша. Не надо, Ты лучше свой расценоч понизь на постройке, а я везде почую твой рубль.

Мюд. Мы себе денег не берем — мы любим советскую валюту.

Кузьма. ...Ххады — херои... Живите потихоньку...

Алеша регулирует Кузьму, и тот замолкает.

Алеша. Все время в нем какие-то контрольные лозунги бушуют. Не то он заболел, не то сломался!

Мюд (строителям). Ну, вы идите, идите. Нечего вам стоять, когда пятилетка идет!

Один из строителей. Ну и барышня! Кто только ее мамаша была!

Другой строитель (вразумительно). Социальное вещество.

Строители уходят.

Мюд. Пойдем, Алеша. Я хочу чего-нибудь сытного.

Алеша (налаживает Кузьму). Сейчас пойдем... Что ты, жабочка, страдаешь все? Ты привыкни!

Мюд. Ладно. Я ведь люблю, Алеша, привыкать.

Появляется Стерветсен и его дочь Серена, девушка-европейка, с монгольским лицом, на бедре у нее изящный револьвер. Оба они с чемоданами, в дорожных плащах. Прибывшие раскланиваются, здороваются с Алешей и Мюдом, а также с Кузьмой; Кузьма медленно подает руку в ответ Серене и Стерветсену. Иностранцы говорят по-русски, степень искажения языка должен определить сам актер.

Стерветсен. Здравствуйтесь, товарищи активщики...

Серена. Мы хотим быть с вами... Мы любим всю горькую долю!

Мюд. Ты врешь, у нас нету теперь доли. У нас теперь лето, у нас птички поют, у нас строится такое! (К Алексею — другим, мирным тоном). Алеша, она — что?

Алеша. Зажиточная, должно быть.

Кузьма. Хады...

Алеша укрощает Кузьму.

Мюд (к иностранцам). Вы что такое?

Стерветсен. Мы... теперь неимуший дух, который стал раскулачен.

Серена. Мы читали, и нам производили... Папа, информасьон?

Стерветсен. Четкое собеседованье, Серен.

Серена. Собеседованье, когда говорили: вы буржуазию, и еще раз полклясса и еще крупный клясс четко послали на фик!

Мюд. Она хорошая, Алеша. Мы их на фик, а они с фика, и сама же ясно говорит...

Стерветсен. Я был молод и приезжал давно в Россию существовать. Я жил здесь в девятнадцатом веке на фабрике жамочных пышек. Теперь я вижу — там город, а тогда здесь находился редкий частичный народ и я плакал пешком среди него... да, Серен!

Серена. Что, папа? Кто эти люди — батраки авангарда?

Мюд. Ты дурочка-буржуйка: мы поколение — вот кто!

Стерветсен. Они — доброе меропрятие, Серен!

Алеша. А вам что здесь надо среди нашего класса?

Стерветсен. Нам нужна ваша небесная радость земного труда...

Алеша. Какая радость?

Стерветсен. У вас психия ударничества, на всех гражданских лицах находится энтузиазм...

Мюд. А вам-то что за дело?.. Раз мы рады!

Стерветсен. У вас организована государственная тишина и сверху ее стоит... башня надлежащей души...

Мюд. Это надстройка! Не знаешь как называется — мы вас обогнали!!

Стерветсен. Надстройка! Это дух движения в сердцевине граждан, теплота над ледовитым ландшафтом вашей бедности! Надстройка!!! Мы ее хотим купить в вашем царстве или обменять на нашу грустную, точную науку. У нас в Европе много нижнего вещества, но на башне угас огонь. Ветер шумит прямо в наше скучное сердце — и над ним нет надстройки воодушевления... У нас сердце не ударник, оно... как у вас зовется... оно — тихий летун...

Серена. Папа, ты скажи им, что я...

Кузьма. Рвачка! Сила элемента...

Серена (на Кузьму). Он знает все, как патрон...

Мюд. Кузя-то? Он ведь нам подшефный элемент!

Стерветсен. Где у вас разрешается закупить надстройку? (Показывая на город). Там?.. Мы много дадим валюты! Мы отпустим вам, может быть, алмазный заем, корабли канадского зерна, наши датские сливки, две авиамамки, монгольскую красоту созревших женщин — мы согласны открыть вам наши вечные сейфы... А вы — подарите нам одну надстройку! На что она вам? У вас же есть база, живите пока на фундаменте...

Кузьма (грозно рычит). Хитрость классового врага... Пап-па римский...

Алеша (укрощая Кузьму). Ага. Ты хочешь закрыть у нас поддувало и сифон?! Чтоб мы сразу остыли!

Мюд (шепотом Алеше). Фашисты! Не продавай надстройки!

Алеша. Не буду.

Серена. Папа, нам давали понятие вопроса — у них лежат установки. Купи тогда Европе установку. Надстройку им ведь жалобно дарить!

Стерветсен. Продайте установку! Я вам дам доллары!

Мюд. А у нас есть одна только директивка, и то маленькая.

Серена. Купи, папа, директивку. Надстройку экстремизма ты купишь после вдалеке.

Алеша. Мы директивы за фашистские деньги не продаем.

Мюд (трогает револьвер на бедре Серены). Отдай мне. У нас культурная революция, а ты с пистолетом ходишь. Как не стыдно?

Серена (недоуменно). А вам он сильно нужен?

Мюд. Ну, конечно, у вас ведь нет культурной революции, вы ведь темные, злые, и нам полагаются от вас наганы...

Серена. Возьмите. (Отдает револьвер).

Мюд. Спасибо, девочка. (Целует сразу Серену в щеку). Кто нам сдается, мы тому все прощаем.

Серена. Папа, Совет Юнион очень мил! (Алеше). Сыграйте фокус!

Алеша. Советский механизм не смеет.

Стерветсен и Серена кланяются и уходят.

Мюд. Алеша, а как же они купят идею, когда она внутри всего тела?! Нам ведь больно будет вынимать!

Алеша. Ничего, Мюд. Я им продам... Кузьму. Ведь он — идея. А буржуазия от него помрет.

Мюд. Алеша, мне будет жалко Кузьму...

Кузьма. ...Отсталость... Бойтесь капитализма...

Алеша. Не скучай, Мюд. Мы закажем себе другого, а то Кузьма уже отстал чего-то от масс. (Заводит Кузьму).

Кузьма начинает шагать со скрежетом внутри, бормоча невнятное железными устами. Все трое уходят, За сценой, уже невидимые, они поют песню в несколько слов.

Алеша и Мюд петь перестают, а Кузьма, удаляясь, все еще тянет в одиночку чугунным голосом: «Э-э-э-э...».

КАРТИНА ВТОРАЯ

Учреждение — среднее между баней, пивной и бараком. Теснота служащих, чад, шум. Две уборные, две двери в них. Двери уборных открываются и затворяются: разнополые служащие пользуются уборными. Щоев — за громадным столом. На столе рупор-труба, которой он пользуется для разговора со всем городом и кооперативами: город невелик и рупор слышен всюду в окрестностях.

Щоев (всему бушующему в делопроизводстве учреждению). Дайте мне задуматься. Прекратите там доносящиеся до меня запахи желудка.

Двери уборных закрываются. Наступает всеобщая тишина. Щоев задумывается. Желудок его начинает ворчать; ворчание усиливается.

(Тихо). Болит мое тело от продовольственных нужд. (Гладит свой живот). Как задумаюсь, так и живот бурчит. Значит, все стихии тоскуют во мне... (В массу служащих). Евсей!

Евсей (невидимо где). Сейчас, Игнат Никанорович. Сейчас капустку с огурчиком подытожу и к вам явлюсь.

Щоев. Итожь их быстрей, не сходя с мета. А я потом сам поуютожу твои числа. Ответь мне подробно, что мы сегодня непайщикам даем.

Евсей (невидимо). Клей!

Щоев. Достаточно. А завтра?

Евсей. Книгу для чтения после букваря, Игнат Никанорович.

Щоев. А вчера?

Евсей. Мухобойный порошок системы Зверева, по полпачки на лицо.

Щоев. Разумно ли, Евсей, бить порошком мух?

Евсей. А отчего же нет, Игнат Никанорович? Ведь установки на заготовку мух пока не имеется. Утиль тоже насекомых продолжает отвергать.

Щоев. Я не о том горюю — не перебивай ты мне размышления... Я тебя спрашиваю: что птицы-голуби или прочие летучие, что они будут есть, когда ты мух угробишь? Ведь летучее — это тоже пищевой продукт.

Евсей. Алетучих в нынешнем году не ожидается, Игнат Никанорович. Их южнорайонные кооперативы вперед нас перехватили и заготовили. Мы весной, Игнат Никанорович, пустое небо ожидаем. Теперь муха звереть без птицы начнет.

Щоев. Ага, ну нехай так. Пусть жрут летучих. Проверь мне через область телеграфом — не крадут ли в районе установок? Десять суток циркуляров нет — ведь это ж жутко, я линии не вижу под собой!

Играет шарманка на дворе учреждения — старый вальс. Учреждение прислушивается. Щоев тоже.

Евсей (все еще невидимый). Не подать ли музыканту монету, Игнат Никанорович? Все-таки культработник человек!

Щоев. Я тебе подам! Давалец какой! У нас финплан не выполняется, а он средства разбазаривает! Ты пойди у него на дирижабль пожертвование отбери — вот это так!

Евсей показывается, вставая из массы служащих, и уходит вон. Шарманка играет непрерывно. Переговорная труба на столе Щоева начинает гудеть. Шарманка затихает.

(В трубку). Алла!.. Ты кто? Говори громче, это я — другого нету!

Эти слова, сказанные в трубу, повторяются затем, втрое усиленные, где-то за стенами учреждения, и это от них раздается в окрестных пространствах, пустота которых чувствуется в долготе и скуке многократно отраженных звуков. Разговор по трубе должен происходить этим порядком; особых ремарок, на каждый раз не будет.

Далекий голос (извне учреждения). Грибки, Игнат Никанорович, червиветь начинают. Дозвольте скушать работникам прилавка — иль выдать массе!

Труба на столе через секунду-две повторяет эти же слова совершенно другим голосом — более глухим, с другим выражением и даже с иным смыслом.

Щоев (в трубу). Какие грибы?

Далекий голос (за сценой). Грибки годовалые, соленые, моченые и сушеные...

Щоев (не в трубу). Евсей!

Служащие. Евсей, Игнат Никанорович, кампанию вышел проводить.

Щоев. Трудитесь молча: я сам вспомнил.

Шарманка играет новый мотив. Входит Евсей с чужой соломенной шляпой в руках, наполненной медными деньгами. Он высыпает деньги на стол Щоева. Шарманка утихает.

Евсей. Двадцать рублей дал. Говорит, после еще принесет. Я, говорит, дирижаблю рад: зря, что раньше не слышал про него, а то бы, говорит, сам выдумал советский воздушный корабль.

Щоев. Он что, энтузиаст всякого строительства, что ли?

Евсей. Да, должно быть, Игнат Никанорович.

Щоев. Член чего-нибудь или нет?

Евсей. Говорит, ничего не член.

Щоев. Как же так? Чудно...

Пауза. Шарманка играет вдалеке, еле слышно.

Сроду не видел энтузиаста! Десять тысяч пайщиков объединяю, а все как животные — только есть хотят день и ночь. Пойди приведи его — для моего наблюдения.

Труба рычит что-то на столе.

(Смотрит в трубу, затем — Евсею). Это ты грибки мучаешь второй год?

Евсей. Это не грибы, Игнат Никанорович, это соя в виде грибов, а я ее замариновать приказал... Чего спешить, Игнат Никанорович, ведь люди все могут поесть, а что толку! Пускай лучше материализму побольше будет, а людей и так хватит.

Щоев (задумчиво). Ты прав на все сто с лишним процентов. (В трубу). Не трожь грибов, чертова саранча: пускай лежат в виде фонда!

Шарманка играет еще дальше.

(Евсею). Кличь сюда музыку: настроенья хочу.

Евсей уходит.

(Служащим). Дайте мне бумажек подписаться: скучно чего-то сейчас на свете!

Первый служащий (вставая из рядов столов). Тут, Игнат Никанорович, подтверждения и напоминания лежат...

Щоев. Давай что попало.

Первый служащий подносит к столу Щоева папку с бумагами.

(Вынимает из штанов печать с факсимиле, дает печать первому служащему). Колоти!

Первый служащий дует в печать и штемпелюет бумаги.

(Сидит без дел). Надо бы нам спустить директивку какую-нибудь на лавочную периферию.

Первый служащий. Спущу, Игнат Никанорович!

Щоев. Спусти, пожалуйста.

Входит Евсей. За ним — Алеша с шарманкой. Мюд пытается ввести за руку Кузьму, но туловище того не проходит в унину входа.

Мюд. Алеша, Кузе здесь тесно. Ему тут узкое место.

Алеша. Пускай он наружи остается.

Кузьма (в дверь). ...Не трожь капитализма — старика... Ххады... (Остается вне учреждения).

Щоев. Вы кто?

Алеша. Мы пешие большевики.

Щоев. Куда ж вы идете теперь?

Алеша (глубоко искренне). Мы идем по колхозам и постройкам в социализм!

Щоев. Куда?

Мюд (детски задушевно). В социализм!

Щоев (задумчиво). Далекый прекрасный район.

Мюд. Да вот, далекий. А мы все равно дойдем.

Щоев. Евсей, дай этой девочке конфетку.

Алеша (обнимая Мюд). Не надо — она к сладкому не привыкла.

Мюд. Сам соси конфетку, эгоист-сладкоежка!

Щоев (выходит из-за стола к людям). Дорогие товарищи, трудящиеся, потребители, члены, пешеходы и большевики, я вас всех замечательно люблю!

Евсей (к Мюд). Вам, барышня, с какой начинкой конфеток принести: с вареньем или с вишневым соком?

Мюд. Пусть меня пролетариат угощает, а не ты. У тебя неклассовое лицо.

Щоев. Люблю, Евсей, я это поколение! А ты?

Евсей. Да приходится любить, Игнат Никанорович!

Алеша (не понимая обстановки). А у вас здесь строится социализм?

Щоев. Ну еще бы!

Евсей. Полностью!

Алеша. А можно мы тоже будем строить?.. Все время играть на музыке — это сердце болит.

Мюд (касаясь Алешы). А мне скучно стало жить на свете пешком.

Щоев. А зачем вам строить? Вы весна нашего класса, а весна должна цвести. Играйте на музыке! Как скажешь, Евсей?

Евсей. Да я полагаю, Игнат Никанорович, что мы управимся без малолетних! Пускай уж, когда все будет готово, приходят жировать!

Мюд. А нам охота!

Щоев. А вы можете массы организовать?

Алеша и Мюд несколько времени молчат.

Алеша. Я могу только дирижабль выдумать...

Пауза.

Щоев. Ну вот. А говоришь — тебе охота. Вы лучше оставайтесь в нашей многолапчатой системе, как музыкальные силы. Будете утешать руководство... Евсей, у нас там полагаются по штату утешители?

Евсей. Я, Игнат Никанорович, полагаю, что возражений не встречается. Пусть утешают...

Щоев (глубоко размышляя). Отлично. Тогда привлечем, Евсей, этих бредущих, пускай они останутся. (Алеше). Сыграй мне что-то нежное!

Алеша берет шарманку, играет грустную народную песенку. Щоев, Евсей, все учреждение в глубокой паузе. Учреждение бездействует. Все задумываются. Алеша переводит регистр, играет другую песенку.

Мюд (постепенно, незаметно входит в мотив и начинает негромко петь).

В страну далекую
Собрались пешеходы,
Ушли от родины
В неизвестную свободу,
Чужие всем —
Товарищи лишь ветру...
В груди их сердце
Бьется без ответа...

Алеша играет еще некоторое время, после того как Мюд уже умолкла. Щоев, по мере музыки и песни, склоняется на стол и тихо плачет от тоски. Евсей, глядя на Щоева, также искажил лицо в страдании, но слезы у него течь не могут. Учреждение безмолвно плачет.

Пауза.

Щоев. Жалостно как-то, черт ее дери!.. Евсей, давай организуем массы!

Евсей. На них тогда овощей не хватит, Игнат Никанорович.

Щоев. Эх, Евсей, давай верить во что-то!.. (Утирает слезы Алеше). Ты бы вот выдумал, как лучше слезы сушить на плакальщиках, а не дирижабль!

Алеша. Я могу.

Щоев. Зачислить тогда, Евсей, его штатным утешителем масс — согласуй с треугольником — давай заготавливать массы в аппарат.

Евсей. Нужно ль, Игнат Никанорович? Нам и так одну выдвиженку Евдокию отгрузили уже!

Алеша тихо играет на шарманке танцевальный мотив. Мюд слегка движется в танце.

Щоев. А что она делает сейчас?

Евсей. Да ничего, Игнат Никанорович, она женщина! Щоев. Что ж такое, что женщина, — в ней тоже есть что-нибудь неизвестное!

Евсей. В ней молоко есть, Игнат Никанорович!

Щоев. Ага. Пускай тогда по молоку и маслу она играет ведущую роль в аппарате.

Евсей. Пускай, Игнат Никанорович!

Алеша играет несколько громче тот же танец. Учреждение, не поднимаясь с мест, сидя, движется туловищами в такт танцу. Труба на столе Щоева рычит.

Щоев (в трубу). Алла! Это — я!!!

Труба. Птицы, Игнат Никанорович, летят над районом.

Щоев (в трубу). Откуда?

Труба. Неизвестно, Из иностранных держав.

Щоев. Сколько их?

Труба. Три!

Щоев. Лови!

Труба. Сычас.

Шум ветра над учреждением, крики птиц.

Щоев. Евсей, что это, что такое?

Евсей. Это, Игнат Никанорович, новый квартал наступает, по-старому — весна!

Щоев (задумчиво). Весна... Хорошая большевицкая эпоха!

Евсей. Терпимая, Игнат Никанорович.

Мюд. Сейчас весны нету, она уже давно прошла. Сейчас лето наступило — строительный сезон!

Щоев. Как лето?!

Евсей. Да это все равно, Игнат Никанорович. Только ведь погода меняется, а время одинаковое.

Щоев. Ты прав, Евсей...

Петр Опорных входит; в руках у него курица и два голубя.

Опорных. Этта... Как-то ее?! Вот я, стало быть, Игнат Никанорович, заготовил тебе птичку: одну курочку неимущую и еще голубей два!

Мюд. Весной прилетают только странные птицы, а не куры. Все куры — колхозницы.

Алеша (рассматривает птиц в руках Опорных; на ногах курицы ярлычок, а у голубя — бумажная трубка. Читает). «Курица заявляет проклятье расточительству. Ей дают непотребную массу зерна, отчего зерно пропадает или его доедают хищники. А пить ей не дают ни капли. Курица заявляет негодование этой недооценке. Пионеротряд совхоза «Малый Гигант».

Щоев. Не можем мы таких заготавливать — установки нету. Швыряй ее, Петр, прочь.

Опорных берет курицу за голову и швыряет ее в дверь. Голова курицы остается у него в руках, а туловище исчезает.

Евсей (глядя на куриную голову, на ее моргающие глаза). Теперь курочка умиралась и далее не полетит.

Щоев (Алеше). А египетский голубь что нам сообщает?

Алеша (читает). Написано капиталистическим языком: нам не очень ясно.

Щоев. Тогда бей об землю кулацкую пропаганду!

Мюд. Дайте я его лучше съем с бумажкой.

Щоев. Ешь, девочка, без остатка.

Евсей (к Мюд). Я тебе съем: может быть, это нам египетский пролетариат сводочку о достижениях прислал...

Щоев (задумчиво). Далекий изможденный класс... Опорных, береги голубя, как ты профсоюзную книжку бережешь!

Далекий шум. Все прислушиваются. Шум увеличивается, превращается в гул.

Щоев. Опорных, обследуй! Кто там нарушает...

Гул усиливается и одновременно теряет однообразие звука — слышны как бы отдельные голоса. Труба на столе Щоева гудит.

Опорных. Что там за чума!.. (Уходит).

Маленькая пауза страха.

Евсей (кричит из всего усердия). Игнат Никанорович, это интервенция!

Работа учреждения враз замолкает. Мюд вынимает из своей кофты револьвер. Алеша берет со стола Щоева рычащую трубу, труба отрывается от устройства и продолжает рычать в руках человека. Оба бегут на выход с этими предметами и скрываются. Странный гул усиливается, но делается как бы шире и мягче, подобно потоку воды.

(Ужаснувшись). Говорил я тебе, Игнат Никанорович, что сильна буржуазия-матушка...

Щоев. Ничего, Евсей, может, это буржуазия мелкая... А где же мои массы? (Оглядывает учреждение).

Учреждение пусто; несколько ранее все служащие молча скрываются куда-то. Кузьма разламывает дверной вход и пролезает в учреждение. Садится среди пустоты столов и берет ручку. Щоев и Евсей в страхе следят за ним. Входит Мюд с револьвером в руке.

Мюд. Это гуси-лебеди летят. Дураки!

Гул превращается в голоса тысяч птиц. Слышно, как птичьи лапки касаются железной крыши учреждения: птицы садятся, перекликаясь между собой.

Щоев. Евсей! Кликни мне служебные массы: куда они скрылись? Надо нам что-то налаживать!

Кузьма встает и проходит в уборную, резко захлопывая за собой дверь.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

То же учреждение, что и во второй картине. Трубы на столе Щоева нет. Пусто. Один Щоев. Птицы жалобно кричат вне учреждения: их там бьют и морят чем попало.

Щоев (жуя пищу). Народ нынче прожорлив стал: строит какие-то кирпичные корпуса, огорожи, башни и три раза обедать хочет, а я сиди и угощай каждого! Трудно все-таки быть кооперативной системой! Лучше б я предметом каким-нибудь был или просто потребителем... Что-то у нас идеологической надстройки мало: не то все выдумали уже, не то еще что! Все мне охота наслаждение какое-то иметь!.. (Подбирает крошки от употребленной пищи и высыпает их дополнительно в рот). Евсей!!

Евсей (за учреждением). Сейчас, Игнат Никанорович.

Щоев. Откуда-то эта птица-сволочь еще появилась! Так было покойно и планомерно, весь аппарат взял себе установку на организацию мясных рачьих путин, а тут эта птица мчится — заготовь ее попробуй! Эх, ты, население-население, замучило ты коопсистему!.. Клокотов!!

Клокотов (за стенами учреждения). Иду, Игнат Никанорович.

Входит Клокотов, весь покрытый птичьими перьями.

Щоев. Ну как там?

Клокотов. Да что ж, Игнат Никанорович, конечно это не дело!

Щоев. А что ж это такое?

Клокотов. Весь план срывается, Игнат Никанорович... Мы же взяли установку на организацию рачьих путин — так бы и надо держать. Туловище рака, Игнат Никанорович, лучше любой говядины. А то вчера был рак, сегодня птица летит, завтра зверь выскочит из лесов, а мы, значит, всю систему должны трепать из-за этой стихии?!

Щоев молчит задумчиво.

Так не годится, Игнат Никанорович, и население избалуется! Раз уж мы приучили его к одному сорту пищи — ему и хорошо! А это что такое: из буржуазных царств теперь может вся живность броситься в нашу республику, там ведь кризис — разве ее можно всю съесть?! У нас едоков не хватит!

Щоев. Ну а как раки твои в наших пучинах?

Клокотов. Раки молчат, Игнат Никанорович, рано еще.

Евсей (входит, весь в птичьих перьях). Игнат Никанорович! Птица с документами прибыла. Ты гляди! (Вынимает из кармана несколько картонных кружочков). На каждой номер, на каждой штемпель! Она организованная, Игнат Никанорович! Я ее боюсь!

Щоев (задумчиво и медленно). Организованная птица... Четок воздух над нашей землей!

Опорных (входя; весь мокрый, в длинных сапогах). Рыба поперла, Игнат Никанорович!..

Клокотов. Я так и знал!..

Опорных. Рыба по верху прет, а птица подлетает и жрет ее...

Евсей. Это прорыв путины, Игнат Никанорович!

Щоев. А никого там нету... из крупных животных каких-нибудь, кто бы и птицу скушал!
Верно ведь?

Клокотов (удовлетворенно). Конечно, Игнат Никанорович! Нам ничего и не надо. По мясу мы раком обойдемся, по маслу — ореховым соком, а по молоку — там мы дикий мед смешаем с муравьиной кислотой, и всё. Наука теперь, говорят, этого достигла.

Евсей. Мы потихоньку, Игнат Никанорович, всех снабдим. У всех будет полный аппетит!

Опорных. Так что же... этта... скажете? Птицу лупить или рыбу ловить?..

Нарастающий шум за сценой — что и во второй картине.

Щоев. Выйди глянь, Евсей!

Евсей исчезает.

Отчего птица-то к нам из буржуазии летит?..

Опорных. Наша страна дуже жирна, Игнат Никанорович. Рожается что попало — и живет!

Щоев. Не бреши. Тогда бы все в тару само лезло.

Опорных. Ау нас человек дурак, Игнат Никанорович. У нас — как-то ее? — у нас тары нету!

Щоев. Человек же это я...

Шум увеличивается. Вбегают Евсей.

Евсей. Еще летит туча целая!..

Щоев. Кто летит?

Евсей. Гуси, воробьи, журавли, а низом — петухи мчатся... Чайки какие-то!

Щоев. Боже мой, боже мой... За что ты оставил меня на этом посту?! Лучше б я перегибщиком бы и жил теперь на покое!

Опорных. Теперь всю рыбу слопают!.. Так как же быть-то, этта, руководящие?! Заготавливать из воды постную пищу иль попам оставить?

Евсей (к Опорных). Петя, не активничай, когда тебя не привлекают!

Щоев. Евсей! Думай ты ради бога что-нибудь определенное! Ты видишь, у меня сердце болит.

Евсей. А я уж все выдумал, Игнат Никанорович.

Щоев. Так доложи мне, возьми установку и делай.

Евсей. В Осавиахиме артиллерийский кружок, Игнат Никанорович, находится, а в кружке пушка — разрешите, пульнуть по птичьему стаду!

Щоев. Ступай пальни!

Евсей и Клокотов уходят. Шум за сценой продолжается и переходит в птичьи крики.

Опорных. Игнат Никанорович! Зачем гнать птицу-то эту мимо? Мы б управились и птицу поймать и рыбу вытащить! Народ — как-то она? — работает охотно.

Щоев. Мало ли что! Пусть летает в другие районы — там тоже есть кому жрать! Что ты за эгоист такой — я прямо удивляюсь тебе?!

Опорных бурчит про себя чего-то.

Ну, ты что там еще! Забыл про мое единоначалие, беспринципщик, дьявол какой!.. Иди, Петя, на свою путину.

Опорных (уходя). Вот, этта, как-то ее... вот он стерва мужичок какой!

Щоев. Устал я чего-то... Трудно мне кормить до гробовой доски такое тяжкое население!..

Шум за сценой несколько рассеивается и слышен тихо. Входят Мюд и Алеша. Оба в птичьих перьях. У Мюд перья даже в волосах.

Мюд (Щоеву). Отчего ты важный такой?

Щоев. Я не важный — я ответственный. А вы что вернулись? Вы видите, на кооперацию животные напали?!

Алеша. Это ничто, товарищ Щоев. Пролетариату пища всегда подходяща. Мы втроем тыщу штук заготовили. Мы...

Щоев. Будет тебе мыкать-то: мы-мы!.. Куда б ты годился, если б я тебя не возглавил?

Мюд. Алеша, а где же тут партия и ударники?.. Мне здесь становится скучно!

Щоев (несколько задумчиво). Скука... Нежное, приличное чувство — в молодости от него трудности роста бывают...

За сценой что-то шипит, точно разгорается громадный огонь.

Алеша (Щоеву). Дядь, давай рационализацию выдумаем, а то у тебя ненаучно как-то все...

Шум за сценой превращается в рев и вдруг сходит на нет.

Щоев (задумчиво). Рационализация... (Трогает Алешу). Может быть, ты гений масс, хотя я, брат, тоже задумчивый человек... (Углубленно). Пускай теперь наука трудится, а человек около нее как на курорте. Приличное дело!.. Мы хоть туловищем отдохнем... Хоть...

За сценой — продолжительный нарастающий рев, как от разгорающегося пламени. Маленькая пауза. Довольно тихий удар пушки. Задняя (считая от зрителя) стена учреждения медленно валится, ветер врывается в учреждение, тысячи птиц взлетают с крыши учреждения. Открывается районный ландшафт: две кооперативные лавки с приказчиками наружу; ворота с надписью «Парк культуры и отдыха», у этих ворот — очередь. Первый в очереди — Кузьма. Все это зрелище вначале застлано дымом. Дым рассеивается. Четыре крупные девушки-осоавиахимовки несут двое носилок в учреждение, проходя через поврежденную стену. На носилках — Евсей и Клокотов. Носилки ставятся на пол перед Щоевым. Евсей и Клокотов привстают и садятся в носилках.

Евсей. Пушка, Игнат Никанорович!..

Щоев. Ну что пушка?.. Ну пушка!

Евсей. Пушка, Игнат Никанорович, цельный час разгоралась, а потом стрельнула...

Щоев. Это хорошо, что стрельнула...

Клокотов. Она в нас стрельнула!

Евсей. Она в них бьет, Игнат Никанорович. У ней на дуле лозунг висит...

Щоев. А вы-то что: убитые или нет?

Евсей. Да нет, Игнат Никанорович, приходится жить еще! Что же поделаешь?

Щоев (на девушек). А девки эти кто?

Евсей. А для них это общественная работа, Игнат Никанорович. Они рады людей таскать.

Кольцевой почтальон (подбегает с сумкой к очереди людей у парка культуры и отдыха и говорит). Граждане, отдайте пакет кооперации — мне каждый шаг ведь дорог, а вы все равно на ногах.

Люди из очереди показывают на Кузьму. Кольцевой почтальон засовывает пакет Кузьме в какую-то прореху и экстренно мчится вдаль. Кузьма начинает шагать на кооперацию. Не теряя порядка очереди, люди также движутся на учреждение, во главе с Кузьмой.

Щоев (осоавиахимовкам). Слушайте меня, девки! Раз вы любите тяжести, то поднимите мне стенку учреждения, а то я все время вижу разные массы и рассеиваюсь!..

Одна из осоавиахимовок. Это можно, гражданин. Ты оттого и начальник, что никому невидим... Ты думаешь, мы дурочки, что ль?!

Вчетвером берут легко бревенчатую стену и ставят на место, загораживая учреждение от районного мира. Сами осоавиахимовки остаются уже вне учреждения.

Мюд. Алеша, здесь что такое — капитализм или второе что-нибудь?

Щоев. Евсей! Организуй, пожалуйста, эту девочку. У меня от нее изжога начинается.

Евсей. Я ее на заметку возьму, Игнат Никанорович.

Щоев. А где же мое учреждение?

Евсей. Оно выходное, Игнат Никанорович!

Щоев (задумчиво). Выходное... Хорошо бы оно не возвращалось. Я бы тогда его враз со снабжения снял и план выполнил! Евсей, давай возьмем курс на безлюдие!

Евсей. Давай, Игнат Никанорович! А как?

Щоев. А я почему знаю — как?! Возьмем курс, и всё!

Алеша. Можно механизм выдумать, товарищ кооператив. Механизмы тоже могут служить.

Щоев. Механизмы... Что же, это отлично: сидит и крутится какое-нибудь научное существо, а я им руковожу. Это мне приятно. Я бы всю республику на механизмы перевел и со снабжения снял. Как, Евсей?

Евсей. Нам было бы легче, Игнат Никанорович.

Клокотов. Нормальный бы темп работы наступил!

Мюд. Птицы летят, рыба плавает, люди кушать чего-то хотят, а они думают... Алеша, я здесь не понимаю!

Щоев. Вот дай я тебя возглавлю, тогда все поймешь!

Опорных (входит, весь мокрый). Так как же... этта, как ее... рыбку-то ловить иль пускай живет...

Щоев. Заготовляй, конечно.

Опорных. Кадушек нету, Игнат Никанорович... А бочары говорят — как-то ее? — ты соли им за прошлый месяц не давал. Дай, говорят, нам соль, а то хлеб насущный не соленый!

Щоев. А ты, Петя, пойди и скажи им, что они оппортунисты.

Опорных. А они мне сказали, что ты оппорту! Так как же мне быть?

Мюд (ко всем). Это кто? Фашисты?

Опорных. Еще встречные девки говорили мне про ягоду. Она, Игнат Никанорович, говорят, в лесах поперла... все, как-то это говорится, летит, прет, плавает и растет, а у нас тары нету. Я хожу и мучаюсь.

Шум за сценой.

Щоев (Алеше). Где твоя музыка, музыкант! Опять мне чего-то печально от мненья и мечты... Евсей, погляди, кто там шумит и нарушает!

Евсей уходит. Вместе с ним исчезают наружу Алеша и Мюд. Шум людей за сценой увеличивается.

Опорных. Еще, Игнат Никанорович, птичьи стада помету навалили. Целые курганы лежат, а, говорят, это золотое дно. Так как же, заготовлять его иль пускай так?

Шум за сценой утихает.

Щоев. Что тебе помет? Ты ведь самый задний человек в своем классе! Из птичьего помета заграничные химики железо и сливки делают, а ты говоришь — помет! Что ты понимаешь?!

Евсей входит.

Клокотов. Давайте выпишем, Игнат Никанорович, заграничного ученого — у нас масса загадочных вопросов стоит.

Евсей. Конечно, надо выписать. Заграничным особый продукт дают, и одежду они привозят в чемоданах.

Щоев. Правильно, Евсей... Кто там шумел наружи?

Евсей. Массы пайщиков двигались сюда, а я их окоротил.

Щоев. Зря, Евсей. Ты бы выбрал от них представителя, чтоб он уже вечно был один за всех.

Евсей. А я уж его выбрал, Игнат Никанорович, и должность ему дал — он теперь угомонится.

Щоев. Ты прав, Евсей. Мы всегда с тобой отчего-то правы!

Тихо стучат в дверь.

Да, пожалуйста, будьте любезны — войдите.

Входят датский профессор Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен и его дочь Серена.

Стерветсен. Здравствуйте, господа русские максимальные люди!

Серена. Мы — научность, которая знает пищу. Здравствуйте!

Щоев. Здравствуйте, господа буржуазные ученые! Мы здесь сидим и всегда рады науке.

Евсей. Мы и науку заготовляем...

Стерветсен. Мы с детства максимально любим кооперативность. В Юнион Рашион Совет кооперативность прелестна — мы хотим учиться всему пищевому и еще товарному... я грустно затрудняюсь... самотеку!

Щоев. Ага, приехали. Теперь наша кооперативность прелестной стала, когда мы вас догнали и перегнали! Евсей, уважай этих чертей!

Серена (отцу). Он говорит — щорт!

Стерветсен (дочери). Потому что, Серен, у них нет бог, остался его товарищ — щорт.

Щоев (торжественно). Товарищи буржуи. Вы попали в самый расцвет реорганизации нашего аппарата. Так вы, во-первых, ступайте, отдохните, опомнитесь, а через десять дней, во-вторых, являйтесь в нашу кооперативность — тогда мы вам покажем! А чемоданчики оставьте здесь — наша земля любую тяжесть выдержит.

Стерветсен. Прелестно. (Кланяется). Идем, Серен, нам надо поскорей опомниться.

Серена. Папа, я так чему-то рада...

Уходят, оставляя чемоданы в учреждении.

Щоев. Евсей! Организуй мне бал! Устрой великую рационализацию, приготовь мощную пищу!

Евсей. Рационализацию-то я сделаю, Игнат Никанорович, ума в массах много, только пищи, боюсь, не хватит.

Щоев (задумчиво). Пищи, говоришь, нет... Ну что ж! Мы организуем вечер испытаний новых форм еды. Мы нарвем любых злаков — мы муку из рыбы сделаем, раков вытащим из воды, птичий помет обратим в химию, суп составим из сала от мертвых костей и квас заварим из дикого меда пополам с муравьиной кислотой... И далее того — мы из лопухов блины такие испечем, что ты их будешь есть с энтузиазмом! Мы всю природу в яство положим, всех накормим дешевым вечным веществом... Эх ты, Евсей, Евсей; еда же — одна социальная условность, и больше нет ничего!..

Триск мотоцикла за учреждением. Входит человек: это агент совхоза.

Агент совхоза. Я из совхоза водно-воздушных мелких животных «Малый Гигант». У нас птицы разбили птичник и сбежали. У нас вода промыла плотины — и рыба бросилась по течению. Вы не замечали этих животных в вашем районе?

Евсей. Нет, товарищ, мы заготавливаем некультурных животных. Мы любим трудности.

Агент совхоза. А я видел сейчас людей в перьях!

Щоев. Люди в перьях? Они врут. Это неверно, товарищ!

Агент совхоза. А?!

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

То же учреждение, но несколько измененное. Оно оборудовано разными механизмами. По мере их пуска в ход зритель понимает их назначение. У задней стены лежат иностранные чемоданы. Чисто. Один длинный стол. Трибуна у стола. На столе ничего нет. В одном углу находится рояль. В другой стороне шарманка; на месте ручки у нее шкивок, от шкива идет вверх ременная передача. Тихо и безлюдно. Во второй, соседней половине учреждения — шум варева. Входят Евсей и Алеша.

Евсей. Ну как у тебя тут — все прилично?

Алеша. Устроено подходяще.

Евсей (оглядывая Алешу). Ты что-то похудел.

Алеша. Мысли из туловища выпустил много, и мне скучно в вашем районе... Евсей, когда же настанут будущие люди — мне надоели, кто живет сейчас. Ты ведь тоже стервец, Евсей!

Евсей. Я-то? Я — стервец. Оттого я и цел. Иначе бы давно погиб, может — и не родился бы. А ты что думал?

Алеша. А как же я тогда жив?

Евсей. Стихийно... Да разве ты живешь? Ты движешься, а не существуешь. Ты зачем стал шарманщиком, летун-дьявол?

Алеша. Социализма хочу поскорей добиться. Рвусь куда-то все время вдаль.

Евсей. Социализм наступит для разумных элементов, а ты пропадешь: ты же — ничто, тебя возглавить надо.

Алеша. Пускай. Я себя все равно не считаю. Но отчего ты весь гад, а важней меня?

Евсей. Я-то? Да это меня массы изгадили: руководишь ведь кой-чем.

Алеша (углубленно). Уж скоро коммунизм, тебя на свете не будет.

Евсей. Меня-то? Что ты? Я боюсь, что света без меня не останется — вот чего!

Шум изготавливающейся пищи раздается сильнее. Входит Щоев. Алеша занимается монтажом наличных механизмов.

Щоев. Доложи, Евсей!

Евсей. Все нормально, Игнат Никанорович! Суп из крапивы готов, щи из кустарника с дубовым салом — париться поставил, механические бутерброды лежат на посту, компот из деляческого сока — на крыше холодится, котлеты из чернозема жарятся. Что касается каши из саранчи и муравьиных яичек, то она прееет, Игнат Никанорович! Все прочее — также мобилизуется на плите, а сладкое из клея и кваса поспело первым.

Щоев. А соус — под каким соусом вы это подадите?

Евсей. Соус, Игнат Никанорович, вещь ложная. Мы даем жидкое подспорье из березового сока!

Щоев. А это... Для ясности перспективы ничего не будет?

Евсей. Уксус, Игнат Никанорович, — уксус с махорочной крошкой и сиреневым кустом!

Щоев. Прелестно, Евсей. Теперь сообщи — как с инвентарем.

Алеша. А я вам всю посуду из дерева надолбил. У вас ложек и чашек нигде нету — вы же не догадались, что кругом леса, а в лесу колхозы с рабочими руками. Тут можно устроить целый деревянный век!

Щоев. Деревянный век... Что ж, это тоже приличная переходная эпоха была!

Шум людей за дверью.

Евсей. Гостевая масса идет, Игнат Никанорович.

Щоев. Не пускай. Дай нам опомниться.

Евсей запирает дверь на засов.

Во чего... А научного буржуя с дочкой ты чем будешь кормить?

Евсей. Тем же, Игнат Никанорович. Он сам мне сказал, что сочувствует великой еде будущего и готов страдать за новую светлую пищу.

Щоев. А я что буду есть?

Евсей. Ты, Игнат Никанорович, совместно со мной будешь. Мы с тобой попробуем паек заграничного ученого — я у него для опыта всю пищу взял.

Щоев. Ты умен, Евсей!

Евсей. Ну еще бы! Надо ж всесторонне...

Гости бушуют за запертой дверью.

Щоев. Пускай едоков, Евсей. Алексей, заводи аккорды.

Алеша пускает шарманку: переводит рычаг — и приводной ремень, шлепая во все время игры сшивкой по шкиву, начинает вертеть шарманочный валик. Шарманка тихо, мелодично играет вальс «На сопках Маньчжурии». Евсей открывает дверь. Входят: Стерветсен под руку с дочерью и с ящиком, Клокотов, выдвинутая Евдокия, пять девушек-служащих, Петр Опорных под руку с женой, трое служащих мужчин с женами и представитель кооперированного населения Годовалов. Затем — пожарный в полном боевом обмундировании и в каске, который становится у дверей; наконец — милиционер.

Шарманка перестает играть. Стерветсен передает Евсею ящик с продуктами.

Евсей. Слушайте меня, товарищи гости! Разрешите мне вас за что-то поприветствовать! Давайте все обрадуемся сегодня...

Щоев. Останови, Евсей, свое слово! Я еще не высказывался...

Евсей. Да я, Игнат Никанорович, как говорится...

Щоев. Ты всегда поступай не как говорится, а как подразумевается... Слушайте меня, товарищи гости...

Гости сели было, потом все встают, кроме Стерветсена и его дочери, и слушают стоя.

Товарищи здешние и заграничные! Я хочу вам сказать что-то особенное, но отвык от счастья настроенья. Мучает меня тревога за сытость масс,.. Недоумение тоскует во мне... Ввиду же роста темпов аппетита масс перед нашей коопсистемой встала одна явная необходимость, а именно — преодолеть какую-то явную недооценку чего-то... Для сего нужно лишь проглотить пищу, а когда она попала в желудок — то пускай она там сама разбирается, пускай скучает или радуется. Нынче же мы должны испытать в глубине своих туловищ силу новой пищи, которую мы заготовили из самотечных природных матерьялов. Да здравствует пятилетка в четыре года.

Аплодисменты всех. Общее «ура». Люди прекращают аплодисменты, опускают руки, но аплодисменты не прекращаются, а усиливаются, превращаются в овацию. Повторяется, еще более громогласно, крик «ура!» металлического тона. Все гости испуганы. Алеша жмет рукой рукоятку одного деревянного грубого механизма (он виден отчасти зрителю), приводной ремень сверху вращает механизм — он аплодирует и кричит «ура». Алеша отжимает рукоятку — ремень останавливается, механизм затихает.

Щоев. Евсей!

Евсей. Алексей!

Алеша. Даю питание. (Переводит рычаг).

Грохот неведомого механизма. Затем — тихо. По столу на конвейере — медленно выплывает громадная деревянная чашка, над нею пар, вокруг чашки стоят прислоненные солидные деревянные ложки. Гости берут ложки.

Щоев. Музыка бодрящую, Алеша!

Алеша. Даю ее. Чего играть?

Щоев. Уважь, пожалуйста, заведи что-нибудь задушевное.

Гости едят. Щоев и Евсей сидят на трибуне. Евсей вынимает из ящика, доставленного Стерветсеном, отдельную пищу — колбасу, сыр и пр., — и ест ее со Щоевым на трибуне.

Опорных. Этта... Игнат Никанорович! Это что же, такие щи ты навеки учредил? Иль просто это одна кампания?

Щоев. Ешь, Петя, не будь оппортунистом.

Опорных. Мне что! Я только говорю... как то ее... у нас говядина и капуста есть в республике. Может, лучше б кушать нормальные щи! А то желудок разбухнет!

Евсей. Петя! Кушай молча, испытывайся.

Опорных. Да я молчу. Я сейчас думать буду для пробы...

Шарманка замолкает.

Щоев. Алеша! Угоди-ка нам вторичным блюдом. Дай для опыта кашку!

Алеша переводит рычаг. Грохот. Чашка со щами уползает. Грохот прекращается. Выплывает миска с кашей.

Годовалов (встает). Ото всех потребляющих членов, которые уполномочили меня думать за них, и еще...

Евсей. Мучиться за них душой, товарищ Годовалов...

Годовалов. И еще мучиться душой, я выражаю всеобщее гигантское чувство радости, а также энтузиазм...

Алеша включает автомат. Раздается гром аплодисментов. Годовалов садится. Все едят кашу.

Щоев. Ну как она, товарищи?

Серена. Папа! Это — саранча! Они едят вредителей.

Евсей. Верно, барышня. Мы вредителей прячем в себя.

Серена. Тогда вы будете вредным...

Годовалов. Каша приличная, Игнат Никанорович.

Первый служащий. Эти опыты имеют громадное воспитательное значение, товарищ

Щоев. Их надо устраивать каждую декаду.

Первая служащая. Ах, мне ужасно мило здесь. Я в первый раз вижу интервенцию.

Щоев. Эй, дура... Молчи, когда слов не знаешь. Сиди и чувствуй что-нибудь бесславно.

Первая служащая. Но мне чего-то хочется, Игнат Никанорович. Я вся полностью волнуюсь!..

Евсей. Поля!! Ты мамаше шепотом потом все расскажешь, а здесь ты для опыта...

Первая служащая. Ах, Евсей Иванович, мне так нравится наше учреждение... Я так что-то чувствую...

Стерветсен. Ничто не следует оставлять без испытания. Весь мир лишь эксперимент...

Щоев. Тише там глотайте! Дайте нам слушать научное!

Стерветсен. Я говорю: весь мир есть эксперимент божьих сил. Ты согласна, Серен?

Серена. Папа, разве бог тоже профессор? А зачем тогда ты?

Евсей (тихо Щоеву). Игнат Никанорович, это религиозная пропаганда!

Щоев. Пускай, Евсей. Им можно: они ненормальные... Алеша! Давай всю пищу на выбор!

Алеша переводит рычаг. Грохот. По конвейеру уплывает каша. Грохот утихает. Конвейер подает постепенно серию различных кушаний.

Вкушайте, товарищи, эти яства без остатка. У нас всего много — у нас одна шестая всего земного глобуса... Алеша! Организуй бутерброды!..

Алеша включает некий деревянный аппарат; в аппарате заранее заложена коврига хлеба. Аппарат режет хлеб на ломтики и эти ломтики автоматически мажутся каким-то белым веществом; затем готовые бутерброды сошвыриваются лапой аппарата на деревянное блюдо. Блюдо поступает на конвейер.

Стерветсен (разглядывает действие аппарата). Это изумительно, Серен. Это гигиена!

Серена. Папа мне нравится Алеша.

Щоев. Алексей! Сделай заграничной барышне что-нибудь любезное — ты ей нравишься!

Алеша подходит к Серене и целует ее, приподымая все ее тело с места.

Стерветсен. Это дико, Серен!

Серена (оправляясь). Ничего, папа, мне же не больно. Я должна ведь почувствовать Юнион Рашион Совет.

Щоев (Алеше, сурово). Не будь беспринципщиком, Алексей...

Серена (Алеше). Вы любите что-нибудь на свете или один коммунизм?

Алеша. Я люблю больше всего дирижабль. Я все думаю, как он взойдет над всею бедной землей, как заплачут все колхозники вверх лицом и я дам ревущую силу в моторы, весь в слезах классовой радости. Мы полетим против ветра надо всеми океанами, и мировой капитал сильно загорюет над летящими массами, под громадным туловищем науки и техники!..

Серена. Я вас слушаю... Но мне говорил в Москве ваш одинокий член — вы любите ударников и таких, какие трудятся догнать и перегнать.

Евсей. Он летун, ему лишь бы мчаться куда-нибудь, когда наши родные массы живут пешком...

Алеша (отвечая Серене). Ты не понимаешь, а он (на Евсея) — это как ваши. Он — не класс, он присмиренец.

Серена. Но дирижабль есть и в Европе.

Алеша. Ну и что ж!

Щоев. Там же дяляческие дирижабли!

Алеша (Серене). Ты не понимаешь, потому что буржуйка. Ты единоличница!.. Ты думаешь, что у тебя есть душа...

Серена. Да...

Алеша. Нету. А у нас будет дирижабль. Он пойдет над неимущим земным шаром, над Третьим Интернационалом, он спустится, и его потрогают руки всемирного пролетариата...

Щоев (Евсею). А я думал — он дурак.

Евсей. У нас ведь одни прямые, четкие были дураки, Игнат Никанорович. А он дурак наоборот.

Серена (Алеше). Вы действуете на меня как ландшафт, я чувствую грусть... как она у вас говорится... в своей кофте.

Стерветсен вынимает папиросы «Тройка!» и закуривает.

Папа, отчего мы с тобой единоличники?

Стерветсен. Серен, ты меня шокируешь!

Опорных (выпивая чашку уксуса). Пью за все державы, где... этта... пролетариат поднимает голову, увидя наш, как его, дирижабль!

Щоев (вставая, торжественно). За дирижабль революции, за всемирных пайщиков и... за все опубликованные в местной прессе лозунги — ура!

Все. Ура!

После возгласа внезапно настает тишина, но второй служащий кричит «ура» одиноким голосом, не замечая тишины.

Щоев (кричащему). Васька, не шокируйся!

Второй служащий враз утихает. Шум за стеной учреждения.

Алеша! Запусти бал!

Годовалов. Дайте хоть компотную воду-то допить...(Пьет компот из черепашки).

Опорных (Стерветсену). Угостите этим — как-то он? — вашим демпингом...

Стерветсен подает ему пачку «Тройки». Опорных берет три папиросы, двумя угощает соседей. Гости наспех доедают пищу, кроме Серены, которая беседует с Алексеем.

Щоев (задумчиво). Бал... Люблю я это веселое междуусобие человечества!

Один из гостей-служащих подходит к окну и открывает его. Врывается шум района и постепенно затихает. Три полудетских лица появляются в окне и глядят в учреждение. Гость-служащий равнодушно обдаёт те лица дымом, который выходит далее во мрак районной ночи.

Евсей (Стерветсену). Господин буржуазный ученый, может быть, у вас сложилось мнение о наших пищевых образцах — или не сложилось еще?

Стерветсен. Я говорил бы так, что оно складывается... По-вашему, это звучит, как самотек, или я отметаю недооценку?! Я скучаю без понятия...

Евсей. Ну ничего — ты ведь не марксист, мы тебя научим. Можно посмотреть твою самопишущую систему? Это импорт, что ли?

Стерветсен (подаёт Евсею самопишущую ручку). Рекомендую — это приличный автомат.

Евсей. Сама пишет?

Стерветсен. Нет, активности она не имеет. Следует вам думать — как называется? — единоличником...

Евсей. Ладно. А я ведь полагал, она сама что-нибудь соображает. А она у тебя оппортуника. Оставь для образца, Алешка ее обгонит.

Девочка (из окна). Дядь, дай кусочек!

Серена (Алеше). Отчего вам скучно на лице?

Алеша. Да все по социализму...

Серена. А это прелесть?

Алеша. Угроблю за вопрос! Иль не видишь?

Серена. Нет, я вижу только вас.

Девочка (из окна). Дядь, дай кусочек!

Другое существо (из населения за окном). Ну, хоть что-нибудь!

Позади всех, за окном, появляется лицо Мюд.

Щоев. Алеша! Давай нам часть неофициальную!..

Алеша переводит некий рычаг — и стол с остатками яств уползает прочь — в боковую прорву учреждения. Гости на ногах.

Голоса за окном. Нам хоть невкусное... Хоть мутного.

Чуждый мусорный голос (взрослого, за окном). Дозвольте жижку жевнуть! Я тоже был член.

Пожарный закрывает окно. Но извне открывается другое, соседнее окно — и те же лица глядят, в том же порядке, точно они не переменили места. Пожарный закрывает и это окно. Открывается опять прежнее окно — и те же лица, в неподвижном порядке.

Щоев. Евсей! Упорядочь население!.. Алеша, давай же нежное...

Алеша переводит приводной ремень на шарманке, и, хлопая шивкой по шкиву, ремень вращает шарманку; шарманка играет нежную музыку — вальс. Гости начинают двигаться в такт.

Евсей (в окно). Вы что уставились?

Голос девочки (за окном). Нам хочется вкусенького!

Чуждый мусорный голос. Дай, пожалуйста, я чего-нибудь проглочу!

Евсей. На, пей ради бога. (Дает кому-то за окном чашку с уксусом, оставшуюся на трибуне). Здесь ведь научный вечер — тут мучаются из-за вас, братец ты мой.

Человек выпивает за окном уксус и отдает чашку обратно.

Чуждый мусорный голос. Люблю жидкое...

Гости танцуют: Алеша с Сереной, Опорных (большого роста человек) с маленькой своей женой, Стерветсен с выдвигенкой Евдокией и т. д. Один Щоев сидит задумчиво на возвышенном месте.

Щоев. Уважаю я это наслажденье масс...

Евсей (приближаясь к Щоеву). Чего-то, Игнат Никанорович, я сейчас всех граждан полюбил!

Щоев. Все животные, Евсей, любят друг друга. Нужно иметь не любовь, а установку... (Более задумчиво). Установка... без нее давно лежал бы каждый навзничь.

Вальс продолжается. Опорных, прижимая к себе жену, блюет через ее голову в угловую урну и не останавливает своего вежливого супружеского танца; жена не замечает этого факта.

Мюд (за окном). Алеша! Возьми нас туда!

Алеша не слышит, танцует с Сереной, которая уже вся побелела лицом и скорее корчится, чем танцует, Стерветсен вдруг припадает к роялю, побледнев. Евсей хватает урну и почтительно держит ее перед ртом Стерветсена.

За окном стоит Мюд, и рядом с ней появилось лицо Кузьмы, лежащее подбородком на подоконнике. Других людей никого нет; ясно видна районная ночь.

Стерветсен. Благодарю. Пища не вышла, она усвоилась вглубь.

Евсей. Если даже вас не вырвало, то наше население сроду не заблюет...

Первая служащая среди танца начинает извиваться телом, ее челюсти и горло сводятся в судорогах, ее мучит тошнотворное чувство, — она движется почти в припадке, вся трепещет от желудочного страдания. С ее кавалером-служащим совершается то же самое.

Первая служащая. Ах, я так в общем и целом довольна, но я больше не могу... я не в силах... из меня выходит вся душа...

Стерветсен. Продайте ее мне, мадемуазель...

Всех остальных танцующих также сводит рвотная судорога, но танец все же продолжается; одичавшие тела в мучении обнимают друг друга, но напор желудочного вещества давит им в горло, и танцующие откидываются один от другого. Музыка утихает.

Кузьма (из-за окна запекает).

...Высоко в небе ясном...

Мюд (жалобным голосом продолжает песню из окна).

...Вьется алый стяг...

Серена (еле двигаясь в танце изнемогающим телом, говорит печально Алеше). Ах, мне так грустно в животе!

Алеша. Что у тебя — душа с телом расстается? Серена (судорожно наклоняется и плюет в платок). Рассталась уже!

Музыка замолкла вовсе. Гости расселись по сторонам и корчатся на стульях от желудочных чувств. Серена сразу после факта с платком меняется, веселеет и танцует одна.

Серена (отцу). Папочка, я теперь хочу фоксик!

Стерветсен садится к роялю и начинает играть медленный пессимистический фокстрот.

(Двигается и поет).

Бедный мой маленький парень,
Далекий, погибший матрос,
Вернись еще раз на прощанье,
Ты слышишь — плачет наш фокс...

(Грустно, Алеше). Где у вас есть большевистская душа?.. Европа ведь скучает без нее и плачет...

Алеша. Буржуазия должна плакать без отдыха. Ей хорошо теперь поплакаться!

Серена. Ах, Алеша, большевизм такой милый, у вас так весело и трудно!.. Обнимите меня с вашим большевистским мужеством...

Алеша (отстраняя Серену). Неинтересно: ты буржуйка...

Опорных. Этта... Как-то она?! Игнат Никанорыч, можно меня вырвет — во мне добавок остался...

Годовалов (умоляюще). Игнат Никанорович, я только один переедок вышвырну изо рта — я пищи перехватил...

Первая служащая. Товарищ Щоев, разрешите мне быть сейчас выходной. Я уже была рада весь вечер!

Щоев. Умолкните! Приучайте себя к выдержке — вы откроете новую эпоху светлой еды. Весь мир развивается благодаря терпежу и мучению. (Задумчиво). Терпеж! Вот причина для движенья времени куда-то!

Евсей (гостям). Довольно вам притворяться!..

Кузьма за окном плачет: по железному лицу сочится какая-то влага.

Мюд (из-за окна). Алеша, возьми нас к себе, нам скучно. Здесь природа-фашистка дует в меня, а Кузя плачет.

Алеша (спохватывается). Мюд! (Втаскивает ее в окно, затем Кузьму — Кузьма бурчит).

Гости все поворачиваются лицами к стене; их томит тошнотворность. Кузьма ест остатки пищи с канцелярского инвентаря. Бьют часы на башне в районе.

Серена. Папа, где же у них надстройка?

Стерветсен (Щоеву). Господин шеф! Мы бы весьма желали, вы обрадуете всю пан-Европу, если отпустите нам горячий дух из вашей государственной надстройки!

Кузьма уходит в уборную.

Серена. Или хотя продали установку... Папа, она дешевле!

Щоев (задумчиво). Наш дух энтузиазма хотите себе заготовить?!

Евсей (Щоеву). Отпускайте его, Игнат Никанорович, без нормы. Нам тара нужна, а не дух.

Щоев. Что ж! Установок на энтузиазм у нас много, почти что затоваривание получилось...

Слышно, как Кузьма рыгает в уборной чугунным звуком и гости — после Кузьмы — одновременно делают то же самое.

Щоев (обращает внимание на гостей). Ступайте прочь спать: завтра служебный день.

Гости исчезают. Остаются: Щоев, Евсей, Стерветсен, Серена, Мюд, Алеша, пожарный, милиционер.

(Продолжает). Что ж, установочки идеологические наши мы можем вам отгрузить, но только за валюту!

Взрыв коллективной тошноты за сценой.

Евсей. Налопались, уроды!.. Брешут — привыкнут!
Милиционер и пожарный (улыбаясь). У них выдержки нет!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сцена в прежнем оборудовании. На лавке спит Мюд, обняв Кузьму. Евсей дремлет на стуле. На конторке спит Серена, Щоев, Алеша и Стерветсен бодрствуют за столом. В открытое окно видны звезды над районом.

Щоев. Дешево даете, господин буржуазный ученый. Будь бы это продукт не скоропортящийся иль заготовительная цена его была подходящая, а то ведь — нет! Ты знаешь, где у нас установки хранятся?

Стерветсен. Не имею такого факта, товарищ шеф.

Щоев. А раз не имеешь понятия, то и не торгуйся... Что тебе — в амбаре, что ли, иль в буртах мы надстройки сваливаем?! Что тебе — нанял сторожа, что ль, по первому разряду тарифной сетки, плати ему двадцать четыре, купи валенки на зиму — и всё!? Ишь ты какой, интервент, дьявол!..

Кузьма (во сне). Пап-па римский... Ххады...

Щоев. Ты прав, Кузьма, на все сто с лишним. Ты, господин агент буржуазии...

Стерветсен. Я не агент, я культурная личность Европы.

Щоев. Это все едино, личности у вас нет, раз ты в нашу периферию приехал. Личность теперь я... А ты считай дальше — во сколько нам обходятся одни складочные расходы на каждую идею! Считай: складываем мы ее в миллионы выдержанных личностей, каждую личность надо, не говоря уж кормить, — надо ее страховать, беречь от разложения, прорабатывать, чтоб в ней воздух не сперся и установка не протухла, — это ж нежнейший товар, господин научный, а не гриб!

Евсей (со сна). А с грибом, Игнат Никанорович, иль мало было хлопот?!

Щоев. Далее посчитай постройку каждой установки!..

Стерветсен. Разве ваша душа делается как промышленность?..

Щоев. Надстройка же она, дурак! Надстройка над отношением вещества!! Конечно, она у нас делается! В нашем райпотребсоюзе одну идеологическую резолюцию три года прорабатывали: сорок тысяч пайщиков были привлечены на ноги для выяснения принципиальной установки. Четырнадцать массовых кампаний было проведено! Тридцать семь человек старших инструкторов были брошены в гущу нашего членства на полтора года! Двести четырнадцать заседаний с числом присутствующих душ-едоков в семь тысяч штук! Да плюс сюда еще общие собрания, где скоплялись в итоге миллионы!.. Вот во что обходится нам строительство одной только установки! А ты хочешь всю надстройку купить!! У тебя всей Европы на один ее транспорт не хватит! А тара у тебя где? У вас же нет подходящей международной личности...

Кузьма. Пап-па римский...

Щоев. Он, Кузьма, не годится. Это жалкий оппортунист-схематик. (Задумчиво). Схематик! Гнусный упрощенец линии Иисуса Христа, и больше нет ничего.

Алеша. Товарищ Щоев, давай я им свезу. У меня внутри много революционности лежит! Я чувю все вперед будущего, я весь томлюсь от скуки заграничного капитализма!

Стерветсен. Я не понимаю... Я кормлюсь пищей, но живу душой. У нас на Западе тихо стало в сердце, а у вас она... ударник в радость и в грудь. Бедная интеллигенция желает вашу душу. Мы просим подешевле, у нас кризис и так грустно в уме...

Щоев. Сочувствую. Но что ж с тобой делать, когда ты нищий?! У нас ведь контроль рублем, братец ты мой!

Кузьма. С капитализмом нужно соглашение...

Алеша. Лежи, Кузьма, лучше молча, раз я тебя устроил.

Мюд (со сна). Не буди меня, Кузя. У меня виден сон.

Щоев. Знаю, Кузьма, что нужно. Неохота, да приходится. Он, интервент, черт, никак ведь не понимает, что у нас идет строительство сознательных гигантов — резолюций. А хочет купить их за ничто. Нам весь Кузбасс дешевле и скорее обойдется, чем проработка нашего устава!.. Евсей!

Евсей (со сна). Э?

Щоев. Во сколько нам обошлось строительство нашего районного устава?

Евсей. Сейчас, Игнат Никанорович! Э-э, по исполнительной смете номер сорок восемь дробь одиннадцать — сорок тысяч с копейками, не считая затраты на живую силу собраний...

Щоев (Стерветсену). Ну вот видишь! А ты хочешь установку купить! Купи лучше директивку — по дешевке отгружу...

Стерветсен. А можно? Там есть ваш энтузиазм?

Щоев. Браком не торгуем! Ваша товарная буржуазия на нас не жалуется.

Стерветсен. А сколько вам нужно средств?

Щоев. Евсей!

Евсей (в дремоте). Э?

Щоев. За сколько мы с тобой сумеем директивку отпустить — со всеми нашими наценками?

Евсей. По тридцать семь рублей за штуку, Игнат Никанорович! Стоимость костюма среднего интеллигентного покроя...

Стерветсен. Костюмы у меня есть!..

Евсей. Давай!

Алеша (Евсею). С него не бери. Лучше я тебе свои штаны с рубашкой отдам!

Евсей. Сиди в своих портках. Твой материал не валютный.

Алеша. Я вас побью вручную, чертей!.. Товарищ хочет в нашу идею окунуться, а вы...

Евсей. А мы его раздеваем, чтоб он окунулся и обмылся!

Щоев. Алеша! Успокой свою психологию, здесь не частное заведение.

Стерветсен. Серен!

Серен. Ие?

Стерветсен. Где наш гардероб?

Серена. Сейчас, папа! (Поднимается и идет в угол, где два чемодана).

Евсей оперирует в чемоданах вместе с ней.

Алеша (Щоеву). Вы не идею, вы бюрократизм за деньги продаете — я партии скажу!

Щоев. Ты прав на все проценты. Пускай бюрократизм в буржуазию идет — пускай она почешется. (Задумчиво). Бюрократизм... Двинем его на капитализм — и фашистам конец. А то они нашего деревянного леса испугались, упрощенцы, черти! Пусть бы радовались, что мы им живую древесину отпускаем, а то наделаем из дерева бумагу, а из бумаги оформим душу — и пустим к ним ее: пускай тогда плачут...

Евсей тем временем сбросил с себя штаны и ватную куртку и переоделся в заграничный костюм.

Евсей (берет папку с бумагами, дает одну бумажку Стерветсену, открывает место в папке). Распишитесь в получении.

Стерветсен (расписывается и берет бумагу, потом читает). «Циркулярно. О принципах самовозбуждения энтузиазма». Это мы любим. Отпустите еще нам вашего настроения.

Евсей. Можно, Игнат Никанорович, там кофта для твоей бабы есть...

Щоев. Возьми Евсей. Баба тоже существо.

Евсей вынимает из чемодана цветную кофту, швыряет ее на стол Щоева. Стерветсен снова расписывается и получает бумагу.

Стерветсен (читает). «Частичные примечания к уставу о культработе». Очень рад!

Щоев. Ну вот. Учись, чувствуй и станешь приличным классовым человеком.

Стерветсен. Спасибо.

Кузьма (привстав, вынимает изнутри себя бумажку, что дал ему кольцевой почтальон, и подает ее Стерветсену). На!

Стерветсен (беря документ). Благодарю вас...

Кузьма. Дай, ххад...

Стерветсен. Пожалуйста, прощу вас. (Подносит Кузьме открытый маленький чемодан).

Кузьма берет цветную жилетку, брюки и успокаивается.

Алеша (Щоеву). Отчего, товарищ Щоев, я гляжу на тебя, на всех почти людей, и у меня сердце болит?!

Щоев. Невыдержанное еще, вот и болит!

Кузьма. Покоя нету... Эклектики...

Щоев. Вот именно, Кузьма, что покоя нету... Я ночей не сплю, а мне говорят — у тебя темпов мало. Я нежности из надстройки хочу, а мне сообщают — радуйся сам по себе... Я скучаю, Кузьма!

Кузьма. В будущее рвутся... Х-хады...

Мюд шевелится и открывает глаза.

Щоев. Рвутся, Кузьма!.. О господи, господи, хоть бы ты был, что ли!

Евсей (роется в чемоданах). Тут еще есть добро, Игнат Никанорович! Может установочку продадим на валютный товар?..

Щоев. Продадим, Евсей... Мы ведь и без установки простоим. А свалимся, так будем лежа жить... Эх, хорошо бы лежа теперь пожить.

Алеша. Продавайте уж сразу всю надстройку! Нам не жалко — у нас вырастет душа из остатков!

Щоев. Ты прав, Алексей. А где ее взять — надстройку, чтобы по накладной одно место поучилось?

Алеша. Она вся в тебе целиком, товарищ Щоев! Ты же самый четкий человек в районе!.. А у нас надстройки нету — мы нижняя масса, ты сам говорил!

Щоев. Да пожалуй что!.. Я ведь все время чувствую что-то величайшее, только говорю не то.

Стерветсен. Нам и нужно ваше чувство!

Мюд. Алеша, продай Щоева, он сволочь социализма.

Алеша (тихо). Я давно все чую, Мюд. Лежи пока во сне.

Щоев. А то и правда, Евсей, — продать свою душу ради Эсесер?! Эх, погублю я себя для социализма — пускай он доволен будет, пускай меня малолетние помнят!.. Эх, Евсей, охота мне погибнуть — заплачет надо мною тогда весь международный пролетариат!.. Печальная музыка раздастся во всей Европе и в прочем мире... Съест ведь стерва-буржуазия душу пролетария за валюту!

Евсей. Съест, Игнат Никанорович, и энтузиазм украдет. А весь Эсесер останется без тебя круглой сиротой, и что нам тогда делать, кто нас возглавит без тебя!.. (Искажает лицо для плача, но слезы у него течь не могут, и он надевает в тоске пенсне из кармана заграничного костюма, в который уже оделся, из чемодана Стерветсена).

Щоев. Да, пожалуй, что ты прав, Евсей!.. Обдумай это и доложи впоследствии...

Алеша. Нечего обдумывать. Торгуйся подороже с буржуазией за все свое туловище, в котором дрожит твоя идеологическая душа!.. Или ты республику разлюбил, сволочь?!

Стерветсен (Щоеву). Ну, пожалуйста, я прошу... Если бы вы надстройка... психея радости... то я прошу воодушевить Европу всем сердцем вашей культуры. Едемте в наш свет!

Щоев. Возглавить вас, что ль?

Стерветсен. Вы сообщаете верно. Нам нужно ваше полное мероприятие культуры.

Серена испуганно, неразборчиво бормочет во сне по-французски.

Щоев. Пугается барышня чего-то!

Евсей. Установки нету, вот и боится. Классовое сознание разлагается...

Алеша. Поезжай, товарищ Щоев! Проси миллион!

Щоев. Я несколько дороже этой суммы. Как, Евсей?

Евсей. Я озадачился и все обдумал: Игнат Никанорыч, как наша возглавляющая надстройка, должен остаться в Эсесере, потому что Эсесер дороже всей прочей гнусной суши...

Щоев. Ты прав, Евсей!!

Алеша. Ехайте оба на другой свет — вы нам дешевле всех...

Евсей. Обожди, Алеша, перегибать... Я полагаю, что мы быстро найдем подходящую идейную личность среди наших пайщиков. Пусть она поедет в фашизм и даст ему надлежащее настроенье. Нам это пустяки — им хочется одного духа, а он — ничто. Нам его девать некуда — нам нужен один материализм!

Щоев. Опорных, что ль, отпустить?

Евсей. Петьку-то? Он дурак, он нам самим дорог...

Щоев. Ну, Годовалова.

Евсей. Невыдержанный человек. Все время рад чему-то.

Щоев. Может — бабу?

Евсей. Цену снизят, Игнат Никанорович.

Серена (во сне). Ах, папа, папа, я так люблю советского Алешу и не могу проснуться от нашей грусти.

Стерветсен. Спи, наша девочка!

Серена. Но папа, это бывает так же редко, как жизнь, — один раз.

Евсей. Ну, нашла себе дура установку!

Щоев. Ну кого же с духовным грузом-то послать?

Кузьма. Тихий разумный элемент...

Щоев (на Кузьму). Он мыслит, почти как я. Пошлем тихий разумный элемент.

Евсей. Ложитесь пока отдыхать, Игнат Никанорыч. А завтра мы соберем пайщиков и назначим торги на лучшую идеологичность. И пошлем какой-нибудь некий элемент!

Щоев. Ты умен, Евсей! До свиданья, господин буржуазный ученый. Прощай, Кузьма!

Кузьма. Спи, актив!..

Щоев. Кузьма, ты живой, что ли?

Кузьма. Да. Почти что... как ты...

Мюд. Алеша, я вижу во сне одних буржуев и подкулачников. Только мы с тобой — нет!

Алеша. Бей их, Мюд, и во сне!.. Где они?!

Евсей. Граждане, прошу спокойно. Здесь идет социалистическое строительство. Дайте мне возможность запродать профессору наши установки!..

Мюд (сталкивая Кузьму на пол). Иди от меня, оппортунист! Ты за них стоишь!

Кузьма брякается на пол. В районе бьют часы.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

То же самое учреждение, но опустелое, лишенное механических устройств. Идет собрание пайщиков. Присутствуют все люди, которые были на балу кушаний, плюс еще человек десять разных личностей. Трибуна. На трибуне Щоев и Евсей. Они, как и Опорных, Годовалов, Клокотов, — в заграничных костюмах; Щоев, кроме того, в роговых очках. Евсей в пенсне. Кузьма — в заграничной жилетке, в брюках — вид совершенно человеческий. Наоборот, Стерветсен и Серена одеты теперь совсем плохо: профессор в пиджак-кацавейку желто-тифозного цвета, в ватные штаны ополченческого образца, в картуз; его дочь — в ситцевый кухарочный капот, на голове ее — уездный полшалонок. К моменту начала этого действия собрание уже давно идет. Шум.

Щоев (курит сигару; задумчиво, в наставшей вдруг тишине). Никого нету. Все выдержаны, у всех внутри бушует что-то светлое, а всё — явно недостаточно. Петя, как у тебя дело с душой?

Опорных. Да всё, Игнат Никанорыч, — как-то ее? — прилично. И еще... эт-та... мне хорошо!

Щоев. А ты что полагаешь, Годовалов?

Годовалов. А я же рад, Игнат Никанорыч, я не понимаю.

Евсей. Может, девчонку Мюд отослать?

Щоев. И то, Евсей. Девчонка!! Ты как настроена?

Мюд. Я определенно против.

Щоев. Чего — против?

Мюд. Против тебя. Ты потому что сволочь, аллилуйщик, право-левый элемент, ты замучил всю местную массу, у тебя тары нету, ты гад бедного класса, ты вот что такое!.. Алеша, мне скучно здесь, я вся плачу... Идем отсюда в социализм!

Алеша. погоди, Мюд. Я еще зажгу в них энтузиазм! Или — потушу их навеки!

Мюд. Лучше потуши их навеки. А то я слышу по ночам, как гремят вдалеке молотки и колеса, и еще гвозди! У меня так тогда сердце болит, Алеша, что мы с тобой не там!.. Я хочу ударничества, Алеша, и чтоб было скучно от трудности!

Кузьма. Голосуй единогласно... Внедряй!..

Щоев. Нечего, Кузьма. Не пришли еще к мнению...

Годовалов. Игнат Никанорыч, ты Евсея Ивановича продай буржуазии — дюже дорог человек!

Евсей. Вася! Молчи, пока я тебя не переизбрал!

Первая служащая. Игнат Никанорович! Меня командируйте... Я в культэстафете была, во мне ведь давно скрывается роскошное обаяние духа — только я не говорила!.. Я безумно люблю соревнование с Европой!..

Щоев (задумчиво). Эх, женщины, женщины, отчего вы толстые снизу, а не сверху?! Евсей, думай же что-нибудь ради бога — ты видишь: я томлюсь.

Евсей. А я уже выдумал, Игнат Никанорыч! Мы Кузьму отправим!

Щоев. Как, Евсей? Он же одна идея!

Евсей. А мы же и продаем, Игнат Никанорович, одну идею! Надстройка же! Пустяк над базой! А Кузьма человек твердый, выдержанный, разумный почти что!

Мюд. Пускай, Алеша, продают. Мне Кузю ничуть не жалко. Мне жалко пятилетку в четыре года.

Серена. Папа, пусть они дадут нам Алешу! Он есть надстройка!

Мюд (бросается на Серену). Ты дурочка капитализма! Алеша всю вашу Европу расстроит — вот что!

Серена. Ах, я уже расстроена...

Щоев. Кузьма! Мы тебя отправляем в буржуазию, как груз, а ты будешь там как идеология ихней культуры!.. Ты живым-то можешь быть?

Кузьма. Не могу жить!.. Ххады...

Щоев. Что с тобой?

Кузьма. Не хочу жить, а то ошибусь... хочу остаться железным...

Щоев. Печальный элемент!

Евсей. Он боится твердость потерять, Игнат Никанорович. Боится в беспочвенный энтузиазм впасть и сползти со своих убеждений в уклон. Он — разумный элемент.

Кузьма. Боюсь скатиться с установки... Живые — рады энтузиазму и мучаются, а я сомневаюсь и покоен. Никого нету, ххады. Один товарищ Угланов Михаил Палыч!

Щоев. Он действительно разумный элемент.

Серена (указывая на Кузьму). Кто это?

Алеша. Он стал буржуазным угожденцем.

Серена. Ударник?

Алеша. По нас бьет. Мы его нарочно выдумали — для проведения воспитательной работы...

Мюд. Кузя — сволочь... Он оппортунист...

Опорных. Этта... Как-то она самая?

Один из пайщиков. Игнат Никанорыч, разрешите мне поехать разложить Европу!

Опорных. Этта... Может, Игнат Никанорыч, мы здесь только не подходящи для идеологичности, а там опомнимся?

Стерветсен. Я с приветом извиняюсь... Но если для вас такая продажа приносит дефицит...

Евсей. Верно, ученый. Нам твоя цена убыточна. Набавь какую-нибудь толику!

Стерветсен. Мы почти согласны...

Щоев. Ты правильно учел, Евсей. Пускай в набавку идет он сам. Закрепи его до конца пятилетки, как научный кадр.

Евсей. Скроется, Игнат Никанорыч!

Щоев. А мы его — вот что... Мы подписку возьмем...

Годовалов. Женить его, и больше ничего. У нас Евдокия без нагрузки ходит. Пусть он Евдокию полюбит...

Щоев. Евдокия!

Выходит из массы Евдокия.

(Указывая на Стерветсена). Можешь полюбить иностранного мужика?

Евдокия. Да то будто нет, что ли!?

Щоев (Стерветсену). Вот твоя особа, протерпи с ней года два, тогда я вас разведу. Поцелуйтесь теперь!

Евдокия первая обхватывает и целует Стерветсена.

Евсей. А как же дочка, Игнат Никанорыч? Дочка заскучает ведь!

Щоев. Сейчас... Алешка, обнимай барышню-буржуйку. Полюби ее ради общего дела.

Серена хочет приблизиться к Алеше.

Алеша (вскакивая на трибуну). Я поеду к буржуям! Во мне все время бушует идейная душа... (Стерветсену). Что вы дадите Эсесеру за нашу надстройку?

Евсей. Сколько нам заплатите наличными за производство революции?

Серена. Дирижабль, Алеша!

Алеша (счастливый). Дирижабль!!! На нем высоко взойдет пролетариат над всею бедняцкой землей!.. Я согласен сгореть в Европе за такую машину!

Стерветсен. Но я не понимаю...

Серена. Папа, Алеша меня любит...

Опорных. Как то есть ее?! Нам дирижабль в виде тары нужен! У нас кадешек нету!

Годовалов. Я б вынес мнение — купить заново гуже-транспорт.

Один из пайщиков. На что нам идея? Мы уж давно все осознали. Всемирный вопрос — пустяк.

Мюд. А я, Алеша? А я с кем останусь? Я умру от оппортунизма...

Алеша. Ничего, Мюд. Я сейчас его ликвидирую. Кузьма?

Кузьма (из гущи собрания): Э?..

Алеша. Хочешь кончиться навеки?

Кузьма. Покоя хочу. Мертвые угождают всем.

Алеша выводит Кузьму из собрания наперед. Вынимает из кармана разводной ключ, отвертку и прочие инструменты. Отвинчивает Кузьме голову и швыряет ее прочь.

Опорных. Этта... Я головку ту возьму — можно чашку для щей сделать... (Берет себе голову Кузьмы).

Алеша извлекает из груди Кузьмы примус, радиоаппаратуру и прочие немудрые предметы. Затем разывает все туловище на несколько частей — элементы Кузьмы с грохотом падают на землю и сыплются пятаки; из глублины же погибшего железного тела вырывается облако желтого дыма. На полу остается куча железного лома. Все следят за облаком рассеивающегося желтого дыма.

Мюд (глядя на дым). Алеша, это что?

Алеша. Отработанный газ. Оппортунизм.

Мюд (меланхолично). Пускай пропадает. Им дышать все равно нельзя.

Стерветсен. Я сожалею о кончине гражданина Кузьмы. Мы в Европе нуждаемся в железном духе.

Клокотов выходит с мешком и складывает туда остатки Кузьмы.

Алеша. Не скучай, ученый человек. Я из тебя тоже могу железку сделать.

Стерветсен. Я далеко не возражаю.

Щоев. Опорных! Петя!

Опорных. Я вот он, Игнат Никанорыч!

Щоев. Прими и сдай Кузьму в райутиль в счет нашего плана.

Опорных. Сычас, Игнат Никанорыч... (Бросается по служебному делу).

Щоев (Алеше). А ты что же — оппортунистов выдумываешь, товарищ дорогой? Массу хочешь испортить?

Алеша. Да я, товарищ Щоев... Я нечаянно... Я хотел героя сделать, а он сломался...

Щоев. Сломался?! Мало ли что сломался! Подавай теперь заявление, что ты осознал свою ошибку. Но заявление свое считай явно недостаточным, а себя признай классовым врагом...

Евсей. Да, да... Ишь ты какой! Герой сломался! Разве герой может сломаться?

Алеша горестно наклоняет голову.

Мюд. Не плачь, Алеша. Ты зажмурь глаза, а я поведу тебя в социализм как слепого. И мы будем опять одни с тобой петь в колхозах о пятилетке, об ударниках — обо всем, что лежит на сердце.

Алеша. Нет... Я оппортуниста сделал. У меня душа теперь печально болит.
Евсей. Заявление подай. Пиши, что чувствуешь немалую тоску.
Щоев. Осознайся, полегчает.
Один из пайщиков. Смерть предателю интересов нашей прослойки!
Первая служащая. Ах, это ужас!.. Этот неофициальный музыкант оказался примиренцем, он нашу идеологию упростил!.. Вы понимаете?

Разговор среди собрания:

— Кошмар!.. Я говорил, что интервенция будет...
— Документы! Документы проверьте!.. Хватай его за документ!
— Окружите их несокрушимым единством рядов!
— Это формальное заблуждение — он должен отречься от своего безобразия!..
— Дайте ему плюху, кто поближе!
— Он вредитель, он классовый аппарат хочет сломать!..
— Фашист! Дайте мне прорваться к нему! Дайте мне лицо классового врага!
— Ах, в нас бушует высшая ненависть! И главное — в общей груди!
— Потеха, едрена мать!
— Интересно теперь жить в учреждении! Прямо весь дрожишь от чувств!
— Членов арткружка — прошу ко мне!
— Серен, что здесь такое? Я опять в недоразумении...
— Ах, папа, здесь самотек интриги!..
— Этта... как-то ее... Алешка — ты сволочь!
— А я, знаете, все время, все время, даже когда мне аборт делали, — все время чувствовала, что у нас на службе что-то неблагополучное... Я даже доктору при операции это говорила... Я сама удивляюсь!
— Ух, люблю я эти опасности!
— Вы же милый человек. Вы на подлость только по отношению к женщине способны.
— Конечно же, не по отношению к государству!
— Учредить порочное предприятие для изменников!
— А-а, давай-давай-давай погорячей!.. Потеха, сукины сыны!
— Теперь, товарищи, нам нужно сплачиваться!
— Следите друг за другом!
— Не доверяй себе никто!
— Считаю себя для пользы службы вредителем!
— Карайте сами себя в выходные дни!
— Больше мученья, больше угрызений совести, больше тоски за свой класс, товарищи!
— На высокую ступень!
— Ура!..

Алеша стоит, окруженный всеобщей враждой: он тоскует и растерян. Он не знает, как ему дальше жить.

Щоев. Умолкни, стихия!..

Наступает тишина.

Достаточно будет, если человек письменно раскается в сердечном заблуждении.

Евсей. Нам важно получить от него документ по форме, и больше ничего. Согласно документа он исправится механически!

Щоев. Ты прав, Евсей! (Задумчиво). Документ!.. Сколько задумчивости в одном слове! Венчая память мыслям человечества!

Алеша. Я был единоличный талант...

Евсей. Ты дар божий, а бога нет...

Алеша. Отчего я не стал железным! Я был бы верен вам навсегда!

Евсей. Твердости нет, нежность тебя замучила.

Алеша. Вы правы кругом! А я ничто, меня больше нет на этом организованном свете.

Евсей. Дисциплинки не хватило, установочка расшаталась.

Алеша. Я думал что попало, я некультурный, у меня чувства бродили без русла, и я часто плакал даже от одной грустной музыки...

Щоев. Ты выдумывал без руководства, и твои предметы работали наоборот. Где ты раньше был — я б возглавил тебя!

Алеша. Я сознаю себя ошибочником, двурушником, присмирением, и еще механистом... Но не верьте мне... Может быть, я есть маска классового врага! А вы думаете редко и четко, вы — умнейшие члены! А я полагал про вас что-то скучное, что вы плететесь в волне самотека, что бы бюрократическое отродье, сволочь, кулачская агентура, фашизм. Теперь я вижу, что был оппортунистом, и мне делается печально на уме...

Мюд. Алеша! Я одна теперь осталась! (Отворачивается ото всех и закрывает лицо руками).

Щоев. Ничего, Алексей, мы тебя образуем!

Серена. Папа, что здесь такое?.. Алеша, не бойтесь!

Стерветсен (Щоеву и Евсею). Я отказываюсь от сделки на эту (указывая на Алешу) психологию. Это брак, а не надлежащая надстройка. Нам полезны лишь горячие, беззаветные герои! Я отмечаю этот брак!

Евсей. Ввел ты нас в убыток, Алешка!

Алексей. Я жалкий заблужденец, а вы вожди...

Щоев. Это нам достаточно известно. Мы руководим и подытоживаем.

Мюд. Зачем ты такой, Алеша?!

Алеша. Я присмиряюсь под фактом, Мюд.

Мюд. Зачем ты испугался этой гнусной прослойки? Ведь я осиротею без тебя. Я не подниму одна шарманку и не дойду по такой жаре до социализма!.. Алеша, товарищ Алеша!..

Алеша плачет. Все молчат.

Щоев. У него нежность наружу выползает. Не сберег, стервец, до будущего.

Мюд вынимает из кофты револьвер. Направляет дуло на Щоева и Евсея.

Мюд. Кончайтесь!

Евсей сразу, безмолвно и обильно плачет: все лицо покрывается текущей влагой. Щоев глядит на Евсея и Мюд с неверием.

Опорных. Этта... Евсей Иванович, разве у тебя слезы? Ты ж плакать сроду не мог!

Мюд. Кончайтесь! Вы социализм будете мучить!.. Лучше я вас замучаю!

Щоев. Сейчас, товарищ женщина. Дай бумажку — я заявление напишу, что отрекаюсь от ошибок...

Евсей (ничтожно, детским голосом). У нас чернила нету, Игнат Никанорович. Попроси гражданку девушку обождать. Мы ей расписку дадим, что согласны кончатся...

Щоев. Печального хочу. Алеша, сыграй нам марш...

Мюд. Скорее. У меня рука утомилась.

Щоев. Евсей, поддержи руку гражданке.

Евсей бросается к Мюд. Мюд стреляет в него. Евсей падает и лежит неподвижно. Мюд направляет револьвер на Щоева. Собрание инстинктивно делает шаг в сторону Мюд.

Мюд. Спокойно. У нас некогда могилы рыть!

Собрание замирает.

Щоев. От лица пайщиков выражаю благодарность товарищу женщине за смерть этого (указывает на Евсея) тайного гада...

Мюд (Щоеву). Я тебе слова не давала.

Щоев. Извиняюсь. Но разрешите мне тогда попечалиться... Алеша, отпусти мне, пожалуйста, что-нибудь из музыкального напева!

Опорных. Сейчас, Игнат Никанорович! Где она — эта, как-то ее? (Исчезает вон, появляется с шарманкой; подносит ее к Алеше). Пожалуйста — ради бога.

Евсей (лежа). Чтой-то, Игнат Никанорыч, не кончусь никак.

Щоев. А ты, Евсей, помаленьку. Ты не спеши — как-нибудь управишься. Тебе что: помирать неохота?

Евсей. Да ведь раз я гад, то приходится, Игнат Никанорыч. Смотрите, только не скучайте без меня.

Щоев. Не будем, Евсей. Алеша, заведи нам что-то мотивное.

Алеша начинает тихо вертеть музыку. Музыка играет скорбящую песенку, затем несколько стихает и играет еле слышно.

Опять мне жалостно что-то! Гражданка, дай мне хоть заявление написать, что я всему сочувствую.

Евсей шумно вздыхает на полу.

Первая служащая. Евсей Иванович вздыхает.

Евсей. Предупреждаю — без меня в строительстве будет прорыв...

Опорных. Как-то его?! Убит, а сочувствует...

Мюд. Рука уморилась, Сейчас стрельну.

Алеша (запевает под мотив своей музыки).

По трудной веселой дороге

Идем мы, босые, пешком...

Мюд. Другую, Алеша, другую, гад! Тебе теперь не трудно и не весело. Вот эту...

Музыка смолкает.

(Опускает револьвер и поет одна в совершенной тишине).

Кто отопрет мне двери,

Чужие птицы, звери?!

И где ты, мой товарищ,

Увы — не знаю я!

Евсей (с пола). Можно я буду твоим товарищем?.. Я ударником стану, в энтузиасты запишусь, весь век буду усердие иметь!.. Тару организую!

Собрание входит в песню и поет под шарманку:

«И где ты, мой товарищ,

Увы — не знаю я!»

Щоев (плачет сквозь роговые очки). Кончиться хочу...

Шум птиц, шум потоков воды — вдалеке, вне учреждения. Триск мотоцикла. Вбегает агент совхоза.

Агент совхоза. Мобилизуйте мне массы поскорее! Я птиц и рыб гоню обратно в экономию!.. Вы что такое?

Щоев. Не бойся трудностей, товарищ, — гони один.

Агент совхоза. А?

Евсей. Можно, я загоню? Меня животные боятся.

Мюд. Беги...

Евсей, бодро вскочив, убегает. Агент также скрывается следом.

Опорных. Убитые еще лучше стараются. Вот это — как-то ее? — установка!

Стерветсен. Граждане района, я поражен наличием вашего духа!.. Я высоко оценил вашу проходную девушку Мюд!

Щоев. Что ж ты меня не убиваешь, девчонка?! Тварь маломощная! Мужества испугалась? (Задумчиво). Мужества!.. Люблю я свою личность за качество!.. Бей, душегубка!

Мюд. А я уже расхотела. Я перегибщицей боюсь стать.

Серена. Папа, ты не купишь теперь Алешу?

Стерветсен. Нет, он разложился, Серен...

Собрание постепенно укладывается спать на пол и на канцелярский инвентарь. Мюд берет у Алеши шарманку, с трудом несет ее на спине до двери, у двери останавливается и оглядывается на учреждение. Все люди бдительно смотрят на нее...

Алеша. До свиданья, Мюд!

Мюд. Прощай, гад-присмиренец!

Лежачее собрание поднимает руки для приветствия уходящей.

Мюд (показывает им кулак и улыбается). Эх вы, гуща низовая!.. (Открывает дверь).

Стерветсен (встает с пола и бросается к Мюд). Слушайте меня, маленькая госпожа... Разрешите приобрести вас для Европы. Надстройка — это вы!

Мюд смеется.

Но я вас прошу. Вы ум и сердце всех районов нашей земли. В вас влюбится Запад...

Мюд (серьезно). Нет. Мне любовь не нужна. Я сама люблю.

Стерветсен. Разрешите узнать — кто у вас на груди?

Мюд. Товарищ Ленин.

Собрание (почти хором). Приветствуем!

Стерветсен. Но вашему государству необходимы дирижабли, а мы можем подарить целую эскадру воздушных кораблей...

Опорных. Бери, девка!

Мюд. Не хочется что-то. Мы пока пешком будем жить.

Стерветсен (кланяясь). Чрезвычайно жаль. Мюд. Попроси у пролетариата своего района...

Стерветсен. Благодарю вас.

Мюд уходит. Тишина.

Щоев (вздыхает). Доколе, господи!..

Опорных (лежа в собрании). Эх, как-то тебя? — Игнат Никанорыч, Игнат Никанорыч... Кто ж нас утешит теперь?!

Щоев. Эх ты, Петя, Петя, печали я теперь хочу... Мне давно уж все ясно, а нынче тянет на что-то неопределенное...

Клокотов. Товарищ Щоев, давай, пожалуйста, текущие дела. Члены тоже ведь умариваются. Завтра надо рано вставать — план выполнять.

Первая служащая. Ах, нет, что вы говорите! Нам слишком интересно. Мы любим побеждать трудности.

Стерветсен (багровея лицом от злобы). Обманщики, рвачисты, аллилуйщики... самотек... У вас нет установок — это циркуляры, у вас нет надстройки — вы оппортунисты!.. Берите ваши отношения (извлекает из штанов бумаги и швыряет их в пространство), берите ваши пункты и параграфы — отдайте мне мои костюмы, мои сорочки, мои очки и принадлежности!..

Серена. Кофты, лифчики, чулки, комбинезоны!!

Стерветсен и Серена бросаются на Щоева, на Клокотова и сдирают с них свое бывшее платье.

Годовалов (первой служащей). Слухай, ты кажется иностранный напузник обменяла на копию перспективного плана?..

Первая служащая. Я... А вы у меня взяли и своей супруге отнесли — сказали, что она в тот день родилась сорок лет назад. Помните?

Клокотов. Забыл.

Щоев уже без пиджака, без жилетки и без очков. Серена управилась с него содрать эти предметы. Стерветсен тем временем раздел почти донага Клокотова. Щоев, когда его обдирают, равнодушно читает одну из бумажек, вышвырнутых Стерветсеном.

Щоев. Остановитесь, граждане, нас, оказывается, уже нету...

Всеобщее внимание. Все лежачие встают.

(Читает). «...Ваша Песчано-Овражная коопсистема с сего апреля месяца обращается к ликвидации. Заброска промтоваров, равно и хлебофуража прекращается. Основание: означенный населенный пункт сносится, ради промышленной эксплуатации подпочвы, в которой содержится газовый угар...» (К собранию). Не понимаю. Как же мы были, когда нас давно нет?..

Клокотов. Так ведь мы угаром, стало быть, дышали, Игнат Никанорович! Как же тут поймешь: сознательно ты существуешь или от угара?!

Щоев (задумчиво). Газовый угар!.. Вот она, объективная причина несознательности районного населения.

Годовалов. А что ж теперь нам-то делать, Игнат Никанорович? Ведь объективных причин, люди говорят, кету, а есть одни субъекты...

Щоев. Объектов нету, говоришь?.. Тогда организуй самобичевание, раз ты субъект.

Годовалов. Сейчас, Игнат Никанорович! (Суетится).

Стук топоров. Отваливаются несколько бревен в задней (относительно зрителя) стене учреждения. В просвете работают двое рабочих. Отваливается еще часть стены. Собрание ложится вновь, кроме Стерветсена и Серены, которые стоят с отобранными кучами одежды в руках.

Один из рабочих (закладывает под верх учреждения крановые зубья и кричит). Краном! (К собранию). А нам говорили, что тут давно чистое место и никого нету... Вы нам весь путь загородили...

Верхняя часть учреждения уходит в высоту, остатки стен разваливаются. Видна пустота мира — бесконечный районный ландшафт. Пауза. Затем слышится издали шарманка: где-то играет невидимая ушедшая Мюд. Музыка торжественна и трогает скучное чувство человека.

Мюд поет вдалеке:

«В страну далекую
Собрались пешеходы,
Ушли от родины
В неизвестную свободу,
Чужие всем —
Товарищи лишь ветру...
В груди их сердце
Бьется без ответа».

У Щоева разгорается бурчание в желудке, и он трет себе живот в надежде потушить звуки. Собрание безмолвно лежит вниз лицом. Стерветсен и Серена одиноко стоят среди ликвидированного поверженного учреждения.

Серена. Папа, что все это такое?

Стерветсен. Это надстройка души, Серен, над плачущей Европой.

Конец

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Пьеса в трех действиях

Действующие лица

Абраментов Сергей Дмитриевич — инженер, 45 лет.

Крашенина Ольга Михайловна — инженер, лет 25.

Мешков Иван Васильевич — утомленного вида инженер, лет 40 с лишним.

Жмяков Владимир Петрович — инженер, небольшого роста, сытое туловище, не более 40 лет.

Девлетов Илья Григорьевич — директор завода, 35 лет.

Распопов Семен Федорович, Пужаков Петр Митрофанович — рабочие-ударники аварийной службы, оба средних лет.

Муж Крашениной — служащий, лет 30.

Почтальон.

Работница, разносящая обеды.

Несколько рабочих и работниц.

Громкоговорящие телефоны.

Действие происходит на большом заводе в течение 4-5 дней.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Занавес опущен. Редкие удары механического молота. Пауза. Затем судорожная частота ударов нескольких молотов. Пауза. Занавес поднимается. Через сцену в зрительный зал врывается шум работы большого завода, иногда судорожно бьют молота и слышен вихрь спускаемого пара.

Комната — жилище Мешкова: наибольший беспорядок, горы сора, стихийная постель, пустые бутылки на полу, примус, на стенах чертежи машинных конструкций, портрет Дзержинского. Телефон. Над телефоном крупный номер: 4 — 81.

Окно открыто в ночной мир: грохот завода, сияние электричества, свист пара и сжатого воздуха. Инженер Мешков стоит у окна спиной к зрителю. Он кашляет. Затворяет окно. Настает почти тишина — заглушен, но, как бы вдалеке, звучит завод. Мешков лежит среди стихии комнатных предметов.

Где-то начала играть духовая музыка, и ее слышно в комнате то сильнее, то слабее. Она играет нечто печальное и героическое; временами затихает совсем; сейчас ее почти не слышно.

Мешков. Нужно скончаться... Я мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк... Вот уже опять стоит в мире вечернее время. Но никто ко мне в гости не приходит, и мне пойти некуда.

Громче играет музыка вдалеке, в невидимом саду.

(Прислушивается: музыка стихает, словно относимая ветром). Люди отдыхают где-то. А я, чем больше дома, тем больше устаю... О чем это всегда играет музыка? Она как будто обещает человеку друга. Светлое будущее... Но я скучаю от товарища и утомляюсь от врага.

Стучат в дверь.

Входите, кто там есть.

Входит Абраментов, в дешевой, изношенной одежде, худой и бледный человек.

(Не узнавая). Вы кто? Вы зачем пришли?

Абраментов. Инженер-механик Абраментов, ваш бывший друг... А сейчас ищу не дружбы, а ночлега: все общежития и бараки переполнены...

Мешков (узнавая, радуясь). Откуда ты, милый мой Сережа? (Встает, целует пришедшего, почти плачет). Я ведь один теперь на свете — жена еще при тебе скончалась, а сыновья бросились куда-то в Республику и скрылись от меня...

Абраментов. Да, Иван Васильевич... (Осваивается в комнате). Давно мы с тобой не глядели друг на друга!

Глядят друг на друга.

Ты что так постарел, Иван?

Мешков. А я, Сережа, устал от исторической необходимости. Я живу и все время чувствую какой-то вечный вечер. Как будто везде уже зажжены свечи.

Абраментов. Отчего же?

Мешков. Не знаю... Я ослаб. Я вижу, что стал бездарен, что новые люди способней меня и знают уже больше. У них великая практика, Сережа... А ты где был?

Абраментов. В Австралии, а потом в тюрьме... Отчего у тебя в комнате сор и не прибрано?

Мешков. Настроения нету... В Австралии? Зачем ты там был? Ты знаешь, я забыл однажды формулу живой силы!

Абраментов. Эм вэ квадрат, деленные на два... Я хотел оттуда победить Советский Союз.

Мешков. И полюбил его?

Абраментов. Нет, я заинтересовался им.

Мешков (меняясь). Это что значит? Может быть, ты мерзавец? Ты не гляди, что я стар и несчастен, что в сердце моем горе, — я и безответно могу любить рабочий класс и его страну... Ты сочувствуешь социализму или нет?

Абраментов. Я ему потворствую.

Мешков (думая). Не знаю, что ты говоришь... А что ты делал в Австралии?

Абраментов. Сторожил пчелиные пастбища от саранчи.

Мешков. Но ты инженер!

Абраментов. Там их много без меня. Я голодал два года, год был в ссылке, в пустыне, за руководство маленькой забастовкой.

Мешков. Сердечно удивляюсь. Ты же бывший зажиточный человек?

Абраментов. Ну и что ж. А ты думал — революция всегда приходит в нищей одежде, а контрреволюция обязательно в галстук?

Громче играет музыка.

Мешков. Я не думал об этом... Ты слышишь, как у нас играет музыка? Это идет культурбота в нашем прекрасном рабочем клубе.

Абраментов. Разве? (Подходит к Мешкову вплотную). Слушай меня, Иван. Ты знаешь меня очень давно...

Мешков. Да... С юности. Когда я полюбил еще свою покойную жену...

Абраментов. Правильно. А я тогда же начал жить с разными девушками... Ты знаешь, Иван, что я вредителем не был.

Мешков. Знаю, Сережа. Ты не был.

Абраментов. Я понял давно: нельзя победить изнутри почти единодушную страну.

Мешков. Нельзя, Сережа.

Абраментов. Я уехал прочь. Я забылся один среди капитализма. Чужие страны стали для меня родиной. Нужда, убожество, презрение — все это я перенес с полным сознанием, с готовностью, потому что моя идея была сильнее впечатлений.

Мешков. Буржуазия — ведь это мир одиноких, Сережа. Там трудно быть человеку.

Абраментов. А я и хочу, чтобы человеку было трудно — он лучше, когда мучается... Дай мне чаю.

Мешков. Сейчас, Сережа. Только у меня пищи нету никакой. Я должен за ней сходить кой-куда.

Абраментов. Сходи. Все равно ты любишь человека.

Мешков (в стеснении). А документы, Сережа, есть у тебя? Ты по закону вернулся в СССР?

Абраментов. Конечно, есть. Советская власть отпустила меня жить и работать.

Мешков (в стеснении). А документы, Сережа, ты скажи мне тихо: ты не шпион, не подлец, не вредитель?..

Абраментов. Нет. Я лично рассмотрел весь мир и признал коммунизм необходимым. Но признал только мыслью, искусственным напряжением. Теперь я хочу узнать социализм

чувством и действием... Советская власть еще меня не победила, а я ее побеждать уже не хочу. Может быть, мы обнимемся и упадем вместе на пустой земле.

Мешков. Кто мы — СССР и капитализм?.. Ты не знаешь силы нашей державы, она упасть никогда не может... Ну, я пошел за угощением, а то ты есть хочешь. (Уходит).

Абраментов (один). Живет себе в этом помещении один советский дурачок, и неплохо ему. Ни капитализма, стервец, не спас и социализму, наверное, плохо помогает.

Звонит телефон.

Абраментов (берет трубку). Алло... Да. Нет. Девлетов?.. А кто вы такой? Директор?.. Здравствуйте, директор! Его нет. Я его послал закуску себе покупать... Инженер Абраментов. Нет, я механик, но изучал гидравлику и электротехнику... Ладно. Приезжайте! (Кладет трубку). Кажется, я уже на службу поступил.

Дребезг стекол в окне. Звук напряженного взрыва. Свист сжатого воздуха. Окно распаивается. Громче слышна музыка, и вдруг она прекращается, точно разнесенная ветром. Тишина. Абраментов молча, но без паники, бросается вон из комнаты.

Краткая пауза. Тревожный, ритмично повышающий и понижающий свой тон гудок. Комната некоторое время пуста. Слабо начинает звонить телефон и умолкает. Приходит Мешков с покупками.

Мешков. Опять, наверное, авария. Пускай, там есть сменный инженер... (Мучается). Меня же дома не было в момент происшествия... Я просто спал и ничего не слышал... Где Сережа-то? (Видит распахнутое окно). Надо его затворить. А то скажут — у тебя окна распаиваются, а ты не слышишь... Ишь, скажут, глухонемой какой! (Затворяет окно).

Слабо звонит телефон.

(На телефон). Он слишком тихо звонил, я не могу проснуться... (Терзается). Либо пойти все-таки... Нет, я и так на заем на двухмесячный оклад подписался: пускай я сплю. (Тушит свет).

За окном встает зарево освещенного завода. Вибрирующий высокий звон работающих машин в тишине.

Пауза. Мешков всхрапывает где-то в темном хаосе комнаты. Входит человек. Зажигает свет. Это Абраментов. Он измазан в машинном масле, одежда на нем разорвана, местами в клочья.

Абраментов (смотрит на спящего Мешкова). Сладко спят гуманисты на свете... Мешков, вставай!

Мешков (медленно поднимается из вороха вещей, говорит со сна). А? Что? Ты откуда явился?

Абраментов. Я на аварии был.

Мешков. Где? Какая авария?

Абраментов. Перекачали в компрессорной. Крышки цилиндров порвало.

Мешков. А?! Что в компрессорной? (Волнуясь). А не говорили там, что меня нет?.. А я ведь спал, Сережа, я сильно сплю теперь. Я ударник и боюсь ослабеть, поэтому стараюсь лучше питаться, а по ночам не просыпаюсь.

Абраментов. Понятно. Ты же мягкосердечный человек, либерал, гуманист. А такие всегда себя жалели больше всех.

Мешков (взволнованный). Ну, а что в компрессорной? Не спрашивали, где я?

Абраментов. Интересовались.

Мешков. Я, пожалуй, сейчас сяду рапорт напишу. А?

Абраментов. Напиши, что спал и была температура.

Мешков. Вот именно, я так приблизительно и думал. (Ютится у стола, ища принадлежности для письма).

Стучат в дверь.

Войдите, пожалуйста, товарищ.

Входит Девлетов. Подает руку Абраментову.

Девлетов. Благодарю вас за помощь на аварии.

Мешков (подходя к Девлетову). Здравствуйте, Илья Григорьевич.

Девлетов (равнодушно). Здравствуйте, Мешков.

Мешков отходит писать.

(Абраментову). В компрессорной мы с вами не договорились. Какие ваши условия, если я вам предложу должность заместителя главного механика?

Абраментов. Те, которые у вас полагаются по профсоюзному закону. Я сам условий не имею.

Девлетов. Хорошо. Вы говорили мне пустяки про Австралию. Скажите, вы белогвардеец?

Абраментов. Теперь я одинокий.

Девлетов. Что это значит? Не говорите мне пустяками. Одиноких нет. Вы не притворяйтесь.

Абраментов. Нисколько, гражданин. События били меня кирпичами по голове и гнали в вашу сторону. А в сердце своем я ничей, там я свой.

Девлетов. Свой только? Значит — чужой, значит — враг.

Абраментов. Нет... Просто в сердце еще долго остается теплота того класса, который уже погиб...

Девлетов. Ну, ладно. Нам нужна ваша голова. Сердце храните неприкосновенным для памяти, если сумеете сохранить... Стало быть, вы будете замом главного механика.

Мешков (подходит, подает бумажку). А я, Илья Григорьевич?.. Примите, пожалуйста, рапорт.

Девлетов (беря рапорт). А вы будете теперь сменным инженером вместе с Олей Крашениной.

Мешков. С этой девушкой?!

Девлетов. С этой девушкой.

Мешков (глухо). Так я что же? Я малоспособен или худ стал?

Девлетов (прочитав рапорт, швыряет его прочь). Нет, Иван Васильевич, не потому... Посудите сами — у нас один сменный инженер на все три смены. Какой же это сменный, когда его самого сменить нечем. Ведь Крашенина не выходит из цехов по двадцать часов. Вчера я ее нашел спящей в силовой, третьего дня она стояла на ремонте фильтра тридцать часов... Нужен второй сменный инженер по заводу, иначе мы не выйдем из аварий и неполадок. Это гвоздь всего положения на заводе. Я вас прошу понять меня, Иван Васильевич, ваша ставка снижена не будет. Я обращаюсь к вашей чести старого производственника. Вы меня понимаете?

Мешков (угрюмо). Я все понимаю. Я должен нести обязанности девушки.

Девлетов. Класс ваш маленький, Иван Васильевич, а самолюбие у вас большое... Я шучу.

Абраментов. Слушайте, директор. Мешков ведь сирота. У нас с ним нет своего класса.

Девлетов. Я это знаю, товарищи. Поэтому я и зову вас к нам. Человек должен перестать быть сиротой, — а вы не притворяйтесь убогими. Однако мне пора на вокзал — я должен утром побывать в Москве. Нас должны немедленно включить в республиканское кольцо высокого напряжения. (Прощается и уходит).

Мешков. Не нужны мы им более, Сережа. Завтра я — сменный инженер, послезавтра — надсмотрщик двора, а через полгода — сторож у ворот... (Трогает свои покупки). Ешь продукты — тут много вкусных вещей: нам в закрытом распределителе дают... Ешь, а то скоро уж покушать колбасы не придется, сторожем буду.

Абраментов. Слушай, Иван Васильевич. А ты не путаешь пролетариата с закрытым распределителем?

Мешков (теряясь). Нет, Сережа. Я знаю, что это разница.

Стучат в дверь.

Голос Крашениной за дверью: «Вы не спите, Иван Васильевич?»

Нет еще. Мы здесь работаем кое-что. Входите, пожалуйста.

Входит Крашенина, усталая и сонная.

Крашенина (Абраментову). Добрый вечер еще раз! Спасибо вам за работу на аварии.

Абраментов. Здравствуйте, инженер.

Крашенина (Мешкову). Иван Васильевич, директор мне сказал, что вы будете вторым сменным. Смените меня сегодня, а то я вся уже сплю... (Садится в какой-то мусорный хаос). Я за вас буду потом двое суток... Перемените манометр в компрессорной — он врет... Трест точной механики — дурак или дура... (Засыпает сидя; вдруг опять открывает глаза). Товарищ Мешков, если вы утомились уже, то я сама пойду... Берегите компрессорную — молота станут. Извините, что я не могу смотреть на вас. (Закрывает глаза).

Мешков. Я не вправе сменить вас, товарищ Крашенина. Были только ни к чему не обязывающие меня переговоры с Девлетовым. Я должен дожидаться приказа.

Крашенина (со сна). В цехах сейчас опасно, инженеры. Но я через час совсем отдохну... Хотя я буду видеть всю компрессорную во сне — меня не надо сменять... Распопов, Пужаков, у вас греются моторы, откройте окна на ветер... (Спит).

Мешков (подходя к Крашениной). Сережа, эта девушка уже спит. Села на мое чистое белье, примяла и спит.

Абраментов. Она, наверное, не тяжелая. (Подходит к Крашениной, подымает ее на руки). Она легка, как мальчик. Где у тебя постель?

Мешков. Сейчас. (Сортирует какой-то хлам, швыряет книги и пр.).

Абраментов держит Крашенину в ожидании.

Крашенина (бормочет во сне). Я ведь не сплю, я только притворяюсь... Распопов, зови свою бригаду — держи давление, котельная слабеет... Нет, — у меня один ум устал, а сердце все равно бьется... Я все бригады, все механизмы вижу во сне. Я сплю только нарочно... Я не хочу...

Абраментов (наклоняется ухом к груди Крашениной). Врешь, товарищ. Ты спишь так глубоко — ты так далека сейчас от нас, как на том свете...

Крашенина (открывает глаза и глядит на Абраментова). Неправда, товарищ Абраментов. (Снова закрывает глаза; спит).

Абраментов. Что за странное создание — спит и думает.

Мешков (управившись с постелью). Клади ее сюда.

Абраментов осторожно опускает Крашенину в приблизительно расчищенную постель.

Крашенина. Вы не ушли еще, товарищ Мешков? Дайте мне встать — я сама пойду.

Мешков (в испуге). Спите, спите, Крашенина... Я сейчас... (Другим тоном). Но не могу же я идти дежурить безо всякого оформления. Наконец, я просто не знаю всех заводских установок.

Сильно бьют молота; стекло слабо дребезжит.
Затем — тихо. Крашенина спит.

Абраментов. Оставайся с нею. Я пойду за нее.

Мешков. Сережа, ты ставишь меня в неловкое положение. Выходит дело, я и тут не гожусь. Девчонки, мальчишки, пузанки какие-то работают лучше меня. Я не нужен никому. Меня путают, отстраняют, гонят куда-то ночью, какие-то неточные манометры... Мне нужны четкие директивы, условия, а не сонный бред девушек... Ведь это же курс на катастрофу, я в тюрьме помру за такие дела...

Абраментов. Оставайся... Сидеть сейчас в комнате — это действительно курс на катастрофу. Я пойду в компрессорную, я не боюсь умереть в тюрьме, я там был.

Мешков. Сережа, ты пойми, ведь я теряюсь в этой сложной обстановке...

Абраментов уходит. Пауза. Бьют молота. В окне — зарево от накалившихся исходящих газов завода.
Мешков ест один принесенную им же пищу. Жуя, подходит к спящей Крашениной и рассматривает ее.

Спит новый человек... По-старому спит. (Внимательно вглядывается в лицо спящей). Неужели она умнее и лучше меня? Что же это такое? (Осторожно пробует Крашенину по поверхности ее туловища). Наверное, есть что-нибудь странное внутри ее. (Гладит Крашенину вокруг лба). Какое действительно хорошее существо — ничего не требует, ни на что не жалуется, любит что-то далекое и меняет на это далекое свою текущую молодость. Бедный новый человек, какой в тебе дар? (Отходит от Крашениной). А во мне нет никакого дара — сам люблюсь ею, а сам есть хочу. А она, наверное, никогда не помнит пищи — она ест только тогда, когда умирает с голоду. (Ест). Ем и тоскую...

Крашенина (во сне). Абраментов, клапана стучат!..

Мешков (пугается). А? Вы что? Абраментова нет.

Крашенина (бормочет). Он в силовой... Там экономайзер не ладит... Мешков, скажите ему.

Мешков. Сейчас... Сейчас пойду скажу... (Уходит. Затем — сразу же — появляется снаружи, в окне, и глядит оттуда внутрь комнаты).

Крашенина спокойно спит.

(Сейчас же возвращается). Сказал.

Крашенина молча спит.

(Про себя). Значит, мне пропадать в этом мире... Они и во сне все чувствуют. Ведь действительно экономайзер в котельной испорчен. Как я забыл? Как я наяву об этом ни разу не вспомнил!.. Отчего я теперь не чувствую своего ума?

Крашенина. Проснуться хочу. Разбудите меня.

Мешков (про себя). Надо заняться делом. Проснется еще и скажет: ты что сидишь, буржуазный остаток? (Хлопчет у стола, вынимает соответствующие принадлежности и пристраивается чертить).

Звонит телефон.

(Берет трубку). Слушаю... Сейчас спрошу. (Крашениной). Товарищ, товарищ... Сережа спрашивает, где двухдюймовая труба у вас.

Крашенина. В котельной, где второй бункер.

Мешков (в телефон). В котельной. (Вешает трубку. Спешно чертит что-то, с испугом оглядываясь на спящую Крашенину. Немного погодя — Крашениной, тихо). Товарищ, какого вы обо мне мнения?.. Можно я буду жить?

Крашенина молчит во сне.

Неужели я отстал, неужели я дурак?.. (Медлит). Наверное. (Подходит к спящей. Снова рассматривает ее).

Крашенина что-то тихо бормочет.

(Слушает). Шепчет чего-то во сне... У нее все будущее обеспечено, а она волнуется... Интересно, чем пахнет от особого человека? (Наклоняется, нюхает волосы Крашениной). Не то травой, не то ветром. А от меня? (Нюхает свою грудь, расстегнув рубашку). Пустяком каким-то... Я и запах потерял... Я засыхаю — мне конец...

Крашенина бормочет и смеется во сне.

(Наклоняется к ней). Что вы сказали? Краткая пауза.

Крашенина. Отчего вы так смешны, Мешков? Я бы давно сумела умереть.

Мешков (отстраняясь, со злобой). Ах, вы так... Не беспокойтесь — у меня тоже давно все готово. Я сейчас же все совершу надлежащим образом... (Суетится: рыщет по вещам, достает из-под матраца листик бумаги, читает его). Вот оно — мое милое. (Читает вслух). «Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых о своевременной кончине...» (В сторону Крашениной). Теперь вы поняли?

Крашенина мелко смеется во сне.

А вы думали, я уже ничто. Нет, подружка дорогая, — я организационно подготовился... Организационно! Не беспокойтесь, не беспокойтесь — у меня все предусмотрено: за телефон уплачено за год вперед, номер записан, деньги за объявление — в особом конверте сложены... (С вызовом, Крашениной). Пожалуйста. (Берет трубку телефона, говорит веско и твердо). Дайте мне срочно номер 4 — 81... Благодарю. Главная контора газеты?.. Мне нужно сдать экстренное объявление о смерти... Что вы говорите?.. Нет — о моей смерти... Почему нельзя?? Можно?.. Так примите, пожалуйста, по телефону... Деньги?.. Деньги я завтра утром пришлю... Как?.. Да это верно, что умру... Так как же быть-то? А сейчас нельзя прийти?.. Поздно?.. Ну, хорошо, я завтра утром принесу. (Вешает трубку. Крашениной). Вот вам и все, сударыня.

Крашенина спокойно спит.

(Аккуратно свертывает свою бумажку с объявлением о смерти, прячет ее за телефон и довольно, умиротворенно улыбается. Затем подходит к Крашениной и, чуть склонившись, взяв свои руки назад, пристально следит за ее сном и дыханием).

Пауза.

Бьют молота на заводе. Одновременно без стука открывается дверь. Осторожно, злонамеренно входит Крашенин — муж. Он останавливается позади Мешкова и бдительно наблюдает его и спящую жену.

Крашенин. Спасибо тебе, жена... Две ночи я ждал тебя, сволочь.

Мешков (в испуге оборачивается). Здравствуйтесь, товарищ.

Крашенин (жене — в сдержанном исступлении). Я думал — ты правда работаешь. А ты — на постели. Ты с пожилым живешь... (Бросается на Крашенину и, не совершая ничего, наклоняется и плачет).

Мешков. Она умирилась, товарищ.

Крашенина молча встает и садится на кровати с закрытыми глазами.

Крашенин. Оля! Ты забыла меня, девочка? Я ведь твой Коля... Ах ты так — прочь от меня, сука! Докажи мне, что ты любишь меня одного на свете! Ведь терпенья нету — душа в груди болит!

Крашенина открывает глаза. Входит Абраментов.

Докажи сейчас же!.. Иль я для тебя обезличкой стал? (Пытается рвать на Крашениной платье).

Абраментов хватается Крашенина, приподнимает его и сокрушающе швыряет всего человека в угол комнаты — в хаос вещей; вещи заваливают Крашенина. Крашенина встает на ноги.

Абраментов. Кто это был?

Крашенина. Мой муж.

Абраментов. Простите меня, ради бога.

Крашенина. Ничего. Я давно от него вся в шишках и синяках...

Мешков (в недоумении). А я думал — новый человек весь чистый...

Гудок на заводе. Все слушают.

Крашенина. Моя смена... (Абраментову). Скажите, выполнила ночная свой встречный? Хватило воздуха котельной и молотам?

Абраментов. Так точно. Бригады гнали механизмы с перегревом — и ночь опередила день.

Крашенина. Как хорошо... Ну, до свидания, сейчас я вас сменяю. (Уходит).

Крашенин (вставая из хаоса вещей). Вы сейчас будете заявление на меня писать? Или — нет?!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Пульт — центральное устройство по распределению тока силовой электроустановки. Это примерно наклонный к зрителю стол, покрытый темным блестящим лаком, либо — мраморная доска. В пульт вделаны разноцветные лампы, (красные, синие, желтые, белые); около каждой группы ламп — градуированный разрез, в котором ходит стрелка. На вертикальной плоскости пульта, обращенной к зрителю, — контактное автоматическое управление: ряды рукояток и штурвальных колес. Над пультом — три громадных циферблата и одна большая красная лампа. Перед пультом — круглый стул, который бывает у пианистов. На правой стороне пульта — серия телефонов.

Позади пульта — металлическая башенка, устроенная из небольших балок; внизу башни видны резервуары масляных выключателей, вверху блестят медные шины контактов. Внутренность башенки покрыта проводами и различными деталями. Вся башенка видна зрителю насквозь. Над пультом — рупор радио.

В начале действия лампы на пульте не горят, стрелки всех циферблатов и градуированных шкал покоятся на нулях. Занавес поднимается.

На пульт всходит по ступенькам инженер Жмяков, диспетчер энергетики, радостный человек средних лет. Он поет «Посмотри, как дивно море» и глядит на свои часы на руке. Берет телефонную трубку.

Жмяков. Котельная, котельная, котельная... Ты жива еще, матушка?.. Как у тебя водичка, кипит?.. Ага... Уголь, говорите, не горит? Ага... Отчего же он не горит-то? Советская власть, наверное, виновата?.. Нет?.. А кто же? Значит, вам порох надо давать! А вода-то цела у вас? Может, и вода засохла?.. (Глядит на часы, кладет трубку. Берет другую трубку). Это вы, девушка?.. Дайте мне, пожалуйста, первую сквозную ударную... Да... А вы поищите по цехам бригадира... Распопова, да, а можно и Пужакова, Петра Митрофановича, кто вам больше нравится... Никто не нравится?.. Ну что ж, рабочий класс крайне сожалеет... Ожидаю вашего сигнала. (Кладет трубку, берет другую). Машинный?.. Говорю я... Я говорю... Ну я, конечно, — пора по тембру различать... Готовьте турбогенератор на перегрузку, держите дизель в резерве на оборотах. Алеше привет, поклон всему машинному. (Кладет трубку. Смотрит на часы).

Звонок одного из телефонов.

(Берет трубку). Я!.. Кто?.. Здравствуйте, Петр Митрофанович... Вот что: сегодня уголь у нас обратился в несгораемое вещество... В империализме даже дрова горят, а у нас такая особая точка, что все гаснет. Нельзя ли тебе с бригадой сегодня побыть немного в котельной?.. Да! А то не вывезем... Пар посадят — вот что. (Глядит на часы). Скорее, Петр Митрофанович, скорее, дорогой... Проверьте воздушный экономайзер, дутье на полный форс, хорошую шуровку топкам и прохладный душ кочегарам, — до свиданья, дорогой, до свиданья — у меня сигнал.

Вспыхивает красная лампа над пультом; вслед за красным светом гудит заводская сирена где-то невдалеке.

(Встав на ноги, быстро действует на пульте, напевает). «Колокольчики... (Включает один из автоматов на пульте: на пульте вспыхивает красная лампочка, трогается стрелка в градуированном разрезе; чуть трогаются стрелки на двух больших циферблатах, висящих над пультом. На третьем циферблате стрелка восходит сразу высоко и там останавливается). Бубенчики... (включает второй автомат: вспыхивает вторая красная лампа, трогается стрелка в градуированном разрезе, стрелки на двух главных циферблатах дают дрожание вперед)... звенят... (включает третий автомат с теми же эффектами)... Звенят... (Включает четвертый автомат). О моей... (включает: зажигается синяя лампа)... погиб... (включает: синие, красные, желтые, белые лампы)... шей юности твердят, твердят...» (Включает: сильный свет на всей плоскости пульта).

Высокая дрожь стрелок на циферблатах; медленно начинается приглушенное пение работающих вблизи котлов, генераторов и механизмов, — приглушенное настолько, что не мешает слышать слова действующих, лиц.

Вся сцена идет скоро и энергично. Включение закончено.

Ритмическая дрожь стрелок на циферблатах. Напряженное пение механизмов. Лампы на пульте меняют цвета: красный на синий, на желтый и обратно.

(Слегка танцуя, припевает). Их паровоз летит вперед, а нам всем остановка... (Одна красная лампа начинает быстро вспыхивать и потухать, что-то сигнализируя). Неужели остановка? Я тебе остановлюсь, сукин сын!

Звонит телефон.

(Берет трубку). Да... Петя?.. Нет? А кто же ты такой?.. Василь Иванович?.. Не тянет? Оборотов не хватает?.. Перегрузка?.. Хорошо, — я чуть добавлю напряжения — вытянем. (Кладет трубку, берет другую). Котельную, тетя... Петра Митрофановича!..

Одна красная лампа по-прежнему мигает; вспыхивают пульсирующим светом три-четыре новые красные лампы.

...В руках у нас винтовка!.. Петр Митрофанович?..

Замигали еще две красные лампы.

(Берет одновременно другой телефон: говорит в два). Турбинную... Турбинная? Я говорю!

Мигают пять красных ламп.

Я говорю... Я! Что вы там молчите? Немедленно включите дизель на второй фидер! (Кладет одну трубку, остается с первой трубкой). Петр Митрофанович?! Я хочу давления — атмосферы две-три сверх всего... Нет, ну на часик, на два... Будьте любезны, ради бога. Прижмите клапанок на котле. А котел — с форсом и шуровочкой! (Кладет трубку, берет другую). Турбогенератор... Я говорю. Я! Слушайте — проходим пик. Перекручиваем агрегат на час... Ну, конечно, сверх! Повышаем обороты — режем пик на вольтах и амперах. Внимание!.. Слушать турбину, прижать предохранители, держать подшипники на руках... Электрик! Генератор! Держать руку на корпусе машины, нюхать обмотку, запустить добавочный вентилятор. Внимание!

Почти все красные лампы мигают: синих, желтых, белых нет.

(Берет три трубки телефонов). Котлы! Турбина! Генератор! Дизель! Внимание! Началось!.. Проходим пик!

Стрелки всех трех главных циферблатов восходят высоко вверх, почти до предела градуировки. Мигание красных ламп сильно учащается.

(В телефон). Полное дутье — форс!.. Следите за обмоткой... Пахнет там гарью или нет, бедный мой товарищ? Дизель, дизель, жми свою долю, — ни черта не помогаешь... Пик растет, товарищи! Эй, ударники, где вы там, во что бьете, — вы на пик меня посадили...

Красное мигание учащается.

(Снимает все трубки телефонов). Слушайте меня, телефонные девки! Мгновенно дать сюда дежурного инженера... (В исступлении кричит во все телефоны). Эй, цеха!.. Выключись кто-нибудь на полчаса. Ну ради бога! Хоть на пять минут. Кузница! Прокатная! Молота! Дайте потише чуть-чуть. Я не вынесу, сердце разлетится.

Краткая пауза.

Телефон (громко, басом). Пошел ты к черту. У нас двадцать процентов сверх плана нагорело.

Жмяков (полубезумно). А?! Ну, я извиняюсь... (Другим тоном, тихо). Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора. Именно — дивная.

Телефон (глухо). Я сменный инженер. Слушаю.

Жмяков (берет телефон). Отцепите от меня где хотите десять тысяч киловатт. Я сожгу генератор. Кто вы такой?

Телефон. Я Мешков. Сейчас остановлю что-нибудь.

Жмяков. Иван Васильевич?! Ради бога. У меня слезы на глазах... Идите сюда.

Звонит телефон.

Жмяков (берет трубку). А... Да... Что?.. Вам двести киловатт на кирпичные пресса?.. Пошли вы к черту. Потушите последнюю лампу над своей башкой. (Кладет трубку).

Мигание красных ламп достигает высшей частоты.

Жмяков (озирается). Я сейчас заплачу от такой ненормальной жизни.
Телефон (басом). Кто там плакать хочет? Дай мне отделаться — я тебя утешу...
Жмяков (бессознательно). А? Да я вполне согласен!

Лампы сразу прекращают мигание, стрелку, приборов снижаются, на пульте начинается прежняя игра цветов: красный, синий, желтый, белый.

(Весело). Да, я вполне согласен! (Прежняя жизнерадостность. Потирает руки, почти танцует).
«Колокольчики-бубенчики звенят-звенят!.. О моей...»

Лежачие трубки телефонов (глухо). Ну! Кто там есть?

Жмяков. Пик снят, товарищи. Закуривай.

Лежачие телефоны (враз).

— Воздуху нету, гад.

— Кто выключил?

— Печь потухла. Шихта шлакуется.

— Воды!

— Сорвал план, стервец.

Матерное бормотание, пауза.

Жмяков (поникая). Боже мой, боже мой, почто ты оставил меня... в этом веке? В каменном тихо было.

Входит Мешков.

Мешков. Я три цеха выключил.

Жмяков. Спасибо, Иван Васильевич. Теперь нам с вами конец.

Телефоны злобно бормочут.

Мешков (в испуге). Включайте скорей опять.

Жмяков. А как генератор?

Мешков. Горячий, Владимир Петрович, он сгорит.

Жмяков. Так как же быть-то?

Мешков. Неизвестно, Владимир Петрович... Может, среднее что-нибудь есть?

Жмяков. При большевизме я среднего ничего не видал.

Мешков. И я тоже, Владимир Петрович. Все одно большое только.

Телефон (громко, резко). Включай!..

Жмяков и Мешков (в испуге). Сейчас!! (Делают манипуляции с автоматами; стрелки на главных циферблатах восходят до предела. Все контрольные лампы делаются красными и начинают пульсировать светом с высшей частотой).

Телефон (басом, громко). Взяли!!

Слышно через телефон, как загудели моторы и пошли станки.

Мешков нерешительно опять выключает автоматы; стрелки падают, лампы перестают мигать, некоторые становятся желтыми, синими.

Жмяков. Что вы делаете?

Мешков. Выключил опять три цеха. За это самое большее нам с вами общественный позор, а за генератор, если сожжем, нам будет лет десять... У меня, Владимир Петрович,

перечень есть: сколько за что полагается. (Вынимает бумагу и предъявляет ее Жмякову). Поинтересуйтесь!

Телефон (басом, громко). Эй, опять току нету! Вы что, работаете или боитесь? Вы кто?

Жмяков (читает бумагу Мешкова). До пяти лет изоляции. Да, это дивная пора. Телефон. Давай току, я отвечаю!

Входит Крашенина.

Крашенина (тихо). Так нельзя, товарищи. Надо скорее вытягивать завод — социализм нас ждать не будет. (Становится за пульт).

Жмяков. Мы боимся рисковать генератором, товарищ Крашенина. Можно сжечь обмотку.

Крашенина (тихо и просто). Хорошо. Но если вы останавливаете заводы, срываете планы — вы рискуете не генератором, а всей страной.

Пешков (нерешительно). Обмотка сгорит... Нам страшно тянуть завод на перегреве.

Крашенина (тихо). Пусть. Я сожгу обмотку — я и чинить ее буду день и ночь. (Производит включение автоматов: пульсирование красных ламп, движение стрелок главных циферблатов).

Жмяков и Мешков стоят в стороне. Мешков берет за руку Жмякова, и так находятся оба неподвижно. Рычит одна из лежащих трубок телефонов. Крашенина берет ее.

Крашенина. Я слушаю... Сколько вам нужно?.. Тысячу киловатт?.. Что у вас?.. Лесопилку пускаете? Это хорошо... Я вам сейчас включу. (Кладет трубку. Включает: бешеное пульсирование ламп).

Жмяков (в ужасе). Это безумие. Девочка сожжет сейчас силовую.

Мешков. Хорошо, что не мы... Ведь пять лет по перечню.

Жмяков. Капут будет девочке. Немножко жаль.

Крашенина (берет телефон). Генератор, пожалуйста... Генератор?.. Я — пульт, инженер Крашенина... Кто это?.. Товарищи, вы чувствуете генератор?.. Как работает обмотка? (Пауза. В сдержанном волнении). Запах появился?! (Вешает трубку, оглядывает помещение отвлеченными глазами, не замечая двух инженеров. Тихо). Горит генератор, товарищи, и нет никого.

Входит Абраментов.

Абраментов. Здравствуйте. Почему так много здесь технических сил? (Крашениной). Почему долгий пик?

Крашенина (невнимательно). Завод выходит из прорыва... Сто ударных бригад... Тлеет изоляция — есть ли выход, товарищ Абраментов?

Абраментов (остро оглядывает пульт). Нет выхода. Выключайте перегрузку. Сбрасывайте перегрев. Машины ведь нейтральны в классовой борьбе — генератор сейчас сгорит.

Входит Пужаков, на бедре у него мешок с инструментами.

Крашенина (невнимательно). За кого, вы говорите, машины?

Пужаков (сразу). За нас, Ольга Михайловна, — мы их заставим сочувствовать... На третьем крану лебедка не работает — мы никак не сообразим, пойдете скорее. Час думали без вас, да, наверно, алгебры не знаем.

Крашенина (не слушая). Пушакон, генератор горит... (Раздраженно). Разве можно сейчас думать по целому часу?

Пушакон (остро). Как? Генератор горяч?! Сейчас соображу!.. (Соображает). Обливать корпус водой — поставить ребят. Сам стану! Но — осторожно, внутрь не заливать! Враз, — сейчас!! (Ко всем). По любому делу соображу, только по своему — нет... Не сгорит!! Протянуть шлангу! Бузовать бесперывно!.. Пойду для четкости сам. (Быстро уходит).

Краткая пауза.

Абраментон. Машины мертвы, к сожалению, Ольга Михайловна.

Крашенина. Когда они в мертвых руках, инженер Абраментон.

Абраментон (вспыхивает от обиды). Ленин не советовал зазнаваться, коллега. А генератор — не большевик.

Крашенина. Я не зазнаюсь, но и полюбить вас никого не могу.

Абраментон. Посмотрим.

Крашенина. Буду рада заплакать о вас.

Абраментон. Постараемся.

Крашенина. Зачем же для меня стараться? Вы инженер или кавалер?

Абраментон. Как вам не стыдно? Ведь я понимаю все. Я учился науке рабочего класса в тюрьме, я там пролежал много ночей с открытыми глазами. Я прожил жизнь в одиночестве, но умру в тесноте вашего класса.

Крашенина. Зачем же вам умирать, Абраментон? Плохо вы знаете науку рабочего класса. Зачем ему ваша смерть? Ему нужно, чтобы вы стали товарищем пролетариата.

Красные лампы мигают все более спокойно. Раздается нежная негромкая музыка, она приближается и постепенно смолкает; входит почтальон с громадной, набитой сумкой на животе, точно в сумке лежит сундучок или шарманка.

Мешков (про себя). Ну куда ж тут мне жить на этом свете?

Жмяков. Да, героически и скучновато... Где мы теперь, кто нам сжимает пальцы?..

Почтальон (разобравшись в сумке). Обождите-ка вы все. Кто тут будет инженер... Крашенинова какая-то и еще Жмяков. Ве Пе. Кто это такой — вы или нет? Отвечайте последовательно!

Жмяков. Мы. Давай сюда.

Почтальон. Нате вам депешу — одну на двоих, а в другой раз я вам носить ничего не буду... Целую четверть своего рабочего дня вас ищущ: сказано — лично вручить. А где лично — когда этих личностей нету нигде на свете? Дома сказали, вы не бываете, на заводе у вас тоже вечного места нету. Идите, говорят, ищите их где-нибудь сквозь. А где искать, когда кругом машины и меня огненной железкой чуть не ушибло! Разве это жизнь? Вы бы поставили где-нибудь койки, сундучки, чтобы я уж знал, что там вы когда-нибудь очутитесь. (Берет расписки, уходя). Прямо наказание! Только и мучаешься, что без почты, сказано, социализм — ничто!

Мешков (читает). «Подготовьтесь к приему тока с республиканского кольца высокого напряжения. Устанавливайте новый радиопульт. Девлетон». Милый товарищ, у нас давно все готово. Еще не действует это общепролетарское кольцо высокого напряжения и не получен этот радиопульт. (Рвет и бросает депешу).

Почтальон (видя такое дело). Ну вот, видите, а я хожу, тружущся на них, тело свое трачу...

Уходит, сделав какие-то манипуляции в глубине своей сумки, — сразу начинает играть негромкая радиомызыка марша: звуки явно происходят из сумки.

Жмяков (глядя вслед почтальону). Этот человек, кажется, музыку носит в самом себе.

Красные лампы почти спокойны, еле мигают.

Мешков. А мы в себе носим смерть... Володя, не могу я так существовать, когда эта девушка служит инженером лучше меня!.. У нее остыл генератор, я же вижу по сигналам!..

Жмяков. Ясно и прекрасно.

Мешков. Я это предвидел. (Берет телефон). Дайте мне, пожалуйста, номер 4 — 81... Это говорит гражданин Мешков. Я вот утром давеча объявление дал... Нет, о скончании одного гражданина, где двоюродная сестра еще скорбит... Да-да. Вы напечатаете его?.. Что?!.. Места нету? А когда же?.. На днях? Ну вы поскорей, пожалуйста, а то мне терпеть-то уж очень... Что?.. Хорошо, я немного подожду... (Кладет трубку. Жмякову, скучно). Да, Володя...

Жмяков (тем же тоном). Да, Ваня...

Лежачая телефонная трубка (голосом Пужакова). Оля, генератор остывает.

Крашенина. Морозь его дальше, Пужаков.

Пужаков (в телефоне). Сейчас!.. Мы сейчас боковой вентилятор поставим, сделаем пульверизатор и будем дуть в его нутро водяную пыль — самую мелочь! Ничего?

Крашенина. Ничего. Понемножку.

Пужаков (в телефоне). Ну конечно: чуть-чуть, но с вихрем!!

Крашенина. Вот-вот.

Мешков (вздыхая). Не сгорит генератор, Владимир Петрович.

Жмяков. Нет, Иван Васильевич. Но наше славное имя уже сгорело. Облетели огни, отгорели цветы... Нам остается лишь марш Шопена.

Красные лампы перешли к этому моменту на спокойный свет.

Мешков. Марш играть не станут — разлуку сыграют.

Лежачая телефонная трубка (хрипло). Можно кирпичные пресса запустить? Киловатт двести?

Крашенина. Конечно, можно. (Включает). Почему с утра не пускали?

Лежачая телефонная трубка (хрипло). Утрешний инженер-мужик не велел.

Абраментов (Мешкову и Жмякову). Вы, что ль, не велели?

Жмяков. Мы. У нас изжога в душе, Сергей Дмитриевич. Мы же — старое поколение, остатки от истраченной мелочи, мы — колокольчики-бубенчики...

Мешков (Абраментову, уныло). Я говорил тебе, Сережа, что мы теперь — пустяки. (Садится в немощи на приступок пульта, невнимательно вынимает из кармана кулечек с конфетами и начинает сосать конфетку).

Абраментов (со злобой и энергией). Но я не хочу быть пустяком! Я хочу быть товарищем пролетариата, я хочу вместе с ним долго и трудно жить. (Берет руками свою голову; тихо). Я измучился весь!..

Рупор радио начинает играть музыку. Играет до конца акта.

Входит работница с обедом в судках. Ставит судки на пульт.

Жмяков (Крашениной). Обеденный перерыв — выключайте холодные цеха. Переключайте третий фидер на районное кольцо. Работница с обедом. Ешьте блюда. Проголодались ведь небось! (Уходит).

Жмяков (Крашениной). Ну же, милая! Первый в нейтраль, третий на кольцо — мягко, быстро!..

Крашенина резко манипулирует автоматами. Судорожная игра цветов на пульте. Но большинство ламп остается красными.

Абраментов (бросаясь к пульта). Не так! Легче!!

Жмяков (бросаясь к Крашениной). Возьмите сопротивление! Что же вы делаете, бедная моя?!

Абраментов и Жмяков хватаются за автоматы.

Мешков (в стороне). Не трожь нового человека. (Швыряет в рот новую конфету).

Судорожная игра цветов на пульте. Взрыв синего пламени — без шума — наверху распределительного башенного устройства, что за пультом.

Жмяков (в волнении, у автоматов). Автомат не вырубает!

Абраментов. Дай, я. (Резко манипулирует, не выходит). Топор!! Инструмент!! (Бросается в разные стороны, в поисках).

Жмяков (мучается у автоматов). Контакты спеклись, масло высохло... Гибель богов! Мешков, справься в перечне, что нам будет... Хоп!

Автомат отказывает.

Крашенина хватается гаечный ключ и бросается внутрь распределительного устройства — в башню. Абраментов бежит за ней. Он снимает фуражку, надевает ее на, руку и, выхватив у Крашениной ключ, пытается раздробить изолятор, сорвать провод, держа ключ в руке, обернутой фуражкой.

Абраментов (кричит из башни). Выключайте генератор!

Жмяков (работая у пульта). Не выходит, Сергей Дмитриевич. Контакты сварились. Мешков, дай пососать напоследок.

Мешков подает ему кулечек.

Крашенина (из башни). Зовите аварийную ударную бригаду.

Жмяков (выплевывая конфету, затем в телефон). Ударная аварийная — на пульт, на автоматы!

Синее пламя вверху башни нисходит постепенно книзу. Входит работница, приносящая обед.

Работница (осматривая судки на пульте). Что ж вы блюда-то не едите? Остынут ведь, а мне выговор будет, что инженеров невкусно кормлю. У-у, блаженные! (Уходит).

Жмяков. Мешков, съешь блюда.

Мешков (со слезами). Что вы смеетесь надо мной! Я тоже люблю революцию, я тоже хочу чего-то... (Бросает кулек, почти плача подходит к пульту, берется за автомат).

Вбегают Пужаков и Распопов. На бедрах у них мешки с инструментами. Они взбираются по металлической обрешетке башни наверх, к пламени.

Абраментов (кричит им снизу). Перервать ток? Остановить турбину?

Пужаков. Зачем? Не смей. Мы так разъединим. Здесь не очень жарко. (Распопову). Как скажешь, Семен?

Распопов. Вытерпим так.

Лезут выше, надевают резиновые перчатки, достают из сумок инструмент: стержни с крюками на концах. Пульт по-прежнему судорожно играет цветами, но часть ламп — неподвижно красные. Абраментов и Крашенина выходят из токораспределительной башни.

Крашенина (в телефоны). Турбину! Турбинная! Внимание! Я — пульт. Авария. Турбинщик — руку на стопор. Слушать меня. По моему сигналу — немедленно стоп. Люди под высоким напряжением. Электрик, руку на сопротивление. Слышите ли вы меня, товарищи?

Телефоны. Слышим.

Распопов и Пужаков наверху башни, близ синего огня. Распопов ухватывает инструментом контактную шину, около которой трепещет пламя. Шина не поддается. Расколов повисает на ней, прихватившись инструментом. Пужаков повисает таким же образом вслед за Распоповым на второй, шине.

Абраментов (Мешкову, который все еще держит руку на автомате пульта). Попробуй вырубить еще раз масляный автомат. Жмяков. В масле сейчас газ. Взрыв может быть.

Абраментов. Пробуй, Мешков.

Мешков с резким усилием двигает автомат. Взрыв в масляном баллоне внизу башки. Огонь вскидывается вверх, до ног Распопова и Пужакова, и почти окружает их.

Крашенина (в телефон). Стоп, турбина?

Гаснет весь пулы, весь свет. Остается огонь, в башне. Обеденное радио играет по-прежнему. Резко хлопают контактные шины наверху башни, где двое людей. Одна шина заземляет руку Распопова ниже кисти; он, повисая всем туловищем, роняет инструмент. Пужаков падает вниз, в огонь, и выбегает из него к пульту. Распопов висит с прихваченной рукой.

Пужаков. Сеня, тебе больно? Что ж ты не кричишь?

Пламя бьет снизу в ноги Распопова, охватывая почти все его туловище до живота.

Распопов (томясь). Товарищи... (Хватает свою зажатую руку ртом и грызет ее зубами. Откидывается. Томится). Товарищи... Перебейте мне руку... Где товарищи, я никого не вижу... Мне скучно одному. (Снова грызет свою руку).

Абраментов. Мы с тобою. (Бросается в башню, минуя нижний очаг огня, быстро лезет по обрешетке сквозь огонь по пылающим проводам и деталям).

Мешков закрывает лицо руками. Жмяков поднимает кулек с конфетами и берет оттуда конфету в рот.

Крашенина (Пужакову). Достань револьвер! Дай чего-нибудь...

Пужаков (роясь в карманах своей прозодежды). Обожди! Я в Осоавиахиме вчерашний день на проверку взял. (Достает два-три маленьких револьвера. Один подает Крашениной, другой берет себе).

Абраментов, немного не достигнув Распопова, молча валится вниз, в огонь. Распопов поворачивает свое лицо к Пужакову и Крашениной, видит наведенные на него револьверы и рвет руку из зажима.

Пужаков и Крашенина спускают курки — раздается щелканье вхолостую, без выстрелов. Распопов падает за Абраментовым вниз, в огонь.

Пужаков (бросая револьвер). Брак продукции: будь ты проклят!..

Крашенина и Пужаков бегут к башне. Из башни, из огня, медленно выходят черные, обгорелые, почти неузнаваемые Абраментов и Распопов. Они держат друг друга за руки. Крашенина и Пужаков останавливаются перед ними. Останавливаются и, Абраментов с Распоповым. У них нет глаз.

Жмяков (в телефон). Пожарную!.. Огонь на пульте!.. (Краткая пауза). Жертвы? Какие жертвы?! (Глядит на Абраментова и Распопова). Они были, но встали опять жить.

Абраментов и Распопов падают на землю, не выпуская взаимных рук.

Быстрый занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната заводского клуба. Две двери. Окон нет. Два гроба на столах, два черных трупа в них.

Два венка с надписями: «Храбрейшему инженеру, товарищу рабочего класса», «Другу Сене, павшему на поле пролетарской, славы и чести».

Общий транспарант над гробами: «Мертвые герои прокладывают путь живым». Безлюдно. Пауза. Входит Крашенина, в длинном платье, в весенней шляпе, с маленьким букетом цветов. Она подходит к гробу Абраментова. Стоит у изголовья. Потом несмело гладит обугленную голову Абраментова. Потом склоняется и робко целует его в губы. Молчит. Вытирает глаза таким жестом, точно поправляет прическу на висках.

Крашенина (тихо). Вы были правы, товарищ Абраментов. Я и полюбила вас и заплакала. Но я не рада теперь. (Кладет цветы в изголовье. Поправляет одежду на трупе, всматриваясь в Абраментова). Я забыла запомнить ваше лицо. (Трогает лицо покойного). Ну, прощайте теперь совсем. (Отходит, но останавливается и вновь глядит, не отрываясь, на Абраментова).

Входит Пужаков, в костюме, в галстук, убранный, с громадным букетом красных роз.

Пужаков (читает). «Храбрейшему инженеру, товарищу рабочего класса». Довольно верно — хотя что-то недостаточно. «Другу Сене, павшему на поле пролетарской славы и чести». На поле падать не надо, оно ровное. «Мертвые герои прокладывают путь живым». Живым? А кто такие эти живые — герои или нет? Нужно ли им путь-то прокладывать? Эх ты господи!.. (Подходит к трупу Расопова). На, Сеня, (Кладет цветы на грудь мертвого. Стоит молча в неловкости). Что ж ты, Семен, навсегда, стало быть, умирался? Так там и останешься? (Молчит). До самого социализма дожил, а — умер... Вот скоро хорошо уж будет, а тебя нету; нам, брат, без тебя тоже стыдно оставаться. Ты, значит, сделал, а другие жировать будут, — это ведь неверно. (Молчит, тоскует). Нет, и помереть хорошо за такое дело и в такой год... Взяла революция — и даст революция. Молодец, Семен, — ты лучше живого теперь: лежи вечно!.. Вот дай управиться — природу победим, тогда и тебя подыдем... Эх, горе нам с героями! (Берет из своего букета два цветка). Надо и тому положить: тоже свой человек. (Кладет на Абраментова два цветка. Крашениной). Здравствуйте! Тоже горюете стоите — иль просто так себе?..

Крашенина. Просто так стою.

Пужаков. Отчего же? — надо погоревать. Так стоять неприлично.

Крашенина. Я тоже горюю. Я солгала вам, что так стою.

Пужаков (глядя на осунувшуюся Крашенину). Ну вот это нормально, это сознательно, а так стоять нельзя.

Крашенина. Я теперь полюбила его.

Пужаков. А это еще лучше, еще приличней. Поцелуйтесь с ним на прощание — он ведь один остается. А ты с нами будешь.

Крашенина приближается к Абраментову. Одновременно входит Мешков — согнувшийся, неряшливый в лице и одежде; он останавливается у ног Абраментова.

Крашенина (приподнимает черную руку Абраментова, целует ее и говорит мертвому). До свидания. (Накрывает лицо Абраментова куском покрывала от изголовья).

Пужаков (радостно). Вот это нам приятно... А то раньше красивые девки мужиков любили за одно лицо, а на лице — глупость.

Крашенина стоит молча.

Мешков (неопределенно). Неясность жизни была...

Пужаков. А нам давно все ясно. Социализм, брат, это тебе не один пот на рубашке, а вот... что-то такое... серьезное: геройская жизнь и смерть... Что ж я Семена-то забыл поцеловать! (Идет к Распопову и целует его). Ну, Сеня, прости меня. Я, знаешь, может, и сам бы умер, — по-товарищески, чтоб с тобой быть, да теперь вместо тебя нужно жить — опять мне забота.

Мешков (про себя, недоуменно). А мне что делать в этой жизни? (Горестно). Я не могу ни погибать, ни целоваться. Я стесняюсь жить... (Абраментову). Сережа, ведь я же говорил тебе, что я пустяк...

Входит Жмяков, одетый в черное, намеренно грустный, до торжественности.

Жмяков. Оркестр прибыл, товарищи, двадцать три человека состав. На дворе дождь и молния! (Снимает шляпу и отряхивает ее от капель дождя).

Пужаков. Ну зачем оркестр? Зачем людей еще больше расстраивать? И так печально будет.

Жмяков. Нисколько, товарищ Пужаков. Наша печаль превратится в звуки, а звуки рассеются.

Пужаков. Вот тебе раз.

Жмяков (в дверь). Прошу вас, товарищи. (Хозяйствует у гробов, готовит их к выносу).

Входит человек шесть-семь рабочих.

Пожалуйста, будьте любезны — в главную залу.

Рабочие и Пужаков поднимают гробы на руки и быстро трогаются с места.

Осторожнее. Без темпов, пожалуйста.

Идут вслед за гробами. Позади всех уходит Крашенина. Остается один Мешков.

Мешков (находит телефон на стене и берет трубку). 4 — 81... Благодарю вас... Я вот вам звонил уже... Это объявление по поводу смерти одного гражданина, члена секции... Да, да, — о котором скорбит двоюродная сестра... (Слушает). Нет, он еще не похоронен... Он ждет объявления... Все лежит. (Слушает). Сегодня помещено?! (В волнении). А... а где же газета, ее утром не продавали, где ж она? (Слушает). Когда? К четырем часам дня? Отчего к четырем — из-за объявления?!.. Ах, бумагу не доставили... Спасибо, спасибо!.. Правильно все напечатали: Иван Васильевич Мешков, да? и — умер? (Слушает). Скончался?.. Спасибо, спасибо... (Вешает трубку. Один). Ну, мне надо кончаться... Уже давно, давно пора, дорогой мой друг, бедный мой человек, — ни помолиться тебе некому, ни попрощаться не с кем... Вот умер Сережа, и мне его не жалко — сердце пусто, ум давно без памяти, чувства безответны... Я весь уже легкий, скучный, как усталое насекомое, которое несетя ветром в старую осень.

Глухо, точно очень далеко, играют похоронный марш. Звуки встают, как вещи, неподвижно.

Мешков (прислушиваясь). Сережа, ты обманут. Ты видишь, они не могут сами тосковать по тебе и заставили музыку... Сережа, ты скоро уйдешь в материк, в тесную землю, опять в тюрьму. Зато у нас с тобой останется одна свобода — свобода быть забытыми.

Музыка прекращается. Слышится далекий раскат грома.

Ну, мне пора ложиться. Сейчас перестану дышать! (Ложится на стол. Вдруг привстает и сидит на столе). Скучно чего-то. (Сходит со стола, идет к телефону, снимает трубку). Барышня, дайте

мне номер какого-нибудь человека... (Ждет, слушает). Что вы говорите?.. Хорошо. (Кладет трубку). Гроза: телефоны не работают, человек не отвечает. Пойду погляжу на улицу — какая там гроза. Сейчас вернусь. (Уходит).

В другую дверь входит Жмяков.

Жмяков (садится в усталости). Устал горевать... Трупы унесли в дождь, живые пошли сочувствовать, а оркестр с полдороги пойдет в садик и там заиграет другие мотивы... А затем наступит вечер, погода изменится, выйдут домработницы и начнут под музыку воздух рассекать. Шумит население на земле!

Приходит Девлетов, в мокром плаще, с маленьким чемоданом. Ставит чемодан на пол.

Девлетов. Здравствуйте, Владимир Петрович. (Садится, утирает платком лицо). Я с поезда только что... Был в Москве. Там говорят, что нас уже включили в общий ток силовых гигантов, что выслали нам давно особый диспетчерский радиопульт, но — у нас ведь нет ничего. Усердствуют от ужаса чиновники!.. Встретил в гробу Сергея Дмитриевича, встретил Семена Федоровича Распопова... Эх, Владимир Петрович, Владимир Петрович, что же вы-то смотрели?

Жмяков. Не хотелось, Илья Григорьевич, ток прерывать. Были бы аварии на механизмах, брак, скандал, промфинплан бы сорвали.

Девлетов. Ну и что ж? Справились бы потом, не очень страшно... А то ведь вы людей пожгли, и каких людей... (Иронически). Промфинплан бы сорвали. Вот вы и сорвали его. Что такое «промфинплан»? Это не бумага, это вот те люди, какие погибли... Извольте теперь идти под суд. Кто там еще был? Мешков и Крашенина? Тоже под суд. А я буду общественным обвинителем... Не беспокойтесь, я вас укатаю прочно...

Жмяков (расхаживая, слегка напевает). Колокольчики-бубенчики...

Девлетов. Вы что издеваетесь, Жмяков?

Жмяков. Вы забыли еще одного подсудимого.

Девлетов. Кого?

Жмяков. Директора — вас.

Девлетов (встает). Вы правы, Жмяков. Общественным обвинителем будет Пужаков.

Жмяков. Я даю согласие.

Девлетов. Его не требуется. Идемте — вы напишете аварийный рапорт, — сейчас же, при мне.

Жмяков. Прекрасно, со всем вдохновением, ударно... Будьте любезны. (Дает директору дорогу).

Одновременно входит в другую дверь вымокший на дожде Мешков с газетой в руках. Жмяков замечает его и делает ему рукой знак прощания. Оба уходят.

Мешков (один, медленно и внимательно читает газету). «Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых о своевременной кончине инженера-механика, члена секции ИТР Ивана Васильевича Мешкова». (Складывает газету). Хорошо. Плохо только, что сестра извещает, а не треугольник. Подумают теперь, что я антиобщественник был, раз завком промолчал... Неприятно... (Спихватывается. Запирает обе двери на ключ. Садится). Теперь совсем хорошо. Плохо только — домой нельзя пройти: газета вышла, увидят, что я живой, и окружают вниманием. (Пауза). Говорить мне чего-то охота, мнение какое-то появилось... (Развертывает газету, читает молча, потом вслух). «Партком, завком, дирекция, рабочие-ударники... о смерти в огне... незабвенного, верного пролетариату товарища, храбрейшего инженера Сергея Дмитриевича Абраментова, пришедшего из

рядов врагов...». (Озирается). Из рядов врагов!.. А я откуда? Я врагом не был. Я все время сочувствовал. Я наоборот даже. Я слишком честный. Я умираю от честности, потому что осознал, что я дурак новой жизни, — я стесняюсь жить!..

Резкий стук в дверь.

(Бросает газету, потом прячет ее под стол, быстро раздевается наполовину; опомнясь, одевается опять).

Стук в дверь повторяется.

(Подбегает к телефону, берет трубку, хрипло шепчет). Барышня, барышня!.. Скажите мне что-нибудь, ради бога...

Стук в дверь, голоса.

Голос Жмякова. Да здесь же он, я вам говорю. Я его только что видел, он мокрый был...

Мешков (в телефон, хриплым шепотом). Барышня, а барышня!.. Прошла гроза или нет?.. Барышня, товарищ...

Стук в дверь. Голоса.

Голос Пужакова. Дай я высажу всю снасть. Мешков хороший человек.

Дверь трещит. Мешков бросается к столу, на котором лежал Абраментов, влезает на него и ложится вниз лицом. Дверь вышибается извне. В дверном отверстии появляются: Пужаков, Девлетов с чемоданом, Жмяков с газетой и несколько рабочих, мужчин и женщин; позади, — Крашенина под руку с мужем. Звук упругого пневматического удара — негромкого, неглубокого и мощного. Комната сотрясается. Стол, на котором лежит Мешков, подпрыгивает, — и Мешков скидывается на пол. Мешков вскакивает на ноги. Мгновение общего тревожного напряжения. Жмяков, наоборот, чрезвычайно спокоен. Крашенина вырывает руку у мужа.

Девлетов (бросая на пол чемодан). Что это?! Немедленно всем в цеха!

Новый удар. Комната сотрясается. Общее волнение. Мешков покачнулся всем телом, но устоял. Девлетов, Крашенина и Пужаков бросаются к выходу. Жмяков спокоен.

Жмяков (Девлетову). Спокойно, директор. Это пробуют новые молоты, это неполные удары.

Девлетов и другие останавливаются.

Девлетов. Да, я вспомнил. Кто проверяет установку? Чья сейчас смена?

Крашенина (подходя). Моя смена.

Девлетов. Почему вы не в цеху?

Крашенина (тихо). Я провожала в могилу своего товарища — Абраментова.

Пауза.

(Вдруг отворачивает свое лицо ото всех и закрывает его руками).

Муж Крашениной. Олечка, не плачь! Ведь я с тобой остался. (Обнимает ее за плечи). Крошка ты моя...

Маленькая пауза.

Девлетов (медленно). Так... (Крашениной). Ольга Михайловна, завтра у вас будет внеочередной выходной день.

Крашенина. Как вам не стыдно! У меня новые молота на испытании.

Девлетов. Здесь не стыд, а мой приказ. Здесь я директор. Гражданин Крашенин, проводите свою жену домой.

Крашенина (оборачивается с высохшим лицом). Я сама уйду. Мое сердце прошло (Уходит).

За нею следом уходит ее муж.

Пужаков. Бедная ты наша женщина!

Случайные рабочие, бывшие свидетелями сцены, расходятся. Раздается нежная музыка. Входит почтальон с громадной сумкой на животе; весь оборванный, одежда на нем в клочьях.

Почтальон. Давайте мне теперь прозодежду. Пока я шел до сих пор, по адресу, мне разные цехи, индустрия и машины костюм изорвали... Там все крутится, мечется, бушует, жжется — почтовому человеку пройти негде... Принимайте «молнию»!

Девлетов (берет телеграмму, читает). «Поздравляю днем рождения милого друга мужа. Тася. Мерзавец, зачем ты фактически бросил семью и плачущих по тебе детей?» Кто сегодня родился?.. Адресовано мне, прислано из моей же квартиры. Значит, мерзавец, товарищи, это я.

Почтальон. Да, наверное, ты: ты же адресат, ты же расписался.

Пужаков. Пускай пишут, пускай поздравляют, пускай обижаются, товарищ Девлетов. Все равно всем известно, что мы люди нежные и культурные... Илья Григорьевич, как ты мне посоветуешь: я хочу зубы себе вставить... А то заводу нас приличный, жизнь наступает высшая, а я беззубый... Так бы мне зубы не особенно нужны были, я и десною жую вкусно, — но все же это как-то некрасиво в нашу эпоху... Ты глянь сюда, до чего меня пища довела. (Открывает рот и показывает щербины отсутствующих зубов).

Почтальон первым заглядывает в рот Пужакова.

(Почтальону). А ты чего глядишь на меня? Тебе одежда нужна? На! (Снимает с себя пиджак).

Почтальон. Прочь ты от меня, деляцкий элемент! Я на вечерних курсах учусь и стою сейчас черпаю от вас различные знания. Не оскорбляй меня рвачеством, квалифицированный черт! Ты видишь — я стою посредине техники, темный, как бутылка. А сознание во мне светлое, и я тебя обгоню.

Маленькая пауза.

Пужаков. Ну до чего ж наш пролетариат сердцем возгордился. Это прямо сукин сын стал!

Почтальон, бормоча, уходит. Из сумки на его животе возобновляется музыка.

Девлетов (подходит к Мешкову, который стоял неподвижно во время всей сцены). А это что такое?

Жмяков. А это, Илья Григорьевич, наш сознательный покойник, инженер Мешков. Он, по официальным данным, скончался.

Девлетов (всматриваясь в Мешкова). Отчего он скончался?

Жмяков. Он стихии выдвигенчества испугался, Илья Григорьевич.

Мешков. Мне нужно скончаться, Илья Григорьевич, а я не умею, — я никак, я разучился.

Девлетов. Ну и черт е тобой... Дай я тебя сам сейчас убью, негодная тварь, если тебе нужно и ты не умеешь... Где револьвер? Ты думаешь — что?.. Ты думаешь — социализм это тебе ширпотреб? Ширпотреб?! — куда вся сволочь, шлак, весь гной всех времен стечет? Ты думаешь — социализм для всех, а для тебя в особенности? Прочь с земли, скучная твоя душа!.. Где револьвер? Кончайся!

Жмяков. Я человек безоружный, Илья Григорьевич.

Пужаков(вынимая револьвер и отдавая его Девлетову). На, возьми, только пользоваться не советую: брак продукции.

Девлетов (хватая револьвер, Мешкову). Ты социализм хочешь кончить, стервец, а не себя. Ты инженер и член социалистического общества, тебя пролетариат поставил в один ряд с собою, свой ум отдал тебе на выучку, технику — маховое колесо революции — поручил тебе держать на высших оборотах, он хотел заставить твое сердце чувствовать и биться вперед, он спас тебя из могилы истории, мясо от себя оторвал и тебе выдал. А ты — ты кончаться, ты — в гроб, ты буржуем своего туловища себя вообразил! Ты пролетариату в лицо, в душу, в открытые руки плюнул. Ты — что такое? Тебе чего? Тебя все рабочие завода знали и уважали, а ты недоволен! — что тебе? — специального счастья захотелось в нашем несчастном мире — покоя в благородства над гробами миллионов?! Эх ты! (Бросает револьвер на землю).

Пужаков. Тише, директор... Чего ты человека калечишь!

Девлетов. В отпуск! На месяц! На два месяца — на курорт!.. Завтра же оформить ему путевку! Надо прекратить эту психологию на заводе. Мертвых сохранить, живых вылечить.

Мешков. Можно, я... можно, я сейчас пойду подежурю за Крашенину?

Девлетов. Ступайте.

Мешков (делает движение и опять останавливается). Надо мной там массы засмеются...

Пужаков. Идем, Иван Васильевич. (Берет Мешкова под руку). Идем, никто не засмеется. Мы люди тактичные, нам нравится интеллигенция. А ты ничего не бойся, — массы — они ведь добрые... Это только субъекты — сукины сыны.

Мешков. А я... я полагал, что человек нарочно не отвечает мне... Я скучал...

Пужаков. Так то ж ты по буржую скучал, а не по человеку. Ты ж ни разу не жаловался мне, что скорблю, мол, и бедствую грудью...

Уходят. Остаются Девлетов и Жмяков.

Девлетов. Ну, Владимир Петрович, а вы что такое?

Жмяков (серьезно). А я же, Илья Григорьевич, последний мелкий буржуй на свете. Прикажете — и меня не будет.

Девлетов. Дурите пореже, Жмяков... Невежда хулиганит финкой, а интеллигент — умом. Но нравитесь вы мне чем-то, черт вас знает.

Жмяков. А тем, что я счастливый гад, Илья Григорьевич.

Девлетов. Гадами ведь целый мир был заселен — разве вы забыли? А вам надо перестроиться; я серьезно говорю.

Жмяков. Зачем же тратиться, Илья Григорьевич? Я человек дешевый и веселый, — я в социализм колокольчиком-бубенчиком вкачусь, позвоню немного и замолкну сам.

Девлетов. Прямо хуже вредителя, сукин сын.

Жмяков. Хуже, Илья Григорьевич, гораздо хуже. Вредители же пессимисты были, а я всякой исторической необходимости рад. Даже вперед необходимости рад... А суд-то нам будет, Илья Григорьевич?

Девлетов. Обязательно. Непременно.

Жмяков. Благодарю вас. (Двигается и напевает). Пускай могила нас всех накажет — мы еще разик поживем!

Частым тактом бьют тяжелые молоты. Комната сотрясается. Жмяков легко танцует в такт тяжелому ритму. Сразу тихо. Жмяков останавливается.

Девлетов. Врешь, Жмяков, все равно ты нашим будешь! (Берет чемодан). Кроме нас — кому ты нужен? Кто оценит или поймет твою тревогу и твой характер?.. Социализм велик! Будь здоров! (Уходит).

Пауза.

Жмяков (грустно). Товарищи, я люблю вас... Но любить вас — с моей стороны бестактно, и я скрывался под улыбкой... Ах жизнь, неужели ты вся прожита? Неужели ты серьезна и прекрасна, начиная с осени девятьсот семнадцатого года? Ах сволочь и гад! Зачем тебе жизнь, когда ты лишь сожалеешь, но не действуешь! Вперед, мерзавец! (Бросается в пространство).

Входит почтальон, в прежней порванной в клочья одежде.

Почтальон. Ты куда? Чего ты мечешься: ведь адрес потеряешь!

Жмяков. Да куда-то вперед, сам не знаю...

Почтальон. Ну вот видишь, а ты мечешься! Прими-ка местную срочную, задержанную на аппарате... Распишись на обратной расписке... Первый раз застаю я человека на одном и том же месте — и правильно! Раз есть почта и телеграф, люди должны жить неподвижно. Читай при мне — что там тебе сообщают — советский связист должен интересоваться смыслом продукции своего труда. А то, может, я хожу без смысла и растрачиваю зря основной капитал своего тела: ведь это ж — дефект!

Жмяков (читает). «Сего числа три фазы вашего завода введены в контакт с высоковольтной магистралью республики. Энергетический резерв страны распоряжении завода. Включайте нагрузку республиканское кольцо. Автоматический радиопульт выслали почтой две декады назад. Включайтесь на расстоянии. Инструкция при аппарате. Линейный инженер Брекчиус». Люблю я вас, Брекчиус! Почтальон, на сколько задержана эта телеграмма?

Почтальон (размышляя). Содержание довольно смысловое. Я доволен, что хожу... Да я полагаю, что суток на четверо депеша опоздала: у нас электричество в проволоке ослабело и аппараты Бодо перестали активничать.

Жмяков (задумчиво). Суток на четверо... Абраментов умер трое суток назад. На трое суток задержано включение. Трое лишних суток мы гнали генератор с перегревом и перегрели людей.

Почтальон. Выходит — так. От почты, братец ты мой, люди плачут, радуются и сразу помирают. Почта, телеграф — это слишком серьезное дело. Ты люби эту область!

Жмяков. Хорошо, буду любить. Где посылка в наш адрес?

Почтальон (засовывает руку в сумку, делает там в глубине несколько манипуляций, вынимает наружу небольшой специальный прибор — вовсе не похожий на радиоприемник, хотя тех же размеров, что радиоприемник; прибор начинает играть нежную музыку еще в руках почтальона; почтальон ставит его на стол, прибор играет). Вот она — ваша посылка; я думал, что это пустяк! Без адресата. А я люблю радионауку и технику и сделал себе приемник, чтоб мне была музыка, когда я нервничаю или когда мне скучно. Я уж пятый день хожу под марш.

Жмяков (хватая револьвер с земли, брошенный Девлетовым). Застрелю, негодяй! У нас люди умерли из-за тебя...

Почтальон (невинно). Теперь стрелять уж ни к чему... Сами виноваты: правили мне любовь к научно-техническим достижениям, пустили ходить в будущее, — вот я и стремлюсь!

Жмяков бросает револьвер, садится на пол и беззвучно плачет.

Чего ты нервничаешь? Аппарат твой цел. Я изучил его по инструкции и ничуть не испортил... (Манипулирует на аппарате).

Загорается вначале одна синяя лампа, затем две, затем три — и все горят ровным светом; внутри аппарата по-прежнему играет нежная музыка.

Ты думаешь — я попка?.. Ты думаешь — я просто себе гуца масс?.. Нисколько! Сейчас я тебе электричество по радио включил — только и всего. Нам понятно.

Жмяков встает, глядит на аппарат, на лампы, на циферблаты на нем. Пауза. Быстро входит Мешков.

Мешков. Владимир Петрович, на главном пульте падает нагрузка. Завод идет полным ходом. Я не растерялся, просто ужасаюсь.

Жмяков (указывая на прибор на столе). Вот теперь наш главный пульт. Нас включили в республиканское кольцо высокого напряжения. Останавливайте турбогенератор, тушите дизель, поставьте дежурного монтера на главный трансформатор республики.

Мешков. Слушаю, Владимир Петрович. Сейчас все налажу: я ведь теперь бодр — после смерти! Я ведь теперь счастлив! (Быстро и бодро уходит).

Вбегает Пужаков.

Пужаков. Владимир Петрович! Кто там прет таким ходом наш завод? Нам теперь силы девать некуда, раньше машины только шумели, а теперь они песни поют.

Жмяков. Мы попали в общепролетарское силовое кольцо и вот — мчимся!

Почтальон (Пужакову). А ты думал — мы остановимся?

Пужаков (почтальону). Прочь от меня, фабзяц! Эх, Владимир Петрович, Владимир Петрович, ты бы хоть спел теперь что-нибудь.

Жмяков. Нет, Петр Митрофанович, я пел не от радости. Песня моя спета, и наступает жизнь.

Почтальон. Ну что ж — иди и существуй. Я вполне допускаю.

Жмяков (почтальону). Благодарю вас!

Почтальон. Неначем. Живи себе безвредно и героически, как я живу... Ну, затем до свиданья — пойду пользу делать. Эх, судьба — проблема! (Направляется к выходу).

Занавес

14 КРАСНЫХ ИЗБУШЕК, ИЛИ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Пьеса в 4-х действиях

Действие происходит в 1932 году

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Эдвард-Иоганн-Луи Хоз — ученый всемирного значения, председатель Комиссии Лиги Наций по разрешению мировой экономической и прочей загадки, 101 год
2. Интергом — спутница Хоза, 21 год
3. Приветствующий деятель — лет 45
4. Начальник станции
5. Уборняк Петр Поликарпович
6. Жовов Мечислав Евдокимович } писатели
7. Фушенко Геннадий Павлович
8. Суенита — председатель колхоза «14 Красных избышек» (19-20 лет)
9. Желдор — сторож
10. Вершков Филипп (колхозник в возрасте)
11. Концов Антон — лет 30 (говорит и действует с безошибочной четкостью)
12. Летчик
13. Секущева Ксения — колхозница, 23 лет
14. Берданщик — колхозный сторож
15. Районный старичок
16. Гармалов — муж Суениты (демобилизованный красноармеец)

Грудные дети Суениты и Ксении

Несколько пассажиров с поезда дальнего следования

1-е ДЕЙСТВИЕ

Фойе московского вокзала. Цветы, столики, транспаранты с приветственными надписями на иностранных языках. Несколько лозунгов по-русски. Один большой транспарант гласит: «За здорового советского старика! За культурную, еще более плодотворную старость!».

Гудки далеких мчащихся паровозов. Звуки настраивающегося духового оркестра где-то на перроне.

На сцене Начальник станции; он бдительно оглядывает помещение и переставляет цветы на столиках — для их лучшей эффектности. У дверей — ж. д. сторож. Входит Приветствующий деятель.

Приветствующий деятель. Здравствуйте, товарищ. Когда прибывает поезд с границы?

Начальник станции. Экспресс «Могучая птица» должен прибыть через две минуты. По сведениям диспетчера, опаздывает на четыре минуты, но я думаю — механик нагонит.

Приветствующий деятель. Я с вами согласен: теперь в работе транспорта наступила должная четкость!

Долгий, далекий, разрываемый скоростью и встречным вихрем воздуха, жалобный свисток мчащегося паровоза.

Начальник станции (официально). Транссоветский экспресс «Могучая птица» Столбцы — Владивосток прибывает на первую платформу! В литерном люкс-вагоне следует господин Иоганн-Луи-Эдвард-Хоз, почетный член Стокгольмской академии, Председатель Комиссии по разрешению мировой экономической и прочей загадки при Лиге Наций. (Глядит на часы на своей руке). Опоздание: полминуты! Механик — товарищ Живаго!

Свисток паровоза — уже в пределах вокзала. Звук работающих тормозов.

Остановка. Гул публики. Приветствия. Музыка-туш. Начальник станции, подтянувшись, уходит на перрон. Приветствующий деятель стоит в сосредоточенной позе.

В фойе входит Иоганн Хоз об руку с Интергом. У Интергом в руках маленький чемодан. Позади их являются два писателя: Уборняк и Жовов. Затем — начальник станции. Приветствующий деятель встречает Хоza. Представляется ему и его спутнице, говорит краткую фразу приветствия по-французски.

Хоз (раздраженно). Знаю, знаю... Ну конечно же, знаю! Я уже забыл, чего я только не знаю. Русский, индусский, мексиканский, еврейский, астрономию, психотехнику, гидравлику... Мне сто один год, а вы — мальчик (раздражаясь все более) — вы мальчик!!! — осмеливаетесь со мной говорить по-французски.

Приветствующий деятель. Простите. Спутница ваша также потрудились над русским языком?

Хоз. Мальчик! Не раздражайте моего духа на этой раздраженной земле! Интергом, скажите ему по-русски ваши пустяки.

Интергом. Долой антискирдовальное настроение!

Хоз. Как? Что такое? Отличница, вы знаете по-русски лучше меня?! Повторите сейчас же: вы ж видите — мучаюсь.

Интергом. Долой антискирдовальное настроение! Я читала газеты Советов, я выучилась. Антискирдовальное настроение — по-русски — это печаль. Это аннион, это не социализм.

Хоз. Это сверкающе!

Интергом. Вы ошибаетесь: это блестяще.

Хоз. Пардон, блестяще!.. Что я такое, если стал забывать чепуху?.. Мальчики, девочки, дети, дайте мне трость из могильного креста, чтобы я мог уйти на тот бедный свет!

Интергом. Вы, дедушка, контр-дурак.

Хоз. Как? Что такое?

Интергом. Вы контр-дурак: значит — умница.

Хоз (сосредоточенно). Не известно, Интергом.

Начальник станции (Хозу). Поздравляю вас с благополучным прибытием. Желаю вам счастливого путешествия по этой самой великой и пока еще самой чуждой вам стране.

Хоз. Самой чуждой?! Ошибаетесь: все страны для меня одинаково чужды и неприютны. Благодарю вас.

Начальник станции прощается и уходит.

Приветствующий деятель. Приветствую вас, господин Иоганн Хоз, великий философ слабеющего капитализма, блестящий мастер оппортунистических ухищрений, и желаю вам...

Интергом. Стать младенцем, дошкольчатником (пионером, милым другом нового света).

Приветствующий деятель (к Интергом угрюмо). Верно лишь отчасти. (Хозу). Приветствую вас в еще неизвестной гигантской стране — от имени трудящихся людей, делающих счастье и истину себе и вам. Мы счастливы встретить вас в своем общем доме!

Хоз. Сомневаюсь, чтобы вы были от меня счастливы.

Краткая пауза.

Хоз. Я никого еще не делал веселым и счастливым. (На Интергом.) Вероятно — только ее.

Интергом. Да, Иоганн, от вашей любви я ужасно счастлива!

Хоз. Знаю, знаю... Вы же вперед женщина, потом человек.

Интергом. И вперед, и назад — я всюду женщина.

Хоз. Вы контр-умница, Интергом... Ах, мадемуазель девочка, мне давно уже надоело жить в своем организме, в этой жизни, в тоске текущих фактов: дайте мне молочка! Мне скучно, мадемуазель, от сознательных чувств... Молочка!

Интергом (вынимает из своего чемодана бутылочку консервированного молока и подает ее Хозу). Кушайте, дедушка, вы не волнуйтесь, вы не думайте: у вас так слаб желудок... Ну ради бога, дедушка, не оставляйте капель на дне, я вас люблю.

Хоз (отдавая бутылку, допив молоко). Теперь чего-нибудь химического, едкого!

Интергом (роясь в чемоданчике). Вот — неизвестно что... Что-то химическое, невкусное такое.

Хоз. Давай его, мне надо глотать! (Берет таблетку из рук Интергом и глотает. Затем враз обращается к Приветствующему деятелю). Где здесь социализм? Покажите его сейчас же, меня раздражает капитализм.

Приветствующий деятель. Отдельные элементы нашего строя я вам в состоянии предъявить немедленно... Пожалуйста! Сейчас же направо будет комната матери и ребенка...

Интергом. Благодарим вас. Предъявите нам, ради бога, комнату для самых бедных старичков и что они там делают!

Приветствующий деятель (в затруднении). Простите: она ремонтируется...

Хоз. Не спешите, Интергом. Здесь нет старичков, здесь люди умирают вовремя. (К Приветствующему деятелю). Вождь, товарищ, остановите ремонт комнаты старичков: она у вас будет пустая.

Приветствующий деятель. Я преувеличил, господин Хоз. Этой комнаты у нас нет.

Хоз. Не смущайтесь: я знаю, что вы понемногу (бормочет невнятно), но ведь мы все подлецы. Компривет! (Ко всем спутникам). Товарищи, подумаем так. У них есть комната ма-

тери и ребенка — это пустяки. У них мало стариков и нет для них комнаты — это успех. Не ошибаюсь ли я, господа?

Два писателя (напряженно, одновременно, почти вместе). Привет! Доблесть! Ажур! Гут! Принципиально! Мерси!

Приветствующий деятель. Вы глубоко ошибаетесь, господа! У нас есть лозунг: «За здорового советского старика! За культурную, еще более плодотворную старость!». Прочитайте! (Показывает на лозунг на стене).

Интергом. Иоганн, большевистские старички тоже любят женщин, как ты?

Хоз. Сомневаюсь.

Интергом. А если они догонят и перегонят?

Хоз. Тогда ты уйдешь к ним, а я женюсь на юной комсомолке — моложе тебя.

Интергом. Это ужас, Иоганн!

Хоз. Это моя техника, Интергом. Вы ее знаете?

Интергом. Ах, вполне Иоганн. Мое тело прогрессирует от вашей страсти.

Хоз. Оно и увядает также, Интергом. Я говорю о вашем теле. А мой опыт приобретает рациональность.

Приветствующий деятель (смущенно). Господин Хоз, вас ожидает наша страна.

Хоз. Да, да — сейчас мы отправимся в русское пространство, на воздух, в зеленую рощу, на колхозную печку нового мира, в природную чепуху!..

Приветствующий деятель. Господин Хоз, для вас давно заведены моторы. Разрешите узнать ваш курс!

Хоз. В неизвестность истории, в Азию, в пустоту Востока... Мы хотим измерить светосилу той зари, которую вы якобы зажгли.

Уборняк. Могу я узнать у господина всемирного мыслителя его точку зрения на какой-либо всемирно-исторический предмет?

Хоз. А вы кто такой — вы трудящийся?

Уборняк. Я прозаический великороссийский писатель Петр Поликарпыч Уборняк. Я надеюсь, что вы знаете мои книги: «Бедное дерево», «Доходный год», «Культурнейшая личность», «Вечно-советский» и прочие мои сочинения?..

Хоз. Не надейтесь: я не знаю ваших книг.

Уборняк. Народам известна моя международная деятельность по обороне моей родины...

Хоз. Простите мое невежество. В чем выразилась эта ваша ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ?

Уборняк. В момент угрозы интервенции со стороны Англии — я женился на знаменитой англичанке. В эпоху японской угрозы — я обручился с японкой из древнего рода.

Хоз. Благоразумно. Интервенция, как известно, не состоялась — ваша заслуга неопределима. Но на ком вы женились в гражданскую войну?

Уборняк. На образованнейшей дочери почтенного русского генерала.

Хоз. Отлично. Вы, господин Уборняк, совсем неглупый человек — для дураков.

Уборняк. По добрейшему обычаю моей родины, по сердечнейшему дружелюбию нашей наибогороднейшей и наиболее благодарнейшей отлично-превосходной страны — разрешите обменяться поцелуем, дабы получилось у нас это культурно и исторически!

Хоз (указывая на Интергом). Поцелуйте вон ее в щеку. Она заведует моими чувствами.

Интергом подставляет свою щеку, раздув ее изнутри, а Уборняк вежливо прикладывается к ней.

Приветствующий деятель. Вам, господин Хоз, желает представиться еще один писатель: господин-гражданин Мечислав Жовов и Геннадий Фушенко.

Хоз. Скорее, пожалуйста. Мне нужна действительность, а не литература.

Мечислав Жовов медленно подходит почти вплотную к Хозу и молча, несколько застенчиво улыбается.

Интергом. Иоганн, отчего у него лицо счастливого корнеплода? — я забыла его по-русски.

Фушенко. Это российский овощ, мадемуазель.

Желдор. сторож (у дверей). Тыква! Какой овощ?! Эх ты, Мордовцев, камо грядеши!

Интергом. Счастливая тыква!

Пауза. Жовов молчит.

Приветствующий деятель (Хозу). Он говорить не может: у него десять человек иждивенцев. Но он вам рад.

Фушенко (тихо, но настойчиво). Господин Хоз, я член правления. Я пишу рассказы из турецкой жизни...

Хоз не замечает Фушенко. Пауза полного, коснеющего недоумения.

Приветствующий деятель. Может быть, господин Хоз выскажется более научно о цели своего путешествия в страну строящегося социализма?

Хоз. Научно?! Не раздражайте меня! Я приехал сюда веселиться, я еду по пустяку!

Уборняк (торжественно). Вы ошибаетесь, господин Хоз. У нас в стране, на одной шестой суши, где...

Фушенко. Господин Хоз, я...

Хоз. Не притворяйтесь серьезными, господа. Вам хочется рассмеяться в своей стране, а вы стараетесь мыслить! Смейтесь и сочувствуйте!

Фушенко. Господин Хоз! Я орга...

Хоз. Хорошо. Пишите рассказы. Играйте в свою славу.

Шум поезда, вошедшего в вокзал, гул толпы пассажиров. Уже по этим звукам ясно, что пришел обыкновенный поезд дальнего следования. Несколько будничных пассажиров входят по ошибке в зал на сцене, но Желдор. сторож выпирает их вон обратно. Два пассажира, однако, успевают миновать сторожа и пройти через сцену с мешками. Третьим пассажиром, спокойно и нечаянно прошедшим мимо сторожа, является Суенита. Через плечо у нее висят ее вещи, связанные узлом на плече: за спиной мешок с сухарями и железная кружка, спереди — книги, обвязанные веревкой. Суенита — смуглая, южная женщина, она сейчас утомлена дорогой и грязна. Она оглядывает людей и обстановку удивленными, немного грустными глазами.

Хоз (наблюдая Суениту). Какое бедное творение природы!

Суенита. Мы не богатые... Где тут уйти на Казанский вокзал — мне нужно ехать в пустыню.

Хоз (неподвижно разглядывая ее). Как тебя зовут, божье создание?.. Куда ты спешишь отсюда, советское дитя?

Суенита. Я не дитя, я председатель пастушьего колхоза «Красные избушки». Я еду домой на Каспийское море.

Хоз. Какое чудо жизни — ребенок правит деревенским царством! Откуда же ты едешь, беззащитная моя?

Суенита. Я не беззащитная — у нас колхоз, у меня муж в Красной Армии. Я в Ленинград ездила, библиотеку в премию получала.

Фушенко. Товарищ председатель, сколько у вас обобществлено хозяйств? Не активничают ли кулаки? Нет ли мелких прорывов в организационно-хозяйственном укреплении? Не нужно ли срочно послать в ваш колхоз ликвидационно-прорывочную бригаду писателей? Я член культбригады...

Суенита (задумчиво). Писателей?.. А они умные?.. У нас четырнадцать красных избушек. У нас не было чтения, все уж прочитали, у нас в колхозе читают вслух по ночам.

Лампа горит, стекло треснуло от огня, а я читаю, и все думают около меня, а кругом темно, слышно, как шумит Каспийское море. Книги все прочли, стали неинтересны, нам было скучно жить с одним своим умом. Мне дали тогда в премию библиотеку, что я трудодни прекрасно сосчитала. А книги хотели прислать, только не прислали — все нет и нет: у бюрократизма не болит социализм. Я поехала сама, взяла и везу — не знаю теперь, где Казанский вокзал, где билеты берут без плацкарта.

Приветствующий деятель. Вот перед вами, господин Хоз, небольшое существо социализма.

Хоз. Огромное, дорогой мой. Весь божий мир скрылся в этом бедном существе. (К Суените). Дайте мне вашу руку, счастливая моя!

Суенита несмело подает Хозу свою руку. Хоз целует ее руку.

Суенита. Плюньте лучше. У меня рука сейчас грязная. Руками ведь не целуются, а только работают и обнимаются.

Уборняк. Она санминимум проходила.

Суенита. Да, я санитарка и детей умею принимать.

Хоз. А рожать вы не пробовали?

Суенита. Успела уже.

Интергом. Хотите одеколону для рук?

Суенита. Так себе. Не хочется. Где Казанский вокзал?

Фушенко. Разрешите я вам билет возьму вне всякой очереди?

Суенита. А разве можно? Там люди в очереди стоят, это против закона, я за кило пшена людей наказывала.

Уборняк. Можно, голубушка. Он возьмет без очереди. Он и живет без очереди — его очередь давно прошла, а он живет себе по-культурному! Геня, давай поцелуемся!

Фушенко. Давай, Петр Поликарпыч!.. (Целуются).

Интергом (Суените). Хотите молока?

Суенита. Я в колхозе его пила. До свиданья. Я пойду в очередь билеты покупать — боюсь, не достанется. Чего те двое целовались? — неприличные какие!

Хоз. Погодите... Я еду с вами — разрешите пожилому человеку!

Суенита. Вы старый. У нас лесу нету: если умрете — гроб не из чего делать. Мы вас в песок положим.

Хоз. Я согласен. До свидания, господа! Пишите сочинения, приветствуйте, встречайте поезда дальнего следования, будьте здоровы!..

Хоз и Суенита направляются к выходу.

Интергом (бросаясь вслед). Иоганн! А где же я буду жить? Иоганн? Здесь чужая страна, я умру без тебя, Иоганн!

Хоз (приостанавливаясь). Ну, дальше что? Ну, раздражай, раздражай меня! Выпускай из тела пустяки!

Интергом (припадая к Хозу). Иоганн, ты исчерпал своей любовью всю мою молодость...

Хоз. Да, исчерпал. Я же мужчина, Интергом!

Интергом. Не бросай меня сразу! Выпей своего молочка, съешь чего-нибудь химического — уйдем в отель, забудемся... Возьми меня в пустыню, я засохну по тебе в Европе. (Плачет).

Хоз. Умирают от любви и живут в пустыне — только ангелы. Интергом... Ты женщина, ты в пустыню не поедешь. Сегодня же ты будешь улыбаться...

Суенита. Старичок, там во все колхозы поезда уйдут. Мы останемся.

Хоз. Сейчас. Сейчас все организуем, бедные мои!

Интергом (в слезах). Где же ты станешь пить молоко, есть порошки и пилюли? Кого ты будешь теперь любить? Я изучила тебя, я чувствовать привыкла, а теперь надо забывать!

Суенита. Я его буду кормить из своей сумки. У меня сухари и корки есть.

Хоз (к Уборняку). Господин писатель! Интергом — голландская фламандка, хотя и родилась в России. Я считаю полезным улучшить нравственно-политические отношения между вашей родиной и Голландией. Возьмите Интергом под вашу любовь и покровительство. Сделайте одолжение голландской королеве!

Интергом. Ах, Иоганн! Я так грустна сейчас! Ну поцелуй мне руку!

Хоз. Успокойся, Интергом: ты знаешь, что жизнь все равно несерьезна. Прощай, мое бедное тело! (Целует Интергом в лоб и оставляет ее, отходя к Суените).

Уборняк (к Интергом, предлагая ей руку). Сударыня, разрешите предложить вам культурную дружбу и гостеприимство! Мой дом открыт всей Европе!

Суенита (Хозу). Пойдем скорее, дедушка, в нашу деревню, у меня ребенок там плачет.

Хоз. Пойдем, божье создание. Дай мне сухарик пососать из твоего мешка.

Суенита. После. Сядешь в вагон — тогда и будешь трескать.

Приветствующий деятель. Господин Хоз, вас ожидает «Бьюик». Мотор все время горячий, машина дежурит для вас.

Хоз. Остановите его. Я начинаю теперь согреваться сам — моторы пусть остынут.

Уходит с Суенитой.

Уборняк (ведя под руку Интергом). Вы отлично и серьезно заживете у меня в доме, моя славная и милейшая госпожа Интергом.

Все расходятся. Уборняк берет Интергом за обе руки.

Уборняк. Ах, вы моя голландка! У вас же чудесная гидротехническая родина! Мы с вами романы будем писать и — очерки! У меня дома собака Макар есть, вот зверь обрадуется вам!

Интергом (улыбаясь). Да, господин Уборняк, я люблю романы. И Макаров я тоже люблю — они мне нравятся!

Уборняк. Голубушка, дайте мне попить этого хозовского молочка!

Интергом вынимает из своего маленького чемодана бутылку молока и подает Уборняку.

Интергом. Ну, пожалуйста!

Уборняк (выпив молоко). Культурная была привычка у этого научного старички!.. Послушайте, превосходнейшая моя, как же вы жили с этим ветшайшим старичком?..

Интергом (улыбаясь). Ах, господин Уборняк, жизнь ведь так несерьезна!

2-е ДЕЙСТВИЕ

Край низкой плетневой огорожи; оголенные колеблемые ветром ветки отошального дерева; далекий шум Каспийского моря.

За плетневой огорожей деревянная пристройка избы — в виде большого крыльца или сеней. Там стоит стол для занятий. Вся эта обстановка занимает правую часть сцены.

Слева видна даль, уходящая в смутное пространство. Спереди левой части стоит столб с советским гербом и надписью: «СССР. С-х пастушья артель 14 Красных избушек. Высота над уровнем моря 19, 27 м. Средн. год. колич. осадков 140 мм. Душ-едоков 34. Председ. С. И. Гармалова».

В средней части сцены стоит чучело, устроенное из глины, соломы и различной ветоши. Чучело похоже на сурового человека ростом в полтора человека.

Правая рука чучела высоко поднята в неопределенной угрозе. Вечер.

Приходят Хоз и Суенита из дальнего пути. Суенита несет те же вещи, что и на вокзале в Москве. Они останавливаются. В колхозе не слышно ни одного человеческого голоса.

Суенита (прислушивается). Не слышно никого. Чучело какое-то поставили — должно быть, людей не хватает!.. (Краткая пауза). Мы дошли, дедушка... Ты видишь — это наш пастиший колхоз. Мы здесь овец кормим и рыбу ловим понемножку. Давай переобуемся в чистое. (Садятся на землю, Суенита начинает переобуваться).

Хоз. У меня нету ничего чистого. Я так посижу и отдохну от своего умозрения.

Суенита (переобуваясь). Ну, посиди, поскучай, а потом ночевать на печку пойдешь.

Вдалеке, где-то за колхозом, заплакал грудной ребенок; тихо проговорил что-то женский голос.

Хоз. Кто там заплакал у вас, в ваших социальных полях?

Суенита. Это наши дети играют в яслях.

Хоз. А я слышал, что плачут.

Суенита. Напрасно ты слышишь.

Снова слышится далекий плач ребенка.

Хоз. Вот опять тоскует чей-то мелкий голос.

Суенита. Это один мой ребенок плачет — он по мне скучает, он родную мать давно не видел... Отвернись, я соски свои оботру — сейчас пойду кормить его грудью. (Обтирает соски на своих грудях. Хоз глядит на грудь Суениты не отвернувшись). Ты видишь, как молоко скопилось!

Хоз. Вижу.

Суенита. Напрасно ты видишь.

Хоз. Устал я шагать по неопределенной земле! В цветах, в слезах и пыли живут люди, а я, старик, нахожусь при них свидетелем. Чем же это все кончится, бедные мои?

Суенита. Ну что, дедушка, понравился тебе наш эсесер? У нас ведь все может случиться, чего только захочет наше сердце!.. Что ты говоришь — кончится?

Хоз. Да, мне ваш эсесер понравился: кругом противоречия, а внутри неясность... Я говорю: когда же кончится наше дыхание в этом пространстве и мы обнимемся в общей могиле! Когда же, девочка?

Суенита. Мы — никогда, а ты скоро: ты же дедушка — старичок, ты сохнешь уж! (Переобувшись, вставая). Ну — обутка готова... (Кричит в колхоз) Антошка! Ксюша! Дядя Филя... Мы пришли! Ксюша, неси мне моего мальчика скорей! (Более тихо). Я соскучилась вся... (К Хозу). Дедушка, ступай на колхоз, там на печку ляжешь, у кого топились, и там накормят тебя. Когда я приберу горницу, я тебя позову.

Хоз. Кормиться я не люблю. У вас есть что-нибудь химическое?

Суенита. У нас колхозная аптека в ящичке есть. Съешь порошок.

Хоз. Пойду съем. (Уходит).

Суенита входит на крыльцо избы и складывает там свои грузы.

Суенита (разбирая принесенные книги). Скорей бы только его увидеть. Маленькое, теплое тело, и всегда оно пахнет вкусным чем-то... Почему так тихо стало в колхозе!.. (Зовет). Ксюша, Ксюша! Неси мне моего мальчика! (Всюду тихо. Краткая пауза). Скоро я еще рожать буду — мне так нравится, когда из меня выходит что-то горячее, жалкое и плачущее такое, бедный комочек моей жизни. (Зовет). Ксюша!.. Где же кто-нибудь! Где мой ребенок и весь колхоз?

Тихо является Филипп Вершков.

Вершков. Здравствуй, товарищ председательница! С прибытием тебя, с достижением здоровья и с прочими делами успеха! (Подает руку Суените). Видела в центрах-городах хороших наших людей, передала им наше почтение или промолчала?

Суенита. Передала.

Вершков. А как их здоровье?

Суенита (во время диалога постепенно переодевается в другое чистое платье, исчезая на момент в избу и возвращаясь оттуда). Ничего. Они велели тебе сказать — пусть побольше трудится, поменьше брешет на руку врагу.

Вершков. Да неужели же, Суенита Ивановна? Иль им и про меня донесли сводку настроения? Ну, теперь я громыхну! Теперь я вполне — всеми костями своими!

Суенита. Дядя Филя! А в колхозе что — траву всю собрали? Я шла — стогов не видела! Свезли нашу заготовку в Союзмясо?

Вершков (смущенно). Не управились еще, Суенита Ивановна!

Суенита. Что же вы, черти! Я же вам наказывала! Ты чего глядел? На что мы тогда государству нужны? Пусть лучше тут море будет, а не люди: в море — рыба...

Вершков. Море?! Вопрос этот интересный, Суенита Ивановна... Каких-то ты жизненных книжек нам привезла?.. Когда будешь население знакомить?

Суенита. Где Антошка? Ксюша куда девалась?

Вершков. А они побираться по морю пошли — мертвую рыбу по берегу искать, а Антошка даже лопух приступал жарить и лепешки печет из овечьего желудочного добра. Нам харчиться нечем стало: баранины нету.

Суенита. А овцы наши колхозные?! Дядя Филя!! Ход диалога начинает ускоряться и ускоряется все более.

Вершков (поспешно, задыхаясь горлом). Ты слушай меня, Суенита Ивановна... Я как общественность, я от лица всех самых ударных и сознательных... Ты только слушай меня: я тебе наговорю реально, убедительно в высшей степени — тут бантик был...

Суенита. Какой бантик такой? Говори мне скоро!

Вершков. Я тебе говорю сокращенно, арифметически, вроде Совнаркома и Цекубу: бе-а-не-те-ке — белогвардеец-антиколхозник! Федор Кирилыч Ашурков — бантик! Ты его еще раскулачивала перед второй большевистской, и он теперь явился...

Суенита. Ты убил его?

Вершков. Нипочем! Это он меня треснул трижды по горбушке, а Антошку они сапогами мяли, кирпичами по сознанию в голову били, — но ведь кирпичи-то мягкие, они же без обжога, они саманные, и Антошка воскрес без ущерба...

Суенита. В голову по сознанию?! А вы что здесь сознавали тогда?

Вершков. А мы сознавать не успевали, Суенита Ивановна, — их цельных семеро бантиков было! Они из темной степи пришли, а у берега наш колхозный корабль рыбачий стоял — «Дальний свет». Тут же мы с Антошкой находились — весь гурт гнали купать от паразитов, всю сумму нашего имущества, а прочий народ бродячий колодезь рыл вдалеке — не видать и не слышать!..

Суенита. Ну скорее! Ты говоришь так долго, как будто молчишь!

Вершков. Они гурт наш овечий на корабль колхозный загнали — один баран только остался, а избушку живьем на берег уволокли, вместе с оконными стеклами, и на баркас погрузили, а потом уехали в испуге на парусе... Случилось ужасное явление упущения!

Суенита. А солонина, а хлеб где наш общий, который в мешках залатанных лежал? Говори мне враз!

Вершков. Враз я не могу — мне психа в горле мешает. А солонина, а бедняцкое зерно наше, которое в мешках залатанных лежало, тоже в море на баркасе нашем поплыло — на тот берег империализма...

Суенита. А почему же вы кулаков побить не могли? У тебя револьвер есть! Значит, вы за них стоите? Кто трус, тот теперь подкулачник! Вы мелочь — сволочь, ничуть не большевики! Проверить всех надо, чтобы сердце у каждого биться стало, а не трусить!..

Суенита сбегает с крыльца.

Вершков (спокойно). Да то нет, что ли? Конечно, проверить надо! Культработа мала среди нас, вот что я тебе скажу. А револьвер вынимать опасно было — его отымут!

Суенита (кричит). Ксюша!

Голос Ксении вблизи. Ау-у!

Вершков (тихо). Это ведь трагедия!

Ксения (бережно обнимает Суениту). Суня моя приехала...

Суенита. Ксения! Как же вышло? Почему избушка наша пропала, всех овец уворовали, дети плачут?.. (Пауза: подруги стоят обнявшись). Там старик явился со мной — пускай кормят его на мои трудодни.

Ксения. Сказала уж, травяную тюрю сидит хлебает, два порошка из аптеки съел.

Суенита. Вкусней тюри у нас ничего нет?

Ксения. Нету. Бантики уворовали все.

Суенита. Ксюша! А ты все время кормила моего ребенка, у тебя не пропадало молоко?

Ксения. Не пропадало.

Суенита. Ну принеси мне его поскорей, я сама его хочу кормить, а то груди распухли.

Ксения (вскрикивая). Горюй по ним, Суенита: у нас с тобой нету детей!

Суенита (не усваивая). А как же нам быть-то? А почему ты не горюешь?

Ксения (сдержанно). Я своего отгоревала. (Теряя сдержанность). Немило мне, жутко мне, ветер качает меня, как пустую, я в бога верить хочу!

Суенита. Ксюша! Бога нету нигде — мы одни с тобой будем горевать... (Томясь и сдерживаясь). Что же мне с мукой моей делать теперь — ведь нам жить нужно и жить неохота!.. Куда вы закопали моего мальчика?

Вершков (поспешно, задыхаясь в горле). Суенита Ивановна, ты разреши мне, чтоб я выразился наконец! Я все знаю, я давно стою наготове!

Суенита (горюя и медленно плача). Дядя Филя, зачем вы колхоза не сберегли, зачем вы ребенка моего схоронили?..

Вершков. Как так схоронили?! Ничто! Ты не плачь по нем, не горюй, наша умница, он плывет сейчас спокойно по Каспийскому морю — в руках классового врага!

Суенита. Не тревожьте меня! Дядя Филя, где наши дети?..

Вершков. Нет никакой информации!.. Ты слушай меня! Бантик Федька Ашурков, когда напал на наши избушки, так он сперва не расчухал добра — и поволок одну избу к берегу. А в избе той наши ясли были, и там спали на религиозный грех, — будь он проклят! — твой мальчишка да Ксюшкин сосунок. Я тут бросился на банду, но меня ударили какой-то кулацкой тяжестью, я так и сел на свой зад: спасибо, хоть сесть на что было...

Суенита. Дядька Филька, почему же ты детей не отнял у них?

Вершков. А что дети? Я овец старался отбить — не детей. Дети — одна любовь, а овцы — имущество. Ты детей тоже не переоценивай, ты баба не слабая — нарожаешь!

Суенита. Уйди прочь от нас!..

Плачут грудные дети в глубине колхоза.

Суенита (забываясь). Ксюша! наших детей несут!

Ксения. Колхозницы с берега ворочаются. Боятся теперь дома ребят оставлять — с собой таскают, а ребята от голода орут.

Суенита. Принеси мне чужого ребенка, я кормить его буду и ночевать с ним лягу потом. Возьми у Серафимы Кошункиной...

Ксения. Ну, ты очень-то не блаженничай! Сейчас принесу... (Уходит).

Суенита (зовет). Антоша! Антошка!

Голос Антона. Дай и мне управиться! Я близко нахожусь — в пределах!

Приходит Хоз.

Хоз. Благодарю вас за гостеприимство. Я вкусно напился какой-то пустынной травой.

Суенита. Непочем. Завтра барана будешь есть. (Зовет). Антошка!

Голос Антона. Обожди: я ветер смерю. Воздушные пути республики должны быть безопасны!

Ксения приносит двух грудных детей. Одного отдает Суените, другого оставляет у себя.

Ксения. Давай чужих кормить, а то молоко в голову бросится, от горя помрешь. (Уходит, баюкая ребенка).

Суенита (разглядывает ребенка). Почему у него такое скучное лицо? (Дает ему в рот свою грудь). Он не сосет молока из моей груди!

Хоз. Положи его на землю, Суенита. Твой ребенок, наверное, хочет умереть.

Суенита. Он один останется — на всем свете, без нас и без жизни!

Хоз. Не тоскуй, Суенита. Ты зачала его, шутя, веселясь и задыхаясь, зачем же раздражаешь теперь? Это несерьезно... Что тебе один ребенок? Ты качаешь в своих бедрах, как в люльке, целое будущее человечество. Подойди ко мне!

Далекий, невнятный гул летящего самолета.

Суенита. Я не слышу тебя, старичок. Мне трудно сейчас.

Приходит Антон, обвязанный на голове тряпками от полученных ранений.

Суенита. Антошка! Бери коня. Скачи в район к телефону — кричи в ГПУ на Каспийское море. Чего раньше не гнались за кулаками?

Антон. Съедобную пищу из всякого брачного праха организовали: нервничать некогда было! Тем более все равно бдительность на границах у нас сугубая — никто не уплывет!

Усилившийся гул: летит самолет.

Суенита. Самолет летит! Антошка, пускай он спустится, мы на нем кулаков догоним!

Антон (глядя в высоту). Спущу! Я враз спущу! Никогда на машине не летал! Великая техника, все сердце гремит, так и хочется крикнуть — вперед!

Хоз. Ты сигналов не знаешь?

Антон. Я член Осоавиахима. Я зажгу костер и пушу дым государственной опасности, а тебя надо арестовать: ты мой ум рассеиваешь!.. (Исчезает).

Хоз. Спит твой ребенок.

Суенита. Спит мой мальчик. (Укрывает ребенка и кладет его в сени на лавку). Все теперь спят — на земле и на море. Только один далекий ребенок кричит сейчас на нашем маленьком корабле... Он меня зовет, он без защиты там! Я в воду брошусь, я уплыву к нему в темноте...

Хоз (приближаясь к Суените). Не шуми, девочка, наша судьба беззвучна. (Обнимает Суениту и склоняется около нее). Я тоже плакать с тобой хочу и тосковать около твоей нищей юбки, у пыльных ног твоих, где пахнет землею и твоими детьми.

Обнимает ослабленную Суениту и держит в объятиях. Далекий стихающий гул удаляющегося аэроплана.

Хоз. Целый век грусти я прожил, Суенита. Но теперь я нашел твое маленькое тело на свете, теперь я тоскую по тебе, как бедный печальный человек. Я хочу смиренно зарабатывать свои трудодни.

Суенита (слегка глядя Хоза). А ты живи с нами до смерти в пастушьем колхозе и радуйся помаленьку. Пойдешь в район и сдашь курс счетовода.

Входит Антон.

Антон. Промчался в высоте без остановки! Но я еще подкараулю: они летают тут часто по великому маршруту. Буду ходить и сигналы жечь из огня всю ночь! (Уходит).

Суенита уходит в сени и склоняется там над спящим ребенком. Хоз подходит к плетню. Он стоит молча небольшое время. Вечер стемнел в ночь.

Хоз. Жульничество!(Маленькая пауза). Какое всемирное, исторически-организованное жульничество!.. И ветер, дескать, как будто грустит, и бесконечность обширна, как глупое отверстие, и море тоже волнуется и плачет в берег земли... Как будто все это действительно серьезно, жалобно и прекрасно! Но это бушующие пустяки!

Суенита (из сеней). Дедушка, с кем ты напрасно разговариваешь?

Хоз. Ах, девочка Суенита, это жульничество! Природа не такая: и ветер не скучает, и море никого никуда не зовет. Ветер чувствует себя обыкновенно, за морем живет сволочь, а не ангел.

Является Антон и проходит.

Антон. Никто не летит. Одна тьма на свете и море шумит.

Антон уходит. Суенита идет в избу, возвращается с зажженной лампой и садится за стол заниматься.

Суенита. А почему вы такой умный? Может, вы тоже — так себе старичок?

Хоз. Я не умный. Я жил сто лет и знаю жизнь от привычки, а не от ума.

Суенита. А кто такие жулики, почему их не расстреливают, чего они думают?

Хоз. Они думают, как и я: мир существует по поводу одного пустяка, который давно забыт. Они обращаются поэтому с жизнью, как с заблуждением — беспощадно... Дочка, иди я тебя поцелую в голову.

Суенита. Почему?

Хоз. Потому, что я тебя люблю. Мы ведь оба обмануты... Не раздражай меня! Когда два обманутых сердца прижмутся друг к другу — получается почти серьезно. Тогда обманем мы самих обманщиков.

Суенита. Не хочу.

Хоз. Почему не хочешь?

Суенита. Не люблю тебя.

Хоз. Молочка!! Дай мне молочка! Где моя Интергом?

Суенита. У нас молока для тебя нету — детей надо кормить... Иди, дедушка, трудодни считать — я запуталась.

Хоз. Иду, девочка. Займемся пустяками для утомления души.

Суенита. Это не пустяки. Это наш хлеб, дедушка, и вся революция.

Приходит Антон.

Антон. В воздухе никто не летит! Буду инвентарь проверять. Надо стараться что-то делать. (Уходит).

Хоз идет к Суените.

Хоз. Где мои очки? Где, ты говоришь, вся революция?

Суенита. Очки ты у своей любовницы в сундуке оставил. Ты в одних штанах к нам приехал, без куска хлеба. Вот очки нашего пастуха лежат — носи теперь их... (Меняясь). Слушай, дедушка Хоз!

Пауза. Слышен шум моря. Темная ночь.

Суенита. Опять мне скучно стало. Сердце мое болит и телу жить становится стыдно.

Хоз. Ничего: твоё тело неплотно сидит на твоей душе, оно потом прирастет. (Надевает очки с жестяным оборудованием, увязывает их за ушами, садится на место Суениты и читает ведомости). Зачем считать? Ну зачем считать цифры, когда все в мире приблизительно?.. Суенита, полюби меня своим печальным бессознательным сердцем — это единственная точность в жизни.

Суенита. Наоборот: я вас люблю сознательно!

Хоз. Сознательно!.. Сознание — это светлый сумрак юности перед глазами, когда не видишь пустяка, господствующего в мире.

Суенита. Сознание — это ум. Раз не понимаешь, то молчи.

Хоз. Сознательная моя... Я рад, когда не понимаю.

Суенита. А я тогда скучаю... Считай скорее... чтобы к утру была раздаточная ведомость: ты мне расчет с колхозниками задерживаешь! Чтобы все было ясно каждому — нам неясности не надо... Я скоро вернусь! (Берет закутанного ребенка с лавки и идет с ним). Холодно стало, пойду согрею его, где печка топилась. (Уходит).

Хоз (один). Мне все ясно. Но я хочу неясности. Неясность! Я давно потерял тебя и живу в пустоте ясности и отчаяния.

Стук молотка в колхозе, визг напильника. Эти звуки повторяются и в дальнейшем.

Хоз (считает на счетах по ведомости. Вдруг бросает считать). Пусть они будут счастливы приблизительно! Все равно — всякий счет и учет потребуют потом переучета. (Пишет по ведомости). Прохору Берданцику — десять килограммов: ты, Прохор, траву собирал без усердия, к Советской власти относишься косо. (Ксении Секушевой). Хороша ты, Ксения, божье дыхание, наживай себе силу в тело — тебе сто килограммов баранины, не считая шерсти. Антону этому — Антошка!! — тебе целый центнер: ешь говядину! Ты траву сеял посредством ветра, два колодца вырыл — оба сухие стоят, ты море меришь для Академии наук, спектакль поставил о топоре и добился уяснения хозрасчета всеми колхозниками... Летит там аэроплан или нет?

Голос Антона. Нету ничего — тьма, пустые стихии шумят!

Хоз (считая). Скощу! Скощу! Скощу со всех наполовину. Шестнадцать лет с коммунизмом возятся, до сих пор небольшой земной шар не могут организовать. Схластики! Я штрафовать вас буду!

Голос Антона. Штрафуй нас, товарищ всемирный академик! Бей трудоднем по психозу масс!

Хоз. Нельзя, Антоша... Карл Маркс говорил мне в середине прошлого века, что психоз пролетариату не нужен.

Голос Антона. А ты знал Карла Маркса?

Хоз. Ну как же не знал? Ну конечно же, знал! Он всю жизнь искал чего-либо серьезного и смеялся над текущими пустяками всех событий.

Голос Антона. Ты врешь, научный человек! Маркс не смеялся над нами — он любил нас вперед навсегда, он плакал над гробом Парижской коммуны и протянул дорогу своего умозрения за горизонт всемирной истории! Ты брось здесь свои кругозоры, ты пойми нас — или мы тебя поймем!

Хоз (считает). Серафиме Кощункиной и ее мужу, тому же Кощункину, — по нулю, ничего, два нуля.

Приходит Антон.

Антон. Ты что раздражаешь меня своим энным пониманием каждого предмета? Ты эффект жизни смазываешь мне перед глазами!

Хоз. Блаженны бормочущие! (Считает по ведомости).

Антон. Мы еще не блаженные, мы трудящиеся, а ты что здесь психуешь по-жуткому?

Хоз (не отрываясь от занятий). Тебе чего, малолетний?

Антон. Психани по-жуткому — тебе говорю! Из чего сделан весь мир — из атомов или нет?

Хоз. Из психующего пустяка!

Антон (мучительно). Значит, и атому жутко! Пойду море мерить и гири проверять, а то в мире как-то плохо реально — надо его с точностью организовать!

Хоз. Антошка! Зачем ты чучело это поставил — три трудодня истратил! Расточительство!

Антон. Пугать классового врага! Чучело больше человека и страшней, а человек пускай трудится, нам его не хватает.

Хоз. Но классовый враг не испугался.

Антон. Поскольку чучело мертвое, то нет — нисколько. Это Филька Вершков указал мне: сделай чучело, сторожа не надо. Стали оставлять избушки без человека, ушли все колодезь рыть, а классовый враг набежал... Пойду скорей трудиться! Аэроплана нету, темнота стоит. (Идет со сцены).

Навстречу Антону входит Суенита с ребенком.

Антон. Не спит?

Суенита. Нет, он бредит. Холодно везде, печку никто не топил, а мать его от голода спит равнодушно.

Хоз. Суенита, что ты носишь это дитя: пускай оно умрет. Иль мало в тебе любви, чтобы рожать их без жалости?

Антон (Хозу). Я вот как дам тебе сейчас — так ты из башмаков вылетишь вверх! Ты у нас на все свои детали разлетишься — от удара пролетариата!

Хоз. Неверно, Антошка!.. Что мне пролетариат? Он же моложе меня! Я родился, когда пролетариата еще не было, и умру, когда его не будет! Пролетариат сам изуродуется, если ударит в мои жесткие кости!

Суенита. Аэроплана нету?

Антон. Нет... Давай я отнесу его. В корзинку и там покачаю. (Берет ребенка из рук Суениты и уходит).

Суенита. А ты сосчитал раздаточную ведомость?

Хоз. Сосчитал.

Суенита. Дай я проверю.

Хоз. Не проверяй, Суенита: ведь овцы твои не в пастушьем колхозе, а в руках классового врага.

Суенита. Бедный дедушка! Ты не знаешь сугубой охраны наших границ... Хлеб наш священный возвратится в наше тело.

Бледный рассвет. Далекий гул аэроплана. Суенита прислушивается. Пауза.

Суенита (кричит). Антошка! Аэроплан к нам летит! Зажигай сильнее сигналы! Обожди меня. Я избу зажгу! (Убегает).

Голос Антона. Я уже вижу все и принимаю максимальные меры!!

Пауза. Приближающийся гул самолета.

Хоз. Спешат всякие случайности. Надо итог подводить.

Сильный красный свет: загорается изба в колхозе, подожженная Суенитой. Стихающая работа близкого снижающегося самолета. Пауза. Приходят летчик и Антон, за ними является Ф. Вершков.

Антон. А где Суенита Ивановна?

Вершков. Сейчас явится. Крышу зажгла на избешке, никак не потушит.

Вбегает Суенита.

Летчик. Вы председатель?

Суенита. Вы же видите, что я!

Летчик. Слушаю. Я водитель машины сельхозавиации сорок два ноль семь. Шел по маршруту на рисовый совхоз. Приземлен огневыми сигналами. Товарищ Антон сообщил мне о необходимости погони за бандой кулаков. Я согласен сделать разведку над морем, но мне нужен проводник для опознания вашего рыбацкого судна.

Суенита. Летим скорее со мной!

Антон. Я тоже лечу. У меня сердце от радости рвется!

Летчик. Двое? Ну ладно. Давайте скорей! (Уходят. Суенита оборачивается с пути).

Суенита (Хозу). Дедушка, береги колхоз, ты меня любишь. (Уходит).

Хоз. Лети, бедная птичка. Я буду бдительный.

Остаются Хоз и Ф. Вершков.

Вершков. Ну вот мы и хозяйева с тобой, Иван Федорович! Давай теперь распоряжаться.

Хоз. Распоряжаться? Я тебе распоряжусь! Ступай вперед трудиться!

Вершков. Это верно, Иван Федорович, я пойду. Жесткое руководство нам необходимо! (Уходит).

Свет от горевшей избы потух. Серый скучный рассвет. Рев мотора отлетающего аэроплана.

Занавес

3-е ДЕЙСТВИЕ

Внутренность правления колхоза. Портреты, лозунги. С.-х. животноводческие плакаты. Стенгазета. В углу свернутое красное знамя. Стол со счетами. Лавки. Одно окно, оно закрыто. Ночь под утро. Горит лампа. За столом Хоз в очках, сильно обросший и дремучий.

Хоз. Ночь! Тишина! Люблю, когда не слышно никаких стихий! Когда раздается одно дыхание человека! (Слушает, под окном храпит человек). Социалист Филька Вершков храпит. Целый стог травы один собрал — сутки работал, лунным светом пользовался. Десять трудодней придется ему вписать. Но он же мнимый человек — запишу ему четыре трудодня.

Входит Ксения, сильно похудевшая.

Ксения. Бери весточку. (Достает из-за кофты письмо и дает Хозу). Утром кольцевая почта подбросила, кольцевик говорил — еле ссыскали тебя. Читай теперь.

Хоз (оставляя без внимания письмо). Я давно ничего не читаю.

Ксения. А может, интересно!

Хоз. Нет, не интересно, Ксюша! А ты забыла, что твой ребенок плывет сейчас по Каспийскому морю!

Ксения. Нет, не забыла, Хозушка, нипочем не забыла! Как живой, как милый — так и стоит перед глазами. Самой есть нечего, а груди молоком набухли... И их, только усну — забуду!

Хоз. Ну хорошо — мучайся, это прекрасно. Я тебе напоминаю, чтоб не забыла. А наряд — мешки штопать — ты перевыполнила?

Ксения. Выполнить — выполнила, а перевыполнить — не успела. Руки от горя болят, я уж и плакать не могу, а только вылуплю глаза и гляжу, как мертвая рыба...

Хоз. Ксюша! Бедное грустное вещество, пойдй сюда. Дай я тебя обниму и поглажу! (Ласкает Ксению).

Ксения (прижимаясь к Хозу). Дедушка Иван, ты умный, ты добрый, скажи — как мне жить теперь, помоги мне отстрадаться...

Хоз. Не плачь, Ксюша! В детстве ты тоже плакала над разбитым пузырьком, над потеряннм синим лоскутом — и горе твое было таким же печальным. Теперь ты плачешь о ребенке. Я тоже плакал когда-то. У меня были четыре официальные жены, все умерли. Они родили мне девятнадцать детей — юношей и девушек, — ни одного не осталось на свете, даже их могил я не могу найти. Ни одного следа, где ступила теплая нога моего ребенка, я никогда не видел на земле...

Ксения. Не скучай, дедушка, я тоже скучаю. Бедный ты мой горюн!

Хоз. У вас есть аптека?

Ксения. Маленькая.

Хоз. Пойди принеси мне чего-нибудь химического — я проглочу.

Ксения. Сейчас притащу.

Хоз. Сбегай, девчонка.

Ксения уходит.

Хоз (зовет в окно). Филипп!

Голос Вершкова. Тебе чего, Иван Федорович?

Хоз. Иди сюда.

Голос Вершкова. Сщас. Дай вытянусь — кости обломаю.

Хоз (роясь в делопроизводстве). Опасность отставания налицо. Уборка травы не закончена. Налог по мясопоставке не сдан, мешков на зимние запасы не хватает, две колхозницы вчерашний день рожать легли — в один день зачатые получили. Ну, где я теперь мешочных штопальщиц возьму, боже мой... Суенита, дыханье мое, ворочайся скорее в наши избушки, у тебя сердце бьется умнее моей головы. Я классового врага не вижу! А ведь это все его проделки!

Входит Фил. Вершков.

Вершков. Тебе чего?

Хоз. Вот что — отчего ты спишь помногу?

Вершков. У-у, едрена-зелена! Я думал: ты контра — человек, а ты тоже вроде нас. Неужто за границей, кроме нас, никакого интереса у вас нету?

Хоз. Слушай, Филька, ты классовый враг!

Вершков. Я-то? Да, можно сказать, что так точно, а можно и нет! Можно сказать, это гнусная ложь, уловка и клевета на лучших людей. Как хочешь, Иван Федорович: и вперед, и назад, в общем — загадочно!

Хоз. Врешь, ты вредный! Я сквозь целое человечество всю судьбу вижу!

Вершков. Мало ли что ты видишь! Ведь — теоретически!

Хоз. Практически ты гад! Я второй век живу, я проверил на событиях! Ты политику партии не любишь, ты здесь притворяешься, что за нас, а сам за Европу стоишь, за зажиточных!

Вершков. Ты... ты меня не распсиховывай, я заикаться начну, я в тебя... предметом воткну... Кто тебе стог-гигант сложил, десять дён в одни сутки включил?

Хоз. Ну это ты, Филипп Васильевич. Я тебе четыре трудодня записал.

Вершков. Четыре дня! Ты... ты психу нагоняешь в меня, я факты забываю! Ты негодование во мне развиваешь, чертов пережиток.

Приходит Ксения.

Ксения. На море шум начался. Страшно сейчас плавать одному в воде...

Хоз. Дай порошок.

Ксения. Бери какие хочешь, все принесла. (Открывает перед Хозом ящик-аптеку).

Хоз глотает три порошка по очереди.

Хоз. Запить даже нечем. Пора квас варить в колхозах.

Вершков. Жуй всухую.

Хоз. Не раздражай меня, ничтожный!

Вершков. Я тебе дам ничтожный! Ничтожные у нас знаешь где?! А здесь одни многозначные!

Хоз. Не распсиховывайте меня! Уйдите прочь из правления!

Вершков. Забюрократился уже!

Ксения. Я тоже не смолчу. У нас артельное хозяйство и тон должен быть товарищеский. По непроверенным данным срамишь — фу, какое безобразие!

Вершков. Пойдем, Ксюша, от классово чуждых. Нечего нам мировоззрение свое марать.

Оба уходят.

Хоз (счастливо). Живут себе эти божьи почти существа. Играют в различные шутки, а получается всемирная история... Скоро светать начнет — надо отчетность в райзо готовить. (Занимается).

Приходит Берданщик с ружьем.

Берданщик. Не ложился еще?

Хоз. Нет. Сижу вот копаюсь в общей жизни.

Берданщик. Пора бы уж на бок, ай ты моложе меня?

Хоз. А тебе сколько времени?

Берданщик. Да годов сто будет ли, нет ли: едва ли! Туман уж в уме пошел — сам вижу белый свет, а интереса нету.

Хоз. Да ты умный, что ль?

Берданщик. А я — когда как! То умный, то опять нет: у меня облака по уму плывут.

Хоз. Ну, ты умный — ступай колхоз с края карауль.

Берданщик. А я — правда, нет ли? Классовый враг?

Хоз. Так зачем же ты ходишь здесь? Ступай в район и скажи, чтоб тебя арестовали. Пора бы уже сознанию научиться.

Берданщик. Ходил уж. Дважды просился под арест. Не берут никак — признаков нету, говорят, нищий человек. Краюшку хлеба на обратную дорогу выписывают по карточке и пускают ко двору.

Хоз. Значит, ты полезный общественник.

Берданщик. Я-то? Едва ли. Я в книге начитался: люди сто тысяч годов живут на белом свете — ни хрена не вышло. Неужели за пять лет что получится? Да нипочем!

Хоз. Прочь отсюда, классовый враг!

Берданщик. Я не евши это сказал. Это я бдительность твою поверял, а может — ты агент Ашуркова! Я здесь сторож, я все берегу — весь инвентарь и всю идейность... Заря встает — ложись на бок, спи, а то силу днем потеряешь. А нынче каждый день тыщу лет кормит, колхозная революция должна сто тысяч годов покрыть! Во как! У нас ведь так-то! Отдыхай с богом! (Уходит).

Краткая пауза.

Хоз (один). Не понимаю ничего: облака по уму плывут! Розовая заря в колхозе. Является Вершков.

Хоз. Ты что не спишь?

Вершков. Не спится: забота! Светает помаленьку, еды нету. Народ ворочается, лежит.

Хоз. Ну, раздражай, раздражай меня, мешай трудиться!

Вершков (вздыхая). Удивляюсь я всемирному человечеству. Как это тебе империалисты — далеко ведь не глупейшие люди — загадку своей жизни приказали отгадать! Ты же отсталый человек, ты овечьего колхоза решить не можешь!.. Я бы давно все мировое дело разгадал — и не ездил бы никуда, а сидел бы на квартире, ел бы пищу и думал бы себе!.. Их, и выдумал бы я тогда!

Хоз. Филька! Все мировые дураки всегда ищут мировую истину.

Вершков. Тебе же лучше. Мы-то с тобой не дураки: ты всемирный двурушник, а я колхозный ударник-пастух. Только всего.

Хоз. Филька! Прочитай в конверте, что мне Европа там еще пишет. Напиши ответ этому кулацкому колхозу. Ты, оказывается, великий человек! (Отдает Вершкову конверт).

Вершков (распечатывая конверт). Да, я что хочешь! Когда как! Когда великий, когда мелкий! Что ж делать: жизнь ведь мероприятие незаконченное! Приходится!

Хоз. Да ведь и я тоже, Филька, такой: когда как! Мы оба с тобой — трудящиеся люди!

Вершков. А, ништ, я тебя не вижу. Я вижу! (Пишет не читая несколько слов на письме — резолюцию). Большевик-человек наблюдает вас, дураков, насквозь! (Отдает Хозу письмо с конвертом).

Хоз (читая резолюцию). Филька! Неужели это верно? Неужели вся мировая экономическая загадка решается твоими четырьмя словами!

Вершков. Зря ничего не пишем. Я-то знаю. (Пауза). Да.

Хоз (размышляя). Это верно. Вы знаете. А что мне пишут оттуда?

Вершков. Пишут, что им так себе: неудовлетворительно. Прочитай сам вслух!

Хоз (читает с пропусками, злобно бормочет)... Из Москвы получено сообщение... На вокзале вы хотели жениться на известной красавице — пастушке Суените... Вследствие некоторого ограничения ваших умственных способностей... Концентрированный круг европейской трагедии... Шлите... новый принцип... Разрешение мировой политико-экономической загадки.

Вершков. Я же сам написал. Теперь мировой загадки нету.

Хоз. Ты написал ясно: загадки нету. Пора отсылать, утро наступило.
Вершков. Подпиши. А я дай за секретаря.

Входит районный старичок — с деловой сумкой и с запасом свернутых знамен, сделанных из кумача и рогожи.

Районный старичок. Здравствуйте! Тушите лампу, чего вы здесь сидите!.. Я из райцентра пеший пришел, за соревнованием гляжу!

Районный старичок берет из угла горницы красное знамя, свертывает его, берет к себе, а из своего запаса выделяет рогожное знамя и ставит его взамен.

Вершков. Ты за что нас обижаешь?

Районный старичок. Не заслужили, значит. Обыкновенное дело! (Уходит).

Хоз. Боюсь, Суенита Ивановна раздражаться будет...

Вершков. Это ничто... Надобно, Иван Федорович, что-нибудь народу дать, он не евши, плачет, лежит на земле.

Хоз. Я не слышу.

Вершков. Тут не слушать надо, а думать. Ну, послушай!

Растворяет окно правления. Слышна ругань мужчин и женщин — и редкий, отдаленный плач детей, мирный по своим звукам.

Хоз. Они не плачут, они ссорятся.

Вершков. Они друг друга грызут, это хуже слез. Народ от голода никогда не плачет, он впивается сам в себя и помирает от злобы.

Хоз. Закрой окно. Сколько дней Суениты Ивановны нету?

Вершков (закрывает окно). Девятые сутки ушли.

Хоз. А ты разве не хочешь есть?

Вершков. Нет, я живу от сознания, разве у нас от пищи проживешь?

Хоз. Пойди позови ко мне Ксюшу!

Вершков. Пользы не будет... Но сходить можно. (Уходит).

Хоз (один). Боже мой, жизнь, в чем твое утешение? Надо отчетность в райземотдел кончать...

Приходит Ксения.

Ксения. Я и сама бы пришла, я проснулась уже. (Дует в лампу и тушит ее. За окном, стоит ранний солнечный день). Давай наряд на задание.

Хоз. Ксюша! У тебя сердце болит — пусть оно отдохнет.

Ксения. Это еще что такое за новости такие. А вдруг да ГПУ ребенка моего догонит, а я здесь, значит, лодырничала? Вот так симпатично будет!

Хоз. Ксения, принеси мне чего-нибудь химического, я ослабел.

Ксения (укрощаясь). Ну сейчас. А молочка не хочешь? У меня в грудях скопилось, все равно выдавливать на землю буду. Женское молоко полезно.

Хоз. Ну ступай, подои сама себя, принеси в бутылочке. А химию тоже не забудь!

Ксения. Ладно уж. Без порошков-то жить не можешь!

Хоз. Умру.

Ксения уходит.

Хоз. Я чувствую тепло человека в этой стране... Отчет в райзо закончен, слава богу. Книги писал, а никогда так не радовался. (Расписывается с размахом). Хороню!

Брань, крики женщин и плач детей слышатся сквозь закрытое окно. Быстро входит Вершков, за ним Берданщик с ружьем.

Вершков. Слышишь, как бормочут? Тебе надо, Иван Федорович, теперь на Берданщика опереться, у него ружье, он районной властью утвержден!

Берданщик. Это зря: ни к чему! Народ только между собой будет злиться, это всегда так, а посторонних он никогда не тронет.

Хоз. Ты, Филька, классовый враг! Народ надо кормить.

Берданщик. Вот верно сказано! Мы, старики, все знаем!

Вершков. А чем ты накормишь его? Только политически! Лозунг выпустишь из ума!

Хоз. Берданщик, возьми его под арест! Ты видишь — кулак проявляется!

Берданщик. Я вижу. Твое руководство работает хорошо.

Хоз. Отведи его в наш тюремный кузов, какой Антошка сделал.

Берданщик. Отведу. А народ кормить ты не раздумал?

Хоз. Нет. Исполнивай свою службу!

Берданщик. Сейчас. Иль ты обиделся? (Выталкивает прикладом Вершкова вон). Иди прочь, двоякий человек! (Уходят оба).

Прибегает Ксения с бутылочкой молока.

Ксения. Дедушка Иван! Чего-то у нас там делается такое! Все орут, томятся, друг друга раздражают!

Хоз (беря у Ксении бутылочку). Твое молочко-то?

Ксения. Мое. Из груди своей тебе нацедила, да не поспела всю бутылку налить — мужики так и рвут из рук, лопать хотят. Сначала облатки проглоти! (Дает Хозу порошки в облатках).

Хоз. Сколько у нас детей в колхозе — без твоего с Суенитой?

Ксения. Обожди... (Считает шепотом). Семеро!.. Двоих схоронили — пятеро!

Хоз. А много у тебя молока в груди еще осталось?

Ксения. И старого и малого накормлю — и в резервный фонд останется!

Хоз (отдает ей бутылку с молоком обратно). Ступай корми всех детей своим молоком. Сколько успеешь, пока себя всю иссосеешь.

Ксения (радуясь и удивляясь). А верно, дедушка Хоз! Чего я себя, дура, берегла, только мучилась!

Хоз. А мужчинам и женщинам дай из аптеки по одной химической облатке. Пусть съедят их, скажи, я велел, я тоже ими кормлюсь — второй век живу.

Ксения. О, они умные, они терпеливые, дедушка Хоз! Им чуть-чуть дай только, у них сразу сердце болеть перестанет!

Хоз. Накорми их, Ксения, из груди своей и из аптеки.

Ксения. Иду, дедушка... (Уходит).

Хоз (глотает облатки и пережевывает их). Хорошо. Питательно!

Пауза.

Хоз (один). Буду жить на свете как Берданщик-сторож — стеречь случайности и фонды!

Незаметно, неслышно входит смеющаяся Суенита. Углубленный Хоз не видит ее.

Суенита. Здравствуй, дедушка Хоз!

Хоз. Суенита! Ты вернулась к нам, удивительная моя! А где твой ребенок?

Суенита. У нас в колхозе. Сейчас я его Фимке Кошункиной понянчить отдала, больше меня никто не видел. И Ксюшкин мальчик тоже цел — я обоих принесла, они живы!.. Сделай мне доклад о положении хозяйства!

Хоз. Обожди ты с этими бесчеловечными делами: хозяйство, доклад, положение! (Открывает окно в колхоз: в колхозе тихо, ничего не слышно, стоит светлое позднее утро). Тихо стало, народ наедается... Дай я тебя поцелую по старости лет!

Суенита. Ну ладно, поцелуй — я не засохну.

Хоз целует Суениту в лоб.

Хоз. Вечная моя! Как давно я искал тебя — сто лет.

Суенита. Я тогда на свете не была — напрасно искал.

Хоз. Я рождения твоего ожидал.

Суенита. Поздно явился — я уж сама рожаю.

Хоз. Я народ здесь кормлю. Мое руководство работает хорошо.

Суенита. Мы проверим.

Хоз. А хлеб наш колхозный и овцы где? Ты отняла их у классового врага?

Суенита. Мы догнали наш парусник на аэроплане. Потом его повернул к Астрахани катер ГПУ и взял на буксир.

Хоз. Ашурков где, я спрашиваю!

Суенита. Когда морское ГПУ начало гнаться за ними, они спустили в море половину нашего хлеба. Сорок овец потопили — остальные целы, и избушку нашу бросили — она поплыла-поплыла... А ребяташки наши, мой и Ксюшин, в трюме лежали, их сам Ашурков нянчил и плакал по ним, когда они его арестовали...

Хоз. Приличный человек!

Суенита. Да. Он меня любил когда-то в девушках, до ликвидации классов...

Хоз. Где хлеб и овцы наши, я тебя спрашиваю?

Суенита. Их Ашурков на нашем паруснике домой к нам из Астрахани везет.

Хоз. Какой Ашурков?

Суенита. Бантик бывший. Он по ветру едет, скоро мы парус на море увидим. С ним агент ГПУ плывет, до нас провожает.

Пауза.

Хоз. Ничто не ясно... Откуда же ты явилась?

Суенита. Из Астрахани же, старый человек! Мы с Антошкой и с детьми на аэроплане до совхоза долетели, а оттуда пешие прошли. Понимаешь ты? А Федьку Ашуркова я велела ГПУ простить и дать мне на воспитание, я из него колхозника-ударника сделаю, он годится лучше наших, я знаю! Он кроткий будет!

Хоз. Значит, это и есть классовая борьба! Ну что ж — пускай вращаются пустяки!

Суенита. А ты думал, это одно убийство!

Хоз. Хорошо. Классовый враг нам тоже необходим: превратим его в друга, а друга во врага — лишь бы игра не кончилась. А есть чего мы будем, пока Ашурков твой с добром приплывет?

Суенита. Химию, старичок! Ты игры не понимаешь!

Вбегает Ксения и обнимает Суениту.

Суенита. Ксюша, мы опять с тобой две матери!

Ксения. Опять, Сунечка моя!

Суенита. Дедушка Хоз, пошли ко мне Фильку Вершкова. Я его арестую.

Хоз. Я его уже арестовал!

Суенита. Ты молодец! Тогда пойдешь приведи его!

Хоз. Я схожу. Только несерьезно это все! (Уходит).

Суенита. Ксюша, ну что?.. Где наши ребяташки?

Ксения. Хорошо, Сунечка! (Щекочут и ласкают друг друга). Они у Фимки спят, я их нашла.

Приходит Берданщик.

Берданщик. Главная гражданка наша приехала. Здравствуй, девка!

Суенита. Старичок, ты знаешь, что ты классовый враг — иль это тебе нипочем неизвестно?

Берданщик. Знаю. Я уже давно говорил, что я — не тот.

Суенита. Ашурков сказал, как ты притворился и спал посреди колхоза, когда они избушку волоком волокли! Одно чучело безличное дежурило за тебя!

Берданщик. Свободная вещь.

Ксения. А это что по-твоему — тухлая мошонка?

Берданщик. Акт.

Суенита. Что такое? Повтори мне, жалкий!

Берданщик. Акт — говорю.

Суенита. Будет общее собрание — уйдешь из колхоза навеки! Поставь ружье в угол.

Пауза.

Берданщик (положив ружье). Пойду сумку шить... Ксюша, дай иголку! Была своя, сломал один конноарочный, попросил штаны заштопать — и сломал. Какие теперь иголки? Одно перевыполнение, а не иголки!

Ксения (вынимает из юбки иголку). Бери иголку! Ступай скорей, пока терпит тебя мое сердце.

Берданщик. Сердце что! Оно болит и терпит! (Уходит с иголкой).

Голос Антона в колхозе. Я вас всех по всем линиям проверю, он видит ваше антинаучное лицо классового врага, достойное презрения! Товарищ Антошка понимает, отчего дребезжит колхозная тележка! Он видит в упор бесстрашно! Еще нет такого человека, который обманул бы или испугал товарища Антона Концова! Я все человечество здесь по всем принципам пересортирую! Наука! Всемирные академики! Вы здесь улыбаться приехали: идите бороться за качество-количество продукции против классового врага!

Ксения (почтительно). Антошка пришел.

Суенита (в окно). Антошка!

Голос Антона (более спокойно). Ввиду необходимости контрольной проверки ожидаемого с бантиками хлеба у меня явилась потребность пересмотреть сотенные весы системы Фербенкса, так как есть возможность испортить их бесшумной рукой кулака.

Суенита. Ксюша, мне Антошка не нравится.

Ксения. Оголтел от своего ударничества... Все они здесь на одну морду — так бы и треснула всех: колхозные притворщики! Уж, по-моему, бантик и то лучше. Его арестуй, он и работает. Да ей-ей как!

Приходит Хоз.

Хоз. Филька сейчас явится. Он письмо в Европу заклеить пошел... Я здесь отношение из Европы получил — там трагедия!

Суенита. У тебя одна Европа на уме, а у нас целый мир в руках — ты же видишь!

Хоз. Я вижу. Вы запутались. Вам есть нечего будет...

Является Вершков.

Вершков. Здравствуй, товарищ председатель! С победой тебя — над классовым врагом бантиком!

Суенита. Не надо. Ты тоже бантик.

Вершков (улыбаясь). Ты нынче веселая!..

Суенита. Я не скучная... А ты горевать будешь сейчас. Зачем ты велел Антошке чучело ставить? Чтоб чучело колхоз стерегло, когда бантики явятся?! Возьми свой револьвер — Ашурков велел тебе отдать. Он хотел из него тебя застрелить, да знал, что я тебя все равно раскулачу.

Вершков (без револьвера). Аль до всего дознались, ехидны сухие?

Суенита. До всего, дядя Филя, — до погибели твоей дошли.

Ксения. Помирай скорее, терпенья нету думать о тебе!

Вершков. Я здесь премированный ударник, не увлекайтесь, граждане, своей забавой!

Ксения. И верно: он премированный! Что же это делается такое?! Суня, давай лучше бантиков в колхоз наберем — они боязливые будут и не такие двуручные!

Суенита (Вершкову). А кто виделся с Ашурковым у бродячего колодца? Кто сказал ему — вдарить в колхоз, махнуть овечий гурт и жить потом вольно в кавказских краях как члены профсоюза?

Вершков. Что ж такое, что говорил! Молча скучно сидеть, говоришь слова в виде опыта. Слова не считаются, это звуки.

Хоз. Господин Вершков, разрешите спросить: вы за колхоз, то есть за социализм, или напротив?

Вершков. Я за него, Иван Федорович, и напротив. Я считаю одинаково: что социализм, что нет его. Это ж все несерьезно, Иван Федорович, одна распсиховка людей.

Хоз (задумчиво). Несерьезно, дядя Филя. Распсиховка!

Суенита. Перебrehать нас всякому дураку можно, а победить и умник далее не сумеет... Ксюша, покличь Антошку!

Ксения (в окно). Антошка! Иди сюда скорее, скверный такой!

Голос Антона. Успеешь! Я здесь тару чиню.

Хоз. Господин Вершков, где письмо в Европу?

Вершков (отдавая письмо). Отдай сам кольцовку. Ты видишь: я здесь ударником был, мировую загадку экономики решил — и погибаю.

Суенита. Какую он загадку решил?

Хоз. Мировую! Он написал рукою: да здравствует товарищ Ленин! Мировой загадки больше нет.

Вершков. Нету. Я сразу догадался.

Ксения. Ишь, демон какой!

Пауза.

Суенита. Мы здесь бедные, у нас нет никого, кроме Ленина. Мы шепчем его имя, а ты его срамишь. Вы богатые, у вас много ученых вождей, а у нас — один. Ты что, Вершков?!

Вершков. А ты что?

Суенита. Я здесь колхозница, я социализмом буду.

Вершков. А я-то кто ж? Я тоже социализм!

Суенита. Социализм, как и Ленин, у нас один. Два не нужны. (Мгновенно всаживает в грудь Вершкова кинжал).

Вершков садится на лавку в изнеможении смерти.

Хоз. (Вершкову). Дядя Филя! Что делается на том свете — ты чувствуешь?

Вершков (свалившись). Так себе — пустяки и мероприятия... Тут тоже несерьезно, Иван Федорович, зря люди помирают.

Хоз. Хорошо видит смерть этот человек.
Вершков. Я не умер, я переключился.

Пауза.

Суенита. Кончился он?
Ксения (пробуя тело Вершкова). Кончился, холодеть начинается.
Суенита (щупая кинжал). А кинжал почему-то еще теплый!

Является Антон.

Антон (не вникая в обстановку). Каждый теперь должен жить как сознательно, так и ответственно!

Занавес

4-е ДЕЙСТВИЕ

Берег Каспийского моря. Полуденный горизонт. Небо. Сияющий свет над пустынной далекой водой. Маленький кузовок в форме цилиндра, устроенный сплошь из плетня, — цилиндрическая круглая стена и крыша: стоит этот кузов на трех камнях. Весь кузов, в том числе и крыша, оплетены колючей проволокой. Это — тюремный колхозный кузовок. Около плетневого кузова сидит Антон с самодельным ружьем, которое было у Берданщика, и сторожит заключенную в тюрьму Суениту.

Суенита (невидимая, негромко поет изнутри тюрьмы).
Нулимбатуя, нулимбатуя,
Аляйля бедная моя.
Увенкувейра фиулумайла —
Алайля халма сарвайджа!

Пауза.

Суенита. Антошка, ты тут?

Антон. Я всегда там, где мне необходимо быть по соответствующему распоряжению или по личной точке зрения на государственную пользу.

Суенита. Я вижу отсюда скважину — как у вас в колхозе солнце светит!.. Сколько времени я еще буду сидеть в темноте?

Антон. Эн-количество.

Суенита. А сколько это — эн?

Антон. Никому не известно: это математически. В море эн-количество воды, в пустыне нету эн-количества, везде одно гигантское эн!

Суенита. Мне холодно тут. Здесь тень кругом.

Антон. Поскольку природа отпускает в настоящее время достаточное количество температуры — ты говоришь клевету на весь климат СССР.

Суенита (тихо поет).

Трава на свете теплее стала.
И дождь над родиной идет.
Далек от сердца товарищ Ленин,
Его Аляйля в колхозе ждет.

Антон. У нас есть наличие государственной связи снизу доверху — через край, район и правление колхоза, — здесь я заменяю тебе все высшее руководство: мучайся без скуки!

Пауза.

Суенита. Антошка! Я вылезу. (Царапается изнутри тюремного кузова).

Антон. Получится умерщвление тебя.

Суенита. А кто Филька был?

Антон. Филипп Вершков не кто иной, как разоблаченный до конца классовый враг, опасный двурушник, надевший маску премированного ударничества.

Суенита. Врешь! Он был настоящий ударник!

Антон. А зато классовый враг!

Суенита. И классовый враг тоже настоящий!

Антон. Вопрос исчерпался.

Суенита. Классовый враг у нас вне закона по конституции. Его можно убивать. Я вылезу. (Царапается изнутри).

Антон. Я ликвидирую тебя насмерть на месте, поскольку нет оформления твоего освобождения!

Суенита. А ты знаешь нашу конституцию?

Антон. На память! Все пункты. Спроси любой!

Суенита. А не выпускаешь чего ж?

Антон. Я не помню в точности всех изменений и дополнений, внесенных в конституцию соответствующими постановлениями Президиума ЦИК СССР.

Суенита. А я помню.

Антон. Все равно у тебя нет документов под руками.

Суенита. Ты пособник классового врага!

Антон. Товарищ Антон Концов знает себя лучше, чем любые голословные психические девки, заключенные под стражу за превышение полномочий власти на местах!

Краткая пауза.

Суенита. Так вон идет кто-то. Антошка, позови его! Антон (вглядываясь). Это идет районный старичок, заведующий учетом соревнования и качества продукции. Он же пешком разносит и вручает директивы по важнейшим мероприятиям райцентра.

Суенита (протяжно). А лицо у него какое чуждое!..

Антон. Лицо есть маскировка идейной вооруженности—на обе стороны фронта борьбы!

Районный старичок (голос). Караульщик! Слушай меня отсюда — у меня ноги ходить утомились, я вздохнуть сяду.

Антон. Я слушаю, товарищ из района. Говори.

Районный старичок (голос). Ты слушай меня! Пускай Суенита Ивановна опять гуляет — ей райпрокурор велел. Вперед до особого распоряжения — ты и прочий никто не трожь ее. Все права службы и состояния отдай ей обратно!

Антон. Впредь до особого? А на сколько времени впредь полагается?

Районный старичок (голос). Раз впредь — значит навеки. До самого гроба так и будет гулять, аль у прокурора делов боле нету?.. Суенита Ивановна — девка добрая, зря не убивает.

Антон. Ступай, скажи товарищу Хозову — пусть он мне даст установку как председатель. Ты для меня маловероятен.

Районный старичок. Пойду кликну сейчас... хочьба доняла — хочь бы мне до транспорта дожить!

Антон. Транспорт твоей должности полагаться не будет.

Районный старичок (голос). А я тогда карьеру сделаю — выше стану. Я ведь усердный... Надо трогаться. Эх ты, служба районная — в такой период времени! (Слышно бормотанье и кряхтенье).

Пауза.

Суенита. Старый, старый сволочь-старичок!

Антон. Старость, в случае доходности от нее государству, на эн-отрезок времени допустима.

Приходит, бдительно оглядываясь, демобилизованный красноармеец в армейской шинели, с пищевой сумкой — Георгий Гармалов — муж Суениты.

Суенита. Ты в колхоз наш вернулся? Ты ко мне пришел? Георгий! Я здесь сижу, я заперта.

Гармалов (пугаясь). Суня! Ты где? Ты зачем тут? Кто тебя мучает?

Суенита. Прислонись ртом к плетню — я тебя поцелую.

Гармалов. А мальчик наш живой или помер?

Суенита. Он живой, он на меня с тобой похож... Наклонись ко мне, я тебя вижу, меня проволока колет в лицо... (Царапается изнутри). Скорее! Мне холодно делается здесь.

Гармалов шарит руками по кузову тюрьмы.

Антон (вставая). Отойдите, гражданин, дальше от секретного сооружения.

Гармалов (узнавая Антона). Ты Антошка Концов?

Антон. Кто бы я ни был, я человек определённый!

Гармалов. Товарищ Концов, выпусти мне жену.

Антон. Много вас здесь шедевров является — отойдите несколько прочь!

Гармалов. Не бойся. Я красноармеец, я вреда не сделаю. Я по семейству соскучился.

Суенита. Егорка! Ты красноармеец, а я председатель колхоза — отними ружье у Антошки, я приказываю тебе!

Гармалов. Не смей обижать! (Бросается на Антона). Здесь председатель — советская хозяйка!

Антон (стреляет). Я живу серьезно, от меня каждому жутко!

Суенита. Не попал!

Антон. Попаду — не радуйся: это одно предупреждение! (Становится в позу стрелка). Взводный командир запаса Красной Армии никогда не промахнется.

Гармалов с воплем кроткого человека схватывает Антона, выбивает у него ружье, ломает ружье пополам и швыряет его в сторону.

Антон. Ага — нападение на пост!.. Десять лет по мирному времени тебе обеспечено. Факт сложный!

Появляется Хоз.

Хоз. Антошка! Уходи прочь — я тебя сменяю!

Антон. Пора тебе не опаздывать! Лицо из района приказало Суениту Ивановну...

Хоз. Знаю. Знаю. Мне все уже давно известно и понятно.

Антон. А этого (указывает на Гармалова) надлежит немедленно посадить в тюремную организацию сроком на десять лет!..

Хоз. Кто это такой — чей воин?

Антон. Супруг Суениты Ивановны, совершил нападение на пост, необходимы беспощадные...

Хоз. Остановись, классик масс! Мы запишем это событие в конце календарного года в итогах классовой борьбы. Ступай проверять весоизмерители, составь метеорологическую сводку, займись землеустроением пастбищ, просмотри кухонный очаг в столовой, начерти твоё изобретение в масштабе...

Антон. Какое изобретение? У меня их максимальное количество!

Хоз. Самое важнейшее — эту избушку, заключающую в себе человека.

Антон. По всей колючей проволоке необходимо пустить электрический ток.

Хоз. Втыкай, Антошка!

Антон. Антошка знает сам, где что воткнуть и вынуть нужно.

Хоз. Ну, спеши организовать!

Антон исчезает.

Гармалов. Старичок, выпусти мне бабу.

Хоз. Успеешь еще, береги свое терпенье для блаженства.

Суенита (царапаясь изнутри). Мне холодно тут. Я сжимаю сама себя руками, чтобы согреться. Во мне остывает что-то горячее внутри...

Хоз. У тебя теплые руки, ты согреешь остывающее.

Суенита. Дедушка Хоз, я не знаю... Может, в руках у меня один холод останется — и руки остынут!

Гармалов. Суня! Ты дыши сама на себя, ты согреешься.

Суенита. Я и так дышу, я согреваюсь уже. Идите трудиться на колодцы, кормите чем-нибудь не евский народ. Не видно там паруса на море?

Гармалов (вглядываясь в море). Не видно, Суня, парусов.

Хоз (открывает тюремный запор). Выходи, Суенита Ивановна, опять в свое прежнее счастье. Любит тебя советская власть.

Суенита (выходя, зажмуривается, трет руками свое исхудалое тело). А где красноармеец Егор? Он мой муж!

Гармалов. Я здесь, Суенита Ивановна!

Суенита. Весь срок отслужил!

Гармалов. Освобожден досрочно по успехам. Прибыл на постоянное местожительство в бессрочный отпуск — на помощь колхозному строю!

Суенита обнимает Гармалова. Тот, в ответ, осторожно прижимает ее к себе и держит в скромных объятиях.

Суенита. Ты не будешь классовым врагом?

Гармалов (отстраняясь). Я красноармеец. Не смей оскорблять!

Суенита (привлекаясь к нему). Я любить тебя буду, женою стану опять.

Гармалов. Спасибо, Суенита Ивановна! Я опять буду колхозником, я соскучился по земле.

Суенита. Ну гляди — старайся! У нас здесь томление стоит от голода и классовых врагов, мы корабль ждем с хлебом и овцами своими... Не видно там паруса? (Глядит в море). Немножко ветер начинается... (Мужу).

Гармалов. А сын где?

Суенита. У Ксюши. Погляди его и ступай трудиться — переделывай все, что Антошка сделал.

Хоз. Антошка сам беспримерный ударник!

Суенита. Молчи: у тебя бдительности нету никакой! У Антошки непрочно все выходит: вырыл колодезь — он сухой стоит, сто гирь из глины обжег — они рассыпались, тюрьму эту сделал — преступнику там жутко и можно убежать! Нам нужно, чтобы все было прочно и навеки... Твой Антошка — несерьезный пустяк!

Хоз (коротко). Я молчу.

Суенита (Гармалову). Поцелуемся теперь.

Гармалов, вытерев рот, нежно целует Суениту, оберегающе обнимая ее.

Суенита. Я люблю тебя: нам нужны мужья и верные колхозники.

Гармалов (четко). Буду стараться жить строго — как мужем твоим, так и колхозником.

Хоз (задумчиво). Мужчины в мире исчезают, но женщины остаются вечными.

Гармалов. До свиданья, Суня.

Суенита. Приходи вечером ко мне — я тебе трудовень запишу по фактической выработке.

Гармалов уходит.

Хоз. Суенита!

Суенита. Ну что, дедушка Хоз?

Хоз. Давай поцелуемся.

Суенита. Не в губы только.

Хоз. Куда хочешь — лишь бы тело было твое.

Суенита. Тебе тело только — мировоззренья ты не любишь.

Хоз. Тело, только тело.

Целует Суениту в висок.

Хоз. Люблю эту сущность! Девочка, нет ли чего у тебя химического?

Суенита. Нету, дедушка, ты уж и так всю аптеку нашу съел. Возьми пойдешь у Ксени жавель, я ей давно велела купить.

Хоз. Пойду пожую жавель этот. (Уходит).

Суенита (одна). Не видно в море никакого корабля! Какой яркий свет горит везде — должно быть, весело сейчас в мире жить! Шум какой-то слышен! Что там делается на всем свете? (Озадаченно всматривается в пространство и прислушивается). Там империализм, там скучно и жутко, я одна здесь на берегу, а позади меня весь целый Советский Союз большевиков... Но я ослабла, на мне ребра стали видны, меня муж любить не будет... Скорее надо зимние овчарни делать, хлеб беречь буду, сама караулить, сама не спать... (Слышен далекий гармонический гул. Суенита следит за небом). Аэроплан летит над пустыней! Он тоже наш — в нем капля нашей колхозной крови. Пусть летит выше, мы вытерпим.

Приходит Ксения.

Ксения. Суня, еды нету никакой, мужики все томятся. Антошка блюет — бешеной травы сейчас наелся.

Суенита. Надо хлеб и овец было беречь от кулаков. Пусть терпят теперь — это им наука и техника.

Ксения. Во мне молоко пропадает — детей наших с тобой нечем кормить.

Суенита. Сукровицу выдавливай из себя, как я своего вчера кормила.

Ксения. Суня, народ ведь подымется?

Суенита. Подкулачники не народ — они лягут, а не подымутся.

Ксения. Суенита, неужели душе с телом расставаться от жизни такой!

Суенита. Ксюшка! Ты меня на бога берешь! Ступай черту! Давала сосать моему мальчику?

Ксения. Давала. Твой мужик ему жеваный хлеб в рот сует, он с собой куски принес.

Суенита. Пусть сует... Слушай, возьми моего мужика, пай скорей на мясной совхоз — может, за всю траву нашу они овцу нам променяют!

Ксения. А ребенка кто накормит без меня?

Суенита. Я накормлю, уходи скорей.

Ксения. У тебя молоко высохло.

Суенита. Не твоя забота, кости свои дам глодать.

Ксения (дружелюбно). Суня, а ты сама давно не ела?

Суенита. Я в Астрахани уху хлебала, двенадцать дней прошло.

Ксения. А как же ты?..

Суенита. Ступай отсюда, как я велела! Ты меня не пугай и не ласкайся: ишь, кулацкая неженка какая, то в драку лезет, то в слезы.

Ксения. Не бурчи ты на меня, сучья старушка стала какая! Несимпатично глядеть на тебя: аж противно! (Отправляется).

Суенита (зовет). Дедушка Хоз!

Голос Хоза. Иду, девочка! Не шевелись там пока без меня.

Суенита. Ну скорее же!

Является Хоз.

Хоз. Скучно тебе, когда меня нет?

Суенита. Да вот, скучно!.. Дедушка, знаешь, что я тебя уже постепенно люблю.

Хоз. Люби понемногу. Но дедушка тебя любить не будет.

Суенита. А любил за что?

Хоз. За мнимость твою. Ты простое обольщение для моей грусти.

Суенита. Это правда. Я никогда не зазнавалась — я пустое обольщенье.

Хоз. Мне известно с точностью всемирное устройство. Оно состоит сплошь из стечения психующих поступков. И в тебе нет ничего лучшего!

Суенита (ложится на землю). Во мне тоже пустяки, дедушка, я их чувствую.

Хоз. Ты лишь бедное тело, болеющее от стесненного в нем грустного вещества.

Суенита. Во мне мало осталось вещества, я давно не ела.

Хоз. Это безразлично. Я сто лет ел и все равно ничтожный.

Суенита. Дедушка Хоз, ты великий ученый всего мира, накорми колхоз!

Хоз. Как же, девочка?

Суенита. Ты выдумай, ты как-нибудь химически! К нам смерть идет — попробуй мои кости.

Хоз пробует кости Суениты.

Хоз. Ты худая... Я слышу твоё сердце — оно близко теперь стало.

Суенита. Скоро оно совсем наружу пробьется... Я спать захотела.

Хоз. Не спи, вечная моя. Поговори со мной — мне скучно.

Суенита. Выдумай нам пищу поскорей. Ты знаешь вещество всего мира — оно ведь пустяки, ты сам говорил.

Краткая пауза.

Суенита. Думай же скорее — тебе все известно.
Хоз. Я уже думаю. Поцелуй меня.
Суенита. Успеешь. Сначала пищу выдумай нам — хоть немножко.
Хоз. Сейчас.

Хоз ворочается по земле в томлении тщетной мысли.

Суенита. Ну как — тебе думается?
Хоз. Думается.
Суенита. Выдумал?
Хоз. Нет еще. Не приставай с пустяками. Я спать хочу.

В глубине колхоза заплакали грудные дети.

Суенита. Ну спи. Я детей пойду кормить.
Хоз. Чем ты кормить их будешь? Ты иссохла вся.
Суенита. Чего-нибудь выдавлю из себя, может — кровь пойдет. (Уходит).
Хоз (один, лежа). Как выдумать мне хлеб колхозу... Никто же ничего не думает на свете!
И мысли нету никакой — есть лишь жульничество и комбинация случайности...

Является Интергом с чемоданом. Она замечает Хоза.

Интергом. Ах, это ты, Иоганн? Ты здесь, ты жив-здоров и славу богу?

Хоз (вставая с земли). Интергом! Верное безумное дитя мое!

Интергом (прижимаясь к Хозу, говорит быстро). Я десять дней ездила на авто по степи одна. Шофер умер. Я искала тебя по местной республике, авто стоит в районе, где вся власть, я семьдесят километров шла пешком, мне сказали — господин Хоз в избушках живет, и — хорошо! Я с тобою буду опять без разлуки! Господин Уборняк дал мне командировку во весь Советский Союз — искать древние страшные силы против революции, а сил нет, я искала, устала, не нашла. Он триумфальный мужчина! Я жила прелестно, но он не марксист, и у него взяли... как она зовется? ...лошадь, на которой делают карьеру!.. Милый мой Иоганн, как ты измучился, вечный мой дедушка-муж! (Целует Хоза).

Хоз. Подожди, ничтожная! Ты знаешь — я люблю ласкаться радикально.

Интергом. Я тоже теперь халтурить не люблю.

Хоз. Халтурить! Кто ты такая теперь?

Интергом. Я теперь марксистка, Иоганн. Меня господин Уборняк научил — это так нетрудно и приятно, все так удивлялись мне и обожали! Так интересно жить и умереть за всех трудящихся! Я в партию хочу, я буду бороться! Только я одно забыла, мне советовали быть как можно... как можно... сознательней? — серьезней?.. Нет!.. еще как-то быть!..

Хоз. Бдительной!

Интергом. Ну да! Ты догадался, ты гениальный! Краткая пауза.

Хоз. Но откуда ты — сволочь такая? Кто тебя выдумал?

Интергом. Я не сволочь. Я научилась всей прелести и бонустону в московских домах общестственности. Я перестроилась!

Хоз (серьезно и грустно). Слушай меня, девчонка! Здесь живут большевики, а не уборняки, тебя выгонят отсюда.

Интергом. Очковтирательство! Недооценка! Я идеологический работник, я боец культурфронта, я три очерка уже написала и пьесу пополам! Я член Всесоюзного Союза советских писателей, от меня ждут вырастания качества, меня везде сберегут.

Хоз (задумываясь). Ты права, Интергом. Если мир пропадет, значит, ты живешь. Что у тебя в чемодане?

Интергом. Пища и гигиена.

Хоз. Хорошо. Пойдем теперь радикально ласкаться. Кроме чувства ничего не выдумашь!

Интергом. Ах, Иоганн! Но куда?

Хоз. Вот сюда! (Указывает на тюремный кузов).

Интергом. Ну скорее только! Я вся завяла в дороге: без любви нет полной гигиены.

Уходят оба в плетеный кузов. Пауза.

Слышен напевающий голос Суениты, баюкающей ребенка. Она поет примерно следующее:

Спи, просыпайся не скоро,
Спи и во сне не скучай,
Вырастут наши коровы.
Будем пить с сахаром чай.

Суенита (зовет). Дедушка Хоз! (Молчание).

Суенита входит на сцену, закутывая ребенка и прижимая его к своей груди.

Суенита. Но грудь моя тоже холодная стала... Куда же девать мне его, чтобы он согрелся? В живот спрятать опять? Там тесно, он задохнется. А здесь просторно и пусто, он умрет. (Разглядывает своего ребенка). Ты сильно мучаешься или нет? Скажи, что не сильно! Скажи мне что-нибудь! Что же ты закрыл глаза и молчишь! О чем ты думаешь сейчас один? (Плетеный кузов пошевеливается: оттуда начинают раздаваться редкие скрипящие звуки. Звуки эти повторяются. Суенита прислушивается, не уясняя причины этих звуков). Что это — едет кто-то далеко!.. Остановился! Приезжай скорее, нам скучно! (Склоняется).

Прибегает Антон.

Антон. Тело смертью томиться начинает! Сознание боюсь потерять! Народ умолк и дремлет-лежит.

Суенита. А он дышит еще?

Антон. Я всем велел дышать без остановки! Кто продышит до вечера, тому трудовень запишу!

Суенита. Не надо, Антошка! Это ошибка, у нас отчетность не примут!

Антон. Все не без ошибки, на ошибках учимся. Я десять дней продовольствия не ел — руки работают, тело мучится, а голова не думает ничего!.. (Мечется по сцене).

Суенита. Кому променять себя на хлеб и крупу для колхоза? Антошка, где взять мне еду для неевших? (Садится на землю в печали).

Звуки из плетеного кузова прекращаются.

Антон. Еду пора теперь организовать! Нагревай ребенка, храни его жизнь в запас будущности!

Суенита. Я храню его.

Антон. Он будет жить вечно в коммунизме!

Суенита (разглядывая ребенка). Нет, он умер теперь. (Подает ребенка Антону).

Антон (беря ребенка). Факт: умрет навсегда.

Клокочущий гортанный крик Интергом из плетеного кузова.

Суенита. Женщина где-то умерла!

Антон. Неважно, наука всего достигнет: твой ребенок и все досрочно погибшие люди, могущие дать пользу, будут бессмертно оживляться обратно к активности!

Краткая пауза.

Суенита. Нет, не обманывайте меня. Дай мне ребенка — я буду плакать по нем. Больше ничего не будет. (Берет ребенка у Антона).

Антон. Плачь сиди, как дождь. А мы будем рассматривать слезы как саботаж действия! (Исчезает).

Из плетеного кузова выходит Хоз.

Хоз. Плачь, Суенита!

Суенита. Я вытерплю.

Хоз. Я слышал все, моя девочка! Как же нам жить теперь с тобой?..

Суенита. А ты выдумал еду для колхоза?

Хоз. Выдумал. Я задушил сейчас классового врага, и от него осталась пища — колбаса, масло, стабильное молоко. Хочешь кушать?

Суенита. Где?

Хоз. Возьми в тюремной избушке. Там лежит Интергом — моя бывшая европейская женщина. Я оборвал ей дыхание...

Суенита. За что ты убил ее?

Хоз. Она опасна для тебя и всего социализма — она опасней старого империализма.

Краткая пауза.

Суенита. Уходи от нас, дедушка Хоз.

Хоз. Некуда, Суенита.

Суенита. Найдется. Лучше уходи. Мы похороним твою женщину в могилу, мы наедемся своей едой... Ты пустяк!

Хоз. Где же мне быть, Суенита?

Суенита. Возьми и умри.

Хоз. Пора, пожалуй... Уже поздно стало на свете! Хотя тоже — юмористка! Что такое смерть? Сырье для глупейших стихий!.. Некуда исчезнуть серьезному человеку!

Суенита. Подержи моего мертвого сына. Я лицо пойду вымою в море. (Встает с земли, отдает ребенка Хозу и уходит).

Хоз (один к ребенку). Ты уже умер, маленький человек. Ты остывшая плоть Суениты, ты милый, маленький мой! (Целует ребенка). Ну что ж, давай ляжем рядом на землю, я тоже умру вместе с тобой. (Ложится на землю, кладет рядом с собой ребенка и обнимает его). Пусть в глазах потемнеет свет и сердце перестанет раздражаться... Боже мой, боже мой, — детский и забытый.

Являются Ксения и Гармалов.

Ксения. А где же Суня-то?.. Все спят, чего-то лежат, досадные какие!

Показывается Суенита.

Суенита. Сменяли траву?

Ксения. Шут ее сменяет! Приказчика встретили колхозного: у вас полынь, говорит, одна растет, от нее шерсть у овцы не всходит, — жуйте ее сами впроголодь!.. Вот тебе и колхоз: помирай теперь! Эх, думали-гадали!.. Мой малый уж обомлелый лежит.

Суенита. А мой мертвый.

Гармалов. Кто мертвый?! (Бросается к ребенку, лежащему с Хозом). Слабый ты мой, чего ж я чувствовать буду без тебя!.. Я жить теперь сомневаюсь! (Ослабевает над своим сыном).

Хоз. Не шуми надо мной, гражданин, дай мне покой... Ксюша, принеси мне на ночь химикалия какого-нибудь!

Ксения. Жижки тебе надо навозной, старый паралич! Хоть бы ты сдох, я бы съела тебя! (Кричит). Химия! Я все бельма выцарапаю тебе за судьбу нашу такую! (Исчезает со сцены).

Вбегает Антон.

Антон. Контрреволюция развязывает себе руки!! (Падает на землю от слабости. Снова поднимается). Это ничего, мой разум жив, идея цела полностью, в одном только теле лежит гнездо голода, а больше нигде! Я встану еще и брошусь вперед до победы! Да здравствует... (Забывается).

Гармалов (поднимаясь от ребенка к Суените). Ты чего ж здесь дисциплину распустила, что еды нету и дети помирают?!

Суенита. Умер один наш ребенок: ты его хлебом обкормил. Больше никто — все живы. (Забываясь, напевает). Ну-лимбатуйя, нулимбатуйя, Аляйля бедная моя... (Хватает ребенка). Слабый ты мой! (Несколько успокаивается, кладет ребенка вплотную к Хозу). Согревай его!

Хоз. Я сам холодею.

Гармалов. Прочь горе! Опомнимся! Мы не семейство, мы все человечество! Пора теперь и трудиться — давай мне наряд, пока ум опомнился.

Суенита. Опустит в море этот тюремный кузов. Поправь на нем погуще колючую проволоку, мы рыбы наловим, мы тогда наедемся...

Гармалов. Ага, это рационализация, я понимаю! Я вентерь, я ловушку сделаю для подводной рыбы, я это знаю. А приманку где взять?

Суенита. Я дам ее тебе потом.

Гармалов. А веревку толстую?

Суенита. В колхозе сыщи.

Гармалов. Там нету.

Суенита. Тогда я волосы обрежу свои...

Гармалов. Не надо — я веревку пойду построю. (Уходит).

Суенита. Дедушка Хоз!

Хоз молчит.

Суенита. Дедушка! Вставай! Скоро вечер, разводи костер — мы уху будем варить.

Хоз молчит.

Суенита. Антошка! Вставай — скоро есть начнем.

Антон молчит.

Суенита (близко склоняясь к Хозу). Дедушка Иван! Ты притворяешься? (Ощупывает его). Нет, он умер уже: его нету!.. Дедушка! Не притворяйся, у тебя щека теплая... Дедушка Иван, ведь смерть — пустяк, а ты умер! (Тихо плачет над Хозом).

Антон. Неприлично глядеть, если плачут над чуждым человеком... У меня один глаз не закрылся — я все вижу!

Суенита. Он Карла Маркса знал и счетоводом у нас работал, вот я и плачу. Я хозяйка в колхозе, я должна его жалеть.

Антон. У меня чистый разум, а это диалектика! Слезам не возражаю.

Суенита. Спи, Антошка!

Антон. Сон без пищи заменяет хлеб. Я сплю.

Суенита. Если все помрут, я одна останусь. Кому-нибудь надо быть, а то плохо станет на свете, вот что.

Хоз (встает и садится). Думал, что умер, засмеялся и проснулся.

Суенита. Не будешь больше умирать?

Хоз. Не выходит ничего, девочка, смерть же — это вещь несерьезная.

Суенита (садясь рядом с Хозом). А как же ты будешь теперь?

Хоз. Никак. Буду неподвижно томиться среди исторического течения. Я такой же пустяк, как все живое и мертвое. Понять все можно, сирота моя, а спастись некуда.

Суенита (печально). Ты уйдешь от нас?

Хоз. Я пойду. Вы надоели мне со своей юностью, энтузиазмом, трудоспособностью, верой в будущее. Вы стоите у начала, а я знаю уже конец. Мы не пойдем друг друга. Прощай Суня!

Суенита. Прощай, дедушка, навеки! (Бросается к Хозу, обнимает его и целует в губы).

Хоз (держит Суениту в объятиях). Навеки?! Нет, с тобой навеки прощаться нельзя... Я еще вернусь к тебе, но — не скоро! Когда и ты уже будешь старушкой, бедная, худая моя, глупая теплота моего старого сердца... (Целует Суениту в глаза. Затем отстраняется от нее и уходит от сцены).

Пауза. На море показывается белый парус маленького рыбацкого судна; над белым полотном паруса — красный флаг. Суенита паруса не видит.

Суенита. Ребенок мой не дышит. Дедушка Хоз ушел. Скоро уже вечер — как скучно мне одной!

Антон (вскакивая на ноги). Я с тобой один остался до полной победы — кто кого — на эн-количество веки веков! (Падает снова на землю).

Суенита (равнодушно видит парус). Вон корабль наш плывет, хлеб и овцы едут домой... Один мой ребенок не чувствует ничего... Пойду колхоз разбужу.

На сцене остаются лежать Антон и рядом с ним мертвый ребенок Суениты. На море — парус. Пауза.

Антон (вскакивая в рост). Пора вперед!!!

Мгновенно исчезает.

Занавес

Конец

1932 — 1933

Ф. Человеков

ЛЕПЯЩИЙ УЛЫБКУ

(Драма в 7 действиях с эпиграфом)

В моей новой пьесе «Улыбка Джиоконды» я пытаюсь уйти от публицистики. Тема пьесы — искусство. Герой пьесы — скульптор, который «лепит улыбку», но встречает трудности в подыскании натуры. Скульптор ожидает приезда своей жены из двухлетней экспедиции, он ждет от жены при встрече той улыбки, которая ему будет нужна «как натура». Жена приезжает, но не улыбается. ... Он разбивает начатую скульптуру. Через несколько месяцев после этого случая скульптор — его имя Леонид Кедров — встречает свою жену со своим же другом, ее новым мужем. И здесь он видит на ее лице то, чего ему не хватало в его искусстве, — улыбку. Он понимает эту улыбку и чувствует, что он обязан возобновить работу и как художник воспроизвести эту улыбку, предназначенную для другого.

В. Соловьев («Советское искусство», № 40).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Скульптор (Леонид Кедров, конечно: благородное, благозвучное и могущественное имя).

Его жена (научная, опытная женщина, член какой-то гносеологической экспедиции).

Его друг (творчески растущий писатель-очеркист).

Кухарка скульптора.

1-е ДЕЙСТВИЕ РАЗЛУКА

Кедров.

Итак, прощай, подруга моего искусства, — Офелия, о нимфа,
Ты помяни меня в предгорьях Копет-Дага...

Жена.

Прощай, мой львенок, рыжий, русый, —
Мой Микель-Анджело любимый,
Твори, дерзай,
В твоих руках священна глина с влагой!
Не объедайся, не болтай
И женщин не люби меня помимо.

Кедров.

Как я привык питаться, спать, любить нормально!
Пищеваренье выйдет вон, когда тебя со мной не будет.
Но я надуюсь всей душой, творить я буду гениально...
А утром, в полдень, кто меня разбудит?!

Жена.

Привыкнешь просыпаться сам...
О, Леонид, побудь же, наконец, социалистом!
Произведением же надо отплатить большевикам.
Нельзя же жить таким вот публицистом!

Кедров.

Ах, публицистика, газетное, отраслевое —
Хлебозакупка и дожди — не помню что такое.
Но все равно, я больше им не буду!

Жена.

Кем — им? Закупкой и дождем?..
О, дар мой божий, как тебя забуду!
Не обнимай меня так сильно: больно!

Кедров.

Я ведь нечаянно, невольно, —
Твоей фигуры очерк
Мы еще раз сейчас возьмем!

Жена.

Кто — вы?

Кедров.

Искусство ваянья
И я!

Жена.

Я не привыкла спать втроем.

Кедров.

Ну, хорошо! Искусство обойдем,
Искусству про любовь я устно расскажу потом.
Теперь остались мы вдвоем...

Жена.

Другое дело,
Если тебе не надоело.
Однако, Леонид, ведь я же уезжаю...
Ну, не спеши, ведь это же порок!

Кедров.

Таких пороков я не знаю:
Перед разлукою сладки пороки впрок!

2-е ДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Жена уехала в дальнюю, долгую экспедицию.

Кедров.

Я в одиночестве науки прочитал,
И все понятно сразу стало.
Не знал я, например, что радио — металл,¹
Что гуано — лишь птичье кало...
Я думал гуано — роскошное манто!
Но все равно, из гуано
Наука скоро сделает пальто.
Все состоит из водорода,
Или из прочих темных пустяков,
Которые психуют как-то там
(Они же ведь природа,
Им деться некуда — закон таков!).
Но вот что мило мне:
Я скоро буду вечен!
Сейчас вся медицина в творческом огне,
От смерти человек теперь почти излечен!
Бессмертья накануне мы, —
Не вышло бы лишь в мире давки, —
Ведь ясно — все проблемы решены,
Осталась родинка да бородавка!
(Ученые немного смущены,
Что не дается им как раз лишь бородавка,
Тогда решили, кажется, лечить ее булавкой).
Блаженство наша жизнь, почти — игра!
Ну, что ж! Ведь таково эпохи назначенье,
Уже давно, давно была пора...

Кухарка (входит).

Вы кушать будете?

Кедров.

Прочь, профсоюза измышление!

¹ Скульптор случайно ошибся: металл — не радио, а радий.

(Кухарка исчезает).
Кедров (враз одумывается и кричит):
Давай! Вернись! О нимфа, заряди пророка!
Кухарка (издали).
Теперь не дам!
Довольно жрать с утра без срока!

3-е ДЕЙСТВИЕ ИЗМЕНА

Предгорья Копет-Дага. Растут маки на площади в 98 кв. км.
Жена Кедрова и друг Кедрова — очеркист.

Жена Кедрова.
Не надо! Я боюсь...
Друг Кедрова.
Кого? Супруга? Чтоб...
Жена.
Нет! Закона об...

4-е ДЕЙСТВИЕ ТВОРЧЕСТВО

Кедров.
Ну, надо наконец творить,
Спасибо — наступил дурацкий промежуток:
И денег нет, и некого любить,
Не для меня теперь
С водой тачанки и пивные будки!
(К зрителю).
Спасибо, автор у меня — наивный элемент,
Спасибо, что добра страна моя родная, —
Ведь я для них фигура, творческий момент,
Для них душа моя несчастная — святая.
В трех актах первых — это было так:
Любовь я показал к жене своей неверной,
Науку трактовал, как искренний дурак, —
Но глупость — это что! —
Лишь красота была бы неизменной!..
Так вот, товарищи, сейчас пора лепить
Из гипса или глины вдохновенье.
Ну, что ж! Хоть я умен, а тоже надо жить
И торговать счастливым заблуждением.
Чего б придумать мне? Премудрость — жанр не мой!
Ну, танец комсомолок! Нет, старо!
Мне надо, чтобы четко жил мой минерал немой.
А то опять укажут — вот
Изваян еще раз очередной урод.

Эмоцию! Эмоцию мне надо,
Эмоцию — тончайшую надстройку
Над прахом, мудростью и тяжестью земной!..
Насмешку, что ль, над старым миром — гадом?
Не тонко что-то!.. Иль просто свой народ родной?
Нет, тяжело, работа велика!..
Тогда возьмем улыбку — просто пустяки:
Отчетливую радость социальной Джиоконды!
Вот это да! Здесь мысли глубочайшая река.
Никто не скажет, что намеренья художника мелки.
Что он способен ощущать лишь ваянье Росконда!..
Но где улыбку взять готовой?
Не буду же работать я из собственной души?..
В младенчестве порываться, что ль, или в молодости новой?
Иль в глубине страны, в какой-нибудь светлеющей тиши?
Так много радости в стране,
Но ведь не это нужно мне:
Меня не восхитишь улыбкою обычной,
Хочу загадочной, дразнящей, эротичной!..
Пойду искать сейчас в натуре морду.
Не все же дурочки имеют
Мировоззрение суровым!

5-е ДЕЙСТВИЕ ТЩЕТА

Кедров ищет в натуре готовую начисто, не допускающую кривотолков улыбку Джиоконды; жизнь его наполняется приключениями, но все наличные улыбки он забраковал и возвратился домой безуспешно, исполнившись творческой горечи. К тому же времени гносеологическая экспедиция в предгорьях Копет-Дага закончила свои работы всемирного значения, и жена Кедрова близка к возвращению.

6-е ДЕЙСТВИЕ ОТЧАЯНИЕ

Кедров.

Нет ничего! У нас в стране хохочут,
А Джиоконды — нет ее!
Вот женщина: допустим, что ее щекочут,
Она ж должна быть рада, а говорит, что ничего.
Я сам улыбку много раз организовал,
Путем щекотки, иль просто так, всерьез,
Но нужной мне улыбки не видал.
Тогда пошел я по дороге слез...
И что ж! Я плачу, а они мне верят
И тоже слезы льют в пустое место, —

Улыбкой Джиоконды их душу не измерить.
Ужли ж им радость возрожденья неизвестна?!
Однако встретил я одну великую девицу,
Но с той лишь надо мужество лепить...
Я, как обычно, ей про то, что в юности ей снится,
Она же мне дала в лицо рукой и не велела говорить.

7-е ДЕЙСТВИЕ ОТКРЫТИЕ УЛЫБКИ

Кедров идет по улице. Жена его идет под руку с другом Кедрова — очеркистом (он теперь также занимается малыми формами и сценариями). Они уже давно в Москве, Кедров останавливается в удивлении: жену он видит первый раз после разлуки.

Кедров.

Уже? Скажите мне ответ!

Друг.

Организованно вполне! Привет!

(Любовники проходят дальше. Удалившись, жена Кедрова оборачивается и улыбается бывшему мужу, будучи неглупой и вежливой женщиной).

Кедров (пораженный).

Стой! Обожди — и повтори улыбку:

Ты — Джиоконда, стерва, я тебя искал!

Жена (издали).

Пускай! Я стерва, нимфа, просто рыбка, —

Неужли ты моей улыбки не видал?

Кедров.

Ты не стыдись — ведь ваше дело чисто.

Ну, что ж, ты любишь очеркиста,

Я — ваятель — оставлен в стороне...

Жена.

Я улыбнусь тебе во сне!

Кедров (вдохновенно).

О, радио! О, птичье гуано!

Искусство свыше нам дано!..

Улыбку я твою народу передам —

Восполнится последняя народная нужда!

Занавес. Конец.

ГОЛОС ОТЦА
Пьеса в одном действии

Действующие лица:

Яков
Бывший служащий
Милиционер

Кладбище. Железная низкая решетка. За решеткой — у изголовья могилы — вертикально поставленный тесаный камень, с надписью: «Александр Спиридонович Титов. Инженер. Продолжатель дела Уатта и Дизеля. Скончался в 1925 году, жития его было 38 лет и 3 месяца. Мир праху твоему, великий труженик для облегчения участи людей».

Умогилы — старое дерево. На могиле несколько жалких жестяных цветов, издавна оставленных здесь. На втором плане видны такие же надмогильные камни и деревья.

Вечернее время. Кладбище пусто.

Появляется Яков, юноша лет девятнадцати-двадцати. Он входит за решетку, на могилу отца.

Молчание.

(В дальнейшем идет диалог между сыном, Яковом, и отцом его, говорящим через сердце Якова, — голосом, однако, того же сына; т. е. Яков говорит, спрашивает и отвечает сам себе; но в голосе сына и отца есть все же разница, хотя эти два голоса и принадлежат одному реальному человеку — Якову, и «Голос отца» по существу голос того же Якова. Играть на сцене «голос отца» другому актеру не следует, потому что это будет грубой художественной ошибкой, которая придаст сцене мистический оттенок, тогда как эта сцена должна быть совершенно реалистической! Впрочем, «Голос отца» как раз следует играть другому актеру).

ЯКОВ. Отец, зачем ты умер?.. Зачем ты лежишь здесь один в могиле?.. Все равно ведь я люблю тебя!

Краткое молчание.

ГОЛОС ОТЦА. Меня здесь нет, дорогой мой. Могила под тобой пуста.

ЯКОВ. А где же ты? — Я к тебе пришел...

ГОЛОС ОТЦА. В могиле никого нет — в ней земля, и что в нее входит — тоже становится землей. Но земля обращается в цветы и в деревья — и уходит через них на свет из темноты могил.

ЯКОВ. Но где же ты теперь, отец?

ГОЛОС ОТЦА. Я в твоём сердце и в твоём воспоминании, — больше меня нигде нет. И ты — моя жизнь и надежда, а без тебя я ничтожней того праха, который лежит под этим могильным камнем, без тебя я мертв навсегда и не помню, что был живым.

ЯКОВ. Папа, а как ты будешь жить, если я тоже умру когда-нибудь, как ты?

ГОЛОС ОТЦА. Тогда я исчезну вместе с тобою. Без тебя я существовать не могу.

ЯКОВ. Но я часто забываю тебя, отец, и мое сердце бывает пустым, — где ты тогда живешь?

ГОЛОС ОТЦА. Я живу тогда в твоём забвении и ожидаю твоего воспоминания обо мне.

Краткое молчание.

ЯКОВ. Папа. А зачем тебе еще жить, когда ты уже умер? Раз ты умер, больше тебе ничего не надо... Значит ты опять хочешь жить?

ГОЛОС ОТЦА. Нет, жизнь моя окончена. Больше я жить не могу и не буду, — я умер. Но я хочу остаться в тебе памятью и слабым теплом, чтобы ты думал иногда обо мне и утешался, когда тебе бывает трудно.

ЯКОВ. А зачем тебе так жить, — тебе разве нужно?

ГОЛОС ОТЦА. Мне ничего не надо... Но я хочу сберечь тебя от горя, от ненужного отчаяния и от ранней гибели, — от всех бедствий жизни, которые с тобой могут случиться. Поэтому я живу тебе на помощь.

ЯКОВ. Ты живешь не сам для себя, ты из-за меня?..

ГОЛОС ОТЦА. Я ради тебя томлюсь, чтобы ты не изменил мне.

ЯКОВ. Папа, как же я могу изменить тебе? Ты уже умер, а я жив.

ГОЛОС ОТЦА. Это верно. Но ты можешь мне изменить, и твоя измена будет самой страшной для меня, потому что я мертв и беспомощен, я уже не могу бороться, я лишь слабый свет в тебе.

ЯКОВ. Я чувствую тебя, я знаю этот далекий смутный свет, когда думаю и тоскую о тебе... Но я не могу тебе изменить.

ГОЛОС ОТЦА. Нет можешь.

ЯКОВ. Почему, отец?

ГОЛОС ОТЦА. Посмотри вокруг себя. Здесь одни могилы. И в них люди. Все они, — и тот, кто умер уже старым и кто молодым, — все они умерли, не узнав истинной жизни. Все они — мертвые, что лежат в этой земле под тобою, умерли не потому, что тело их утомилось от счастья, а ум от истины и сердце от славы жизни. Не потому. Нет, мы не знали ни счастья, ни истины, ни простого удовлетворения от своей работы и от своих страданий. Но мы тоже хотели создать великий мир благородного человечества, и мы чувствовали себя достойными его. Мы спешили работать, мы воевали, мучились и болели, мы устали и умерли...

ЯКОВ. Я все знаю это, папа...

ГОЛОС ОТЦА. Мы верили в прекрасную душу человека. Мы жили на свете как больные, как в бреду. Мы собирались друг с другом и согревались один от другого. Жили мы или нет? Я уже не помню. Все прошло слишком быстро, как в детском сновидении, я помню лишь свою муку, однако и ее теперь забыл и простил... Но мы сделали кое-что в жизни: мало, но сделали. Мы верили в лучшего человека, — не в самих себя, но в будущего человека, ради которого можно вынести любое мученье. И мы передаем вам, своим детям, эту надежду, больше нам некому ее передать. А вы не должны изменить нам. А если и вы нам измените, тогда сравняйте наши могилы.

ЯКОВ (улыбаясь). Папа. Ты умер давно. Ты не знаешь, что теперь на свете. Твоя работа по экономии топлива в машинах сберегла миллионы тонн мазута, и мама получает пенсию. Если бы ты был живым, ты был бы счастливым...

ГОЛОС ОТЦА. Не знаю, был бы я счастливым... Твоя мать говорила наверно тебе, как это было трудно сделать — мало сжигать топлива и получать много энергии... Нет, сделать это было легко, даже весело. Я хочу сказать, что не природа враг человека, — разгадать ее, использовать ее свойства на добро для человека нетрудно. Но как было мне мучительно доказывать людям, где их выгода, как трудно облегчить участь людей! Я в тюрьме сидел за это.

ЯКОВ. Кто же враг человеку?

ГОЛОС ОТЦА. Другой человек.

ЯКОВ. А кто друг?

ГОЛОС ОТЦА. Тоже человек. Вот в чем тягость и печаль жизни. Если бы против людей стояла одна природа, тогда бы осталась одна простая и легкая задача.

ЯКОВ. Мама мне говорила, как тебе было тяжело работать. Я это знаю.

ГОЛОС ОТЦА. Я был идеалистом. Я думал, что людям будет лучше, если на одну лошадиную силу в час потребуется всего полтора грамма мазута.

ЯКОВ. Людям стало лучше, ты думал правильно.

ГОЛОС ОТЦА. Не знаю, как у вас теперь. Но я знаю, что я думал неправильно, я ошибался. В руках зверя и негодяя самая высокая техника будет лишь оружием против человека.

ЯКОВ (в волнении). Ты прав, отец! Так делают теперь враги людей, но мы их раздавим, потому что самая лучшая техника — это высший человек, а высший человек живет у нас, в Советском Союзе.

ГОЛОС ОТЦА. Откуда ты это узнал?.. Высший прекрасный человек — вот в чем тайна, которую мы не могли открыть — и поэтому мы умерли в тоске.

ЯКОВ. Я научился этому у Сталина.

ГОЛОС ОТЦА. В чем его учение?

ЯКОВ. Я еще сам не научился всему его учению. Но я знаю, что Сталин учит всех людей быть верными детьми своих отцов, он велит никогда не изменять тому, что было в отцах высшим и человеческим, он хочет сделать героическую душу человека законом всей земли. Он сам ученик Маркса и Ленина.

Краткое молчание.

ГОЛОС ОТЦА. Мой отец родил меня и велел быть только добрым и терпеливым. А я хотел, чтобы ты стал знающим и смелым. Но ты должен теперь стать мудрым и счастливым. Ты должен быть моим идеалом! Но кто поможет тебе быть таким человеком, и будет ли это так? — Ведь я, твой отец, мертв и бессилён...

ЯКОВ (Встает на ноги). Так будет, отец! Если даже мне придется бороться со всем миром, — если люди устанут, озвереют, одичают и в злобе вопьются друг в друга, если они позабудут свой смысл в жизни, — я один встану против них всех, я один буду защищать тебя, Сталина и самого себя!

ГОЛОС ОТЦА. Ты погибнешь тогда, мой мальчик.

ЯКОВ. Но ведь ты тоже погиб!.. Что туг страшного — умереть? Посмотри — сколько лежит вас, мертвых, здесь! Вы ведь все вытерпели смерть.

ГОЛОС ОТЦА. Умереть не страшно. Ты не бойся смерти: это не больно.

ЯКОВ. Я знаю.

ГОЛОС ОТЦА. Ты не знаешь, ты еще не умирал.

ЯКОВ. А я все равно знаю, потому что не боюсь смерти.

ГОЛОС ОТЦА. Ты прав, мой сын. Я люблю тебя сейчас еще больше... Уходи с моей могилы и живи, я буду теперь навсегда мертвым и спокойным. Ты не изменишь мне никогда, и в этом будет моя вечная жизнь.

ЯКОВ. Спи, отец, вечно в земле. Прощай.

Яков склоняется к могиле и целует землю.

В это время на соседней могиле появляется человек — бывший служащий стройразбортреста; этот служащий слегка подкапывает надмогильный камень лопатой, сворачивает камень и кладет его на землю; затем он раскачивает железную решетку-ограду. Яков молча наблюдает за этим служащим. Служащий оставляет решетку соседней могилы, перелезает на могилу отца Якова и начинает подкапывать лопатой надмогильный камень-памятник.

ЯКОВ. Брось лопату! Что ты делаешь? Здесь мой отец лежит!

СЛУЖАЩИЙ. Тут покойник. Я его не достану, он мне ни к чему.

ЯКОВ. Зачем вы это делаете?

СЛУЖАЩИЙ. Так велели. Камень и железо в утиль, деревья на корчевку, могилы сравнять в ничто, а сверху потом парк устроят — карусели, фруктовая вода, на баянах заиграют, девки придут и лодыри с ними — на отдых, и ты приходи тогда, — чего на могиле торчишь? — а сейчас ступай отсюда прочь, дай нам управиться!

ЯКОВ (в недоумении). А зачем на кладбище парк культуры устраивать? Кругом же пустая степь, там свежая земля!.. Там и надо парк делать.

СЛУЖАЩИЙ (Трудясь с лопатой). Стало быть, что вот как раз так надобно, что именно тут. Там в степи неинтересно, там взять нечего, а тут — и железо, и камень, и деревья, и венки из жести, — всякий инвентарь.

ЯКОВ. Ну и что ж такое, что железо! А оно ведь ржавое все, а камни ничего не стоят, а деревья — на дрова только, они старые и кривые...

СЛУЖАЩИЙ. А все-таки нашему царству-государству и тут доход... Чего тут железу и камням зря находиться! Покойники в земле давно сопрели, родня их — какая выросла, какая сама скончалась, — и уж считай, что про мертвых забыла...

ЯКОВ. А я не забыл вот!..

СЛУЖАЩИЙ. Ну ладно — не забыл! Памятливый какой! — дай кладбище уберем, и ты все позабудешь: места тогда, где сейчас стоишь, не найдешь: тут ферверок будет иль квас по кружке отпускать — от жажды... А родня покойников, которая жива еще, сама придет плясать сюда, — кому тут плакать, кого помнить!.. Понял теперь?

ЯКОВ (удивленно). Нет!

СЛУЖАЩИЙ. Потом поймешь, когда привыкнешь — не враз!.. (Ворочает надмогильный камень, слабо сдвигая его с места). Ишь ты, дьявол, неподатливый какой. Смешно и забавно тут будет! Мороженое, компот в чашках, двор смеха в загородке. Я в Туле бывал и все видел. И тут же силомер и труба — на звезды глядеть: где, что и как там, отчего все произошло и куда потом денется; оказывается, мы все из тумана явились — так выходит по науке, — да пускай из тумана, нам одинаково!.. А дальше (Служащий оставил на время работу и жестикулирует, полный воображения будущего), дальше — вон видишь где — буфет откроют: харчи, напитки, вафли, изюм, простокваша, блины, — что хочешь! Тут целый парад красоты будет, тут прелесть что такое начнется! А ты что стоишь? Говори — хорошо ведь получится?

ЯКОВ (Заслушавшись — в изумлении). Хорошо.

СЛУЖАЩИЙ (Принимаясь за работу). А камень этот в фундамент пойдет, железо в переплавку, — глядь и фабрика новая стоит. Ну конечно, если сырья не хватит, то она работать не будет. Неважно — мы подождем и потерпим... (Валяет на землю надмогильный камень). А я здесь силомером буду заведовать, либо конфеты в бумажки заворачивать — легкая чистая работа! Туда-сюда, и день прошел, и не устал, и деньги заработал, и сыт по горло: везде же знакомство: и на кухне, и в буфете — где пирожок возьмешь, где жамку, где шей похлебаешь... Так и жизнь проживешь — незаметно, а приятно, в полный аппетит, культурно, с удовольствием! (Поет и приплясывает). Ту-ру-ру-ру, ту-ру-ру!.. (Останавливается). Чего же еще надо? — Ничего. Достаточно.

ЯКОВ (Ожесточившись). Пошел прочь отсюда!

СЛУЖАЩИЙ. Чего?

ЯКОВ. Ничего. Достаточно. Прочь отсюда — с могилы моего отца!

Яков выхватывает лопату из рук служащего и бросает ее в сторону.

СЛУЖАЩИЙ. Не трожь мой инвентарь. Ответишь!

Он вынимает из бокового наружного кармана свисток — и свистит в него, вращаясь во все стороны.

Тогда Яков берет этого человека поперек — и кидает его вон через железную ограду вместе со свистком, не переставшим свистеть. Исчезнув со сцены, человек со свистком свистит еще некоторое время, потом умолкает.

Яков один.

ЯКОВ (В землю). Отец!

Молчание.

ЯКОВ. Я буду жить один — ради вас всех, мертвых.

В земле — молчание.

Проходит милиционер.

МИЛИЦИОНЕР. Кто здесь сигналы подавал?

ЯКОВ (в сторону исчезнувшего служащего). Вон тот человек. Он здесь сначала могилы хотел сравнять с землей, а потом в свисток засвистел.

Милиционер уходит и возвращается обратно со Служащим.

МИЛИЦИОНЕР (к Служащему). Это вы тут памятники валяли навзничь?

СЛУЖАЩИЙ. Это мы. Это мы ради культуры, товарищ начальник. Мы сперва разбираем все негодное, собираем сырье, а затем уж строим.

МИЛИЦИОНЕР. Вон как. А это не вы в пригородном районе кузницу сломали, а из кузницы баню построили? А потом увидели, что кузница тоже нужна, тогда разобрали баню и опять построили кузницу? И так разбирали и строили, — то баню, то кузницу, — пока весь материал у вас не истратился в промежутках, и тогда бросили строить — не из чего стало. Это вы были, ваша организация?

СЛУЖАЩИЙ. Все может быть, товарищ начальник: это мы. Мы любим строить красоту и пользу из утиля!

ЯКОВ (к Служащему). Кто вы такой — дурак или вредитель?

СЛУЖАЩИЙ. Дураков нету, товарищ родственник покойного, — есть пережитки сознания капиталистического периода в головах отдельных частных граждан, а это не вредительство. Это не считается. Не смей клеветать на меня! А то ответишь. Вы сами ударили меня недавно моим больным телом о землю.

МИЛИЦИОНЕР. Свидетелей не было, доказать нельзя... Кто вам поручил разрушать кладбище?

СЛУЖАЩИЙ. Не разрушать, а постепенно, исподволь подготавливать его территорию на предмет будущей утилизации под парк культуры, искусств и отдыха, где бы люди, отдыхая, приобретали себе неутомимость.

МИЛИЦИОНЕР. Кто вас заставил это делать? Ваше учреждение?

СЛУЖАЩИЙ. Отнюдь нет, товарищ начальник...

МИЛИЦИОНЕР. Я не начальник...

СЛУЖАЩИЙ. Я вижу по вашим способностям, что вы не простой милиционер, нечет вводить меня кажущееся заблуждение. Стыдно, товарищ милиционер... Я сейчас временно нигде не служу и директив не получаю, — я вроде как в отпуске, но я сорганизовал местную общественность своего треста — с целью проявить инициативу, так как я не устал. И наша общественность поручила мне озаботиться обследованием кладбища, а также нежилых оврагов и пустошей — для вышеуказанной цели....

МИЛИЦИОНЕР. Сколько у вас общественности?

СЛУЖАЩИЙ. Инициативной общественности по данному вопросу у нас двое, а я из них самый первый. Мы постановили между собой украсить наш город.

МИЛИЦИОНЕР. Хорошо. Завтра вы посадите живые цветы на этих могилах своими силами и за свой счет. А сейчас — подымите все памятники, которые вы повалили, и оправьте могилы, которые вы топтали. [А то я вас арестую! Здесь есть человек — он любит своего отца. Кто любит отца, тот любит всех нас, тот любит родину. А вы оскорбили этого человека. (К Якову). Простите меня, что я медлю!].

СЛУЖАЩИЙ (С полным, мгновенным усердием). Есть, товарищ начальник! Сейчас же все будет сделано в самые сокращенные сроки! Я полагаю теперь, что здесь навсегда должно остаться кладбище, а парк культуры и отдыха мы запланируем на пустоши.

Служащий с яростной работоспособностью принимается за восстановление повергнутых им памятников.

ЯКОВ (милиционеру). Отправьте его куда-нибудь на пустошь навсегда.

МИЛИЦИОНЕР. Ого! А после него и пустоши не будет!..

ЯКОВ. Ну, в тюрьму!

МИЛИЦИОНЕР. Тоже не годится. После него тюрьму придется ремонтировать.

ЯКОВ. А куда ж его?

МИЛИЦИОНЕР. Сам износится в своей суете. Чадом изойдет и исчезнет. Ведь не каждый гражданин бывает человеком, товарищ. До свиданья!

Конец

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ, ИЛИ ИЗБУШКА ВОЗЛЕ ФРОНТА

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Марфа Фирсовна — старая крестьянка.

Никита — ее сын, красноармеец.

Прохожий красноармеец — санитар.

Франц — немецкий унтер-офицер, разведчик.

Гуго — немецкий солдат, разведчик.

Внутренность крестьянском избы. Одно окно наружу — против зрителя. За окном — полный, склонившийся круг подсолнечника. Русская печь, устьем обращенная в сторону от зрителя. Обычное убранство. Тишина. В избе Марфа Фирсовна: она метет веником посреди избы, метет по одному месту, метет и метет в тихом самозабвении, не замечая, что делает. Входит Прохожий красноармеец, оглядывает избу, снимает головной убор, расправляет усталое тело, здоровается.

Прохожий красноармеец. Здравствуй, бабушка... Можно переобуться? А то ноги затомились.

Марфа Фирсовна молчит и метет пол.

Прохожий красноармеец (топчется). Бабушка...

Марфа Фирсовна (опомнись). Тебе что, сынок?

Прохожий красноармеец. Я переобуюсь.

Марфа Фирсовна. Переобуйся. Сядь и переобуйся. Пусть ноги отдохнут и подышат.

Прохожий красноармеец садится на пол посреди избы и начинает медленно переобуваться. Марфа Фирсовна оставила веник и неподвижно следит, как кряхтит и действует усталый красноармеец. Марфа Фирсовна достает с печи чистые теплые портянки и подает их красноармейцу.

Марфа Фирсовна. Одень смену-то.

Прохожий красноармеец. Спасибо тебе, бабушка... Помог бы я тебе по нашему крестьянскому делу, да некогда — война идет, день и ночь некогда... Одна, что ли, в избе живешь?

Марфа Фирсовна. Жила-то не одна, а теперь вот одна осталась. От немца всем разлука вышла.

Прохожий красноармеец. Ничего, мать. Отвоюемся, тогда все по родным дворам разойдемся — кто к матери, кто к жене с ребятишками, а кто один был — тот семейство себе заведет. Тогда тихо будет, и мы опять землю будем пахать, скотину выкормим, новые избы поставим. Мы тогда отдышимся и опять жить будем исправно...

Марфа Фирсовна. Кто отдышится; а кто уж нет! Кто вернется домой из разлуки, а кто уж навсегда там без силы, без мочи останется!

Прохожий красноармеец. Оно понятно — кто убит, тот, мамаша, ушел от нас бессрочно. За них уж пускай другие живут и поминают их в счастливой жизни.

Марфа Фирсовна. Ишь ты, ученый, хитрый какой!.. Один, стало быть, убитый лежит, а другой живет в избе на покое, ест щи с говядиной и поминает его! А что ж убитому-то станется с того, с одного поминания?! Он весь разбитый, покалеченный лежит, и кости его в прах распадаются, для него весь свет потух — какая ему радость, что живые живут!

Прохожий красноармеец. Что ж тут поделаешь, мамаша, такое наше положение... Враг нам житья не хочет давать никакого.

Марфа Фирсовна. Пускай он один и подышает, враг этот, который житья нам не дает.

Прохожий красноармеец. Так не выходит, мамаша. За народную добрую жизнь нашему брату, красноармейцу, приходится смертью сполна уплывать.

Марфа Фирсовна. Да на что ж народу тогда и жизнь, если за нее молодые да самые лучшие смерть принимают!.. На что мне, старой, белый свет, коли сын мой там на голой земле глаза свои навеки закрыл!

Прохожий красноармеец. Ничего, мать, жизнь без смерти не держится, надо маленько потерпеть.

Марфа Фирсовна. Что же тут терпеть-то, когда не терпится, когда сердце мое уж дышать не может и ничто мне не в милость...

Прохожий красноармеец. Ничего, мать, привыкнешь и обтерпишься, а там, гляди, и вся война кончится. Тогда сынов много назад вернется.

Марфа Фирсовна. Да чего ты мне пустое говоришь: ничего, привыкнешь да обтерпишься... Сам красноармеец, а все дурной! Мне сынов других не надо, мне мой один нужен! Ты-то живой вот, а мой-то, Никита, может, покойник давно и мать свою не помнит.

Прохожий красноармеец. А где твой Никита?

Марфа Фирсовна. То-то и горе, что известия давно нету. То все, бывало, нет-нет да получишь письмо. Хоть что-нибудь а напишет, бывало, — жив, мать, из боя целым воротился, а завтра опять в бой идти, да думаю опять воротиться... А теперь ничего не пишет. Значит, живым не воротился.

Прохожий красноармеец. Когда как, мать. Раз на раз не приходится... Где он служил, твой сын-то?

Марфа Фирсовна. Да где все, где более всего народу-то — в пехоте, что ль...

Марфа Фирсовна вынимает из печи корчажку с молоком, ставит ее на стол, достает хлеб, отрезает от него ломоть, стелет чистое полотенце, собирает на стол.

Прохожий красноармеец. Вон как... Я тоже пехота. Я — Иван Поликарпыч Гуцин, а твой кто?

Марфа Фирсовна. А мой — Никита Семенов Прохоров.

Прохожий красноармеец (приподнимаясь и радуясь). Никита Прохоров? Ага Обождика, мамаша. А он не в сто двенадцатом стрелковом Бахчисарайском полку служит? Он к ордену боевого Красного Знамени представлен или нет?

Марфа Фирсовна. Ну, а то как же! К ордену он давно представлен, теперь уж, почитай, получить бы его должен... Садись, покушай. Дай я на тебя поближе погляжу, сына вспомню и поплачу.

Прохожий красноармеец (он уже переобулся). Покушать всегда можно. (Садится за стол, ест).

Марфа Фирсовна наливает ему молока в чашку, угощает и вглядывается, как в любимого сына.

Так я твоего сына знаю, мать. Мы в одной роте с ним служили.

Марфа Фирсовна. А того ль ты Никиту Прохорова-то знаешь? Ведь у него примета есть.

Прохожий красноармеец. Того самого, которого ты родила.

Марфа Фирсовна. А примета?

Прохожий красноармеец. Какая примета такая? Парень он добрый, крестьянский, боец исправный...

Марфа Фирсовна. Да чего ты мне — я сама про то знаю. А примета какая у него? Отличие какое?

Прохожий красноармеец. Да он, как все! Ну вроде меня!

Марфа Фирсовна. Уж ешь да не ври! Какой же он, как все? Он из себя статный, складный весь, на лицо чистый, взглядом ясный... А ты поменьше будешь.

Прохожий красноармеец. Красивый, что ль? Ну, для матерей их сыновья всегда самые лучшие. По этой примете и не разберешь — обозначаешься...

Марфа Фирсовна. Матерям-то видней... А чего ж ты с Никитой ко мне не пришел — один явился.

Прохожий красноармеец. Невозможно, мать...

Марфа Фирсовна (в тревоге). Чего так? Тебе можно, а ему нет? Где ж теперь мой Никита?

Прохожий красноармеец (после небольшой паузы). Он — без вести...

Марфа Фирсовна (не вполне понимая, все более тревожно). Без вести?

Прохожий красноармеец (спокойно). Он значит без вести пропавший.

Марфа Фирсовна. Пропавший? Куда же он пропал, мой Никита... Он ко мне не вернется?

Прохожий красноармеец. Пока непонятно. Если убит, тогда он пал за Родину, тогда он не вернется — ты не ожидай. Если в плен попал — тогда враг его мучает, тогда ты плачь и по нем горюй. Если в окружении очутился или сквозь фронт блуждает, тогда вернется и тебе весть подаст. Прохоров солдат большой, его сам генерал хвалил. Прохоров врагу не сдастся, он сам его живьем возьмет.

За окном, еще несколько ранее, разгорается зарево далекого пожара.

А ты пока зря не горюй. Я коли найду твоего Никиту, так на руках тебе принесу — это моя должность.

Марфа Фирсовна. Поел, что ль? Чего сидишь-прохлаждаешься?

Прохожий красноармеец (смушаясь). Да, я покушал спасибо вам, хозяйка.

Марфа Фирсовна. А покушал — так иди в свое войско. Чего ходишь, время тратишь... Война-то небось не ждет. Она как пашня: упустишь землю весной — и по осень не соберешь ничего. Так и ты — чего сидишь, когда немец работает.

Прохожий красноармеец. А у меня отпуск, командировка есть, мамаша. Я до завтрашнего утра свободный человек.

Марфа Фирсовна. Отпуск у него! Какой тебе, сатана, теперь отпуск? Люди — кто мертвые, кто без вести пропал, кто без сна бьется и страдает, а у него командировка какая-то, прах ее возьми!

Прохожий красноармеец. У меня документ, мамаша! Я на сутки за лекарством отпущен, я санчасть в роте...

Марфа Фирсовна. (серчая). Ну, иди, иди, дело делай, санчасть в роте. Нельзя — и ступай. Допей молоко!

Прохожий красноармеец. Больше пить некуда, мамаша!

Марфа Фирсовна. Некуда! Как так некуда — солдат должен в запас есть. Хлебай сейчас же!

Прохожий красноармеец (в испуге). Ну ладно, сейчас дошибу (Пьет из корчажки). Маленько осталось.

Марфа Фирсовна. Немцам, что ль, оставил? Допей, тебе говорят!

Прохожий красноармеец (в ужасе). Есть — допить. (Допивает, затем забирает весь остаток хлеба). Сокрушил все! Спасибо, мать.

Марфа Фирсовна. Ступай теперь, мне некогда: без вести не пропадай.

Прохожий красноармеец. Есть, мамаша, без вести не пропадать! А после победы явиться в гости!

Марфа Фирсовна (добрая). И раньше, милый, приходи, и раньше... Как мимо избы пойдешь, так зайди. (Обнимает красноармейца).

Прохожий красноармеец крепко в ответ обнимает старую крестьянку и на мгновение прикивает к ней; затем Прохожий красноармеец быстро уходит.

Марфа Фирсовна (она теперь одна; за окном зарево далекого пожара разгорелось более ярко). Я сама пойду сыщу без вести пропавших. Я сама найду управу на врага — ишь, развольничался, разгулялся как! Людей убивает, избы палит, урожай в поле остался! Это — что же! Это к чему такое? (Быстро обувает новые лапты, заматывает онучи, достает топор из-под печи, накидывает на плечи полушалок). Что я? Иль уж не хозяйка ни в избе, ни во дворе, ни в ноле? Иль уж я не мать, что сына родила, а он без вести у меня пропал!.. Да как же я это проглядела, да позволила, чтоб случилось в жизни мученье такое!.. Я вам отдам обратно горе мое — и вы не стерпите его, как я терплю, вы пропадете с железом и с пушками, и солдаты ваши побегут от меня! (Более сосредоточенно и горестно). Как я не уследила!.. Цельный век хлеб работала да сына растила, а про себя думала, что я дура, а есть другие умные, которые всем светом заведуют.

Марфа Фирсовна берет топор и собирается покинуть избу, освещенную через окно заревом дальнего разгоревшегося пожара и светом еще не угасшего дня. Навстречу Марфе Фирсовне в избу входит Франц, за ним Гуго.

Франц. Хальт!

Марфа Фирсовна, не понимая приказания, делает резкое движение навстречу немцам.

Франц. Хальт, старук!

Гуго. Стоп, Фарья!

Марфа Фирсовна (кладет на лавку топор). Не шумите в чужой избе...

Франц. Стоп, старук. Где рус?

Марфа Фирсовна. Да я сама русская. Тут одна я осталась русская.

Франц. Говори мало. Один вопрос — один ответ. Где русский солдат?

Марфа Фирсовна. Солдаты воевать ушли. Чего им в избе делать? В избах одни бабы ныне живут.

Гуго. Я видел — здесь солдат ходил.

Марфа Фирсовна. А видел — так ловил бы его, может, сам бы ему в руки попался.

Франц (беря топор). Инструмент — что делает?

Марфа Фирсовна. А что придется, — без топора какое хозяйство.

Франц. Топор!.. Рус убить можно: ейн пуля — экономия (Перекладывает топор на стол).

Марфа Фирсовна. Топором, что ль, хочешь нас убивать?

Франц. Топором хорошо убить можно. Русские спят. Тихо убить можно.

Гуго (улыбаясь). Фриштик, завтрак вставать не надо.

Марфа Фирсовна. Вон как! Стало быть, ты сонных нас топором рубить хочешь, а пули себе в барыш оставляешь?

Франц. Сама не говори. Вопрос — ответ. Где русский солдат, куда был, сколько народ?

Марфа Фирсовна молчит.

Гуго. Это вредный старук! Хлеб кушает, млеко кушает, — пользы нет. Ей смерть надо.

Марфа Фирсовна. Чем убивать-то будешь? Пули тебе жалко, а топор у нас русский, он тупой.

Франц. Германской армии от старук тоже польза. Пользы нем — тогда убить. Пусть немного живет. (К Марфе Фирсовне — резко и угрожающе). Где был русский солдат? Где прятал?

Марфа Фирсовна. Ну что же, что солдат тут был! Он побыл, отдохнул да опять воевать пошел.

Франц (быстро). Полк, дивизион, мотор, артиллерий?

Марфа Фирсовна. Да у нас люди пешие были.

Франц. Сумма? Колоссаль — это много или нет — это мало?

Марфа Фирсовна. Людей-то? Страсть сколько было! Считаю, они по всей округе теперь в хлебах врага сторожат.

Франц (делает отметку в своей полевой книжке). Говори, старук, нам польза, тебе будешь жить.

Марфа Фирсовна. Жить? А чего мне жить! Мне дело отжитое. Раз вы явились — какая жизнь! Нам жизнь — когда вам будет смерть.

Франц. Нам нет смерть. Вам будет смерть... Пушки ехал, миномет был?

Марфа Фирсовна. Да, громыхали по тракту. Видимо-невидимо ехало.

Франц (делает отметки в книжке). Русский солдат ругал наш фюрер Гитлер?

Марфа Фирсовна. Не, словами его не касались. Словом его не тронули. Он ишь какой! Убить злодея насмерть обещались.

Франц. А ты молчал, старук?

Марфа Фирсовна (медлительно). А мне чего говорить?.. Разбойников много на свете — то один, то другой, то третий является. Пока их переловишь да перебьешь по очереди, глядь, и своя-то жизнь кончилась понапрасну. Вот что жалко-то. За доброе дело руками-то приняться и времени нет.

Гуго внимательно слушает Марфу Фирсовну и задумчиво опускает голову.

Франц (командует). Марш вперед, старук! Надо посмотреть место — где есть живой русский солдат. Ступай тихо, старук! (Указывает Гуго на корчажку на столе, из которой выпил молоко Прохожий красноармеец). Гуго!

Гуго (послушно хватает корчажку, жадно, со свистом сосет из пустой посуды, ставит корчажку обратно, облизывает языком губы). Ейн капля!

Франц. Ейн капля — нам польза. Млеко — крафт солдат (смахивает в горсть хлебные крошки со стола и быстро высыпает их себе в рот). Нам польза! (К Марфе Фирсовне). Марш! Обман будет — твоя смерть.

Марфа Фирсовна. Я никуда не пойду. Тут моя изба, тут мой двор, там земля наша лежит. Я на этой земле родилась, хлеб из нее добывала, хлебом тем сына вскормила, тут моя сила легла. Никуда я не тронусь с родной земли!

Франц. Марш!

Гуго грубо толкает Марфу Фирсовну, чтобы она шла.

Марфа Фирсовна. Не трожь меня, ублюдок! Чужие капли и крошки пришли доедать!..

Франц. Марш! Нам надо место — русский живой солдат. Живая будешь, пуля не убьет.

Марфа Фирсовна (хватает топор со стола и силой вонзает его в древесину стола). Мой сын там! Как ты смеешь мне говорить такое, чтоб я русских тебе показала!.. Чего ты грозишь, чего ты пугаешь меня, голодная вошь! Ты думаешь — весь свет запугал, так и я на колени стану перед тобой? Тут конец света тебе будет!

Немцы оторопело стоят, пораженные смелостью и разумом старухи. Затем Гуго направляет свой револьвер на старуху.

Франц. Смерть потом. Этот старук опасен, старук тайну знает — говорить не хочет. Старук надо гестапо!

Гуго вытаскивает из-под лавки вожжевую веревку, отрезает от нее кинжалом конец и связывает при помощи Франца руки Марфы Фирсовны назад.

Марфа Фирсовна. Со старухой не сладят никак! И убить охота, и пошпионить надобно... Мои руки землю пахать умеют, а вы их связали! Ну, чего теперь делать будете, разбойники? Я Красную Армию кликну сейчас.

Франц. Вредный старук! Жить не любит... Гуго, ступай, иди — кто там есть ландшафт.

Гуго уходит. Франц сторожит Марфу Фирсовну. Марфа Фирсовна спокойна.

Марфа Фирсовна. Мать-то у тебя есть?

Франц. Мать?.. Есть мать.

Марфа Фирсовна (задумчиво). Чем же кормиться она будет после войны?

Франц. Здесь будет.

Марфа Фирсовна. Побираться к нам придет? Пусть приходит, я подам ей хлеба. Жалко старуху.

Франц. Жалко старук?

Марфа Фирсовна. Жалко... Сейчас сын у нее разбойник, а тогда покойник будет, а сама она побираться к нам придет. Вот и вся война ваша. Какое же у матери утешение?

Франц молчит. Быстро входит Гуго.

Франц (нечеловечески). Наше утешение есть фюрер! Хайль Гитлер!

Гуго (вытягиваясь, с бездушно-счастливым идиотизмом). Хайль Гитлер!

Франц (в той же позе, что и Гуго, с тем же нечеловеческим лицом). Хайль Гитлер! Фюрер аллес фюреришен!

Марфа Фирсовна (непосредственно). Это вы нарочно, что ль? Или вы и вправду не люди, а железки заводные? Как за вас бабы замуж выходят?

Гуго. Русский солдат нету... Ночь будет.

За окном все более смеркается; зарево далекого пожара постепенно угасает.

Франц (Марфе Фирсовне). Ступай вперед. Ступай тихо. У меня пуля. Пуля не жалко.

Марфа Фирсовна. Сам ступай прочь отсюда! Тут моя изба!

Франц. Старук не любит жить. Гуго! Не надо жить старук!

С тихого поля начинают доноситься медленные, внятные слова песни. Франц делает Гуго знак рукой и вынимает револьвер. Гуго в этот момент вглядывается через окно наружу.

Песня:

Жалко только Родину, мать-Россию родную,

Матушку-старушку, да избушку без меня.

Эх, любо, братцы, любо,

Любо, братцы, жить!

Нам бы только немца поскорее размозжить!..

Гуго. Русский солдат!..

Франц приникает к окну. Марфа Фирсовна тоже склоняется, чтобы посмотреть наружу. Короткая пауза.

Марфа Фирсовна (тихо и счастливо). Мой Никита идет.

Франц. Кто там идет?

Марфа Фирсовна. Без вести пропавший.

Гуго. Два солдат. Русский солдат.

Марфа Фирсовна. Не русский. А другой не солдат — он санчасть.

Франц. Ты знаешь — кто это они?

Марфа Фирсовна. Знаю. Они не русские. Они немцы. Они были тут в избе, молоко с хлебом пили. Я-то уж их знаю...

Гуго. Они русские. Шинель русский, шаг русский...

Марфа Фирсовна. Они — немцы, шпионы. Это они нарочно в русских оделись.

Гуго (вглядываясь внимательно). Один мало убитый, раненый нога. Другой нет, сам идет.

Марфа Фирсовна (она стоит возле окна позади немцев; ей плохо видно из-за них; теперь она видит и на мгновение забывается от горя). Никита!.. Тебя ранили...

Франц. Это вредный старук — русский шпион.

Франц и Гуго направляют свои карабины наружу, за окно. Краткая пауза.

Марфа Фирсовна (громко и резко, как немцы). Хальт!

Немцы автоматически оглядываются на Марфу Фирсовну.

(В то же мгновение Марфа Фирсовна откидывает ногой, зацепив ею за кольцо, крышку подполья, прыгает вниз, — и слышен ее голос из подполья). Говорит Старая Гора! Здесь немцы. Откройте огонь из пушек. Стреляйте скорей по Старой Горе!

Франц. Телефон! Это шпион старук!

Гуго. Весь русский народ — шпион, партизан.

Франц (выхватывает клинок, Гуго делает то же). Убей народ! (Жест в сторону окна). Этих потом. Их убьют сейчас русские пушки. Этот старук хуже всех солдат... (С внезапной догадкой). А зачем ей убивать русских, Гуго?

Гуго. И нас сейчас убьют русские пушки.

Голос Марфы Фирсовны. Не открывать огонь. Не открывать огонь по старой Горе! Не надо, нет. Немцев нету. Они отошли.

Немцы поняли, но они в испуге и недоумении. Они склоняются над открытым подпольем. Затем с клинками в руках они становятся — один у окна, другой возле подполья, но не на виду.

Франц (шепотом). Страшный старук! Стрелять в нее нельзя. (Указывает на окно). Там русским слышно. Стрелять в русских нельзя — старук в телефон пушкам скажет.

Гуго. Можно. Я стреляй солдат. Ты убивай старук.

Голос Марфы Фирсовны. Огонь по Старой Горе! Огонь по Старой Горе! Опять немцы тут.

Франца и Гуго оставляет их самообладание.

Франц. Зачем ты по-русски сказал? Здесь живет злой, великий старук! (Бросается на Гуго с обнаженным клинком). Теперь смерть нам будет сейчас! Я фрау и фюрер люблю. Я жизнь хочу с победой... Ты изменник, солдат! Зачем сказал по-русски? (Замахивается клинком на Гуго).

Гуго, защищаясь, хватается Франца за руку, в которой тот держит клинок.

Голос Марфы Фирсовны. Я бы и по-немецки угадала...

Франц. Ты схватил руку германского унтер-офицера. Сдавайся!

Гуго (всаживает свой клинок в грудь Франца, тот валится на пол). Умирай по-немецки, молча. Это вы привели меня в смерть. (Прислушивается). Сейчас будет залп. (Бросает на пол клинок). Прощай, старук! И ты там умрешь.

Голос Марфы Фирсовны. Прощай!.. Ложись, сынок, на пол: бежать-то не успеешь.

Гуго ложится на пол вниз лицом. В окне показывается лицо Никиты.

Никита. Мама!

Короткая пауза

Голос Марфы Фирсовны. Иди ко мне, Никитушка. Я в подполье сижу и выбраться сама отсюда не могу. У меня руки заняты.

Никита. Сейчас, мама!

Никита входит в избу, он ранен в ногу, его поддерживает и помогает ему идти Прохожий красноармеец, санитар.

Прохожий красноармеец. Привел тебе сына, мамаша... А ты где сама-то? Вошедшие красноармейцы замирают на мгновение от удивления при виде двух неподвижно лежащих немцев.

Голос Марфы Фирсовны. Помогите мне — который поздоровей-то из вас!

Прохожий красноармеец опускается в подполье и на руках высаживает оттуда Марфу Фирсовну, у нее по-прежнему связаны руки назад, а затем выбирается оттуда сам. Никита привалился спиной к стене, чтобы не тревожить раненую ногу; мать со связанными руками подходит к сыну. Сын обнимает ее. Короткая пауза. Гуго шевелится.

Прохожий красноармеец (к Гуго). А ты не мертвый, что ль?

Гуго. Нет. Убивать будешь?

Прохожий красноармеец. Сейчас, сам видишь, некогда. Сын к матери на побывку приехал. Лежи, дурак.

Никита. Санитар, развяжи моей матери руки.

Прохожий красноармеец. Ага — вон оно как. А я сначала и не сообразил. Прости меня, мамаша... (Развязывает руки Марфе Фирсовне). Ведь ишь, дьяволы, на какие мертвые узлы затянули — так жилы можно порвать... Ты что же, мамаша, картохи, должно, в подполье перебирала?

Марфа Фирсовна. По телефону с пушками говорила.

Никита. С какими пушками? Ты что, мать, какой у нас телефон?

Марфа Фирсовна. Обманно. Это я немцев попугала. Я с картошкой там говорила.

Гуго пошевелился на полу.

Прохожий красноармеец. Так, стало быть, это ты тут одна, мамаша, двух немцев наземь уложила?

Марфа Фирсовна. А чего тут? Одна.

Никита (прижимая к себе мать). Тебя, мама, к награде надо представить.

Марфа Фирсовна (обнимая сына освобожденными руками). Не нужно. Теперь ничего мне не нужно. Все у меня есть — ко мне сын мой, без вести пропавший, вернулся. Ты где пропадал-то, Никитушка?

Никита. А я немножко в разведке заблудился; там и подранили меня. Пришлось у партизан пожить.

Марфа Фирсовна. Дай я тебе сейчас сама ножку обмою и чистым перевяжу.

Прохожий красноармеец. А я-то здесь на что? Кто здесь, кроме меня, медицинская сила? Ты, мать, сердцем не болей. Ногу я ему сам хорошо обладил — нога у него помучается малость, потом заживет. Она уже почти зажила. Что вот нам с этим немцем живым делать? Лежит тут не свой человек!

Марфа Фирсовна. (она присела возле раненой ноги сына и ощупывает ее). А чего с ним делать? Что хотели немцы-то с Никитой моим сделать, то и с ними нужно...

Никита. Как же ты, мама, двух фашистов, сразу победила?

Марфа Фирсовна. Да ведь как, сынок! Как надо было, так и победила. У них-то железо, да машины, да всякие ехидные средства. А у нас что же! У нас разум да сердце есть! Мы этим их и берем, и возьмем! А когда у нас железа-то побольше будет, тогда мы и к ним наведаемся.

Прохожий красноармеец. Ну и мать у тебя, Никита! Ее бы весь народ похвалил. Как скажешь?

Конец

Андрей Платонов, Рувим Фраерман

ВОЛШЕБНОЕ СУЩЕСТВО

Пьеса в 4 действиях, 6 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛИМЧИЦКИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — генерал-майор

МАРИЯ ПЕТРОВНА — его жена

ЧЕРЕВАТОВ ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ — профессор медицины, генерал-лейтенант
медицинской службы, старик, 70 лет

НАТАША — его племянница, 25 лет

ЛЮБОВЬ КИРИЛЛОВНА — тридцатилетняя женщина

ВАРВАРА — ее сестра, девушка, 22 лет, сержант

РАСТОПЧУК ГЕННАДИЙ САФРОНОВИЧ — адъютант Климчицкого, лейтенант

ИВАН АНИКЕЕВ — старый солдат

ПЕЛАГЕЯ НИКИТИЧНА — старая крестьянка

АНЮТА — ее внучка лет 14

НЕМЕЦКИЙ ЧАСОВОЙ

Земляки Аникеева, красноармеец-автоматчик, офицер связи, старшая сестра, полевой хирург и другие.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вечер. Большая грейдерная дорога — позади немецкого переднего края, километрах в двух-трех от собственно переднего края. Обычный русский пейзаж. По краям дороги — молодые березы, один печной очаг, оставшийся от сожженной избы. Работают три русские женщины, они отрывают траншею. Время от времени по дороге проходит немецкий часовой. Иногда он останавливается у печного очага, роется в пепелище, отыскивает там жалкие истлевшие предметы крестьянского обихода — железную скобку, гвоздь, шило и пр., старательно очищает эти предметы, осматривает и прячет их в свой ранец.

Среди работающих русских женщин — жена генерала, Мария Петровна, затем Любовь Кирилловна и старуха Пелагея Никитична; рядом с ними работают пленные красноармейцы, они все раненые и больные, — Иван Аникеев, старый солдат, с ним еще три земляка.

У Ивана Аникеева забинтована голова. Женщины и мужчины работают печально и утомленно. Возле них бродит немецкий часовой.

На фронте полная тишина. Постепенно вдалеке, на советской стороне, занимается музыка: там играют советские громкоговорящие установки. Исполняются последовательно почти на всем протяжении картины (чередование, длительность, паузы — по усмотрению постановщика) следующие, желательные, песни: «Поляночка», «Рябина», «Липа вековая», «Советская патриотическая песня».

Пленные вслушиваются в песню родины и почти прекращают работу.

Мария Петровна бросает лопату и ложится на землю вниз лицом. Любовь входит в песню и вторит ей своим голосом. К Марии подходит Иван Аникеев.

Иван (пожилой солдат, с бурыми, выгоревшими на солнце усами). Не горюй, тетка, судьба — дело переменное... Россия не умерла, и ты живи!

Никитична сидит на земле и плачет. Иван опирается на лопату и тоже начинает петь ту же песню, что поют из России; ему помогают остальные его земляки; уже никто не работает. Немецкий часовой подходит к ним и вскидывает автомат в боевое положение; четверо пленных красноармейцев прекращают петь и снова начинают копать землю. Любовь продолжает петь, Мария лежит на земле, Никитична по-прежнему плачет.

(К Марии). Не огорчайся! Вставай — копни да вздохни! Копай мелко, вздыхай глубоко... Откуда сама-то?

Мария. А ты?

Иван. Мы-то?.. А мы дальние... Мы в голову были раненые, стали ослабшими, и нас немцы взяли без памяти.

Мария. А ноги-то целы у вас?

Иван. Ноги? Ноги пока при нас.

Мария. При вас? Так ты пользуйся ими. Ты слышишь — это нас зовут.

Иван. Да то кого же? Мы слышим... Там у нас в ротных кухнях еще суп сейчас теплый, всегда остаток бывает. У нас повар, бывало, до утра котла не сливал — может, кто отошальный придет и похлебают... А не отошальный тоже хлебают — солдат любит в запас кушать.

Первый земляк Ивана (нюхает воздух). Щами из России пахнет.

Второй земляк Ивана. У нас в батальоне, когда мотивы на баянах играли, в ужине больше добавки давали.

Никитична (перестает плакать). Да уж в жизни я не поверю, чтобы мужик-повар сытно да наваристо мог сготовить. Они добро только портят... У меня внучка девочка есть, так любого мужика на всякой работе перехватит. Что на руку, что на язык — на все горазда!

Любовь (к Марии и Ивану). Вставайте, пошли! (Бросает лопату).

Иван. Куда, барышня?

Любовь. Дурень! Куда русские из плена ходят?

Иван. А то будто я сам не знаю! Эка, ефрейтор какой! Я еще когда без памяти был, уже тактику свою сообразил. А она бойца учит, тонконожка!.. (Указывает на немца). Он-то ничего не чувствует — из тылов взят, в землю закопан будет. Он, дурной, полсмерти с собой привез, а полсмерти ему, бог даст, мы добавим: может, Александр Иванович позаботится.

Мария. А это кто — Александр Иванович?

Иван (указывает на советскую сторону). А вот там товарищ генерал один присутствует. Мы в его дивизии службу несли: генерал-майор товарищ Климчицкий.

Мария (медленно встает с земли). Генерал-майор Александр Иванович Климчицкий?

Иван. Он самый. Ничего командир — бойца своего бережет, а немца слабо терпит.

Мария. Он раненый был?

Иван. Сколько разов, однако стерпел жизнь.

Мария. А волосы у него все такие же, все так же выются?

Иван. Какие волосы? Волос у него опавший, давно с харчами поел... Прежде-то они были, и точно, — курчавый был командир. Ну, а потом от судьбы, от жизни, от недостатков природы сперва поседели, потом побурели, а потом устали и прочь попадали. Не все ж им рожаться из умной головы.

Мария. Так он плешивый стал? Ведь он же совсем еще молодой!

Иван. Ну, как тебе сказать! У него тоже жизнь, считай, уже к вечеру пошла. А потом у него ж забота большая — он ведь генерал, человек: он в каждого солдата должен душу вдохнуть, чтоб тот мог и на подвиг выйти, а при случае и смерть принять. Тут забота трудная, враз станешь.

Мария. Он не старик еще... А пусть старик! Он милый мой!

Любовь. Любила, что ль, его? Генералов трудно любить. Они толстые.

Мария. Я и сейчас люблю его. Он мой муж.

Иван. Да ну? Вот тебе раз!.. Так ведь он же вот, Александр Иванович, ваш супруг-то, — он насупротив вас в блиндаже сейчас живет. Да отсюда километра два-три нет ли, будет ли до него!.. Он небось сейчас ужин кушает, в карту глядит и по вас скучает... А вы тут же! Эх, знал бы он такое дело!..

Мария. А почему вы знаете, что он по мне скучает?..

Иван. Допрежде слышал... У него адъютант Геннадий Сафронович есть...

Мария. Ростопчук?

Иван. Лейтенант товарищ Ростопчук... Так он, товарищ лейтенант, дневальным, бывало, говорил: «Боевой, — говорит, — у нас генерал, а одним только плох, совсем плох»...

Мария. Чем же он плох?.. Довольно вам о муже моем говорить.

Иван. Нет. К чему ж довольно? Мы можем... «Одним, — говорит, — никуда генерал наш не годится: душа у него велика. По ночам один плачет, о жене своей печально тоскует, забыть о ней не может, а без нее жить ему состояния нет... А жена его или супруга в немцах, свободная вещь, погибла! Вот и жжет его горе, и томится его сердце по душевной подруге! А где ж ты ее достанешь — может, она в земле давно лежит, может, нищенкой мается в рабынях...»

Любовь (с увлечением). Какой человек этот генерал! Как бы я хотела увидеть его!.. А я увижу, я увижу его! (К Марии). Какая вы счастливая!

Мария (сияющая счастьем). А я, правда, я, правда, сейчас счастливая!

Появляется внучка Никитичны Аня. Она приносит на коромысле два глиняных горшка с ужином.

Аня (к Никитичне). Бабушка, я ужин тебе сварила, иди щи хлебать, а кашей после заешь...

Никитична. Чего ж ты столько наварила-то? Ай добра в избе некуда девать, так ты на десятерых варишь, а я одна, да и то изжогой страдаю — какой я едок. Сварила бы мне два блюда каши — и хватит...

Анюта. Да аль я тебе одной, что ль, наварила? Тут и другой народ наш томится — пусть все кормятся, чего ты, бабушка, об одной себе думаешь?

Иван. Ничего девчонка. По телу маленькая, а по сердцу уже подросток. Ставь, дочка, пищу на травку, сейчас мы ее исхарчим начисто. А молочка нету?..

Никитична. Еще чего тебе? Ты где — ты в плену, что ль, иль дома с печки бабой командуешь?

Иван достает ложку из-за сапога. Подходит немец. Замахивается автоматом. Все берутся снова за лопаты. Немец вынимает складную ложку, очищает ее, снимает каску с головы, очищает ее, открывает один горшок и начинает быстро есть горячую кашу.

Анюта. Бабушка, неприятель нашу кашу ест! Отнять у него?

Никитична. Не надо. Он не соображает, что делает. Отойди от него, он еще покалечит тебя.

Анюта. А так он кашу нашу съест! Чего же мне делать-то?

Никитична. А какого тебе рожна делать-то? Ты видишь, война идет...

Анюта. Я вижу.

Анюта бросается к немцу, тянет горшок к себе. Немец хлопает ее ложкой по лбу. Анюта плюет ему в кашу. Немец достает плевок из каши ложкой и выкидывает его прочь и продолжает есть с прежней жадностью.

Бабушка! Он жжется, а сам жрет.

Никитична. Да чума с ним! Может, кишки у него облупятся!

Анюта. Да, облупятся... Он воду потом будет пить и остынет. Я просо полола, а он пшено пришел и съел. Ведь это наказание — такой неприятель!

Слышится орудийный выстрел немецкой пушки. Затем в воздухе слышится вой немецкого снаряда и разрыв снаряда на советской стороне; музыка враз умолкает.

Иван. Попадание! Засекли нашу точку! Скучно станет без песни...

Снова возникает песня.

Не точно бьют!

В воздухе появляются осветительные ракеты.

Ну, немцы посватались за нас. А сейчас свадьба начнется!

Анюта (немцу). Скорей лопай, посуда нужна.

Выстрел из пушки с нашей стороны. Слышен шелестящий свист снаряда.

Иван (в сторону летящего снаряда, в солдатской ярости). А ну — влепи! Влепи им! Бей точно — в прах!

Разрыв нашего снаряда.

Кажется, точно положил. Пора трогаться! Дорожку домой я разведаль! Команда, за мной!

Анюта хватается второй горшок и надевает его вместе с содержимым (содержимое — похлебка) на голову питающегося немца. Его голова и туловище обливаются похлебкой. Все пленники вскакивают, бросаются в советскую сторону. Второй выстрел нашей пушки. Близкий разрыв снаряда. Падает на землю Мария, и она уже не встает; тогда другие, сперва припавши к земле, затем поднялись и устремились в свою сторону.

(Поднявшись). Не попал! (Смотрит на лежащую Марию). Вставай, наш генерал недалеко!

Мария лежит неподвижно. Иван убивает лопатой немца.

Попал!

Со сцены исчезают все. Остаются лежать Мария и немец. Осветительные ракеты гаснут. Ночь. Тишина.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Блиндаж генерала, командира дивизии Климчицкого. Обычная обстановка. На пустом ящике стоит телефон. У полевого телефона дремлет адъютант Ростопчук.
Тишина. Глубокая ночь. Звонит телефон.

Ростопчук. Лейтенант Ростопчук слушает... Генерала нет. Нет генерала! Он мне не докладывает, наоборот, я ему докладываю. Да, я старше его, но по возрасту. Ожидаю с минуты на минуту; он был только что в хозяйстве Еланина. Позвони в хозяйство Лебедева. А что у тебя? Какие люди? Сколько их? А зачем их к генералу? Мало ли что просятся... У нас с генералом еще кое-какие заботы есть... Какие заботы? Ну, разные. С немцами война, ефрейтор Никодим, наш вестовой самовар распаял, мы теперь без чая воюем, хотел его отчислить, а его контузило. Заботы хватает... Что? Ну, ладно, пусть доставят, но попозже. Генералу надо поспать. Ладно. Стукни тогда мне по этой же трубе (Кладет трубку. Идет к шкафчику. Достает флягу. Взбалтывает ее. Отвинчивает пробку). Шнапс! Уничтожить его (Выпивает. Звонит телефон. Ростопчук берет трубку). Да! Во сколько заняли? Сейчас запишу. Генералу доложили? Отлично. В четырнадцать ноль-ноль, говоришь? Ну, ясно, а в пятнадцать там еще бой шел... Да что сведения ты получил, а ты их проверил?.. Ну да, вот именно — в ноль-ноль, нули вы считаете, а на целые часы опаздываете... Да мне все ясно: вам лишь бы скорее доложить и благодарность генерала получить, а потом на грудь чего-нибудь схватить (Иронически). Ноль-ноль! (Кладет трубку).

Появляется генерал Климчицкий; он в плаще, заметно утомлен.

Климчицкий. Чаю у нас нету, самовар распаяли... Нет ли чего другого, чем оживиться?

Ростопчук. Никак нет, товарищ генерал...

Климчицкий (беря флягу, из которой выпивал Ростопчук). Тут, кажется, осталось немного... Ничего нету. А вы напрасно, Геннадий Сафронович, нажимаете по этому делу, — здоровье себе расстроите...

Ростопчук. Количество недостаточное бывает, Александр Иванович, — в таком объеме оно только лечит...

Климчицкий. Начальник штаба отдыхает?

Ростопчук. Отдыхает, товарищ генерал.

Климчицкий. Пусть отдыхает, будить пока не надо... Новых задач у нас пока нету. Командующий не звонил?

Ростопчук. Никак нет. Свободно можно отдыхать, товарищ генерал. Задач не получено, противник молчит.

Климчицкий. Свободно отдыхать никогда нельзя. У противника могут быть задачи. Я пока ложиться не буду.

Звонит телефон.

(Берет трубку). Да... Нет. Командир дивизии. А что вам нужно? Да вы говорите!.. Пропустите их ко мне! (Кладет трубку).

Ростопчук. А вы, Александр Иванович, все-таки закрыли бы глаза до утра.

Климчицкий. Впустите там людей ко мне.

Ростопчук. Зачем вам люди, товарищ генерал? Это я знаю кто — ненужные вам личности: солдат да баба от немцев прибежали. Чего на них генерала тратить?

Климчицкий. Впустите, адъютант! А то начнет: что мне надо, что не надо, и неизвестно — кто из нас генерал. Трудно иметь адъютантом умного старика...

Ростопчук (направляясь к выходу из блиндажа). Конечно, трудно: у старика-адъютанта молодым генералам учиться приходится, а учиться неохота...

Ростопчук впускает Ивана Аникеева и Любовь. Иван Аникеев вытягивается по форме; Любовь с восхищением смотрит на генерала.

Климчицкий (всматриваясь в Ивана). Я тебя видел. Ты мой солдат!

Иван. Так точно, товарищ генерал. Боец четвертой роты третьего батальона четыреста пятого ельнинского полка. Самовольно явился от противника к исполнению службы, а к противнику попал без памяти от раны головы!..

Климчицкий. Понимаю, понимаю... При форсировании реки Вспольной был ранен?

Иван. Так точно, товарищ генерал. Был павшим, думал — смерть, потом сердце опять силу взяло, и я опять жить стал, обязан, товарищ генерал.

Климчицкий. Так, так...

Иван. Разрешите доложить, товарищ генерал, в дополнение...

Климчицкий. Ну давай, давай дополнение.

Иван (к Любви). Выйди вон пока, женщина, ты вольная гражданка.

Климчицкий. Говори при ней!

Иван. Справа по грейдеру, полтора километра отсюда, где как раз лесная опушка и там же балочка со старым бурьяном, там у немцев одна батарея стояла...

Климчицкий. Я это уже знаю... Ну дальше!

Иван. Разрешите доложить, товарищ генерал, вы теперь не знаете. Они нынче ночью туда вторую батарею добавили: калибр семьдесят пять.

Климчицкий. Спасибо. На карте можешь указать поточнее?

Иван. Соображу, товарищ генерал.

Ростопчук (Ивану). Иди сюда. Соображай со мной (У карты). Обожди, ты не пользуйся своим пальцем — возьми карандаш: у тебя палец сразу четыре километра накрывает...

Иван. Палец, правда, не тот.

Климчицкий. У солдата палец всегда тот (Ростопчуку). Сообщите данные на батарею.

Ростопчук. Есть, товарищ генерал.

Климчицкий (к Любви). А вы?.. Вы садитесь, пожалуйста. Разрешите спросить ваше имя, как вам удалось бежать от немцев, где вы жили в мирное время?

Любовь. Так точно, товарищ генерал!.. (Смущаясь). То есть нет...

Климчицкий. Меня зовут Александр Иванович. Называйте меня по имени.

Любовь. А я знаю.

Климчицкий. Откуда? Вы не можете знать моего имени.

Любовь. Могу, Александр Иванович... Я Любовь Кирилловна, до войны я работала директором точки Главпива РСФСР. У немцев была саботажницей земляных работ, а из плена ушла по своему желанию — и ваш красноармеец, товарищ Аникеев, перенес меня сегодня ночью через реку Моню, а теперь я не знаю, как надо жить, я отвыкла в рабстве... Я прошу вас,

я прошу вас, Александр Иванович... (Все более растроганно). Я так хочу теперь жить на свете! У вас здесь так хорошо! (Осматривается в блиндаже). И странно мне, и страшно, как будто я рождаюсь снова и боюсь чего-то, и хочется мне жить; но я боюсь опять нечаянно умереть, как я долго умирала у немцев... Как я похудела там, у меня ноги стали как палочки, Аникеев правду сказал — я тонконожка, я никуда не гожусь. И мне так стыдно, что я такая стала, что я позволила себя замучить! Сердце мое тоже слабое стало, оно скучало и долго болело... Простите меня, Александр Иванович, я плохо думать стала, я неправильно себя веду...

Климчицкий. Успокойтесь, успокойтесь... Прошу вас, Любовь Кирилловна. Адъютант! Распорядитесь, чтобы Любовь Кирилловна могла поужинать и отдохнуть!

Ростопчук. Есть, товарищ генерал. Пусть она заодно и позавтракает, чтобы утром ей не беспокоиться.

Любовь. Александр Иванович, скажите мне, как дальше нужно жить хорошо, чтобы народ меня знал и любил, потому что я его люблю и хочу сделать ему что-нибудь особенное, что ему нужнее всего...

Климчицкий. Отдохните, Любовь Кирилловна. Мы вместе с вами подумаем об этом. Только вы немного ошибаетесь — вы же видите, я не учитель, я солдат...

Любовь (рассеянно). Вы солдат? А солдат — он что?.. Женщины рожают людей, а наш солдат их спасает от врага, от смерти.

Климчицкий. Совершенно точно. Наш солдат нужен народу наравне с пахарем, наравне с матерью...

Любовь. Я люблю вас. Я бы умерла у немцев, если бы вас не было.

Климчицкий. Это относится вон к Аникееву, Любовь Кирилловна.

Любовь. Я сама знаю, к кому что относится.

Климчицкий. Простите...

Ростопчук. Александр Иванович, в Москве сейчас первые петухи пропели. Генералам тоже надо спать иногда, и нашим гостям покой нужен.

Любовь. Не нужен покой. И я не к вам явилась.

Ростопчук. Ого! Ко мне бы вы совсем не явились...

Климчицкий (сурово). Адъютант!

Ростопчук. Я вас слушаю, товарищ генерал.

Климчицкий. Чаю для Любовь Кирилловны, сто граммов бойцу Аникееву — распорядитесь через вестового...

Ростопчук выходит для распоряжения и возвращается.

Иван. Товарищ генерал, разрешите доложить одно сведение...

Климчицкий. Говори!

Иван. А мы не все оттуда дошли, товарищ генерал. Тронулось оттуда нас порядочно народу — одних больных бойцов было четверо, да прочих было вдобавок столько-то, малолеток один был. А дошло нас всего двое.

Климчицкий. Сколько же осталось еще там наших людей, которые не смогли уйти?

Иван (задумываясь). Это будет порядочно, товарищ генерал. Трудящиеся люди...

Климчицкий. Я знаю, что трудящиеся... Все живы пока?

Иван (в затруднении). Нету. Скончавшиеся (Перекрестился).

Любовь. А когда ж чаю нам принесут? Меня жажда мучит, дорога и ночью такая пыльная была!

Иван (в ожесточении, крикает). Эх, не ту женщину с собою взял, через поток ее, неразумную пронес...

Любовь. А какую же тебе еще брать-то было? Старуху, что ль, — так она со внучкой местная жительница. А Мария Петровна замертво осталась лежать.

Вестовой вносит чай, закуску, сто граммов водки солдату.

Иван. Эх, дурная, на язык слабая какая... Было б тебе там остаться, а той бы женщине здесь уместно быть.

Климчицкий. А почему той уместно здесь быть? Кто это такая — Мария Петровна?

Иван. Разрешите доложить, товарищ генерал, то ваша супруга была! (Берет сто граммов и сразу выпивает). Царствие божие, вечный покой, добрая женщина была, все по вас томила — сама мне сказывала.

Ростопчук (Ивану). Молчать! Ты что здесь непроверенные данные распускаешь? Ты что — высший командный состав нарочно огорчить хочешь?

Любовь. Как это непроверенные данные? Я сама видела, что она убита.

Иван (к Ростопчку). Вот, товарищ лейтенант, во всякой бабе серьезная дура сидит: когда ей срок бывает, дура наружу выходит, испортит характер человеку и опять спрячется, и глядишь — женщина опять умная.

Климчицкий. Всем молчать! Я сам пойду туда, где моя жена лежит... Адъютант! Вы что медлите — почему не посланы техники на третью батарею для настройки прицельных приспособлений?

Ростопчук. Виноват, товарищ генерал. Это дело пустяковое! (Хочет взять трубку телефона).

Климчицкий. Пустяковое! Батарея неточно работает — это пустяковое дело?

Ростопчук. Нет, это великое дело! (Держит руку на телефонной трубке).

Иван. А то бы не великое: жизнь и смерть!

Офицер связи (входит). Товарищ генерал, разрешите доложить.

Климчицкий. Да, я слушаю, лейтенант.

Офицер связи. Населенный пункт Петушки контратакуется противником силою до полка пехоты при поддержке восьми тяжелых танков. У противника есть резервы на этом участке. Командир полка подполковник Караев убит. Майор Кротов исполняет обязанности командира полка, он прислал меня к вам за вашими указаниями.

Климчицкий. Адъютант! «Виллис» мне! Офицер связи, вы едете со мной!

Из блиндажа выходят Ростопчук, затем Климчицкий и офицер связи. Слышится артиллерийский гул. Ростопчук возвращается.

Иван. Надо бы, товарищ лейтенант, супругу товарища генерала земле предать. А то там немцы о ней не позаботятся, а мертвый человек — дело святое, его без заботы оставлять нельзя.

Ростопчук. Проверить, проверить это еще надо! Может, это все брехня, и ты брешешь тут за сто граммов.

Иван. Что вы, товарищ лейтенант? Разве можно по поводу горя такого врать! Да я сейчас хоть в штрафную роту за это дело пойду.

Ростопчук. Обожди! Надо сначала проверить, в штрафную роту позже успеешь.

Любовь (увидев патефон, к Ростопчку) А патефон у вас играет или испорчен?

Ростопчук. Э-э, Любовь Кирилловна, концерт после победы будет. А вам не пора уже к делу какому-нибудь приурочиться? Я могу помочь.

Иван. Да ей давно пора в медсанбате бойцам письма писать. Да хоть бы куда-нибудь скрылась, раз уж живой осталась. К чему женщина в этом высоком месте находится? Здесь кругом тайна.

Любовь. А мне и тут ничего. Тут война...

Иван. Ну, чума с тобой. Отвлекаешь ты меня от моей души... А что, товарищ лейтенант, пока темно еще, я бы успел к немцам сходить и мертвое тело доставить обратно сюда...

Ростопчук (задумываясь). А можно? Далеко это отсюда?

Иван. Да нет, дело-то недалнее: туда-сюда и враз тут буду.

Ростопчук. А немцы? Немцы с фонарем провожать тебя будут?

Иван. Да что мне немцы! Я к ним привык, я в разведку на поиск ходил, меня наш генерал с одного взгляда запомнил. Я был в своем взводе незабываемый боец — сам ротный так меня определил. Я человек сносный. А немец — он человек не тот. Конечно, смотря кто против него находится. На меня он действует слабо, я его умелым умом беру, по привычке. Разрешите, товарищ лейтенант, время не тратить зря.

Ростопчук (всматриваясь в Ивана). Что ж, выполняй (Снаряжается сам). Я тоже с тобой прогуляюсь. Вдвоем легче.

Иван. А я и один управлюсь, товарищ лейтенант.

Ростопчук. Не в том дело. Я больше тебя уважал Марию Петровну.

Иван. Вы уважали больше?

Любовь к этому моменту уже задремала. Ростопчук смотрит на нее в размышлении. Затем зовет.

Ростопчук. Автоматчик!

Снаружи входит автоматчик.

Оставайся здесь. Пока я не вернусь, женщина пусть спит. Выпускать ее отсюда не надо. И не беспокой ее. Понятно?

Автоматчик. Есть, товарищ лейтенант. Пусть она спит, а выходить ей некуда, беспокоиться нечего.

Ростопчук и Иван уходят. Любовь пробуждается, потягивается, встает, прогуливается по блиндажу, молча рассматривает автоматчика. Затем заводит патефон. Патефон играет вальс. Любовь движется в танце.

Любовь (к автоматчику). А что, немцев вы скоро одолеете?

Автоматчик. Как управимся.

Любовь. А когда управитесь?

Автоматчик. Когда осилим.

Любовь. А вы всех их побьете?

Автоматчик. Сколько потребуется.

Любовь. Надо всех их убивать!

Автоматчик. Которые повинны, те помрут. Расчет с ними должен быть с точностью!

Любовь. А я бы их всех так и порвала руками в клочья!

Автоматчик. Ну ты-то, конечно, ты бы порвала. Нам с тобой не сравняться!

Любовь меняет пластинку в патефоне.

Заунывной там нету?

Любовь. Есть — «На сопках Маньчжурии» (Заводит).

Автоматчик (вздыхая). Жалостная... Не то жива моя мать, не то нету... Нюрка, сестра, должно, померла от немцев: на границе с мужем жила (Вдруг). Заведи другой мотив!

Любовь меняет пластинку. Санитары вносят раненого генерала Климчицкого. Климчицкий в бреду. В блиндаже остаются, кроме генерала, врач, старшая сестра, офицер связи, Любовь. Любовь снимает мембрану.

Климчицкий (лежит). Путь будет музыка!

Патефон продолжает играть. Врач и сестра работают возле раненого. Патефон умолкает.

Врач. Александр Иванович, прошу вас уснуть.

Климчицкий. А жена уже спит?

Врач. Спит... Она давно уже спит. Вы не говорите, не беспокойте ее.

Климчицкий. Закройте ей глаза.

Врач. Сейчас, Александр Иванович... Теперь, вы видите, глаза у нее закрыты, и она спит сладким-сладким сном.

Климчицкий. Я тоже сейчас усну... Я очень устал...

Пауза.

Врач (к офицеру связи). Какой печальный случай! Как же вы не уберегли командира?

Офицер связи. А рана очень опасна?

Врач. Раны все опасны...

Офицер связи. Немцы вдавились в наш порядок, у них было двенадцать тяжелых танков... Генерал приказал использовать приданные самоходные орудия. Он сам сел в самоходную установку, он повел самоходки в упор на немецкие машины. Бой машин был на ближней дистанции. Семь «тигров» было сбито, у нас сгорели две самоходки, и в третью попал снаряд. В этой самоходной установке был генерал. А потом разорвался еще один снаряд, и генерал упал на землю... Он сказал: «Ничего, мы перетерпели противника, и он сгорел; самое важное — стерпеть, выждать и ответить насмерть».

Врач. Да... Вот оно как произошло. За это героя дают. А как мне его жить теперь заставить?..

Любовь. А я знаю как. Для этого доктор тоже должен быть героем, тогда он вылечит.

Врач (оглядел Любовь). Совершенно правильно, милая моя. Принесите горячей воды.

Появляются Ростопчук и Иван.

Любовь. А где же она?

Ростопчук. Нету ее нигде.

Иван. Всю местность осмотрели, где должна она лежать; немцы уволокли ее тело, чтоб оно не мешало проходу, а старуху и внучку отыскиали, они ко двору своему вернулись.

Любовь. У нас теперь генерала убило!

Ростопчук (потрясенный). А я тогда зачем остался?..

Иван становится на колени и припадает лицом к земле.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Квартира генерала Климчицкого, которая ему предоставлена для отдыха и окончательного излечения в тылу, в небольшом городе. Хорошо убранная комната. Цветы, рояль, шкаф с книгами.

Ростопчук играет на рояле балладу Шуберта. Прерывает игру.

Ростопчук (задумавшись, зовет). Иван!

Появляется Иван.

Иван. Я вас слушаю Геннадий Сафронович.

Ростопчук (ощупывая себя). Дай гвоздь и молоток.
Иван. Аль опять пояс распускать?
Ростопчук. Опять. Расползаюсь в тылу, скотом себя чувствую.
Иван. Да что ж тут — харчи да покой, а от совести мы худеем.
Ростопчук. Скоты мы с тобой!.. Давай гвоздь.
Иван. Это можно.

Иван уходит. Ростопчук начинает опять играть балладу. Иван приносит принадлежности и закопченный котелок с картошками.

Ростопчук (на картошку). А это ты что приволок? Что у нас тут, поляна, что ль, иль огневой рубеж? Здесь генерал должен пребывать.

Иван. Это картошка, Геннадий Сафронович. Я картошку там испек в котелке. Как в поле получилась, где мы такой не едали — только под Великими Луками, помню, такая получалась... Мы ее тут на полу съедим.

Ростопчук. Ну ладно. Поставь ее на пол.

Иван ставит котелок, распясывает Ростопчука и работает над поясом на полу.

Иван!

Иван. Я вас слушаю, Геннадий Сафронович.

Ростопчук. Соедини меня с госпиталем. Я о здоровье генерала информацию должен получить. Ему бы пора уже на выписку идти. Он от тоски по войскам там еще больше разболеется, чем от раны.

Иван. Сейчас... Сейчас соединим на информацию (Про пояс). На два сантиметра добавил — на неделю хватит (Набирает телефон и говорит в трубку). Алла, алла!.. Тут не война — не спешат отвечать. Должно, обедать ушли, тут постоянно везде обеденные перерывы.

Ростопчук (подходит к телефону). Да! Шевелитесь там! Это я говорю! А вы кто? Никто? Раз вас нету — с кем же я говорю? (Бросает трубку). Никого там нету — одно электричество хрипит...

Когда Ростопчук говорит по телефону, Иван садится за рояль и довольно уверенно набирает мелодию вальса, но играет неверно, фантастически.

Привыкаешь?

Иван. А чего же? Я по слуху с точностью стучу.

Ростопчук. Для музыки пальцы у тебя здоровы!

Иван. Ничего. Я к ним притерпелся. Они умелые. Чувствуете, Геннадий Сафронович, почти как у вас выходит...

Ростопчук. Ну, ясно, что почти что... Давай жевать!

Ростопчук и Иван усаживаются на ковер возле котелка с картошками.

Иван. Сейчас и в роте тоже прием пищи идет. Не слышать, Геннадий Сафронович, когда мы отсюда вперед тронемся?

Ростопчук. Не слышать пока. У генерала здоровья полного еще нету.

Иван. Это мне понятно. Тело у него на поправку пошло, а сердце по семейству болит, а семейства нету.

Ростопчук. Ты бы поменьше вникал в медицинские дела. Сам же согласился быть ординарцем и сопровождать генерала поехал.

Иван. Да как вам сказать, Геннадий Сафронович, я и по охоте, я и по нужде, и по назначению. Генерал же из моей дивизии, мне надобно его сбегать и наблюдать.

Ростопчук. А ты не чувствуешь, Иван, что ты — того — не вполне по уставу содержишь себя?

Иван. Чувствую.

Ростопчук. Это я тебя распустил.

Иван. Точно, товарищ лейтенант. Меня нельзя распускать. Вот вы, например, сейчас только одну стопку выпили, а я на кухне уже стакан хватил.

Ростопчук. Ну? Вот ты творенье какое! И что с тобой сделаешь, раз генерал терпит тебя при себе...

Иван. А генерала я при сердце своем терплю, Геннадий Сафронович! А по прочему ведь скучно, товарищ лейтенант; в тылу какое нам существование! Там при деле сердце лежит, а здесь при печали томится. Там ты весь народ за спиной бережешь, а здесь имущество от пыли караулишь.

Ростопчук. Справедливо, Иван. Грустно нам в тишине без тех людей, без товарищей, не горит у меня тут сердце ежедневно. Заботы благородной нету! Живу только любовью к нему — нужен он войскам!

Иван. Необходим!

Ростопчук (уже в упоении воспоминаний). Сейчас немец, в эту пору, любит огнем нас прощупывать.

Иван. Любит... А мы любим огонь тот засекать да помалкивать. А попозже, когда солнце в упор на нас засветит, мы начнем класть по его огонькам — и пушки его иные калечатся, иные помирают совсем, а расчеты уж не встанут на ужин.

Ростопчук. А стемнеет, Иван, — когда стемнеет, самолеты выходят... Спишь — слышишь и еще крепче спишь.

Иван. Солдат с бомбежкой не считается... Эх, хорошо там, Геннадий Сафронович...

Ростопчук. Там хорошо, Иван. Там свободно живешь. У солдата одна забота — враг. А здесь сколько забот!

Иван. А перед боем, Геннадий Сафронович!.. Перед боем на душе у тебя тревога, чувствуешь себя всего туго, за минуту норовишь год прожить — чего не доел, не допил, чего из жизни не успел ухватить — жалко делается. Думаешь, выйду из боя, ничего не упущу — отдай, что полагается. А выйдешь из боя, своих убытков не считаешь, и рад, что неприятеля одолел. В том и есть вся радость солдата!

Ростопчук. В том и есть вся радость... А ты уж считал, сколько тебе щей еще полагается, если бы ты лет до ста прожил.

Иван. Да нет, товарищ лейтенант, вы солдата неточно тут учили. Солдат это только так говорит, а думает он по-обширному!

Легкий стук в дверь. Входит генерал-лейтенант медицинской службы Череватов. Ростопчук и Иван с некоторым опозданием вскакивают и вытягиваются — так что Череватов успевает осмотреть их в первоначальном положении.

Череватов. Здравствуйте. Вы кто тут? Свои, чужие, посторонние, родственники — или никто?

Ростопчук. Адьютант генерал-майора Александра Ивановича Климчицкого лейтенант Ростопчук!

Иван. Ординарец генерал-майора товарища...

Череватов. Все вижу! Опомнитесь! Остановитесь! Ничего не надо. Что?.. Это что здесь находится?

Ростопчук. Здесь находится квартира генерал-майора Александра Ивановича Климчицкого...

Череватов. Ага. Хорошо. Хотя что же особенного хорошего? А я, знаете, кто?

Ростопчук. Знаем, товарищ генерал-лейтенант медицинской службы, профессор, доктор медицинских наук Дмитрий Федорович товарищ Череватов...

Череватов. Медицинских и прочих наук, и прочих...

Череватов осматривает квартиру, пробует вещи, разглядывает котелок с картошкой. Иван хочет убрать котелок, исполняя безмолвное указание Ростопчука.

Не трогать! Остыла картошка?

Иван. Никак нет, еще теплая.

Череватов. Дай одну.

Ростопчук. Разрешите очистить и масла подать?

Череватов. Не смей! Давай в кожуре — полевую!

Ему дают картошку. Череватов ест ее. На отдельном столике стоят пузырьки, склянки, коробочки и прочая посуда с лекарствами, с хвостами рецептов. Череватов осматривает эту медицину.

Ростопчук. Товарищ генерал-лейтенант... Это заготовлено по приказанию лечащих врачей — на предмет излечения нашего командира генерал-майора Климчицкого...

Череватов. Вижу, знаю, предчувствую!.. Чепуха! Я его сам буду лечить, использовать, воодушевлять! Эту ерунду убрать всю, выбросить ее бесследно! (Берет один за другим два-три пузырька, рассматривает рецепты). Это что?.. Ага... Ну, ясно. Этим хотят сердце и душу моего больного поправить? Три раза в день по пять капель — и получается жизнерадостность. А это? Порошок. Его надо есть после еды — и получается покой внутренних органов. А тут что? Впрыскивание. Два кубика в вену — и из этого получается счастье, и человек хочет жениться! Магия!.. Выбросить прочь!..

Иван хватает котелок из-под картошки и сыпает туда со столика все лекарства.

Ростопчук (довольный). Порядок! Разве можно нашего генерала каплей лечить?

Иван. Да разве можно любого боевого мужика из пузырька вылечить? Мы и в санбате не каплей лечились, а кашей с салом! (Уходит).

Череватов. Так, стало быть, в этих условиях и будет отдыхать и выздоравливать Александр Иванович?

Ростопчук. Так точно, в этих, товарищ генерал-лейтенант. Может, разрешите привести всю эту бытовую обстановку в полное соответствие с уровнем медицинской науки?

Череватов. Не приводить в соответствие, уровня нету!.. Оставить все, как есть, все здесь должно быть обыкновенно, скучно, неудобно. Организуйте ему некоторое неудобство! Он должен чувствовать реальную жизнь, а не томиться здесь, как цветок в лепестках, — тогда он умрет.

Ростопчук. Есть. Будет неудобство... А как насчет воздуха, питания и прочего режима?.. Если легкий сквозняк — он вреден или больше полезен?

Череватов. Сквозняк? — даже ветер! Пища — всякая, вплоть до водки и в любых количествах. Режим? Эту болезнь надо лечить свободным блаженством... Пусть генерал танцует, ухаживает, собирает общество, живет пустяковой жизнью...

Ростопчук. Слушаю! Стало быть, товарищ генерал-лейтенант, лечения никакого не нужно?

Череватов. Наоборот — необходимо, неизбежно, категорически нужно! Но лечение достигается посредством избавления, посредством свободы и случая. Человека надо лечить посредством другого человека — и только! Но не всякий человек излечивается всяким другим человеком, а только единственным, который ему неизбежно полезен, категорически нужен!

Ростопчук. А разрешите спросить, товарищ генерал-лейтенант, посредством какого человека можно излечить нашего генерала?

Череватов. Вы не соображаете, не думаете, не предвидите, не взвешиваете, не...

Ростопчук. Не подытоживаю, товарищ генерал-лейтенант...

Череватов. Не подытоживаете, не организуете, что говорите. Если бы я знал, какой именно нужен человек нашему генералу для избавления его от страдания — я бы давно его вылечил. Я давно уже веду этого больного. Тело его мы залечили, от ранения остались только шрамы, а от болезни лишь пустяк — великая тоска по войскам, туда его еще нельзя пускать! Не разрешаю! И тоска по своей милой, но умершей жене. Он любил ее и любит верной, неразлучной любовью, как оно и полагается любить.

Ростопчук. Может, разрешите, товарищ генерал-лейтенант, поискать подходящего человека?

Череватов. Опять вы не...

Ростопчук. Понимаю!

Череватов. Вы не... Ведь этот подходящий, нужный, полезный ему человек находится в единственном количестве и содержится он в недрах всего человечества. Отыскать, открыть, найти, наблюсти, привлечь, приурочить этого человека — моя великая задача! Больше, важнее, обширнее, глубже того — это задача всей нашей науки!

Ростопчук. А из нас, из близкой среды, никто не подойдет для этой великой задачи?

Череватов (раздраженно). Опять вы не...

Ростопчук. Не подхожу, не соответствую, недооценил...

Череватов. И переоценил, и переоценил! Это хорошо. Цени себя выше! В каждом существе природа создает свой новый дар!

Ростопчук. Я это в себе чувствую, товарищ генерал-лейтенант.

Входит Климчицкий — он одет в черный костюм. Вслед за ним — Иван. Климчицкий внешне в хорошем настроении духа.

Климчицкий. Здравствуйте... Здравствуйте, Дмитрий Федорович!

Ростопчук. Здравствуйте, Александр Иванович!.. Разрешите вам выразить приветствие — в этом втором эшелоне, где мы временно скучали по вас...

Климчицкий. Ничего, скоро опять в первом эшелоне будем (К Череватову). Дмитрий Федорович, я могу быть теперь свободным от болезни и — от вас? Мне пора в войска!

Череватов. Абсолютно свободны, Александр Иванович. Вы можете сейчас отправляться хоть в рукопашную атаку. Вперед на врага, товарищ генерал-майор!

Ростопчук. Прикажете вещевые сумки укладывать, Александр Иванович?

Иван. Обождем маленько, товарищ лейтенант. Из медсанбата сразу в атаку не выскакивают. Я не видел...

Череватов. Здравый, толковый, заботливый, преданный умом умелый солдат.

Климчицкий (весело). Да, Иван у меня большой солдат. Только в тылу, не у дела, я его замотал.

Иван. Дело я свое справляю, товарищ генерал Александр Иванович, — как вы только отдышитесь, так опять на отдых в свою роту пойду.

Климчицкий. Устал ты тут, Иван?

Иван. И правда, притомился, Александр Иванович.

Ростопчук. Может, гостей прикажете созвать, Александр Иванович?

Череватов. Это полезно. Это организация самоутешения. И я приду, а может, и не один еще — старушку какую-нибудь с собой за ручку приведу.

Климчицкий. Я был бы рад, но ведь кого же именно созывать, Геннадий Сафронович? У нас и знакомства нет в этом тылу. Город здесь небольшой, люди все заняты.

Ростопчук. Ну, местное общество всегда найдется, Александр Иванович. Здесь даже одна знакомая, известная вам, проживает.

Климчицкий. А что ж, с людьми веселей. Устраивайте, Геннадий Сафронович. А как мой «виллис»?

Ростопчук. Полный порядок, Александр Иванович: хоть сейчас заправили — и на войну.

Климчицкий. Ну хорошо, действуйте. Пусть будут гости, я соскучился болеть.

Ростопчук. Это мы с Иваном вмах!

Ростопчук и Иван исчезают.

Череватов. Как вы себя чувствуете, однако, Александр Иванович? Вы действительно такой оживленный, какого я вижу, или вы только владеете собой и меня обманываете, повергаете в заблуждение, совершаете обходный маневр?

Климчицкий (неуверенно, смущенно). Нет, я вправду веселый, Дмитрий Федорович.

Череватов. Вообще-то я против веселости. Но в данном случае я веселье духа вам рекомендую, предписываю, внушаю, приказываю как генерал-лейтенант!

Климчицкий (по-солдатски). Есть веселье духа, товарищ генерал-лейтенант!

Череватов. Ну вот, так и поступайте: пиво пьете?

Климчицкий. Изредка, товарищ генерал-лейтенант.

Череватов. Чаше, чаще пейте. Ничего не избегайте, делайте все, что все делают, что обыкновенно. Прогуливайтесь, по дороге забредите куда-нибудь — в ресторан, в кафе, в пивную точку, — знаете, есть такие — там всегда ассамблея посетителей и всего один прилавок, а за ним особа стоит, пиво в кружки наливает, до черты никогда не допустит и сама, бедная, за счет недолива, за счет пены живет. Да бог с ними, вы их не избегайте и не обижайтесь на них... Ну, я вечером, может, еще проведу вас.

Климчицкий. Прошу вас, Дмитрий Федорович. Буду вам очень благодарен.

Череватов уходит. Климчицкий один. Он обходит комнату, осматривает мебель, стены, трогает руками предметы, молчит.

Вещи хорошие, но — чужие. Она их никогда не видела.

Пауза.

Надо иметь и свою собственность... Жалкая у нас с ней осталась собственность! (Вынимает из бумажника два предмета: фотографию Марии Петровны и ее носовой платок. Фотографию он прикрепляет к стене, пользуясь молотком и гвоздем, оставленными Иваном на полу. Затем он подносит платок к своему лицу, нюхает его). Еще руками ее пахнет.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же обстановка. Убранный стол с яствами, но яства эти довольно скромные. Сначала сцена пуста. Затем входит Климчицкий. Одет он по-прежнему в гражданский костюм, он по-прежнему в напряженном состоянии духа, которое извне кажется спокойным и даже веселым.

Он подходит к столу, смотрит на яства.

Климчицкий. Мария тоже любила гостей собирать. Я, помню, еще ревновал ее к обществу. Как и всякий человек, я хотел, чтоб она только меня одного знала на свете... Она мне раз правильно сказала: если я тебя одного буду знать на свете, какая же честь в моей любви к тебе? Я тогда понял ее, а согласиться не мог. Теперь я согласен с нею, но сказать ей

об этом не могу, поздно уже. Главных, самых важных слов я так и не успел ей сказать. А уже гостей созвал, веселиться хочу — все творится по какому-то странному самотеку обычая и любезности. Не устраивать ли это все, взять трость в руки и уйти одному в ночное мирное поле?.. Как ты думаешь, Мария Петровна? Ты молчишь, ты всегда теперь молчишь. Ты бы позвонила или постучала в дверь и вошла сюда. Я бы многое тебе мог рассказать, самое главное, что не успел сказать и все откладывал, думал — успею, позже скажу...

Стук в дверь.

Пожалуйста! Входите!

Входят Ростопчук и Любовь.

(К Любви). А мы с вами знакомы!

Любовь. Ну, конечно, Александр Иванович, знакомы, и уже довольно давно. Но вы меня, наверное, ни разу не вспоминали, а я вас — ежедневно (Здороваются).

Климчицкий. Неужели ежедневно — так часто?

Любовь. И даже чаще — непрерывно... Со мною еще сестра моя там в гости к вам пришла, можно она придет?

Климчицкий. А где же она? Пожалуйста!

Ростопчук. Она стесняется, товарищ генерал, она наружи осталась (Тихо). Она сержант.

Климчицкий. Какой сержант?

Ростопчук. Да, ну это — ну, это ПВО, объект сторожат, в объекте сани на зиму вяжут.

Климчицкий. Значит, она тоже солдат. Так тем лучше. Как же смели ее на улице оставить? Разве можно солдата унижать? Проси, скажи — я велел быть ей у меня в гостях!

Ростопчук. Есть (Уходит).

Климчицкий. Любовь Кирилловна! Не хотите ли выпить чего-нибудь: у нас есть пиво, фруктовая вода, чай есть.

Любовь. Только не напитки. Я их видеть не могу. Я сама директор...

Входят Ростопчук и Варвара. Варвара в большом смущении, не видя генерала — Климчицкий в гражданском костюме — немного успокаивается.

Варвара (тихо, Ростопчуку). А где же генерал, товарищ лейтенант? Его не будет?

Ростопчук (тихо). Да генералы сразу не появляются: у них времени нету, у них война на руках.

Варвара смело подает руку Климчицкому.

Варвара (разочарованно). А я думала, вы — генерал!

Климчицкий (улыбаясь). Да что вы!

Ростопчук. Ну, пора! Давай торжествовать, что ль? Прошу! Не теряйте времени, начнем настоящую жизнь!..

Все усаживаются за стол. Выпивают, закусывают.

Климчицкий. Как вы поживаете, Любовь Кирилловна? Как вы устроились здесь?.. И простите — вы замужем?

Любовь (смеясь). Что вы, Александр Иванович? У меня мужа нету. Я вообще трудна для замужества.

Климчицкий. Вон как... Может быть, это вам кажется только, Любовь Кирилловна?

Любовь. Да нет, несколько не кажется. Да и мне лет порядочно — уже достаточно сравнялось, в деревнях таких, как я, перестарками зовут.

Варвара (хрипловатым, мужским, как бы махорочным, прокуренным голосом). В деревнях такие за вдовцов выходят, а в городе — за инвалидов.

Любовь. Я вот посмотрю — за кого еще ты выйдешь, солдатский сапог с ложкой!

Варвара (тем же голосом). Я-то? Я не солдатский сапог с ложкой, я — воин, я, Любочка, в Сталинграде на волжской переправе связисткой стояла...

Ростопчук. Ого! Вы в Сталинграде были?..

Климчицкий. Так вы воин бывалый, Варвара Кирилловна. Ваше здоровье!

Любовь. Подумаешь — она в Сталинграде была. А я от немцев бежала!

Варвара (тем же голосом). Бежала!.. Сама говорила, как ты бежала — тебя наш боец на руках через речку перенес!

Любовь (обижаясь все более). Неинтересный разговор! И общество скучное какое-то: болящие да выздоравливающие!.. Геннадий Сафронович, а вы говорили — у вас весело будет, народу много, танцевать будем, а тут одна сестра моя, солдат, инструкции говорит, и у меня уже изжога от нее начинается.

Ростопчук. Вот тебе раз! Веселье потом — мы по порядку живем, у нас дом строгий.

Варвара (тем же голосом). А ей тут все равно будет скучно — она генералов любит и старший командный состав.

Ростопчук. Генералов мы доставим! Пустяки...

Любовь (слегка смутившись). Александр Иванович, а вы кто теперь?

Климчицкий. Кем был, тем и остался, Любовь Кирилловна.

Любовь. А я думала...

Климчицкий. А вы не думайте...

Любовь. Я думаю о вас, Александр Иванович.

Климчицкий. Благодарю вас, но это напрасно, Любовь Кирилловна. Чего обо мне думать — какая я задача.

Любовь. Я ошибку сказала — я о вас не думаю, а я вас как-то чувствую и не могу никак ничего понять...

Климчицкий. А что нельзя понять — то, может быть, и недостойно понимания.

Любовь. Не знаю... Я не знаю, Александр Иванович, но мне так грустно бывает жить... У вас тут хорошо, но все равно потом придется уйти и расстаться...

Климчицкий. Это, правда, печально... Но что же нам делать? Разве вы хотите навсегда здесь остаться?

Любовь. Я хочу навсегда тут остаться, это правда.

Климчицкий. Мы бы вам скоро надоели, Любовь Кирилловна. И мы недолго здесь будем — мы уедем опять на войну... А потом, после войны, опять встретимся с вами. Давайте будем дружить!

Любовь (разочарованно). Водиться? Это что!.. Это ребятишкам и девчонкам радость.

Ростопчук (Варваре, тихо). Атака и контратака!

Любовь. А где же музыка?

Ростопчук. Найдется.

Ростопчук встает и садится за рояль. Начинает играть вальс. Любовь протягивает руки к Климчицкому с тем, чтобы он повел ее в танце.

Климчицкий. Прошу прощенья, Любовь Кирилловна. Но сначала я всегда думаю о солдатах. А сержант — тоже дама.

Климчицкий приглашает Варвару. Любовь остается в недоуменном одиночестве. Варвара идет навстречу Климчицкому; вдруг останавливается, резко поворачивается, отходит в угол к креслу и там быстро и ловко

сбрасывает с себя сапоги — и обнаруживается, что обута она в бальные туфли и на ее ногах шелковые чулки; все это в готовом виде помещалось в сапогах; на пол падает ложка, эту ложку Варвара бросает обратно в сапог. Затем, таким же быстрым приемом, Варвара снимает с себя пояс и португую, сбрасывает через голову гимнастерку и остается в заранее надетой шелковой нарядной блузе. Перед зрителями появляется преображенная красивая девушка, в которой уже нет ничего мужского, и говорит Варвара далее нежным девическим альтом, а не махорочным басом. Ростопчук, оглянувшись, прерывает игру.

Варвара (слегка оправляя на себе блузку). Я теперь ничего.

Климчицкий берет Варвару за талию — для танца.

Ростопчук (не играя). Я тоже хочу.

Климчицкий. Продолжайте, Геннадий Сафронович.

Ростопчук. Настроения нету, мне уже эта муза наскучила.

Климчицкий. Ну что же вы?.. Разве может муза наскучить?

Ростопчук. Может. Муза же дух, Александр Иванович. А я тоже хочу сейчас чего-нибудь конкретного, в форме туловища... (Кричит). Иван!

Появляется Иван.

Садись подбери, а я поработаю.

Иван. С тонконожкой с этой? Какая с ней работа!

Иван садится за рояль; он начинает играть. Игра его, конечно, гораздо менее умелая, чем игра Ростопчука. А главное — Иван по временам создает своей музыкой нестерпимое и мучительное положение для танцующих, потому что Иван внедряет в вальс посторонние и фантастические мелодии: в вальсе слышатся и «Барыня» и «Наверх вы, товарищи» и другие музыкальные пьесы; кроме того, иногда Иван и подпевает, а также помогает себе ногам — педелями он не пользуется. Ростопчук берет в танец Любовь.

Ростопчук. Иван, давай такты. Не спеши.

Иван играет, все танцуют с большим трудом.

(Ведя мимо Ивана Любовь). Не выдумывай, держись устава. Это нотное дело.

Иван. Не выдумывать нельзя: у меня голова такая — не пустая!

Танец продолжается. Входят Череватов и Наташа.

Череватов (у входа). Нормально, здорово, научно, логично! Это истинный, настоящий лечебный режим! Я того и требовал, это самое я и предписывал! Великолепно, продолжайте!

Иван, прервав игру, встает и вытягивается. Варвара, вырвавшись от Климчицкого, вытягивается и замирает перед Череватовым.

Варвара. Разрешите присутствовать, товарищ генерал-лейтенант?

Череватов. Какой генерал-лейтенант, кто это, где он?

Наташа. Дядя, это вы!

Череватов. Кто — я?

Наташа касается рукою погону на плече дяди.

Ах, вот он кто генерал-лейтенант! (К Климчицкому). Что я тут должен выразить, Александр Иванович?

Климчицкий. А вы действуйте по положению, Дмитрий Федорович, — в уставе есть свои пункты.

Череватов. Да, кстати, Александр Иванович, дайте мне почитать хоть раз этот самый устав... Еще вот что, чтобы не забыть — это моя племянница Наташа; одна из семерых моих племянниц, а остальных шестерых я не взял с собой. Но это норма, бывает и больше: пламя семени!

Климчицкий здоровается с Наташей. Затем Наташа здоровается с остальными. Ростопчук жестом увольняет Наташу от приветствия. Иван потихоньку уходит.

Что же вы остановились все? Танцуйте как следует. Я тоже приму участие в этом телесном торжестве.

Климчицкий (беспомощно). Я не знаю... А может, не надо больше танцевать?

Череватов. Необходимо, категорически полезно, я как врач приказываю вам неустанно веселиться.

Климчицкий. А может, не надо больше?

Череватов. Ну, тогда давайте пьянствовать, закусывать, но чем-нибудь надо непрерывно заниматься.

Климчицкий. Не надо.

Череватов. А кто здесь генерал-лейтенант и кто генерал-майор? Это я к вам обращаюсь, Александр Иванович!

Климчицкий (сдержанно и равнодушно). Играйте, Геннадий Сафронович!

Ростопчук садится за рояль, играет веселый, легкий вальс. Любовь почти хватает Климчицкого себе в пару. Череватов берет себе в пару Варвару. Наташа молча следит издали за танцующими.

Климчицкий танцует совершенно механически, как мертвый автомат, и глядит на Любовь равнодушными, пустыми глазами, не слушая, что та лепечет ему. Любовь сияет в удовольствии, совсем не понимая состояния своего партнера.

Любовь. Я тоже поеду с вами на войну.

Климчицкий молчит.

Какие у вас руки холодные — я чувствую их через кофточку. Как бы я хотела их согреть своим дыханием.

Климчицкий. Она уже никогда не будет танцевать со мной.

Любовь. А кто ее хоронил? У нее могилы нету!

Климчицкий. У кого могилы нет?

Любовь. А зачем вам надо помнить мертвых? Надо забыть. Я ведь, например, совсем живая, война кончится — я опять пополнею, раньше я хорошенькая была и опять такой буду!.. Чего же вам надо еще, Александр Иванович, товарищ генерал-майор?

Климчицкий. Оставьте меня, Любовь Кирилловна. Я больше не могу. Адъютант! Прекратить музыку!

Ростопчук прекращает игру. Все останавливаются.

Наташа. Зачем люди танцуют, когда не надо танцевать!

Климчицкий. Не надо танцевать... Вам надо всем идти домой! Ступайте домой! Идите скорее! Я больше не могу.

Все смущены. Краткая пауза.

Череватов. Понимаю, понимаю... Вам опять плохо. Не можете веселиться. И мне прикажете убраться, Александр Иванович?

Климчицкий. Да, Дмитрий Федорович, да, это желательно. Простите меня... Простите меня все... Как хочу я скорее уехать!

Череватов. Отлично. Ну, теперь-то я и не расстанусь с вами! Я врач!

Ростопчук в это время берет Любовь под руку и уводит ее. Наташа в смущении прижалась к стене. Варвара испуганно одевается.

Это кто ж такое? Это что за существо?

Варвара (вытягиваясь). Сержант Божко, товарищ генерал-лейтенант!

Череватов. Демобилизовать! Демобилизовать как девушку, как будущую роженицу и мать, как эту — как кого?.. Как дочку, как внучку!

Варвара. Разрешите, товарищ генерал-лейтенант, выразить желание — остаться в рядах армии до победы!

Череватов. Еще чего!.. Рожать пора! Я вам говорю это, как сам отец, как сам дед, как сам этот — как кто еще? (Обернувшись к Наташе). Кто еще бывает?

Наташа. Ну как доктор, как генерал-лейтенант...

Череватов. Ну да — и как они!

Варвара. Разрешите идти?

Череватов. Ступайте и исполняйте.

Варвара уходит. Наташа берет свою беретку, желая тоже уйти. Но Череватов отбирает у нее из рук беретку, кладет ее себе в карман и делает Наташе жест остаться. Климчицкий, действуя в дальнейшем, ведет себя как одинокий человек, как будто в комнате, кроме него, никого нет. Климчицкий открывает чемодан на полу; роется там в вещах и в одежде, но не находит, что ему нужно.

Наташа (тихо, Череватову). Трудно ему сейчас.

Череватов. Так и должно быть, я этого ожидал. Горе его уводит все дальше и дальше...

Климчицкий. Иван!

Появляется Иван.

Иван! Где мой второй чемодан — там было одно женское платье, его Мария Петровна носила...

Иван. Есть в сохранности, товарищ генерал.

Климчицкий. Принеси его

Иван уходит и приносит платье. Климчицкий берет на руки платье и рассматривает его. Иван стоит возле него.

Оно уже старое...

Иван. Да, платье поношенное, а было ничего. Да и теперь оно еще вполне годное, если женщина не особо гордая.

Климчицкий. Она не гордая. Надо разгладить его и приготовить.

Иван. Это можно. Я сейчас. У меня утюг горячий — я вам китель утюжил.

Климчицкий. Неси утюг сюда. Надо осторожно гладить, надо не прожечь платья, оно и так ношеное.

Иван. Да я и холодным могу разгладить. Я нажимать буду, а утюг остужу.

Иван уходит и возвращается с утюгом. Он враз начинает гладить платье на столе, сдвинув с него посуду и закуски. Гладит он с солдатской размахой, не считаясь с нежным предметом своей работы. Климчицкий бдительно наблюдает за ним, не замечая, однако, грубых жестов Ивана.

Наташа. Разве так можно? Вы все сборки и пуговицы так посорвете. Дайте я вам поглажу, а то на женщину нельзя надеть такое платье, вы ее обидите.

Климчицкий внимательно глядит на Наташу.

Иван. Глядя какая женщина будет — иная и неглаженному будет рада.

Наташа (осторожно глядя платье). Какое хорошее платье! Изящное, простое, такое живое по цвету... Она любила и понимала, что бывает красивым.

Климчицкий. Она понимала... Иван, нам дамские туфли нужны — тридцать седьмой номер. Только нам надо купить очень хорошие туфли...

Иван. Туфли?.. Да по нашему понятию тут такого товара нету, но найти можно.

Климчицкий. Возьми деньги и сходи поищи.

Иван. Сейчас прикажете отправляться?

Климчицкий. Да, иди сейчас.

Иван уходит.

Наташа. Хорошо быть любимой.

Климчицкий. А мертвой хорошо быть?

Наташа. Если быть вечно любимой, то можно и умереть.

Климчицкий. А разве любимым легко умирать?

Наташа. Да, когда я умирала, мне было не трудно, мне было не страшно.

Климчицкий. А вас тогда любил кто-нибудь?

Наташа. Тогда я любила, но это то же самое — и меня любили в ответ.

Климчицкий. Кто же это был?

Наташа. Это было много людей, и не одни люди — это были и деревья, и рожь, и облака, и наши избушки, и даже бабочки в поле над цветками, вся наша Россия.

Наташа вручает Климчицкому выглаженное платье. Климчицкий осторожно рассматривает платье, снимает с него соринки и складывает его.

Череватов. Вечная любовь! Вечная любовь! Она, конечно, возможно, допустимо, неизбежно, вероятно, есть. Но у нее есть и младшая сестра — измена, и тоже вечная. Заразные источники! Вечного много, а здоровья нет.

Является Иван с коробкой в руках.

Иван. Во дворе у жильца приобрел... Тридцать седьмой номер и не надеванные ни разу, покрыты лаком... Примерить бы надо, в случае чего я обратно их отдам и деньги назад.

Климчицкий (рассматривая туфли в коробке). Примеривать некому.

Иван (понимая). Царствие божие!

Климчицкий. Я не хочу более болеть... Я работать хочу, я жить хочу с солдатами, и я хочу сражаться! Я тоже люблю многих людей, а не одну ее только, бедную мертвую мою, и я люблю и деревья, и наши избушки, и рожь, и птиц над цветами... Исцелиться мне надо!

Иван (задумчиво). Горе само не любит оставлять человека, Александр Иванович. Горе истомить в себе нужно.

Климчицкий. Оно меня томит.

Иван. Это худо. Вас войско ждет, нам туда пора, Александр Иванович! Вам нельзя так быть... Поплакать нужно, помолиться — да и с богом на фронт против врага.

Череватов. Молиться расчета нет — бога не существует.

Иван. Как расчета нету? Расчет есть: Александр Иванович нам, солдатам, нужен, там трудно без него войску обходиться — я-то знаю!.. Я сам за него помолюсь и поплачу, может, ему легче станет.

Наташа. Пусть он молится.

Череватов. Но кому?

Иван. Я всем святым помолюсь.

Череватов. Святым можно, святых и среди нас много живет, я с ними даже знаком. Это обыкновенное явление.

Иван становится на колени, лицом в угол, спиной к зрителю, и шепчет молитву. Климчицкий тоже стоит спиной к зрителю. Немного погодя, встают на ноги и остаются в этом положении Наташа и Череватов.

Иван (кончая молитву, кланяется до земли). Простите нас, сестра наша Мария!

Иван подымается, оборачивается лицом к зрителю, лицо у него в слезах. Климчицкий оборачивается лицом к зрителю, лицо его тоже в слезах.

Наташа (делает движение в сторону Климчицкого, говорит с кроткой нежностью). Александр Иванович...

Климчицкий подымает взор на Наташу, склоняется к ее руке и целует ей руку. Когда он склонился к ее руке, Наташа одним робким движением проводит рукой по волосам Климчицкого.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Слева пустынный уголок парка. В отдалении, за кустарником, стоит на часах Варвара; за ней заметен какой-то склад. Справа — веранда маленького кафе-пивной. На веранде стойка. За стойкой — Любовь. На стойке обычная механика и принадлежности этого рода предприятия: пивной сосок, откуда льется пиво, манометр, кружки, бутылки с вином, закуски в тарелках.

Ростопчук сидит на веранде за столиком.

Ростопчук. Всем увлекался, Любовь Кирилловна. Любил и целоваться, утирая затем уста, усыносил — и сбрил, размножался — двое детей было, и обои скончались, путешествовал по своей воле и по чужой тоже, служил по снабжению в тресте, смысла жизни искал, нашел его и забыл, на старости лет лейтенанта заслужил...

Любовь. А ведь вы разлагаетесь, Геннадий Сафронович! Вы раньше строже характером держались.

Ростопчук. Естественно. В тылу трудно — обязанностей мало, пива много.

Любовь. Но неужели вы теперь совершенно не способны любить кого-нибудь?

Ростопчук. Способен, Любовь Кирилловна, я ко всему способен.

Любовь. К пиву вы способны!

Ростопчук. Нет, после пива я могу стать безумцем и, например, полюбить женщину. Ну, а потом все равно пива захочется. Так что я не начинаю никого любить, а сразу выпиваю обе порции без промежутка на любовь.

Любовь. Ну, это же пошло! Вы живете без всякого аромата, без душевных иллюзий!

Ростопчук. А пена! А пивная пена! Я сразу вдыхаю ячменные поля, я вижу васильки, птичек там различных, как девушки в колхозах по вечерам поют. В пене — всё!

Любовь. Сегодня в кино «Тельняшка моряка» идет. Пойдемте со мной! Пиво там тоже в буфете продают.

Ростопчук. Нет. В кино часто моргать нужно. А я не моргающий. А сколько я вам должен за напитки?

Любовь. Не помню. Приблизительно кружек двести. Да это не важно.

Ростопчук. Я думал, больше. Это очень важно. А отчего у вас здесь так пустынно?

Любовь. Моя торговая точка не на месте поставлена. Тут зенитная батарея близко... Не везет мне с судьбою! А вам?

Ростопчук. Я сам судьбу везу! Что мне судьба! Я генералом не буду, не успею...

Любовь. Геннадий Сафронович! А как здоровье Александра Ивановича? Кто о нем заботится — неужели вы с Иваном?

Ростопчук. Мы. Мы его вылечили. Мы скоро вперед трогаемся.

Любовь. Как же вы его вылечили? Ему же было очень плохо...

Ростопчук. А мы просто. Генерал слушался моих указаний — лекарств не пил, компрессов ему не ставили, ничего не впрыскивали. Я велел ему жить нормально — и он стал жить.

Любовь. Никогда не поверю, чтобы мужчина мог без женского ухода встать на ноги... Отчего меня больше приглашали? Мне было тогда так приятно в вашей квартире! Там обстановка со вкусом и генерал такой симпатичный, и я заметила, что со мной он здоровей себя чувствует... Только напрасно он так рано вам велел уйти. И зачем вы тогда меня увели?

Ростопчук. Вам гулять настала пора.

Любовь. А мне все равно нравится генерал.

Ростопчук. Который?

Любовь. Но второй ведь не строевой службы! Он — так... Когда я еще увижу генералов? Геннадий Сафронович, вы должны организовать в нашем населенном пункте высшее культурное общество. Нам нужно развитие... Я хочу генералов! Не смейтесь надо мной: мне скучно!

Ростопчук. Я не смеюсь, Любовь Кирилловна. Я все больше и больше привыкаю, а впоследствии, вероятно, полюблю вас!

Любовь. А вы скорее, а то вы можете постареть.

Ростопчук. А вы?

Любовь. Нет, у меня еще время есть.

Ростопчук (вставая из-за стола). Тогда я сейчас!

Ростопчук идет к стойке. В это время появляются Климчицкий, Наташа и Череватов. Ростопчук замечает их и старается поспешно удалиться за стойку, за спину Любви, к выходу из кафе через заднюю дверь.

Любовь. Вы чего же шутите со мной? Иль вы пиво боитесь пить при генералах?

Ростопчук. Пить можно, но у меня дозы большие (Уходит через заднюю дверь).

Любовь (разглядывая Наташу). А она ему не пара! Нет, в ней чего-то тонкого нету — ни в фигуре, ни во взгляде. С генералами должны гулять высшие натуры! А это что — это случайность судьбы, слепая фортуна! Подумаешь: одна с двумя генералами!

Климчицкий и его спутники замечают Любовь и раскланиваются с нею; причем Череватов, одетый в генеральскую форму, снимает головной убор, а Климчицкий, одетый в гражданское платье, приветствует Любовь по-военному. Климчицкий сейчас в уравновешенном, спокойном состоянии духа, без прежнего скрытного напряжения.

Наташа (про Любовь Кирилловну). Какая она славная! В ней целое счастье для кого-нибудь хранится.

Климчицкий. Да, она добрая женщина. Только она ведет себя, как дитя, — для других это очаровательно, а для нее бывает и мучительно...

Череватов. Фитюлька!.. (К Климчицкому). А вы что же, дорогой мой, у вас сейчас действительно вполне, это, так сказать, здоровое самочувствие — или вы опять насильно действуете над собой, опять маскировка, камуфляж, маневр воли, обман врача и захват его в клещи, с целью бросить меня, старого, в котел окружения?..

Климчицкий (улыбаясь). Я как мог держался, Дмитрий Федорович... Я желал только исцеления... Мне нужно на войне работать! Я опирался только на одно свое сердце, я давил страдание одним своим сознанием.

Череватов. Ну, и что же — для этого вы показательно веселились, когда вам нужно было плакать?

Климчицкий. Я все средства пробовал... Но для исцеления мало оказалось одного своего сердца или одной своей воли, Дмитрий Федорович!

Череватов. Мало, мало! (Поднимается на веранду кафе, к Любове). Пива — две порции и гороховую летучку на блюде!

Любовь обслуживает Череватова; вскоре она даже подсаживается к Череватову и чокается с ним пивной кружкой. Между ними идет мимическая сцена — в духе их характеров. Климчицкий и Наташа отходят в безлюдный угол парка, что находится слева от кафе. Там есть скамья. А неподалеку от скамьи, за садовым кустарником, стоит на часах Варвара.

Климчицкий. Копейка лежит. Надо поднять (Нагибается и поднимает с земли копейку). Хотите, я вам подарю копейку?

Наташа. Дайте ее мне. Я люблю копеечку.

Климчицкий дарит ей копейку. Наташа рассматривает денежку, потом аккуратно прячет ее в свой маленький кошелек.

Пусть бережется — сгодится когда-нибудь.

Климчицкий. Все надо беречь — и копейку, и хлебный колос, и вас...

Наташа. А вот червяк лежит — мертвый или живой? (Поднимает червяка и разглядывает его). Живой еще немножко, но его дядя мой растоптал — он ничего не замечает, он только думает.

Климчицкий. Может, он живой еще. Вы подышите на него.

Наташа (дыша на червяка). Он оправится, он терпеливый.

Климчицкий. Пустите его в прохладное место. Он работать будет, он тоже пахарь, он раньше крестьянина землю готовит, он жует ее и жует...

Наташа (пуская червяка в почву). Червяк — нужный человек. Ступай, трудись... Ветер шумит в деревьях, листья осыпаются, в природе всегда слышится какая-то музыка, а слов нету...

Варвара издает возглас девичьим альтиом.

Череватов (кричит с веранды). Наташа, как называется еще неизбежность, непреодолимость, необходимость?

Наташа (сразу, автоматически). Безусловность, категоричность!.. (К Климчицкому). Не обращайтесь внимания на мои слова.

Климчицкий. Говорите, что хотите делайте, что хотите, лишь бы вы не умерли. На вид вы не очень здоровы — вы молоко каждый день пьете?

Наташа. Нет, не каждый день. Нас ведь у дяди семеро племянниц, и все младше меня, да еще три тетки есть и дедушка в девяносто два года.

Климчицкий. Безобразие! Я прикажу с завтрашнего дня носить вам молоко!

Наташа. А к чему? Разве я особая какая? Мне молоко не нужно. Я и картошкой с маслом бываю сыта.

Климчицкий. Отставить! Я сам решу этот вопрос.

Наташа. Без меня не решите. Я — непьющая молока.

Климчицкий. Я вас приучу, я вас заставлю.

Наташа. А к чему? Я живу, как могу, всем довольная.

Климчицкий. Что значит — как могу?

Наташа. А это значит — как нужно.

Климчицкий. Нет, вы живете — как не нужно. Молока вы не пьете, дядя о вас не думает, вы можете погибнуть.

Наташа. Едва ли. Если бы могла, я уже погибла.

Климчицкий. Наташа!.. Кто же вас допускал до гибели? Погибать может только солдат!

Наташа. Неправда.

Климчицкий. Правда. Я лучше знаю. Мать вас родила лишь однажды, а солдат должен сберечь вас от гибели хоть тысячу раз.

Варвара издает возглас мужским голосом, подобный криканию.

Наташа. От кого же меня нужно постоянно беречь?

Климчицкий. От злодейства, от врага. Возле вашей жизни должен всегда, вечно стоять солдат на часах. Иначе напрасно народ рождает своих детей, их умертвит злодейская сила. Что мать родила только однажды, то солдат обязан беречь постоянно — солдат так же нужен, как мать.

Наташа. Значит, когда я живу, кто-то другой должен умереть за меня?

Климчицкий. Должен. Это солдат должен, это я должен.

Наташа. Не надо!.. Никому не надо за меня умирать — что я? Какая от меня радость? Солдат лучше меня человек...

Климчицкий. Не лучше, не в этом дело. Смерть для солдата не казнь, а подвиг и свойство его. Он простой человек.

Наташа. Это правильно, а правильное не всегда ведь бывает.

Климчицкий. Но так должно быть!.. Наташа, как вы тут будете жить одна, когда я уеду? Я боюсь за вас.

Наташа. Я за вас тоже боюсь, там стреляют.

Климчицкий. Наташа... я опять хочу теперь жить, как прежде жил, — уехать на фронт, быть женатым, иногда отдыхать на скамье как сейчас, подбирать копейки и оживлять червей. Солдату мало нужно.

Наташа. Я могу только оживлять червей, подбирать копейки и не пить молока...

Череватов (кричит с веранды кафе). Наташа! Как называется куриное яйцо?

Наташа не успевает ответить.

Не надо! Вспомнил: белок! (К Любви). Итак, берется белок пополам с ветчиной!..

Любовь. А не лучше ли будет витамин С?

Череватов (кричит). Никаких витаминов! Ветчина, сало, говядина!.. Витамин — измышление.

Климчицкий. Вы можете пить молоко, вы можете быть счастьем человека.

Наташа. Для счастья другого надо быть очень хорошей, надо иметь в себе что-то такое, чего я в себе не чувствую.

Климчицкий. Но другой может это чувствовать.

Наташа. Это нельзя. Как же он может чувствовать то, чего нет. Зачем его обманывать? Ему это только кажется.

Климчицкий. Он в этом уверен.

Наташа. Веруют в пустое.

Климчицкий. Нет! Я вижу, я ясно вижу то, что...

Наташа (перебивая). Вы видите, что вам хочется видеть, а его не существует.

Климчицкий. Так где же оно есть, что мне нужно?

Наташа (терпеливо и кротко улыбаясь). Что вам нужно, того много на свете.

Климчицкий. Не уходите от меня! Что мне нужно — живет только в одном человеке.

Наташа. Я не боюсь быть несчастной, Александр Иванович. Я боюсь вашего несчастья.

Варвара издает возглас девичьим альтиом.

Климчицкий. Наташа! Я вас совершенно не понимаю...

Наташа. Я, как Иван, хотела сохранить вашу жизнь... Я так думала... Вы лучше меня, Александр Иванович. Вы возвышенный человек! А я, я сама еще не знаю — кто я такая и чего я стою... И потом я должна сказать вам, Александр Иванович, что я была долго и опасно больна.

Климчицкий. Наташа... Зачем вы мне говорите эти пустяки? Если вы больны, я позабочусь о вас. Если вы сами не знаете, чего вы стоите, и если вы даже ничего не стоите — я обязан сделать так, и я сделаю, что вы будете стоить дорого, дороже всего на свете, и не для меня только, а для всех!

Наташа. Вы не знаете, что я хочу сказать, Александр Иванович...

Череватов (с веранды). Вам не пора пиво пить? А то мне кончать пора!..

Климчицкий (про себя). Опять этот старик! Я от него снова заболею — и уж тогда умру.

Череватов спускается с веранды из кафе и подходит к Климчицкому и Наташе.

Череватов. Ну, о чем вы тут бормотали? Или уже все ясно стало?

Климчицкий. Дмитрий Федорович, Наташа была сильно больна... А вы сейчас следите за ее здоровьем?

Череватов. Голубчик, у меня их семеро! Семеро! И одна Наташа как раз никогда не болела.

Наташа. У меня не болезнь — у меня смерть была.

Череватов. От нее я не лечу. Хотя, по совести, от нее только и надо лечить (К Наташе). А как же у тебя смерть была и как ты излечилась от нее? Это медицински интересно.

Наташа. Я болела долго головой. Меня били по темени. Сначала они хотели, чтоб я совсем умерла, потом они хотели, чтоб я наполовину умерла, а наполовину осталась живой, чтоб я стала страшной для народа, чтоб я стала безумной — от этого народ должен больше бояться немцев. У меня осталась рана на темени в голове, она зажила теперь, но там ямка. Вы попробуйте ее (Она рукой трогает свою голову).

Климчицкий тоже осторожно касается рукою ее головы.

Череватов. Обычная черепная травма.

Наташа. Обычная... Я сначала должна была умереть, и я умирала, потом сделали, что я осталась жить полумертвой и безумной, и я такой была, только недолго... Я в партизанах была, в одном отряде — только немножко, я мало совсем была в партизанах и ничего, кажется, не сделала. Мне велели сходить в город Рославль на разведку, это нетрудное было дело для меня. Я пошла и вернулась, все узнала. Потом опять пошла, второй раз. Меня немцы посадили в тюрьму. В тюрьме меня стали калечить, как всех, но я терпела. Меня спрашивали — я, правда, знала много, но ничего не говорила. Меня велели убить. Нас вывели на хозяйственный

двор в тюрьме и расстреляли всех, нас стояло тогда сорок восемь человек. В меня попали слабо, поранили в мякоть руки, но мы все упали. Потом нас завалили соломой и дровами, облили дрова бензином и ночью зажгли, чтобы мы сгорели. Когда загорелся огонь, я уползла, я уползла через ограду, разбитую бомбой с нашего самолета.

Череватов. Обожди, а отчего же я этого не знал ничего?

Наташа. Я спряталась, а меня опять нашли и вернули в тюрьму. Там я скучала. Немцы устали от меня, не знали, что делать. Чтоб всем страшно стало, кто русские и кто на воле, немцы велели выпустить меня утром. А ночью меня вызвали к палачу, палач бил меня по темени и проверял, чтобы я не умерла, а только потемнела рассудком. Когда я потемнела рассудком, меня вправду утром выпустили... Потом я долго жила в городе на воле, чтоб люди, глядя, какая я стала, еще больше боялись немцев. Но люди не боялись их — они меня прятали, кормили и дали одежду. Я хотела уйти из города, я видела поле, чистое небо и не могла найти туда дороги, я забыла ее. Когда я просила проводить меня, мне обещали проводить и обманывали. Все боялись, что я заблужусь и меня убьют немцы. Меня опять приводили в дом, велели жить и давали кушать. Так я жила и была слабой. Потом один мальчик поверил мне, что я вправду хочу уйти далеко. Он вывел меня за город на дорогу. Там стояли два немца на посту. Они знали меня, все немцы и жители знали меня. Немцы ударили меня прикладами и велели бежать в поле по бурьяну. Я побежала. Это было их минное поле, немцы смеялись и ждали, когда я взорвусь. Но я бежала все дальше и дальше, про мины не помнила, я хотела добежать до горизонта на свободу, где были наши. Немцы стали стрелять в меня, потому что я не взорвалась. Но они не попали в меня, и я ушла далеко к своим и там отдохнула, а потом опомнилась рассудком и стала как прежняя. Но я не знаю, может быть, я когда-нибудь опять заболею, у меня с тех пор болит голова, как будто там тесно моему рассудку. Может, я глупая буду, Александр Иванович!

Краткая пауза. Наташа виновато улыбается.

Климчицкий (сурово). Вы тоже солдат.

Череватов. А я об этом понятия не имел!

Климчицкий. А о чем вы имеете понятие, Дмитрий Федорович?

Череватов. Ну, как вам сказать — я имею понятие о болезнях, о дефектах, о травмах, о всех прорухах человеческого туловища и об исцелении от них!

Климчицкий. Вот мое исцеление! (Целует Наташу в больное темя).

Любовь (с веранды кафе, про себя). Настоящие мужчины никогда сразу в губы не целуют. У них сознание есть.

Череватов (задумчиво и печально). Я так и знал, что больного человека необходимо исцелять только посредством другого, и потом строго определенного человека, находящегося где-то вдали, в глубине, в недрах, в гуще, может быть, — на дне человечества. Но я не знал одного, и самого главного, что человечество находится так близко: оно содержится даже в моих племянницах. Их у меня семь дыханий и семь ртов!.. Да как же я мог совершить такое врачебное упущение? Как я мог не разглядеть в этой — как ее — Наташе лечебного средства против осложнения болезни?.. Да врач ли я в высоком, в идеальном, в действительном смысле понятия? Или я тоже больной, только лечить меня некому?

Варвара издает возглас мужским голосом.

Любовь (с веранды). Дмитрий Федорович, я вам яичницу с ветчиной приготовила — без всяких витаминов! Идите, пожалуйста, к нам!

Череватов. Да-да, покормите старого дурака! (Уходит на веранду). Пора, пора!

Климчицкий (Наташе). Я не отдам вас больше ни немцу, ни смерти, ни другому врагу! Мое сердце будет жить возле вас, как часовой, и без смены (Берет Наташу за руку).

Наташа. Возле вас я никогда не умру, мне ничего не страшно.

Климчицкий. Вы теперь невеста моя. Но идет война! И я вас поцелую как жену только после войны.

Наташа. После войны... Но я хочу и на войне видеть вас хоть издали. Я тоже хочу быть там, Александр Иванович, я хочу, чтобы над нашими полями шумел только один ветер, и никогда больше не принижали рожь к земле взрывные волны... Так будет лучше, по-моему.

Климчицкий. Так будет лучше? Хорошо. Я подумаю. Наташа, подарите мне вашу копеечку.

Наташа. Навечно?

Климчицкий. Навечно, Наташа.

Наташа (достала из кошелька копеечку и подала ее Климчицкому, зажав в кулак). Навечно — пожалуйста! Не потеряйте ее, она маленькая.

Климчицкий. Разожмите же кулак... Какой он у вас маленький.

Наташа. Как копейка? Он ростом с мое сердце. Берите (Дает ему копейку).

Климчицкий. Спасибо вам, Наташа, за большое доверие. Эта копейка будет богатой.

К Варваре подходит разводящий и сменяет ее с поста. Варвара подходит к Наташе и неожиданно целует ее.

Варвара. Давайте будем водиться... Приходите ко мне в землянку. У нас новый патефон есть и целый набор пластинок! Старший лейтенант вам разрешит — я похлопочу.

Климчицкий. А что ж, Наташа! Сержант вам добрая подруга. Ходите к ней гости, дружите с ней вместе, танцуйте, и я еще молоко приучу вас пить.

Варвара убегает. Климчицкий берет Наташу под руку, и они направляются в глубь парка.

Череватов. Обождите старика! Он питается! (Вдруг вставая). Довольно пищи — вторую смену челюстей трачу напрасно (Идет вслед Климчицкому и Наташе).

Любовь. А все-таки она не пара ему! Я это прямо чувствую, что не пара.

Из-за стойки, из внутренней двери кафе появляется Ростопчук и снова садится за столик.

Ростопчук. Обслуживайте меня. Давайте все сначала!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Внутренность большой русской крестьянской избы. Русская печь, деревянный стол, скамья. Против зрителя — дверь и одно окошко наружу, в природу. В избе пусто, убого и уныло; хозяйство обглодано немцами. Над столом висит низко свешенный матерчатый абажур без лампы. На столе — графин-пузырь с надетой на горлышко пустой чашкой.

Осенняя ночь. Шумит ветер за окном в сосновом лесу; по оконной раме стучит голая ветвь надворного кустарника. В избе сумрак, света нет. Пелагея Никитична (Никитична) лежит на печке. Ее внучка Анюта лежит на лавке. Пауза.

Анюта. К чему ж лампу-то было отдавать? Старый человек, а все глупый! Ночи-то, ишь какие длинные стали — лежишь и думаешь, и уже думать-то нечего, — а что во тьме делать? Во тьме ничего, во тьме скучно.

Никитична. Я тебе дам — во тьме!.. Скучно ей во тьме — веселая какая! Иль немцы-то мало задницу тебе драли? Еще по порке скучаешь?

Анюта. У меня уже все зажило давно... Это ты все немцев этих боишься — и лампу им со страху отдала...

Никитична. Попробуй, не отдай им! Ведь он спрашивает, аль он просит чего...

Анюта. А я бы нипочем им лампу не отдала. Я бы свет сейчас жгла и сидела читала бы книги из школы, напрасно, что ль, я всю библиотеку в избу, в подполье стаскала...

Никитична. Лампа ей нужна! Свет бы она жгла! Книжки бы она читала! А чего там читать — да я тебе все изустно расскажу, хоть не по-немецки, а все равно будет... Лампы ей жалко! А газ где брать будем?

Анюта. Газ я достану — не твоя будет забота. Газ я из немецкой машины солью, а вдобавок и шину шилом проткну.

Никитична. Ты вот допротыкаешься шилом своим, ты вот добалуешься — одна-то уж тебя гоняли в рабство!

Анюта. А что мне рабство! Убежала я, опять убегу. Это тебе все страшно: живи вот с тобой во тьме!

Никитична. И ночью от тебя покоя нету! Хоть бы в рабство тебя опять немцы взяли, я бы отдохнула!

Анюта. Времени тоже у нас нету, и будильник немцы взяли. Ничего ты, бабушка, не уберегла.

Никитична. Хоть сама-то жива осталась — при внучке такой.

Анюта. А какая я такая?

Никитична. Да уж другой такой нету — одну бог дал... А как это такое — я ничего не уберегла... А картох сколько в поле закопала, а овчину всю новую утаила, а приданое твое — два сундука — как было, так и теперь все осталось, и, кроме меня, его и не найдет никто, и ты не знаешь, где я сундуки схоронила, без меня ты и замуж не выйдешь... Ишь ты, я добра не уберегла! Без меня кому и сберечь-то его!

Анюта. А пускай бы все пропало: все одно немцам потом велют все отдать с добавкой.

Никитична. Кто же это им прикажет тебе приданое назад вернуть? Ты что ль?

Анюта. Красная Армия, вот кто.

Никитична. Ну да, у Красной Армии только и делов, что девкины юбки да кофты у немцев назад отбирать!

Анюта. Не надо мне кофты и юбки... Нам жить надо как прежде было. Бабушка, а кто же нам поможет-то?

Никитична. Красная Армия, вот кто.

Анюта. Пора бы уж ей приходиться, народ весь томится. Все книжки из библиотеки сотлеют в подполье, мухи на угодьях разжирели, иная с жука выросла, крапива с лебедой — и та цельный кустарник, как роща, разрослась, поля нелюдимые стали — где силу брать запашку делать?..

Никитична. Загоревала девка! А то без нее-то и обдумать некому — как пахать и сеять будем после немцев. Ей, видишь, одной забота! Да мы где потеряли что, там и обратно отыщем!

Анюта. МТС-то немцы всю растащили: ни плуга, ни трактора, ни тисков не осталось.

Никитична. А пускай растащили — обратно внове по списку доставят. Где у тебя ведомость, которую я от председателя принесла, когда он в лес ушел, это еще до нашествия было?

Анюта. Ведомость там же, где книжки, я ее в Пушкина положила. А что там ведомость была — она неправильная. Я потом сама добавила, я помню, что было в МТС и в колхозе. Они там записали не всякое добро — два жернова забыли, меха в кузнице, шорного товару не было...

Никитична. Ну, а ты-то записала, добавила это в ведомость?

Анюта. А то как же!

Никитична. Да то-то! А то с немцев, с них спросу не будет! Где вот лемеха на тракторные плуги брать будем — у нас корпуса большие были и железо твердое стояло, целину как творог отваливало. Немцы-то справятся нам железо такое на корпуса поставлять?

Анюта. Справятся, бабушка. У них заводы большие есть, мы учили про иностранные державы.

Никитична. Ага, знать, фабрики-то у них есть! Да и сама думала, что есть, откуда же у них страсть всякая берется. Теперь все ихние машины с фабрики к нам волочить надо. Пускай у нас железо делают — ни подковы, ни гвоздя ведь нету, ты вот ушко в иголке отломила, теперь свои гуни заштопать нечем...

Анюта. У немцев и уголь есть, бабушка.

Никитична. Антрацит, что ль?.. Нам он тоже надобен. Кузнец всегда жаловался — уголь из дерева мягок, жару мало дает. Да и леса наши целее будут — ишь, немцы делянки какие свели: без ума валили — и зрелое дерево шло, и молодняк, недросток рубили... Ты бы тоже это записала! А то убытки-то наши сочла, а что нам с немцев неминуемо следует, о том ты не заботишься.

Анюта. Пускай утро настанет. Как рассветет, так я новую ведомость составлю.

Никитична. И железную дорогу всю порушили. Где вагон, где паровоз был — теперь в одной куче гарь осталась. А на станции и башня с водой стояла, теперь на земле лежит. Никакого порядку нету. Не то запишет кто этот убыток, не то нет? А ты тоже — возьми да запиши его на всякий случай, бумага-то ум бережет.

Анюта. Ладно, бабушка. А у Кондрата избу спалили, двух петухов съели и свинью супоросную бросили — это ведь тоже в ведомость надо!

Никитична. Это и сам Кондрат помрет не забудет, ты бумагу зря не марай. Ты пиши, что немец весь народ обездолил и что всему народу с немца полагается.

Анюта (прислушалась). Бабушка, стучит кто-то со двора!

Никитична (слушая). Аль немцы, что ль, полуночники?.. Вина напились да закусочку по деревне ищут! Никого не слышать... Верба стынет по осени и в избу просится. Ночь-то долга теперь, и война идет, не кончается... Холодно нынче во дворе, ветер поднялся, и дождь вторые сутки идет.

Анюта. Мы-то с тобой, бабушка, в избе греемся. А красноармейцы в земле сидят, им и обсушиться негде, они в немцев палят.

Никитична. Спаси их, царица небесная.

Матерчатый абажур, низко свешенный с потолка над столом, начинает раскачиваться. Стеклянная чашка, надетая на горлышко пузатого старинного графина, что стоит на столе, начинает позванивать то тише, то громче.

Анюта. Бабушка, абажур опять качается и чашка запела.

Никитична. Ну что ж, слава тебе, господи. Знать, бой далече идет — наши в поход пошли.

В окне вспыхивает на мгновение красноватый отсвет далекого артиллерийского огня, беззвучного из-за удаления. Тихий стук в окно.

Анюта. Бабушка, опять кто-то стучит. Я на печку к тебе пойду.

Никитична. Спи, спи... Тебе слышится. Какой там демон в полночь в непогоду такую в избу стучаться будет. Немцы во тьме не ходят, и лес от нас близко.

Тихий стук опять звучит в окне. Анюта приподнимается с лавки, оборачивается к окну. Окно освещается на мгновение беззвучным отсветом огня, и в окне видно лицо человека.

Анюта (вскакивая). Бабушка! Человек стучится!
Никитична. Обожди... Ты сама не ходи. Я сама пойду отворю.

Никитична сходит с печи, подходит к окну.

Ктой-то там? Чьи сами-то? (Из-за окна звучит невнятный голос). Чьи?.. Ну, иди обогрейся, время-то уж больно позднее! Знать, нужда у тебя большая, что в такую пору покоя тебе нету! (Открывает затвор у двери). Садись к печке поближе.

Входит Мария. Она постарела, исхудала еще больше, она в ветхой жалкой одежде, измокшая и продрогшая. Мария подходит к печи и греет руки.

Анюта (Всматриваясь в Марию). Тетка!.. А тетка?.. А ты землю с нами не копала на немцев?

Мария. Копала... Я много земли копала, я и падала на землю и обмирала на ней, я много людей видела — может, и с вами была, теперь не помню...

Никитична. Ко двору, что ль, идешь?

Мария. Ко двору.

Никитична. Отгыльче, из-под немца?

Мария. Оттуда.

Никитична. Видать, затомилась вся. Садись, я тебе поужинать соберу — картохи есть, похлебка в горшке осталась, только я из печи все горшки уже выставила, остыла теперь еда.

Мария. Спасибо, мне не нужно, я так согреюсь и усну. Вторую неделю по лесам иду, ноги опухли.

Никитична. А ты на печь полезай. Там тепло и покойно тебе будет.

Мария. Сейчас, бабушка (Разувается, снимает верхнюю одежду для просушки).

Никитична. Вдовая, что ль?

Мария. К мужу иду.

Никитична. Цел, значит, муж-то?

Мария. Не знаю. У самой, бабушка, сердце болит по нему. Иду-иду, и все никак не дойду.

Никитична. Ах ты, бедная. Знать, долг нынче путь до своего мужа-то?

Мария. Долг, бабушка.

Никитична. Что ж ты к нему идешь — привыкла к нему так, аль поистине любишь?

Мария. Поистине, бабушка!

Никитична. Кто ж он у тебя, мужик-то, — знатный такой, с лица собой хороший иль к тебе уж очень добрый и расположительный?

Мария. Сама не знаю, бабушка.

Никитична. По чувству, значит, живешь, а по рассудку не знаешь?

Анюта. Хватит тебе, бабушка, прохожую пытаться. Сама все знаешь, а спрашиваешь. Ты и дедушку все пыталась, он серчал-серчал, а потом кашлять начал...

Никитична. Ишь ты, характерная какая — вся в дедушку своего! (Лезет на печь. К Марии — с печи). Иди сюда — тут теплынь стоит, враз согреешься и уснешь.

Мария влезает на печь и укладывается там с Никитичной. Слышен далекий нарастающий гул и шум идущего войска, вооруженного машинами; Анюта, послушав, закрывает дверь и обратно идет к своей постели на лавке.

Анюта. Войско идет! Наше ли, нет ли?.. Наши, должно быть, — гудят дюже гулко, немец шумит маломочней! (Слушает). Утром проснусь — и хорошо мне будет! (Улыбается). Спи, Анютка, красноармеец завтра придет! (Ложится на лавку, укрывается, затихает).

Резкий стук в дверь.

Никитична (с печи). Кого там домовой по ночам носит?

Иван (из-за двери). Это мы пришли! Открой, хозяйка!

Никитична. Кто вы-то?

Иван (из-за двери). Мы-то? Да мы, Красная Армия!

Никитична враз падает с печки, как молодая. Анютка тоже вскакивает молнией, она уже у двери, сбрасывает затвор — и в избу входит Иван Аникеев, он в плащ-палатке, за ним следом входит Наташа, она в шинели красноармейца.

Иван. Здравствуйте, хозяйева!.. Что-то ваши личности мне знакомые! Неважно! (Оглядывает избу).

Никитична. Аль вы, и вправду, Красная Армия?

Иван (строго). Да то кто же! Иль ты не чувствуешь?

Никитична. Да я чую, чую, родимый!.. Я сейчас печь затоплю, полы вымою! (Хлопочет по избе).

Иван. Правильно, бабушка, топи печь, мой полы, мы на постое у тебя будем стоять...

Никитична (суетится). А я сейчас, я сейчас... Я втупорже, втупорже...

Анюта (подходит к Ивану и серьезно, торжественно, как взрослая, протягивает ему руку). Здравствуйте! А мы знали, что вы все равно придете! А если бы вы не пришли, то мы бы сами за вами пошли!

Иван. Аль соскучились?

Анюта. Вон бабушка соскучилась, она меня ругала, что вы долго не шли.

Иван. Ладно. Теперь мы явились. Бабка, давай свету!

Анюта (здороваясь с Наташей). А вы тоже Красная Армия?

Наташа (улыбаясь). И мы тоже. И вы будете тоже.

Никитична. Анюта! Ступай свечку в клетки сыщи. Я ее в мешок с мякиной спрятала...

Анюта быстро уходит.

Иван. А кто это тут у вас на печи ночует?

Никитична. А там женщина прохожая одна, она к мужу идет, да уморилась идти...

Иван. Какая там прохожая? А кто она по документу? Может, она по шпионству работает... Буди ее, пускай прочь уходит (к Наташе). Наталья Владимировна, изба, пожалуй, уместная для командира. Как вы полагаете?

Наташа. Уместная. Здесь хорошо. Надо вещи доставить.

Иван. Вещи вмах тут будут.

Анюта приносит большую свечу, ставит ее на стол. Иван зажигает свечу своей зажигалкой и уходит.

Анюта. А говорила, что никакого свету у нас нету. А там еще осталось сорок свечей...

Никитична (будит Марию). Вставай, вставай, прохожая! Слезь с печки поскорее. Ты слышишь — Красная Армия пришла! Теперь не место тебе тут быть, может, ты шпионство, давай документ!

Анюта (к Марии). Нечего, нечего тут быть! Тут Красная Армия у нас в избе!

Наташа. Пусть она спит. Чего вы тревожите человека, сейчас еще ночь.

Мария слезает с печи; смотрит, пораженная, на Наташу.

Мария. Правда, это вы пришли?

Наташа (улыбаясь). Правда, мы.

Мария падает на колени возле Наташи, припадает к ней и обнимает ее. Наташа в ответ также обнимает Марию. Мария встает затем перед Наташей, Наташа подымается ей навстречу, и обе женщины целуют друг друга. Никитична и Анюта хлопочут у печи, гремят утварью, растопляют печь, готовят кушанье и т. д. на некотором протяжении по ходу действия. Горница из дотоле унылого печального жилища приобретает праздничный оживленный вид.

Мария. Правда, это вы?..

Наташа. Правда, правда, мы...

Мария. Значит, теперь я дошла, теперь я отдохну. Окончилась моя мука.

Наташа. Отдохнёте, отдохнёте, матушка. Ступайте на печь обратно — рано еще.

Мария (стеснительно). Разве уж я такая матушка вам?

Наташа (смутилась). Ну, старшая сестрица!

Мария (задумчиво). Теперь я, правда, старшая! А недавно я тоже такая, как вы, была. Я с мужем тогда жила, я была счастливая.

Анюта. Тетка! Прохожая! Давай справку или документ — кто ты такая и зачем по земле идешь?

Наташа (как бы утешая Марию). Ничего-ничего, вы опять найдете своего мужа, опять будете счастливой, опять красивой станете.

Мария. Может быть, может быть... Я тоже так думаю. Мне для счастья надо немного. Я хочу увидеть своего мужа и узнать, что он живой...

Никитична. Ну, не скажи! Это глядя какой муж у тебя! А то встретишь его — и не обрадуешься. Может, без тебя он уж кою бабу не смену ставит! Может, лучше тебе век его не видать.

Мария. Едва ли, бабушка, едва ли так случится, как ты говоришь. Мой муж меня обязательно дождет, если он жив еще.

Никитична. А из каких же твой муж-то будет: деревенский, что ль, иль из города, пьющий или в рот не берет?

Мария. Он военный, бабушка.

Никитична. Солдат, значит. Ну, где ты теперь его сыщешь?.. Я вот тоже вдовой живу, и ничего, притерпелась. Что ж будешь делать-то?

Наташа. Давайте я вам помогу найти вашего мужа.

Мария. Вы добрая. Но мне не надо помогать, я сама его найду. Его найти теперь не трудно.

Наташа. А то давайте вместе искать. Я бы попросила генерала, чтобы он вам помог.

Никитична. Так тебе генерал и поможет — ему и говорить-то с тобой некогда.

Наташа. А я бы попросила его, я его невеста.

Никитична и Анюта обомлели, глядят на Наташу.

Анюта (недоверчиво). Генерал — он, знаешь, кто! Такие невестами у генералов не бывают!

Никитична. Ишь ты!.. Невеста она генерала! Правду говорит или брешет?

Анюта. Бабушка, а знаешь, что? Генералы в Красной Армии добрые бывают, они и простых в невесты берут.

Никитична. Да уж ты будто знаешь что! (Передразнивая внучку). Добрые! Простых в невесты берут!.. Говорит, как сама она замуж за генерала выходила!

Мария (Наташе). Вы невеста генерала?

Наташа. Да. А что вас удивляет?

Мария. Ничего. Я вспомнила. Я тоже невестой когда-то была... А ваш жених далеко?

Наташа. Нет, он близко. Он здесь. Я сама в его части служу. Он командует дивизией, он генерал-майор.

Мария (осторожно). Генерал-майор? Он пожилой уже?

Наташа (смущенно). Нет, он не пожилой уже.

Мария. Он холостой или вдовый?

Наташа (смущенно). Вдовый. Жена его умерла неизвестно где.

Мария. Неизвестно где?

Наташа. Неизвестно. Ее не нашли.

Входят Иван с двумя чемоданами и Ростопчук. Иван, узнав Марию, вытягивается по-солдатски и безмолвно глядит на Марию. Ростопчук вглядывается в Марию, узнавая ее и еще не зная, что ему предпринять.

Мария. Геннадий Сафронович, это вы? Здравствуйте!

Ростопчук (быстро подходя к Марии). Здравия желаю, Мария Петровна! Поздравляю вас с благополучным прибытием!

Анюта (Ивану). А она документ-справку нам не показала!

Иван по-страшному заскрипел на Анюту зубами, и Анюта мгновенно отскочила от него.

Мария. Геннадий Сафронович! Я вас хочу спросить: где вы служите теперь, в какой части?

Краткая пауза.

Ростопчук (сначала невнятно молчит). Да как вам сказать, Мария Петровна? Я, видите ли...

Мария. А где та дивизия, какая была?.. Ее нету в живых?

Ростопчук. Какой дивизии? Которой вас супруг командовал или другой какой?

Мария. Той, которой он командовал.

Ростопчук. Дивизия цела, Мария Петровна, только я там...

Мария. А что только вы там, Геннадий Сафронович?

Ростопчук. Только я там на прежней должности и, как видите, в прежнем неподвижном звании! Как ваше здоровье, Мария Петровна? А мы вас, знаете ли, долго искали тогда, когда по нашему мнению, вы были убиты.

Мария. Это когда было?.. А, помню, когда мы ров отрывали против вашей дивизии?..

Ростопчук. Вот именно так, Мария Петровна... Иван, это какой дурак эту избу для генерала выбрал?

Иван. Дурака тут не было, товарищ лейтенант. Тут я был и товарищ Наталья Владимировна. Это мы выбрали.

Ростопчук. Ага, тут не было дурака. Так вот что: в такой избе только военторг можно разместить, а не командира дивизии! Позови мне полевой военторг!

Иван. Есть, товарищ лейтенант (Уходит).

Ростопчук (к Никитичне). Ты чего хлопчешь тут, хозяйка, чего на утро готовишь?

Никитична. Мы-то? А мы картохи варим и тюрю готовим, чтоб на всех на вас хватило!

Ростопчук. Картохи и тюрю нам готовишь? А лапшу? Давай, хозяйка, лапши наварим, — я велю, и сейчас тебе лапши полпуда принесут.

Никитична. И лапшу можно. Без лапши нам тут скучно жилось, как уж вас назвать-то, я и не знаю как и боюсь...

Ростопчук продолжает беседу с Никитичной и Анютой.

Наташа (к Марии, робко). Мария Петровна... Мария Петровна...

Мария. Я еще не такая старая. Зовите меня Марией.

Наташа. Мария!.. Вам нужно переодеться — на вас платье совсем износилось.

Мария. Я сама знаю, что я одета как нищенка. Но вы же понимаете, откуда я иду. Зачем же вы мне так говорите? Разве есть у меня другое платье?

Наташа (просто). У вас есть другое платье, я сама его выгладила, и туфли новые у вас есть. Мы их вам... я их вам привезла.

Мария. Зачем мне ваше платье? Я все равно его не надену. Вы сама невеста.

Наташа. Это ваше платье, а не мое, вы сами узнаете его.

Наташа достает из чемодана то платье, которое она гладила когда-то, и подает его Марии.

Мария (узнавая свое платье). Это мое платье!.. А вы чья невеста? Вы его невеста?

Наташа. Ничья. Я была невеста, а теперь перестала... Наденьте ваше платье, оно такое красивое, у него такой живой цвет, у вас очень хороший вкус.

Мария. Я отвыкла носить платья, я привыкла ходить убогой, я уже не чувствую в себе женщину... Я уйду сейчас совсем, навсегда... Где тут порог? Где улица в деревне?

Наташа. Нет, не можете, ты Мария.

Наташа не пускает Марию, уводит ее за устье печки, вообще за печь — из поля зрения зрителей.

Ростопчук (Анюте). Ну, Анюта, какие же мы?

Анюта. А вы красивые!

Ростопчук. Да то-то! На тебе жамку! (Достает из планшетки жамку и подает ее Анюте).

Входят Иван и Любовь — она одета теперь в военизированную одежду.

Люба, тут твой военторг будет.

Любовь (осматривая избу). Ну вот еще... Здесь абсолютно неудобно для военторга. У нас такой оборот сейчас, где я тут размещусь?

Ростопчук. Где хочешь, а будет тут. Кончено! Тебе здесь удобно, а генералу нет.

Любовь. А по-моему, эта изба как раз для генерала. Тем более, что наш генерал сам любит жить неудобно и неуютно. Здесь как раз ему мило будет, а военторгу нет.

Ростопчук. Конечно. Военторг здесь уже есть.

Любовь. Нету его здесь и не будет. Мы независимая, мы особая организация! Мы вас обеспечиваем всем необходимым!

Ростопчук. Правильно. Любовь Кирилловна, правильно! Это потому, что мы свободно обходимся без необходимого.

Любовь. Я знаю, вы всегда относились к военторгу с косвенным чувством.

Ростопчук. Зато я персонал его уважаю...

Распахивается дверь. Появляется Варвара и вытягивается.

Варвара (к Ростопчку). Товарищ лейтенант, генерал идет!..

Наташа и Мария выходят из-за печки или перегородки. Мария переодета в платье и обута в новые туфли.

Наташа (Марии). К вам очень идет. Он так рад будет вас увидеть, и я рада.

Мария. Кто будет рад?

Входит Климчицкий в полевой форме. Краткая пауза.

Наташа. Разрешите уйти, Александр Иванович.
Климчицкий. Почему уйти? Нет, вы останьтесь, Наташа.
Мария. Александр... Ты помнишь меня, ты счастлив теперь?
Климчицкий. Теперь... сейчас я счастлив, Мария. Ты жива, ты вернулась...

Он подходит к ней, целует ее в лоб и проводит рукою по ее платью.

Мария (вдруг прикивая к нему). У тебя была невеста.

Климчицкий. Была, и я ее любил.

Мария. А ведь я была живая!

Климчицкий. Я думал, ты умерла убитая. Мы привезли твоё платье, мы хотели найти твоё тело...

Мария. И ты любил ее, свою невесту?

Климчицкий. Любил. Я любил ее, чтобы не умереть от тоски по тебе.

Мария. Но этого теперь не нужно, я ведь живая.

Климчицкий. Мария, Мария, ты верная, ты счастливая моя... (К Наташе). Как мне трудно за вас... Как мне страшно за вас, Наташа.

Наташа. Мне не страшно, Александр Иванович, мне не страшно было сейчас. Я ведь тоже солдат.

Климчицкий. Вы, правда, солдат, Наташа. Вы своим сердцем прикрыли меня.

Наташа. Я должна была это сделать, Александр Иванович. Я берегла вас, как могла. А солдат — это вы, вы бережете весь наш народ (на Марию), и она одна — тоже народ, и ее берегите. А мне разрешите уйти, я хочу смениться со своего поста, у меня опять болит голова, но это скоро пройдет — у меня она часто болит.

Мария (целует Наташу). Спасибо вам, Наташа.

Наташа (целуя в ответ). Не на чем, Мария Петровна.

Климчицкий. Наташа... Наталья Владимировна! Я должен вам копеечку.

Наташа. Берегите ее, Александр Иванович. Вы мне после ее отдадите.

Климчицкий. Эту копеечку трудно отдать... Я много должен людям...

Варвара (мужским голосом). Наташа, нам в роту пора, там делов много.

Наташа. Нам пора, Варя...

Варвара (девичьим голосом). Пора, Наташа, чего ты тут?

Обе уходят.

Иван (про себя). Другая бы померла от горя такого или хоть в голос бы заплакала бы, а эта ничего, и еще лучше сердцем стала. Заработал свою душу народ на войне.

Никитична (моя полы). Вот девка-то!.. Такое стерпела — и еще копеечку в долг дала. Возьми, дескать, и помни, хоть ты и генерал.

Климчицкий (ко всем оставшимся). А кто здесь еще?

Ростопчук. Здесь мы, Александр Иванович. Эта изба для вашего пребывания явно не подходит.

Климчицкий. Почему? Здесь хорошо. Дайте связь и свет.

Иван. Есть, товарищ генерал-майор (Уходит).

Климчицкий (замечая Любовь). А вы как сюда попали на войну?

Любовь. Я здесь военторг, Александр Иванович. Меня Геннадий Сафронович сюда устроил, я ведь и в тылу была пищевица...

Климчицкий. Пишевица? Это что?.. Ну ладно, раз вы уж тут, то работайте, военторг тоже дело серьезное, а то у нас лейтенанты без звездочек ходят.

Любовь. А у меня, Александр Иванович, есть и другие мотивы... Я приехала сюда по симпатии.

Климчицкий. По любви, значит?

Любовь. Да. Конечно, по любви. Я уже так привыкла к вашей компании, что кого-то из вас полюбила, но кого — в точности не знаю, и я приехала сюда в военторг.

Климчицкий. Хорошо, разберитесь.

Ростопчук. Есть... Сейчас разберемся, Любовь Кирилловна. Это пустое дело!

Ростопчук уводит Любовь.

Анюта (бабушке). Бабушка, это генерал?

Никитична. Генерал! Иль не видишь, что ль? Не сопи носом!

Анюта. Я вижу (Шепотом). Бабушка, пойдём отсюда.

Никитична. И то пойдём! А то либо помешаем им в чем!

Обе уходят.

Мария. Вот мы опять с тобою вместе, вдвоем, разлука наша прошла.

Климчицкий. Разлука наша прошла, Мария... (Прислушивается к нарастающему гулу движения машин на удаленной дороге). Наши войска вперед идут!

Мария. И ты пойдешь?

Климчицкий. Пойду... Пока нам приказано остановиться, потом я пойду впереди всех.

Мария. Впереди всех?

Климчицкий. В прорыв пойду, в преследование и на уничтожение!

Мария (прислушиваясь). Опять я слышу разлуку.

Климчицкий. И опять мы встретимся. Ты не бойся. Ты терпи, Мария.

Мария. Я не боюсь, я привыкла, а ты помни меня, ты там меня помни.

Слышится очень далекий гул артиллерийской стрельбы, но вскоре он утихает.

Климчицкий (вслушивается, лицо его улыбается и делается счастливым). Я и там буду помнить тебя... Ты слышишь, Мария?

Мария. Я все слышу... А отчего ты улыбаешься, чему ты рад?

Климчицкий. Я сам не знаю.

Мария. Там смерть живет.

Климчицкий. Я сам там живу!

Мария (удивленно и с огорчением). Александр! Я вижу, ты уже забываешь меня! О чем ты думаешь сейчас?

Климчицкий. Нет, я не забываю тебя, Мария. Я думаю — как там хорошо!

Мария. Тебе только там хорошо!.. А я опять одна!

Климчицкий (возбужденно и радостно). Там огонь, Мария!

Мария. Пусть огонь... Обожди немного, поговори со мной. Как ты без меня жил — это долго было...

Климчицкий. Долго... Там сосед сейчас мой действует. Пехота за танками, наверно, пошла! Там командиры кричат бойцам: «Ближе к броне, ближе к броне! Но не жмись к ней, не жмись вплотную! Осматривайся на местности, действуй самостоятельно!»

Мария. Александр, вспомни меня!.. Александр, где сейчас твое сердце — ведь ты любишь меня!

Климчицкий. Я люблю тебя... Везде мое сердце, и там оно, Мария, там оно, где должно быть.

Мария. Я только что нашла тебя! Я никуда не пущу тебя.

Климчицкий. Мария!.. Ты меня забыла! Меня и мать не могла бы остановить! Мне жизнь одолжил народ — и я возвращу ему свой долг, и не один раз возвращу!

Мария. Ты один только раз сумеешь отдать свой долг — и ты будешь убит... Александр, поговори со мной о чем-нибудь еще, давай чай пить, сейчас уже утро наступает. Ты всю ночь не спал!

Климчицкий. Мария! Я люблю тебя еще больше... Но смысл моей жизни, зачем я дышу, зачем я родился — все там меня ожидает. Я хочу, чтобы у моей солдатской груди остановилось все черное живое злодейство мира — и пусть оно впивается в мое сердце хоть целый век, а я буду душить и томить его на себе и не умру, пока враг не затомится на мне насмерть!..

Мария. Для того ты и родился дышать? И тебе будет тогда хорошо?

Климчицкий. Для того я и родился, Мария; все солдаты живут для того... А хорошо мне только с тобою. Там же меня ожидает мой долг и моя судьба. Это, может быть, не каждого радует, но все этим живут, иначе мы будем мертвые прежде смерти... Мария! Давай с тобой завтракать, как в старину, до войны, — давно мы с тобой вместе не завтракали. Хорошо мне только с тобою. Но век я не забуду Наташи, нечаянной невесты моей.

Мария. Я ее тоже не забуду.

Климчицкий. Не забывай, Мария. Где ординарец? Чего связи не дают?..

Мария. Я тебе помогу! Хочешь, я пойду твоего ординарца найду?.. Ты обожди меня. Я потом сама тебе завтрак приготовлю.

Климчицкий. Ну, иди. Только не заблудись и скорее возвращайся.

Мария. Нет, я найду дорогу. Я сейчас опять приду к тебе. Ты не скучай (Уходит).

Климчицкий (один). Светает... В детстве с отцом я рыбу ловил в это время.

Появляется Ростопчук.

Ростопчук. Товарищ генерал-майор, командный пункт оборудован, вас вызывает командующий по радио (Оживляется). По-моему, Александр Иванович, мы рванем сегодня второй рубеж обороны и пойдем чесать вперед.

Климчицкий. А откуда это вы знаете?

Ростопчук. Я это чувствую, Александр Иванович.

Климчицкий. Да, лейтенант. Сегодня у нас будет святая жизнь!

Оба уходят. Пауза. Изба пустая. Входит Мария. Она оглядывает пустую избу. Медленно обходит пустое жилище.

Мария. Где же он? (Возвращается к двери. Открывает ее).

Слышен резкий нарастающий гул идущих по дороге военных машин.

Он ушел вперед (Краткая пауза). Все идут вперед.

Мария уходит. Дверь остается открытой. Пауза. Появляется Череватов и закрывает за собой дверь.

Череватов (в дорожном плаще; плащ он снимает и остается в повседневной форме генерал-лейтенанта медицинской службы). И здесь никого нет! Я никого не могу найти! Все мчатся вперед! Всю ночь ездю по санбату, но ни одного не нашел. Санупра армии я тоже не отыскал. Чувствую себя никому не нужным сиротой! Кого я должен здесь проверять, наставлять, инспектировать, инструктировать, вдохновлять, сдвигать с мертвой точки? Все находятся на ногах и на колесах, и все мчится! Что же здесь совершилось, на этой сцене жизни, и что имеет быть еще совершиться на ней?.. Куда вы мчитесь все вперед?.. Страдают, болеют, умирают, но движутся. И хорошо, что движутся: пусть они мчатся в свою радость, вперед и в победу. Люди для меня неплохие родственники. Наташа! Где мои племянницы?.. Я давно живу на свете, я частично виноват в том, что родилось и что происходит во всей этой

действительности! А что же происходит в этой великой игре и в этом волшебном существе — советском человеке? Я озадачен и растроган, но понять ничего не могу. Я хочу снова пережить жизнь, чтобы разгадать ее прелесть и ее наставление. Но нашему брату не полагается жить вторично, а в первый раз проживаешь жизнь начисто, без остатка разума. Все произошло не так, как я указывал, как я предвидел и как должно произойти. Но все произошло лучше! Почему это случилось? Неясно. Ведь я несомненно умнее каждого из действующих лиц, а все вместе, когда они вокруг другого суетятся, то они гораздо разумнее меня и даже возвышенней! Что же мне делать, однако, — ведь я старый хитрый человек! Как мне суметь еще хоть раз посмотреть на этот быстро проходящий спектакль, чтобы заплакать, улыбнуться и уразуметь истину? Может быть, следует мне прижиться к чужой душе, и через ясные глаза этой души осмотреть наш мир? Что ж, это мероприятие достойное и выгодное. Но для того надо полюбить это юное существо, а сердце мое утомлено долгим биением. Где моя Наташа?.. Однако же как не хочется уходить с этой сцены, хотя уже пришла пора уйти...

Приоткрыв дверь, выглядывает Аня. Черватов замечает и манит ее к себе.

Существо, ребенок, милое дитя, подойди ко мне! Ну, пожалуйста! Шурочка, Наташа, Аня, Муся, Лизочка, Клава, Нинка! Ну, пожалуйста, ко мне, прошу вас!

Аня, робко, не сразу приближается к Черватову. Черватов осторожно и робко гладит головку девочке.

ЗАНАВЕС

УЧЕНИК ЛИЦЕЯ

ПЬЕСА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица

Пушкин Александр — поэт, ученик Лицея.
Арина Родионовна — няня поэта.
Пушкин Василий Львович — дядя поэта.
Ольга Сергеевна — сестра поэта.
Чаадаев Петр Яковлевич — друг Александра, гвардейский офицер.
Жуковский Василий Андреевич.
Даша. Маша — крепостные девушки в людской Ольги Сергеевны.
Пуцин Иван. Кюхельбекер Вильгельм. Дельвиг Антон — друзья Александра,
ученики Лицея.
Энгельгардт Егор Антонович — директор Лицея.
Карамзина Екатерина Андреевна.
Державин Гаврила Романович.
Петров Захарий — гвардейский офицер, адъютант коменданта Царского Села.
Фекла.
Фома — сторож в Лицее.
Посол датского короля.
Знатная дама с усами.
Музыкант со скрипкой.
Варсонофьев — офицер.
Лакей в доме Ольги Сергеевны.
1-й преподаватель Лицея.
2-й преподаватель Лицея.
Генерал Савостьянов Геннадий Петрович.
Ямщик Кузьма.
Конвойный солдат.
Кухарка в доме Ольги Сергеевны.
Публика на экзамене в Лицее.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Людская в доме сестры Пушкина, Ольги Сергеевны, в Петербурге. Убранство простое, почти крестьянское, как в русской избе, и по этой причине уютное и милое. Стоит зима; окошко в морозном узоре; за окошком метель. Дверь, выходящая в сени, заиндевела.

Старая няня Ольги и Александра Пушкиных, Арина Родионовна, сидит на скамье, дремлет и вяжет: «И медлят поминутно спицы в ее наморщенных руках». Возле няни сидит Маша, отроковица-подросток, живущая в доме Ольги Сергеевны; рот ее открыт, большие глаза ее серьезны, печальны и внимательны, она точно прислушивается. И в самом деле: слышно дыхание метели за окном, а издалека, из внутренних покоев, слышатся человеческие голоса и звуки музыки. В доме Ольги Сергеевны семейное торжество: день рождения хозяйки. В доме, должно быть, гости. И няня, Арина Родионовна, прислушивается; потом, зевнув, крестит рот и опять медленно вяжет спицами, словно бы дремля, а на самом деле бодрствуя и понимая все, что совершается вокруг, вблизи и вдали.

Со двора входит Даша (она чуть старше Маши), черная кухарка, с вязанкой дров; она бросает дрова на пол возле русской печи.

Арина Родионовна (Даше). Чего ты так — ногами шумаркаешь, дровами гремишь: все броском да рывком!

Даша. А чего, бабушка? Я ничего!

Арина Родионовна. Полы-то крашенные, господа за них деньги платили, а ты их обиваешь.

Даша. Я больше, бабушка, не буду.

Арина Родионовна. Не надо, умница.

Даша. Не буду, бабушка, я тихо буду.

Арина Родионовна. Да, то-то! А то как же!

Маша. Дашка, засвети огонь в печи. На дворе люто.

Арина Родионовна. И то, Даша. Ишь, студено стало.

Даша. Сейчас, бабушка, я сейчас, — я втупорже печь засвечу.

Маша. Огонь ведь добрый, он горит! Я его люблю!

Даша заправляет русскую печь березовой корой и запаливает ее огнем. Кора вспыхивает, свет из печи играет на полу, на стенах, отсвечивает на потолке, — людское жилище преображается как в волшебстве. Из господских горниц явственно доносится музыка — вальс, простая мелодия восемнадцатого века. Даша снимает валенки, остается босая и оттопывает такт вальса большими ногами, вольно размахивая руками.

Маша. И я хочу! И я хочу так топать и руками махать!

Арина Родионовна. А чего же! Встань да спляши!

Маша. А я боюсь! Мне стыдно, бабушка!

Арина Родионовна. Кого тебе стыдно-то? Господ тут нету. Я тут с тобою. Не бойся никого, чего ты...

Маша. А я ведь дурочка!

Арина Родионовна (поглаживая головку Маши). Кто тебе сказывал так, сиротка моя, — души у того нету.

Маша. Люди, бабушка, говорят. Они знают.

Арина Родионовна. Люди говорят... А чего они знают? Они сами по слуху да по испугу живут. Ты погляди-ка на батюшку, на ангела нашего Александра Сергеевича: разумный да резвый, и славный какой, и ничего как-есть не боится, — как только земля его держит! Господи, сохрани и помилуй его, сколь страху за него я терплю!

Маша. А ты любишь его, бабушка?

Арина Родионовна. И-и, детка моя малая: усну — забуду, усну — забуду... Я и живу-то одной памятью по нем да лаской его. Хоть он и при матери своей рос, да не близко, а у меня-то возле самого сердца вырос: вон где!

Маша. И я его люблю!

Даша. И я!

Арина Родионовна (как бы про себя). И вы, и вы!.. Все вы его любите, да кто его сбережет!.. Вам-то он в утешение, а мне — в заботу...

Маша. И мне в заботу! (Она живо, с улыбкой на лице, спрыгивает со скамьи). Я ему огня нарву, он цветы любит! (Она пытается сорвать отраженный свет из печи, волнующийся на полу и на стене; ей это не удастся, она видит — руки ее пустые; тогда Маша бросается в устье русской печи, хватая там руками огонь, вскрикивает от боли, выскакивает обратно и мечется посреди людской). Огонь, огонь! Стань добрый, стань добрый, стань цветочком! Я сгораю — не мучай меня!

Даша берет деревянную бадейку с водой и враз окатывает Машу.

Даша. Ништо, небось потухнет.

Арина Родионовна. Аль вовсе сдурели! Дашка, потри ей ледышкой жженные пальцы, боль и пройдет, да одежду сухую надень на нее, — глянь-ка, за печью висит. Эка, резвые да бедовые какие!

Даша босиком выметывается за дверь за ледышкой, сейчас же возвращается обратно и уводит Машу с собою за печь. Отворяется дверь, что ведет в господские горницы, появляется Василий Львович Пушкин, дядя Александра. У него книга под мышкой.

Василий Львович (к Арине Родионовне). А где же, где тут, где, — где юноша-мудрец, питомец нег и Аполлона?

Арина Родионовна (вставая и кланяясь в пояс). А никого тут нетути, батюшка Василий Львович, и не было никого.

Василий Львович. Как — нету? Как — не было никого? Так вы же, вы-то здесь, Арина Родионовна!

Арина Родионовна. Так мы кто, мы люди, батюшка Василий Львович...

Василий Львович (перебивая). Мне и надо людей, мне и надобно вас, дорогая наша Арина Родионовна. (Целует ее в голову). Вы старшая муза России — вот вы кто!

Арина Родионовна. Не чую, батюшка, не чую!

Василий Львович. А где Сашка? Он здесь где-то... Я думал, он при тебе!

Арина Родионовна. Нету, батюшка, нету; должно, в горницах шалит, где ж еще. Сама жду его не дождуся, в кои-то веки из Личея своего показался, и то нету.

Василий Львович. Сбежал, подлец!

Арина Родионовна. Ан явится. Он до нас памятливей.

Василий Львович. Матушка, Арина Родионовна, вы бы его выпороли, — ведь есть за что!

Арина Родионовна. Знаю, батюшка, знаю, да не смею.

Василий Львович. Как так — не смеете! Штанишки прочь — и хворостиной его, хворостиной, чтобы визжал, подлец этакий! Ведь вы ему больше матери — вы его выходили, вы сердце в него свое положили...

Арина Родионовна. А то как же, батюшка, а то как же: без того младенец человеком не станет!

Василий Львович. Ну, и попарывайте, попарывайте его, зимой — хворостиной, а летом — крапивой...

Арина Родионовна. Не с руки мне, батюшка: ему-то больно, а мне — вдвое.

Василий Львович. Вдвое, говоришь! (Открывает резким движением книгу, что принес под мышкой, читает).

Но кто там мчится в колеснице
На резвой двоице порой?

Слыхала, матушка, какие стихи ныне пишут, а? Двоица! Эх, мерзавец!.. Это пару лошадей он так пишет, когда одна лошадь вдвое бывает. Это все князь Шихматов, шут полосатый. Это что же такое, матушка моя? Отвечай мне, я жалуюсь тебе? Это библический содом и желтый дом!.. (Василий Львович с яростью швыряет книгу в горящую печь). Вон отсюда! Здесь Пушкины живут!

Арина Родионовна. Дело ваше, а нам ни к чему.

Василий Львович (с остаточной яростью). Как так вам ни к чему? А что же вам к чему? Ах, рабство жалкое!

Арина Родионовна. А ты не шуми, батюшка... Что ты бросил — и нам ни к чему. А что нам впрок, то мы из огня возьмем и с земли подыдем. (Она меняется в лице и что-то невнятно шепчет или напевает).

Василий Львович. Громче, матушка, — во всеуслышание!

Арина Родионовна (напевая внятно и задушевно).

Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.
Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня.

Из-за русской печи появляются Даша и Маша; Маша переделалась в сухую одежду; обе они молча, несколько испуганно наблюдают из отдаления за действием.

Даша (вдруг громко, продолжая стихотворение).

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца...
(И сразу смолкает, смутившись).

Василий Львович глядит на всех, потрясенный и радостный.

Василий Львович. Ах, прелесть! Сашка, что ль?

Арина Родионовна. Да то кто же!

Василий Львович. Как — да кто же! И я бы так мог сочинить!

Арина Родионовна. Ну нету, батюшка, не обижайся на старуху: дар божий у Саши одного, у Александра Сергеевича.

Василий Львович. Ишь ты, какова! Да ты знаешь, я ему и по таланту дядя старшой! Что Сашка без дяди своего!

Арина Родионовна. Бог вам судья.

Василий Львович. То-то.

Арина Родионовна. А я богу подсказчица.

Василий Львович (рассмеявшись). Ах, сердита, ах, умна ты, матушка, Арина Родионовна! Знать, все музы тебе внучки! Только не ровня они своей бабушке, нет — не ровня! Я изумляюсь!

Арина Родионовна. Это кто ж музы, батюшка: ангелы, что ли?

Василий Львович. Да нет, матушка, какие ангелы: это девки такие! (Замечает Дашу и Машу). Вон такие, как они, только похуже, пожалуй! (Подходит к Даше и Маше, гладит их по голове, одну и другую). Эти-то добрые, они славные, — вот тебе где ангелы, они на кухне! (Даша и Маша ухмыляются).

Арина Родионовна. А те, видать, зловредные.

Василий Львович. Ого! Те мошенницы, матушка, те мошенницы.

Арина Родионовна. На небе живут?

Василий Львович. А где же? Там, конечно.

Арина Родионовна. Избаловались! На земле-то труднее.

Василий Львович. И верно! И верно! Вот я живу на земле — и я страдаю.

Арина Родионовна. Чего ж так? Душа, что ль, болит по ком?

Василий Львович. Нету, матушка, нету: устеров не ем, гадов морских! А привык!

Арина Родионовна. А ты ешь их! Ешь, гадов-то!

Василий Львович. Англичанка не велит, от суши нас отрезала. В Европе пожары, на Везувии огнедышащее извержение, а в журналах пишут, как готовить сушеные щи для солдат, — мне скучно, матушка!

Арина Родионовна. Скучай, батюшка!

Василий Львович. Зачем же, матушка, — зачем мне скучать?

Арина Родионовна. Чтобы жить, батюшка.

Василий Львович. Эх, старая, сказала. Чего скучать, пойду танцевать.

Арина Родионовна. Воля ваша.

Василий Львович. А ваша? А ваша где воля?

Арина Родионовна. У вас, батюшка. Воля-то одна.

Василий Львович (задумывается, целует старуху в голову). Правда твоя. Спасибо тебе, — да и мы-то рабы.

Арина Родионовна. А кто же? При рабах и господин раб.

Василий Львович. Ах, прелесть!.. Ведь это же справедливо! А где, однако ж, Сашка? Явится к тебе — пошли его ко мне! Он мне надобен.

Арина Родионовна. Скажу, батюшка.

Василий Львович (к Маше). Ты чего — глаза в слезах, а сама смеешься?

Даша. Она сдуру так-то.

Маша. Я не сдуру, я от радости.

Василий Львович. А чему ты рада? Чему, красавица моя?

Маша (бормочет, как сама не своя). В печи огонь горит, от огня цветы растут, на дворе мороз, на небе звезды, а в избе люди добрые...

Арина Родионовна. Ишь, умница.

Василий Львович. Превосходно! В доме, где Пушкины, всякий сверчок поэт.

Маша. А таракан?

Василий Львович. И таракан, и блоха, и клоп, и муха, и птицы, и звери, и собаки, и кошки...

Маша. И я, и ты!

Василий Львович. И ты, и я... Ну улыбнись мне еще раз... Ах ты, природа милая! Существой!

Даша. (Маше). Ощерься!

Маша улыбается и в застенчивости закрывает лицо руками. Василий Львович, напевая, удаляется в господские горницы. Оттуда слышится музыка.

Маша. И я хочу туда!

Арина Родионовна. Куда тебе?

Маша (указывая на дверь, куда ушел Василий Львович). Туда! Там хорошо!

Арина Родионовна. Опомнись! Там гости; у матушки-то Ольги Сергеевны нынче именины, ангела ее поминают.

Маша. И у меня нынче именины! И я ангел!

Даша. Гляди-ко, и у нее именины, и она ангел! (Смеется).

Маша (смеется, подобно Даше, без всякой обиды). И у меня именины, и у меня ангел есть.

Даша. Бабушка, а у нас будут именины?

Арина Родионовна. Будут, будут — чего нет? И у нас будут. Когда-нибудь будут...

Даша. А у нас разве тоже ангелы есть?

Арина Родионовна. А то как же! И у нас есть.

Даша. А где ж они?

Маша (указывая себе на грудь). А тут!

Даша. Бабушка! А что они делают?

Арина Родионовна. Да что прикажут. Они послушные.

Входит лакей с большим лопухим унылым псом датской породы.

Лакей (на пса). Они скучают там!

Арина Родионовна. Эко горе-то!

Лакей. Они нездешние, они из датской державы. Их хозяин — посол короля.

Арина Родионовна. Ишь ты, знать, и кобель — барин.

Лакей. А как же! Они скучают, у них слезы в глазах, — такая уж в них сущность.

Иностранцы!

Арина Родионовна. А ты кнутом его...

Лакей. Ошалела, матушка! Они при своем барине, а барин их при короле. Стало быть, сей пес-то — третье существо от самого короля. Близко, стало быть! Велено, чтоб они веселыми были. Приказано, чтоб Машка занималась им и забавляла его, покуда они не ухмыльнутся аль не погавкают довольным голосом... Машка, прими скотину!

Маша. Бабушка!..

Арина Родионовна. Господская воля, Машенька...

Маша. А я нынче именинница!

Арина Родионовна. Аль ты барыня, что ль?

Маша. А я... а я... бабушка, а у меня тоже ангел есть, а пес нечистый!

Лакей. Щекочи, щекочи его! Видишь, они скучные...

Арина Родионовна. Стерпи, Машенька...

Маша занимается с собакой: щекочет ее за ухом, утирает ладонью влажные собачьи глаза, тормошит ее.

Лакей (закуривая трубку). В иностранных державках и пес пряники глотает... Там деликатность такая!

Арина Родионовна. Ты бы шел туда да псом там и жил.

Лакей. А мы и тут, матушка, пироги едим, когда они сохлые; нам сохлые завсегда отдают. А что, и сохлые можно — обмакни в жидкое да вкушай!

Арина Родионовна. Можно и сохлые, и с плесенью, и прокисшие... Чего и пес не тронет, так ты небось проглотишь!

Лакей. А мне чего! — не бросать статью... Сжую и проглочу! Я человек этакий!
Даша. Он этакий, такой-сякой да с дурью...

Маша по-детски разыгралась с собакой; она ласкает и веселит ее и бормочет что-то про себя. (Возможно, что эта сцена происходит за печью и видна зрителю лишь частично или совсем не видна, а только слышна).

Маша (явственно — к собаке). Ухмыляйся теперь, ухмыляйся! Чего ж тебе надоть, лодырь кормленный! Ухмыляйся скорее, а то я бабочкой стану и от тебя улечу! У меня сердце маленькое, в нем радости мало, ты не ешь его — оно горькое, не ешь его, а то умрешь...

Даша. Бабушка, чего она говорит так-то?

Арина Родионовна. От обиды она разумом зашлась.

Маша. Улечу я бабочкой, где цветы растут, и ты меня не догонишь. А ты не плачь, ты не плачь по мне, я буду счастливой тогда. Я сяду на цветок, а цветок меня съест, и я стану цветком. А цветок выпьет пчела, я стану медом. А мед скушают дети — я буду маленькой пчелкой. А пчелку ветер унесет, я буду ветром. А ветер снег подымет, я стану снежинкой. А снежинка опустится на матушкино лицо и станет слезою...

Даша. Опомнись, Маша!

Арина Родионовна. Не трожь ее, она сама изойдет и перестанет.

Маша. А матушка мне улыбнется, и слеза ее высохнет; и стану я тогда счастливой...

Является Александр Пушкин: в людской тихо, слышно только явственное бормотание Маши; Александр слушает Машу.

И буду я птицей, буду я травкой-былинкой, зернышком хлеба, доброю девушкой буду, а дурочкой Машкой боле не буду — мне матушка моя не велела. Она наказывала мне, чтоб я жила счастливой да вольной, а то, сказывала, она и в могиле плакать будет по мне. А мне горько дурочкой жить, матушка моя плачет в земле... Не плачь матушка, я тоже сейчас не плачу, я собаку веселю, пусть она ухмыляется...

Александр. Машенька, зачем ты грустна? Ты будешь счастливой!

Маша. Сначала собака должна ухмыльнуться. Мне велели ее веселить, а она плачет. Я ее сейчас поцелую, мне жалко ее...

Александр. Не нужно, Маша, не нужно, — пусть ее датский король веселит.

Александр хватает собаку за ошейник и выгоняет ее прочь за дверь, что выходит из людской во двор.

Лакей (вставая). Так не велено, барин!

Александр (с мгновенной яростью). И ты туда же, прочь!

Лакей. Нам чего же... Собака-то иностранной державы, будь бы она русская... (Уходит вслед за собакой).

Даша. Ай, в избе как чисто стало! Здравствуйте, батюшка Александр Сергеевич!

Александр (смеясь — к Даше). Здравствуй, и ты, старая моя матушка... (Выводит за руку Машу). Ах, вот ты какая Машенька! Уже большая стала, а была маленькая...

Маша (улыбаясь). И ты был маленький!

Александр. Нету, я маленьким сроду не был!

Маша (веселая). Ты дедушка?

Александр. Я дедушка! Я живу на старости лет. Видишь?

Маша. Вижу. А я бабушка. Видишь?

Они идут, взявши один другого за руку, как ветхие старик и старуха, и подходят к Арине Родионовне.

Александр (обнимая няню). Нянюшка моя... Здравствуй, матушка, здравствуй, родная моя...

Арина Родионовна. Здравствуй, ангел мой, здравствуйте, друг наш любезный, — храни вас господь милостивый!

Няня крестит голову припавшего к ней Александра.

Арина Родионовна. Соскучился, милый, — по нас соскучился, по людям своим... А уж мы-то по вас глаза досуха выплакали, каково там-то вам, в училище, в сиротстве жить, — скучно да немило. Чужая-то печь и топленая холодной бывает... Ах, дружок наш бедный, коли бы вы сердце наше чувствовали...

Александр. А я чувствую его, — вот оно, матушка, бьется, вот оно стучит, ваше сердце, ко мне...

Арина Родионовна. Правда, правда твоя, батюшка наш Александр Сергеевич, стучится к вам наше сердце, любит оно вас, да мало того что любит...

Александр. А что? А еще что же?

Арина Родионовна. Да еще боится оно за вас...

Александр. Чего, чего же оно боится?

Арина Родионовна. Мало ли чего: слыхала я, резвыми вы, сударь, стали, потихоньку бы жили... По-нашему, тихие-то счастливей живут!

Александр (отпрянув). Счастливей? Машенька — иль не тихая?

Арина Родионовна. Уж чего — и тихая, и кроткая.

Александр. А счастливая она?

Арина Родионовна. Да ну уж, где ее счастье? Чужую собаку щекотать?

Александр. А вы говорите — у кроткого счастье. Вот и петли вы спутали, дайте я сызнова счет-то начну.

Александр берет спицы, начинает вязать какой-то паголенок, что вязала его няня.

Арина Родионовна. Аль не забыл, батюшка? Поменьше-то были, все бывало: дай-ко, дай-ко я, нянюшка, чулок тебе свяжу аль варежку. И руки-то у вас были с терпением, как крестьянские, и сами-то были совсем еще в малолетстве.

Александр. А я на старости лет мужиком стану либо инвалидом — и буду жить тогда в будке при дороге...

Арина Родионовна. Да чего уж так, батюшка! Говоришь невесть чего, как Машка наша.

Александр. А правда, матушка. Бог весть, что будет-то.

Арина Родионовна. Бог весть, милый мой.

На дворе громко и весело брешет изгнанная собака.

Даша. Ишь ты, повеселел кобель-то!

Арина Родионовна. Пусть его! Пусть его там мороз пощекочет.

Александр. Пусть ему — царской собаке. (Передает няне вязание). Седьмую петельку, нянюшка, ты пропусти, там узелок я завязал...

Маша (к Пушкину). Я тебе цветы сбирала, сбирала, а они потухли... А зачем меня Дашка облила водой? Я мокрая была, мне холодно было...

Александр. Ты сама цветок, вот зачем. А цветы всегда поливают водой.

Маша (довольная). Я сама цветок! — вот зачем. Я так и знала... А когда я буду счастливой? Ты говорил — я буду.

Александр. Когда?.. А тогда же, когда и я, — мы с тобою вместе будем счастливыми! Ах ты, душенька!

Арина Родионовна. Да живи хоть ты-то, батюшка, счастливым.

Александр. А вы?

Арина Родионовна. А мы и без счастья привычные.

Александр (гневно). Без счастья можно, нянюшка, а без вольности нельзя!

Даша. Без вольности нам нельзя!

Арина Родионовна (Александр). Нельзя, мой дружок, — без вольности и былинка вянет. Да глупому-то и без воли живется.

Маша. Я былинкой буду, а глупой Машкой не хочу! Я умру тогда.

Александр. Как грустно ты сказала, бедная Машенька...

Маша. А что вольность? — ты говорил.

Александр. Прелесть, — такая же, как ты.

Арина Родионовна (с живостью). А я без воли век прожила... Как во сне, батюшка, как в дреме ушли мои годы...

Александр (грустно). Как во сне... (К Машеньке). А ты будешь вольной, и ты проснешься, бедная умница...

Маша. Я буду прелесть, — ты говорил.

Арина Родионовна. Да ну уж, — где она, воля и прелесть. Сколько я детей выходила... И сестрица ваша, Ольга Сергеевна, и вы, Александр Сергеевич, не миновали моих рук. Как их минуешь-то! Не сплю, бывало, люблюсь младенцем-то и думаю: может, вот оно, вырастет божье дитя, — всему свету на радость, а я тоже не лишняя, я у сердца грела его. Может, думаю, отопрею того, кто каждой душе будет в утешение и покой века всем надобен, — стало быть, и я не напрасно жила-горевала... А кто ж его знает!

Александр. А кто ж его знает!.. (Обнимает няню). Вырастила ты нас, а вдруг мы — балбесы!

Арина Родионовна. Нету, не должно быть, нету! (Она припадает к руке Александра, но тот не дает свою руку).

Из господских горниц появляются Василий Львович, Ольга Сергеевна, гости Ольги Сергеевны: дама с усами, старый человек — без усов и без волос на голове — посол датского короля, музыкант со скрипкой, которого ведет об руку Василий Львович.

Василий Львович. Он тут, он здесь — я так и знал! Саша, я тебя ищу: я поэт, а ты еще в задатке, в темной натуре. Натура же — это страсть, а поэзия — трезвость. Кто ты такой, Саша? Ты мой племянник — всего и дела, Саша... Ты племянник!

Александр. Племянник. Зато у какого дяди!

Василий Львович. Ну верно, ну верно!

Ольга Сергеевна. Сашенька, нам скучно без тебя... В Лицее ты один и здесь без нас.

Александр. И здесь Лицей, сестрица.

Ольга Сергеевна. Чему же ты здесь учишься? И мы хотим поучиться.

Александр. Чему в Лицее, сестрица, не учат.

Ольга Сергеевна. Чему же?

Александр. Не знаю чему, потому и учусь.

Ольга Сергеевна. Ну-ну... Ах, Саша! Ведь скоро мы снова будем в разлуке...

Александр. Скоро, скоро... А что разлука! Душа моя будет с тобою...

Ольга Сергеевна. Брат мой милый... А ты не забыл, что сегодня я именинница?

Василий Львович. Кстати, да, именины... Зачем я вас попросил сюда? А затем, что и здесь дом Пушкиных, и здесь существуют служители муз, а может быть, живут и сами музы, но в тайном виде, в смиренном жилище — на печке, за печкой, в сенях, где лешие, где тараканы. Саша! Ты увидишь сейчас зрелище небывалое!

Александр. А все уже бывало, дядя.

Василий Львович. Ах ты, старик! Даша, Глаша, ты где? Ты тут? Нет, не все еще бывало! Прошу вас, господа, — внимание! Потом мы будем танцевать — здесь тепло, здесь огонь в русской печи, здесь хорошо, как в деревне... Даша!

Даша. Чего? Я давешь тут...

Василий Львович. Даша! Даша, я попрошу вас — произнесите стихотворение, что вы читали здесь...

Даша. А я и другое знаю!

Василий Львович. Боже мой! А сколько вы знаете стихов?

Даша. Все.

Василий Львович. Как — все? И мои знаете произведения?

Даша. Нету, ваших не знаю. Ихние знаю, Александра Сергеевича.

Василий Львович. Так-с. Это не вполне-с все! Читайте, однако, что помните.

Даша. Я все помню... (Босая, наивная и доверчивая, но сохраняя полное достоинство, она выходит на середину людской, в то время как гости располагаются вокруг Даши, и воодушевленно декламирует, вся отдавшись произведению Пушкина и своему воображению).

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи.
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

В начале ее декламации Василий Львович, Александр и Ольга Сергеевна весело улыбаются, следя за телодвижениями Даши, которыми она сопровождает декламацию; посол и дама с усами остаются надменно бесстрастными; затем Василий Львович и Ольга Сергеевна продолжают улыбаться, но Александр Пушкин делается серьезным и погружается в задумчивость; музыкант со скрипкой, которого привел Василий Львович, отходит к рампе, обращается лицом к зрителю и начинает играть импровизированное музыкальное сопровождение к стихам Пушкина.

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополем сплелась младая ива
И отразилась в кристалле зыбких вод;
Царицей средь полей лился горделива
В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам,
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской храм?
Не се ль Элизиум полнощный...

Не управляя своим вдохновением, Даша подымает руки, делает резкое движение и вдруг закрывает лицо руками во внезапной застенчивости и убегает на время за печку. Ольга Сергеевна улыбается, Василий Львович

хохочет и аплодирует, посол и усатая дама крайне шокированы и морщатся, Маша, Арина Родионовна и Александр серьезны, у Александра катятся слезы по грустному лицу, слезы идут и по лицу музыканта, продолжающего играть свою мелодию.

Музыкант.

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?

Потрясенный Александр целует Дашу, затем бросается к музыканту.

Александр (музыканту). Вы брат мой!..

Посол (вставая). Сие ужасно! А где мой дог? Кобель по-русски!

Маша (указывая рукой на двор). Тамо... Он там ухмыляется...

Василий Львович. Великолепно! Bravo, bravo, русский народ! Прелестно, прелестно!

Усатая дама. Что здесь изящного? Дворовые люди смеются над нами!

Ольга Сергеевна (успокаивая гостью). Что вы, дорогая! Это все очень мило и от чистого сердца...

Усатая дама. Вы так думаете? А я не думаю. И кто написал эти стихи, — я не расслышала автора, — в них нет истинной гармонии...

Василий Львович (в сторону). Ах ты, устерса, гада морская! Поди прочь от нас, от Пушкиных!..

Ольга Сергеевна (гостье, холодно). Судить всякий, сударыня, может, а понимает лишь вдохновенный!

Усатая дама. Бог мой! Значит, ваша девка обладает вдохновением, а я его не имею.

Ольга Сергеевна. Да, сударыня.

Усатая дама. Простите, у меня не дворовый вкус.

Ольга Сергеевна. Я об этом сожалею...

Василий Львович (Александр). Ты мне необходим. Я прочту тебе новые стихи: я создал их в чистом вдохновении, поверь, ей-богу, Саша! Но, чур, не подражай!

Александр. Если стерплю, то воздержусь.

Посол. Сие ужасно, сие ужасно!

Василий Львович (беря об руку гостью с усами). Прошу вас. Здесь мало изящного, уверяю вас, и пахнет чем-то посторонним.

Усатая дама. Ах, вы — насмешник и вредный! Знаете, мне что-то нехорошо...

Василий Львович. Это вы проголодались, сударыня. После стихов я всегда мясным бульоном питаюсь и жареной говядиной по-английски...

Посол берет об руку Ольгу Сергеевну, и все уходят, последним идет музыкант, вслед за Александром; в людской остаются Арина Родионовна, Даша и Маша.

Музыкант (обернувшись к Даше, делает ей рукой знак прощания). Прощайте, Дарьюшка, нимфа моя!

Даша. Прощай, ладно уж! Чего мало сыграл? Еще играй!

Музыкант (делает жест в направлении ушедших вперед). Я там в оркестре надобен: солист! (Уходит).

Арина Родионовна (вздыхнув). Ушел наш Сашенька... Ложитесь спать, девки, чего глаза таращите, ночь давно на дворе.

Даша. И то, бабушка. Нам пора.

Маша. А я усну — и сны буду видеть...

Они уходят за печь, там разбираются, готовятся на сон грядущий; несколько позже они обе лежат на русской печи, и две их внимательные головки, четыре широко открытых глаза следят оттуда, что делается в людской. Является Александр.

Александр (застенчиво). Нянюшка, я опять пришел.

Арина Родионовна. Иди, иди ко мне, чего ты как сиротка стоишь... Ведь я-то к тебе не смею ходить...

Александр. Няня, расскажи мне сказку...

Арина Родионовна. Сказку? А я тебе их все уже небось рассказала, куда растила тебя.

Александр. А еще — одну.

Арина Родионовна. Которую же, голубчик, — и не помню я ничего.

Александр. А ты вспомни — как встарь люди жили-были... Как ты давно-давно мне рассказывала...

Арина Родионовна. Да ведь вы тогда еще Сашенькой были, Александр Сергеевич, вам что ни расскажи, все на сердце ложилось... А теперь вы сами разумные стали — чего я вам расскажу...

Александр. А ты помнишь, няня, ты сказывала мне одну сказку — давно-давно — она была самая добрая, самая хорошая, да я забыл ее.

Арина Родионовна. И я, родной, позабыла. Которая же это?

Александр. Я вспомню ее, няня. И та сказка, — ты знаешь что, — та сказка скоро будет правдой! Я знаю!

Арина Родионовна. Да уж пора бы... Да сбудется ли, милый, чтоб сказка правдой стала?

Александр. Сбудется, нянюшка, — я чувствую, ты увидишь.

Арина Родионовна. Мне что же, я старая, я уже при смерти живу, а людям нужно...

Александр. И тебе нужно, няня, и всем, всем нужно, кроме злодеев...

Арина Родионовна. Так что же это будет-то, батюшка?

Александр. Вольность! Святая вольность будет, няня! Ты никого не будешь бояться и станешь жить со мною, как мать.

Арина Родионовна. Аль правда твоя?

Александр. Правда, правда, так будет, нянюшка моя...

Даша (с печки). Правда!

Маша. Правда. Я вижу.

Арина Родионовна. Ин, видно, так и быть должно, а без того вся жизнь неправда.

Александр. Ты постарела от рабства, няня!

Арина Родионовна. Доживи хоть ты, сударь мой, до той поры и себя не погуби. Вольность-то, слышно, никому даром не дается.

Александр. Дается!.. Государь не потерпит более рабства!

Арина Родионовна. А кто ж его знает: цари молча живут.

Александр. Я вспомнил, это ты про вольность сказку мне говорила...

Арина Родионовна. Да ведь в сказках правда спит, Сашенька, — а кто ее пробудит?

Александр. Мы, нянюшка, мы, бедная моя!

Арина Родионовна. А кто вы-то?

Александр. Да мы!

Арина Родионовна. Да кто ж такое вы-то, сиротка ты моя, — аль ты всех крепче? Ты тоже умрешь, сердечный мой, как мы все...

Александр. Пусть я умру, няня. А когда я живу, смерти нет, я чувствую прелесть в сердце!

Даша. И я чувствую!

Маша. И я!
Александр. И она чувствует! И Маша!
Арина Родионовна. Люди же они, батюшка, — вот и чувствуют.
Александр. Значит, это правда... Я вижу, что правда.

Из горниц заглушенно слышится музыка.

Арина Родионовна. Ты все видишь, милый мой... Страшно мне, что разумом ты резвый такой!

Александр. А вы не бойтесь, нянюшка. Пусть другим будет страшно!

Приходит кухарка; она кланяется Александру и ставит на стол перед Ариной Родионовной простой ужин, который она принесла на жестяном подносе.

Кухарка. Ужинай, Родионовна, да и спать пора... Мне-то нынче не спать — гости небось до утра будут, одной посуды сколько перемыть надо... Ешь, Родионовна, тут барыня тебе ломоть пирога своими руками отвалила: пусть, говорит, няня покушает. Вот он — тут, с начинкой!.. Может, и вы, батюшка, Александр Сергеевич, с нянюшкой покушаете, — я вам отдельно принесу!

Александр. Спасибо, Семеновна... Отдельно мне не надо, а дай ложку!

Кухарка. А ложка тут есть, тут их три, вот они, батюшка. Кушайте.

Кухарка уходит. Александр садится с няней за стол, берет себе ложку и хлебает с няней похлебку из одной миски. Музыка из господских горниц утихает; слышно глубокое дыхание Маши и всхрапывание Дарьи, уснувших на печи, — с лицами, по-прежнему обращенными сюда, к няне и зрителю. Из господских горниц появляется П. Я. Чаадаев, уже одетый в дорогу, в офицерской бекеше.

Чаадаев (Александру). Ты здесь? Едем в Царское. Я в полк еду — мне пора.

Александр. Едем. И мне пора.

Чаадаев. Сбирайся! Здравствуйте, Арина Родионовна!

Арина Родионовна. Здравствуй и ты, батюшка. Садитесь кушать, а я встану.

Чаадаев. Зачем вам вставать? Ах, рабство, дикость какая!

Арина Родионовна. Аль вы там, что ль, откушали?

Чаадаев. Нет, ничего я там не кушал...

Александр. Так садись сюда, тебе и ложка есть!

Чаадаев. Нет, не хочу. Горек здесь хлеб. А впрочем, всюду он горек. Разве только в хижине земледельца он честен и сладок...

Александр. А отчего?

Чаадаев. Ты должен это знать... (Он отходит к спящим на печи Маше и Даше — и, сняв перчатку с руки, осторожно, нежно гладит их русые головки). Какие прелестные чистые лица у этих рабынь! Какая кротость у этого рабства, будь оно проклято! (Обращается к Александру). А ты ложку взял, — ты меч возьми!

Александр (бросает ложку). Ты прав!

Арина Родионовна. Кушайте, сударь. Без еды и гнева не будет. Поешьте — и гневайтесь.

Чаадаев. А ведь это правда, Арина Родионовна. Из хлеба гнев!

Арина Родионовна. А от куда же: все из него берется, из черного хлебушка!

Чаадаев отламывает кусок хлеба, жует, но есть не может и выкладывает жеванный хлеб обратно в горсть.

Александр. Тошнит?

Чаадаев. Тошнит.

Александр. И меня стало тошнить.

Чаадаев. В нем нет чистого зерна... В нем кровь, пот и слезы земледельца. Он замешан на черном гное рабства, в нем темная душа русского невольника! Отсюда хлеб наш горек и не имеет питания...

Арина Родионовна. А вы пирога откушайте...

Чаадаев. Пирога? В нем вовсе отравы, матушка; я не ем ядовитого...

Арина Родионовна. Какая отравы? Он сдобный да сладкий, и в него яблочная начинка положена: пирог добрый вышел.

Чаадаев. Эта сладость из слез русского народа. Ах, и вы рабыня, Арина Родионовна...

Александр (в гневе). Она матушка моя!

Арина Родионовна. Чего вы, сударь! У вас своя, родная, матушка есть.

Александр. Ты мне родная матушка — мать!

Чаадаев. Так чего же ты родную мать в рабстве содержишь?

Александр (в иступлении, близком к слезам). Не будет моя мать рабыней!

Чаадаев. Успокойся, успокойся, эфиоп! Ты дашь ей вольную, и она не будет рабыней. Но только она одна! Что толку? А вокруг океан рабства!

Александр. Да нет же, нет, — ты честен не один! Вся отчизна будет свободной!

Чаадаев (он приблизился к Александру и затем обнял его). Вся отчизна, Александр!

Александр. Вся! Я тоже раб, и ты раб!

Чаадаев. Ты не раб.

Александр. А кто же?

Чаадаев. Не знаю... Родила тебя Россия от своего горя и себе в утешение...

Александр. Когда же сбудется что-нибудь в России?

Чаадаев (касаясь рукой кудрявой головы Александра). Все сбудется! Она уже сейчас прекрасна, а счастливой будет. Нам пора, Александр.

Александр. Нам пора... Прощайте, матушка Арина Родионовна. (Припадает к ней). Поцелуйте нас.

Арина Родионовна целует в лоб Александра, затем Чаадаева и крестит их.

Арина Родионовна. Бог вам в помощь.

Александр (к няне). Я тебя люблю, а ты помни меня.

Арина Родионовна. Упомню, упомяну, родимый мой, — как тебя забыть!.. А ты возьми, возьми-ко, Сашенька, пирожка в дорогу-то. Я тебе его в чистую холстинку положу...

Чаадаев. Излишен, матушка, твой пирог; обмерзнет он в дороге.

Арина Родионовна. А вы тут, вы со мной его покушайте, родные мои, не побрезгуйте старухой...

Чаадаев. Простите нас, Арина Родионовна...

Арина Родионовна своими руками отламывает па столе кусок пирога; этот кусок она делит еще пополам и подает Чаадаеву и Александру; затем Арина Родионовна берет щепоткой совсем маленький кусочек пирога — для себя; и все трое они истово вкушают пищу.

Александр (счастливо смеясь). Теперь хорош, сладок пирог и не горек, отравы в нем нету!

Чаадаев (серьезно). Эго матушка твоя, Арина Родионовна, своими руками его освятила.

Чаадаев я Александр уходят. Арина Родионовна осталась одна; пауза; на печи сладко спят Маша и Даша; вьюга во дворе; затем вскоре, близко, здесь же во дворе, живо звенит колокольчик под дугою коренного у тройки лошадей, и этот колокольчик рванулся вдруг в резком звуке, лошади понеслись, и колокольчик однообразно залился.

Арина Родионовна. Не надобно, ничего не надобно мне, сынок мой нареченный! Дозволь только жить при тебе, чтобы от скорби, от печали тебя оборонить и от ранней кончины...

Колокольчик еще звенит и постепенно затихает в удалении.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната Александра Пушкина в Лицее. Комната у него угловая, последняя по коридору; в комнате большое окно, открытое в так называемый Елизаветинский сад (царскосельский сад состоял из двух садов: Елизаветинского и Екатерининского; Елизаветинский был более старый и запущенный); из окна видны старые, столетние деревья, за деревьями долина, то есть пустошь, и там же пруд — зеркало, водой сияющее в тишине под позднюю луною. На берегу пруда — античные и римские статуи. Стоит весна. Окно Александра открыто настежь. Открыта и дверь в коридор. У двери, в коридоре, спит на табуретке лицейский дядька, старый Фома; он дремлет и, чтобы не заснуть, время от времени нюхает табак. Александр спит на кровати, укрывшись одеялом с головой. Вначале тишина, сияние весны за открытым окном. Виден волшебный мир, на который никто не глядит. Фома нюхает табак, чихает, затем чихает еще раз и еще — все более громко.

Фома (чихая раз за разом). Скажи, пожалуйста, — табака не терплю! (Давая в нос свежую понюшку). Не терплю, да и только! (Оглушительно чихает). Натура стареет, не терпит. Привыкнет, однако! (Чихает).

Александр поворачивается под одеялом, не открывая головы. Голос лицеиста В. Кюхельбекера издали, из своей комнаты.

Кюхельбекер. Фома! Не чихай на заре!

Фома. Не буду, Вильгельм Карлович, я более не буду! Мало ли что бывает, а потом и не бывает. (Чихает вновь). Натура не терпит!

Голос Кюхельбекера. Убейте кто-нибудь Фому! Я не выплюсь — мой рассудок не отдохнет!

Голос Дельвига. А как встать из-под одеяла — кто первый?

Еще голос. Я не встану!

Еще голос. Я тоже, — холодно!

Голос Дельвига. Пусть Саша, ему ближе!

Стук в стену от соседа Александра — Ивана Пущина.

Голос Пущина. Ты спишь? Саша, ты спишь? Здравствуй, Саша!

Молчание.

Саша!

Фома. Александр Сергеевич спят: они чоха не боятся.

Голос Александра (из-под одеяла). Не боюсь. Чихай, Фома!

Фома. Сейчас, Александр Сергеевич. Сейчас! (Чихает). Раз! (Чихает). Раз! Раз!.. Трижды кряду, Александр Сергеевич!

Александр. Будь здоров, Фома!

Голос Пущина. Саша! Это ты там?

Александр. Нету, не я!

Голос Пущина. А кто же ты?

Александр. Пушкин, бедный человек.

Голос Пущина. А отчего ты бедный?

Александр. Инвалид.

Голос Пущина. А инвалид отчего?

Александр. От тебя — ты стучишь, мне спать не да ешь, и я слабею... Фома, дай я понюхаю — что такое! Может, это хорошо.

Фома. Это хорошо, Александр Сергеевич. Весь рассудок очищается, а что лишнее — прочь в ноздрю вылетает. (Дает Александру понюшку).

Александр нюхает; ожидает, что будет с ним; размышляет; ничего с ним, однако, не случается, он даже не чихает.

Фома. Малолетний вы еще, вам едкость, стало быть, не нужна.

Александр. Обожди. Сейчас чихну.

Фома. Ну-ну, сударь. Вы постарайтесь, вы потрудитесь. Зря чоха не бывает.

Александр. Нету! А может, твой табак мне слаб.

Фома. Ого! Этот табак-то слаб! От этого табака, сказывают, сам государь как чихнет, так аж подскочит.

Александр (сев на постели, обрадованно). Ну? Это славно, пусть он чихнет да подскочит, чихнет да подскочит! А вдруг у него весь рассудок с чохом в ноздрю выскочит! Может, выскочил уже? Ты не видал, Фома?

Фома (официально, громко обращаясь как бы ко всем лицеистам). Опять пошли говорить да заговариваться! Время не вышло — побудки нету. Ночь идет. Спать всем пора! Спать, я говорю, как быть должно!

Тихо. Тикают большие стенные часы в коридоре. Фома дремлет на своем табурете. Александр лежит, открыв лицо наружу; он не спит.

Голос Пущина. Саша! Ты забыл меня?

Александр. Забыл.

Голос Пущина. Забудь! Но помни: быть может, некогда восплачешь обо мне...

Александр. Нет, Жан, нет; это не я, а ты, быть может, некогда восплачешь обо мне...

Голос Пущина. Нет, ты скорее восплачешь!

Александр. Нет ты, нет ты! Вот увидишь, что вскоре ты восплачешь обо мне!

Голос Кюхельбекера. Ложь! Весь мир восплачет обо мне, а об вас он плакать не будет!

Фома. Где шум? Слышу — доносится. Спите, господа — чтоб вас не было, — дайте мне, человеку, покой...

Голос Дельвига. Дайте Фоме, человеку, покой!

Еще голос. Покой человеку!

Еще голос. Вечный покой!

Голос Дельвига. Спите, орлы России!

Александр. Фома! Угомони своих птенцов!

Фома (привстав с табурета). Опять там шевеленья! Спите, ангелы, демон вас возьми!

Молчание. Тишина. Сон Лицея на заре. Один Александр не спит. Он встает (он одет в ночную пижаму, то есть закрытую куртку и брюки), садится в постели, берет альбом со стола и, открыв его, задумывается, — в то время как за большим окном, в садах Лицея, медленно разгорается утренний рассвет.

Александр не пишет; он глядит в утренний мир, и по лицу его проходят чередою то улыбка, то печаль, то тайная мысль; при этом лицо Александра кажется лицом уже вполне зрелого человека, старше своих лет, и игра чувств и мысли на нем, озаренном зачинающейся зарею, делает его прекрасным.

На берегу пруда, где стоят греческие и римские статуи, является забредшая туда, нездешняя, видимо, старушка. Она в нищей одежде, согбенная, по внешнему виду, по старости и кротости она отдаленно напоминает Арину Родионовну. Согбенная старушка находится в полном противоречии с обстановкой, в которой она очутилась

В руках у нее кошелка; она собирает в нее павшие ветви и прошлогодние листья; остановившись, она внимательно глядит па белую равнодушную греческую богиню и проходит далее. Гортанным голосом вскрикивают в глубине природы пробудившиеся птицы. Александр подходит к открытому окну, глядит на старушку.

Александр. И там то же самое, что есть и во мне, что сам я чувствую... И там Пушкин, и здесь Пушкин. Вон Муза моя! (Улыбаясь). Которая же, брат Пушкин! Там и старушка, там и Киприда! Там лебеди на лоне вод, и вижу — там воробьи... И повсюду, в каждом из них, моя Муза; она, должно, и в радости, и в печали, она в юной прелести и в добром старчестве, но она в них безмолвна, она будто мертва; живет одна ее поэзия...

Александр пишет в альбоме гусиным пером; очиненные перья стоят в деревянном стаканчике на столике. В природе разгорается утро. Снова по лицу Александра проходят тени его чувств превращаясь в одно радостное состояние поэзии. Фома, задремавший на табурете, уснул теперь глубоко, и, дышавший вначале неслышно, он постепенно расхрапелся; под конец он храпит во всеуслышание.

Александр бросает гусиное перо на пол, к ногам Фомы.

Александр. Фома! Слушай, я стихи тебе прочитаю.

Фома (пробуждаясь, подбирает с пола гусиное перо, пробует его ногтем). Опять иступили! Мой дед тоже грамоте знал, так ему одного пера на всю жизнь достало, а вам, сударь, и на сутки мало...

Александр. Мало! Слушай, Фома!

Фома. А чего слушать, сударь! Слово — не предмет, от него пользы нету!

Александр. Нету?

Фома. Так точно: нету!

Александр задумывается. Медленно бьют большие настенные часы.

Фома. Пора будить. Сейчас у них самый сон, а по уставу надо будить! Эх, жизнь-служба!..

Фома пошел будить лицеистов; слышен его стук в комнаты спящих и оклики: «Очнитесь, сударь, — пора», «Господин Дельвиг, время, и под подушкой не спят, вставайте без обмана!», «Вильгельм Карлыч, господин Кюхельбекер, подымайтесь по малости!», «Сами поднялись: спасибо, сударь!»

Александр слушает, затем читает, что он написал, вырывает лист из альбома и комкает его.

Александр. Плохо. Пользы нету!

Слышатся легкие приближающиеся шаги. Стук тростью об пол: просьба о разрешении войти.

Александр (настораживаясь). Кто там?

Входит В. А. Жуковский.

Жуковский. Не рано ль я к тебе? Здравствуй, друг мой!

Александр (весь оживляясь, бросается к Жуковскому). Здравствуйте, здравствуйте, Василий Андреевич! Не рано, не рано, а поздно — я уже давно не сплю! Садитесь здесь, нет — лучше тут! (Александр суетится, усаживая гостя и оправляя постель).

Жуковский. Сочинял?

Александр. Плохо. В душе было прекрасно, а в стихах вышла гадость... Василий Андреевич, отчего это бывает?

Жуковский. Покажи, дружок.

Александр подает скомканный лист. Жуковский читает, добрая улыбка радости является на его лице. Александр стоит перед ним смущенный, в ожидании приговора. Жуковский тщательно разглаживает измятый лист бумаги.

Жуковский. Ты ничего не понимаешь!

Александр. А чего я не понимаю?

Жуковский. Себя не понимаешь — значит, ничего не понимаешь... Я бы не сумел сочинить таких стихов, как эти твои, — ни теперь, да и прежде. Может быть, один Гаврила Романович сумел бы, и то — не знаю, нет, не знаю...

Александр. Державин и вы лучше всех!

Жуковский. Не знаю. Теперь я не знаю... Ах, драгоценный ты мой! Какой в тебе дар!.. Ты мучаешь меня, я тебя боюсь, как видения из того дальнего мира, из лучшего мира, чем наш... (Жуковский подходит к окну). Вот дивная природа, — гляди, она только дорога наша в мир, еще более прекрасный... мы все туда стремимся, а ты пришел к нам оттуда...

Александр (озадаченный). Я там не был!

Жуковский (убежденно). Был. В том есть достоверность моей души, а это самая точная достоверность, и вот (предъявляя Александру лист со стихами)... вот твоя подорожная оттуда.

Александр. А я там не был! Нигде я не был, я тут.

Жуковский. Был!.. Ты был там! И я пришел к тебе затем, чтобы напомнить, кто ты таков!

Александр. Кто я таков? А вот... (Он вынимает из стола тетрадь, подает ее Жуковскому). Здесь известно, кто я таков.

Жуковский (читает в тетради). «Шалун»! Написано, что ты — шалун! — и заверено: учитель чистописания Федор Калиныч. (Возвращая тетрадь). Хоть глуп ваш Федор, а правду написал... Вот именно: шалун ты, братец! И шалун ужасный, но про то ваш Федор еще не знает... (Жуковский вынимает из внутреннего кармана листки со стихами, показывает их по очереди Александру). Кто это сочинил?

Александр (улыбаясь). Я!

Жуковский. А это?

Александр (задумчиво). Тоже я!

Жуковский. Тоже ты... А вот это?

Александр (смотрит в листок и поникает в грусти). И это я.

Жуковский. И это ты... (Прячет листки обратно к себе). Я знаю, что ты... Дало тебе небо дар великий, а ты его расточаешь напрасно. А какое ты имеешь право так делать, Александр Сергеевич, кто ты таков? Не твой это дар, что носишь ты в себе, он для всей Руси нашей дан, он — добро всех обездоленных... Ты молод еще, но разум твой созрел, и ты должен иметь истинное понятие.

Александр. А истина, она где?

Жуковский. В тебе, Александр Сергеевич, а вокруг тебя Русь!..

Александр. В ней грустно, она несчастна.

Жуковский. Вкруг тебя Русь, я говорю, — ее нужно одушевить добром, ей нужно дать понять, чтоб она сама себя осознала, что она существует. Иначе ее как бы нет!

Александр (машинально). Ее как бы нет!

Жуковский. Гаврила Романыч стал ветхим, он ушел от дел. Я слаб. Другие ложны или бесчестны. А в тебе есть, что надобно нашему отечеству: в тебе пребывает одухотворение всех бедных сердец живою прелестью. Прелесть же есть не забава, а сила и государственная польза... Так почему же ты уничтожаешь свою силу во зле!..

Александр. А пусть зла лучше не будет!

Жуковский. А что зло?.. И государь тебе не по нраву, и в знатных вельможах ты видишь лишь глупость и недостатки природы... Без них, однако ж, отечество наше состоять не может, — тому и примера нигде нету.

Александр вдруг громко рассмеялся, и вот уже опять умолк и со вниманием глядит на Жуковского.

Жуковский. Это что же с тобой? Что смешного в правде?

Александр. Я нечаянно...

Жуковский. Что нечаянно?

Александр. Это мне нечаянно стало смешно... Я вспомнил, как один генерал растолстел от славы и еле пролез в триумфальную арку, ему там узко.

Жуковский. Ты это государя имеешь в виду? Фу, гадость какая, — мерзость и клевета! Тебе не стыдно, Пушкин?

Александр (опять рассмеявшись). И теперь надо ту арку рубить прочь! Пусть ее рубит Аракчеев... Василий Андреевич, а вы сами знаете, ведь Аракчеев глупый и злой, — почему без него отечество наше не может состоять? Почему нету вольности и есть рабство?

Жуковский. Вольность — дар величайший, к ней надо воспитать русский народ... В диком же сердце вольность взрастет лишь злодеянием и гибелью, она погубит того, кто ее недостоин... Твоя сила другая. Ты одушевляй добром и небесной прелестью поэзии темные сердца, — может быть, ты призван быть душой России! Так будь ею! А ты, ты идешь в бунт, в злое раздражение, ты идешь в погибель, и твоя Муза плачет... Разве ты не волен, — какая тебе нужна вольность?

Молчание. В природе сияет утро.

Александр. Вольности никто не знает, ее нету...

Жуковский. Так не тревожься о ней прежде времени.

Александр. А я чувствую, Василий Андреевич, я чувствую: вольность и поэзия — одно и то же, и душа России — вольность.

Жуковский. Нет, Александр Сергеевич, нет! Вольность — это жизнь людей на земле, а поэзия сообщает наши души с вечным небом. Поэзия превыше вольности.

Александр. Нет.

Жуковский. Да, Александр Сергеевич. Это правда.

Александр. Нет, это неправда, Василий Андреевич... Неправда! Все небесное должно стать земным, — к чему тогда небо! В том и поэзия!

Жуковский. Ты рассуждаешь, как крепостной человек... Гляди, Александр Сергеевич, твоя Муза — богиня, а ты презреешь ее, и она станет черной бесплодной нищенкой.

Александр. А пусть... Пусть моя Муза будет не дочерью богов, а дочерью Кузьмы и Акулины, Машкой или Дуней. Пусть она будет бедной, но с честью на челе, тогда она будет божеством...

Жуковский. Как грустно, Пушкин! Мне жалко, что ты родился надеждой России, и вот эта надежда опять не исполнится. И опять не одушевится наша бедная земля светлым духом, и тогда она омертвеет надолго... Надолго, а может быть — навсегда!

Молчание. Александр неподвижно глядит на Жуковского.

Жуковский. А ты желаешь уйти с пути славы и величия, с пути своего счастья, ты желаешь уйти на путь своей погибели... Боже мой, сколь охотно идут туда люди, — бесцельно, безжалостно к себе, без смысла для государственной пользы...

Александр. И среди них прекрасные, возвышенные души! Сколь я ничтожен пред ними, Василий Андреевич...

Жуковский. О чем ты сожалеешь? Ты не ровня им, ты выше их всех, а они ничтожны... Зачем тебя влечет к разбойникам? Бог привел тебя к нам и указал твое призвание, так слушайся его веления... Не мне, не нам тебе напоминать! Но ты слаб к рассеянной жизни, слаб к заблуждению... Я должен тебя удержать, я должен помочь тебе советом; я вижу — не могу помочь. Слаб я пред тобою... Но если ты не послушаешься, так я буду молить тебя внять моим словам. Не веришь мне, поверь России, ее же ты чувствуешь и любишь...

Александр бросается к Жуковскому и обнимает его.

Александр. Я не буду, я больше не буду!

Жуковский (прижимая к себе Александра). Чего, чего ты не будешь?

Александр. Не буду обижать добрых.

Жуковский. А государь, а граф Аракчеев, — поверь, они тоже добрые!

Александр. Они — нет! За ними рабство!

Жуковский. И что тебе — ты разве им судья? Оставь их... Не будешь более?

Александр. Буду!

Жуковский (после краткой паузы). Погибнешь, Пушкин!

Гортанным долгим голосом вскрикивает птица в лицейском саду.

Александр. Кто это?

Жуковский. Лебедь... Это лебеди на озере.

Александр. А ведь они свободнее людей, Василий Андреевич, им лучше!

Жуковский. Они свободны, но они неразумны.

Александр. Мы не знаем их разума... Хорошо бы, чтобы все шло скорее!

Жуковский. Что — скорее, что это значит, какой в том смысл?

Александр. Мы все томимся, Василий Андреевич... Может быть, и государю плохо. Мы томимся и самое важное дело откладываем на будущий день... Мы думаем — вот наступит будущий день...

Жуковский. Какой будущий день?

Александр. Когда наступит вольность! А прежде нее лишь томление...

Жуковский (сдерживая глубокое чувство). Ах, не будь ты ничем, Александр Сергеевич, — ни поэтом, ни мудрецом, ни вельможей, но живи с нами долго-долго, живи незаметно и кротко и не оставляй нас!..

Александр (улыбаясь). Я так и хочу жить, Василий Андреевич. Я смирно буду!

Жуковский (с нежностью касается плеча Александра, прощаясь с ним). С нас и малости сей достаточно. А там видно будет.

Александр. А там видно будет!

Является Энгельгардт, директор Лицея. Позади Энгельгардта присутствует Фома.

Энгельгардт. Здравствуйте, Василий Андреевич, здравствуйте, батюшка!

Жуковский. Здравствуйте, здравствуйте, почтенный Егор Антонович!

Энгельгардт. Как одолжили, как одолжили, что почтили своим посещением! Как одолжили, сударь мой, Василий Андреевич!

Жуковский. Чем же я одолжил вас, Егор Антонович? Скорее, я сам одолжаюсь здесь...

Энгельгардт здоровается с Александром, по-отцовски обняв его.

Жуковский. У вас в Лицее цветет юность, надежда отечества. Созерцать юность — наслаждение, поэтому, пребывая у вас, я сам одолжаюсь, мне же здесь никто не обязан.

Энгельгардт. Как можно, как можно так говорить, Василий Андреевич! Вы Жуковский, вы первейший источник духовного питания нашего юношества, вы зодчий их нравственного благообразия...

Жуковский. Зодчий нравственного благообразия — это уж вы, Егор Антонович. Без ваших забот и самая звучная лира не достигнет глубины юного сердца. Вы здесь поводырь и первый наставник.

Энгельгардт (старчески благодушно). А что ж, это правда, Василий Андреевич, это правда. Я здесь поводырь у Музы поэзии... Как это вы истинно возвышенно обращались к его превосходительству, первому наставнику Московского университета, Михаилу Матвеевичу Хераскову, — в ту пору, когда ему пожалован был орден святой Анны:

Еще, Херасков, друг Минервы!
Еще венец ты получил!
Сердца в восторге пламенеют
Приверженных к тебе детей,
Которых... которых...

Ах, не помню дальше, Василий Андреевич, забвение нашло на память...
Жуковский. Которых нежною рукою ведешь ты в храм святой наук...
Энгельгардт. Вот именно, вот именно! Я вспомнил:

И здесь и там нас ждет награда:
Здесь царь венчает, а там — бог!

Александр громко рассмеялся и умолк.

Жуковский. Ты чего?
Энгельгардт. Что с вами, сударь?
Александр (указывая в окно). Это я на него!

Жуковский и Энгельгардт оборачиваются к окну и наблюдают.

Жуковский. Никого нету!
Энгельгардт. Пустынно совершенно!
Александр. Он спрятался.
Жуковский. Кто?
Александр. Неизвестно. Глупец какой-то.
Энгельгардт. Какой глупец? Ах, сударь, не следует вам хотя бы и чувством подчиняться глупцу.

Александр. Я не буду.
Энгельгардт. Не следует, не надо, милый.
Фома. Они малолетни еще!
Энгельгардт. Это хорошо, что малолетний. Малолетство — юность!
Фома. А что хорошо: от малолетства и глуп. Пусть скорее растет — образумится. Я видел — дурака снаружи не было, а он смеется, — чему такое?
Энгельгардт. Да, чему такое?
Жуковский. Глупец был здесь. Это он на меня смеялся, моим плохим стихам... Правда, Пушкин?
Александр. Правда...

В сильном смущении он закрывает лицо руками.

Энгельгардт. Неправда, не верю: стихи прекрасны и благородны!
Александр. Я не мог овладеть своим чувством. Жуковский. А и не надо. Ты прав.

Хрипят, должны бы ударить, но не бьют лицейские стенные часы.

Фома. Гляди-ко, завтракать в Лицее пора, да и заниматься время тож!

Энгельгардт. Пора, пора... Эко время идет, Фома!

Фома. Идет, Егор Антонович, идет... как кулъер бежит... Проживешь — и не выпишься, некогда!

Жуковский прощается с Александром и уходит; за ним уходит и Энгельгардт.

Александр. Фома! Фома. Чего, сударь?

Александр. Принеси мне булку от завтрака.

Фома. Чего же одну булку!.. Можно и кофею принести, и масла, и сыру, — что вам полагается.

Александр. Одну булку давай!

Фома. Помягче?

Александр. Черствую!

Фома. К чему так — черствую?

Александр. Зубы хочу точить!

Фома. А пить чего будете?

Александр. Вон там — в озере у лебедей напьюсь.

Фома. Как вам желательно! (Уходит).

Вдали слышится духовая военная музыка; затем — дробь барабана. Это развод караулов в Царскосельском дворце.

Тишина. Слышится хруст робких шагов по гравию за окном, и появляется старуха с кошелкой, собирающая по саду сор и сухую листву, — это Фекла, которую видно было вдали в этом действии.

Фекла, увидев Александра, наблюдающего ее, кланяется и уходит в сторону.

Александр. Бабушка!

Фекла (снова кланяясь). Здравствуйте, батюшка-сударь! Здравствуйте, благодетель!

Александр. Ты чего ходишь, бабушка?

Фекла. А я не даром хожу, батюшка: я тут в должности состою. Видишь, я в саду прибираю.

Александр. Ты бедная, бабушка?

Фекла. Нету, нету, — отчего я бедная? Дома в деревне я сыто жила.

Александр. А зачем ты из дому ушла?

Фекла. Душа велела уйти. Тут я при могиле живу.

Александр. При могиле живешь?

Фекла. При могиле. Истинно так.

Фекла приближается к окну, Александр склоняется к ней навстречу через низкий подоконник.

Александр. Расскажи мне, бабушка...

Фекла. А чего сказывать-то, родной?

Александр. А скажи, что у тебя на сердце лежит!

Фекла. А на сердце у меня сын родной лежит... Был у меня сын-первенец, да один он и был. Взяли его в службу царскую — собой он большой, видный был, на разум понятливый, взяли его в царский полк. Осьмнадцать лет прослужил, на девятнадцатом его палками насмерть забили...

Александр. А за что его палками?

Фекла. Сказывали, пред царем провинился...

Александр. А правда, провинился?

Фекла. Чего — правда? Пред царем правда, а пред матерью — другая. Да мать-то не спросили — и палками его насмерть...

Александр. И ты терпишь — живешь?

Фекла. Терплю... Вон там он и схоронен, близу села Павловского, там его и могила... На вечер-то я каждый день туда хожу. Приду и песню ему спою, побаюкаю его, чтоб спал он смирно и кости его битые отдохнули. Пусть покоится!

Александр. Ты баюкаешь его?

Фекла. Баюкаю, родной, баюкаю... Как в детстве его, бывало, когда он еще в младенчестве был, колыхала я его зыбку и песню ему колыбельную певала, — так и нынче тую же песню ему напеваю... Да до прежде-то у меня голос чистый был, а теперь я шепчу ему, — думается только, что пою... Евсеем Борисевкиным его звали, Миронов сын, может, слышали такого?

Александр (изменившийся в лице). Евсей Борисевкин, Миронов сын?

Фекла. Он, батюшка! Вы-то не глядели, как его насмерть убивали? Не запомнили?

Александр. Нет...

Фекла. А люди видели... Спрашиваю, хожу, да не сыщу никак того, кто видел-то...

Александр. Я сыщу тебе того...

Фекла. Сыщи, батюшка!

Александр. Я сыщу того, кто велел его убить.

Фекла. И того сыщи!

Александр. Возьми деньги, помяни своего сына.

Фекла. Спасибо, батюшка, благодарствую, — ничего нам не надобно. Я и свое-то добро, что было, людям раздала. Ты живой, ты купи себе на деньги, чего нужно. А мы — так.

Александр. Пойдем сейчас к нему, пойдем к твоему сыну. Спой ему песню.

Фекла. Теперь не время. Вечером надо, на долгую ночь.

Фекла уходит от окна. Александр бросается на постель вниз лицом.

Александр. Убегу! (Вскакивает и зовет). Фома! Фома! А где моя одежда, куда я ее ввечеру положил?

Является Фома с булкой на тарелке.

Фома. Отойти нельзя. По ночам не спят, по утрам не умываются, не завтракают... Покою нету... Чего вы, сударь?

Александр (нашедши верхнюю одежду). Ничего.

Фома. Кушайте, а то науками заниматься пора.

Александр. Я все знаю. Я убегу, Фома!

Фома. Куда?

Александр. По делу.

Фома. Эх, сударь, накажут вас... По первости — словом обидят, потом и розгой могут, а в конце и кандалы наденут.

Александр. Кандалы я прочь разорву!

Фома. Разорвет он! А кузнецы-то у нас, даром, что ль, они хлеб казенный едят?..

Являются Пуцин, Дельвиг и Кюхельбекер; каждый из них несет по тарелке, на которых разложен завтрак Пушкина.

Пуцин. С добрым утром, Саша! Ты опять недоволен?

Фома. Опять!

Пуцин. Чем ты недоволен, Саша? Кто к тебе утром приходил?

Александр. Я доволен... У меня Муза была.

Пуцин. Муза? Откуда же она явилась?

Александр. Оттуда.

Пушин. Как же она прошла сюда, в Царском — часовые!
Кюхельбекер. Музы — мнимость. Духовные твари должны быть невидимы.

Дельвиг. А какова собою она, Саша, — мила, прелестна?

Александр. Нет, она нехороша.

Дельвиг. Слушай, Саша! А нельзя было ее в мешок поймать — пусть она за нас стихи пишет!

Фома. Никто не являлся. Тут посторонних не бывает, я гляжу.

Пушин. С добрым утром, Саша! Отчего ты меня не замечаешь?

Александр (веселея). С добрым утром, друзья... Спасибо вам, не забыли меня, старика!

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната в квартире Чаадаева. Весна. Чаадаев ходит по комнате из угла в угол строгим учебным шагом. Затем делает пустыми руками артикул и внешне успокаивается.

Чаадаев. Учебный шаг, учебный шаг, церемониальный марш. Простое дело будто, первейшее непременно обучение войска, наряду с прочим обучением. Так оно и есть, да не у нас. У нас этим учебным шагом чуть было не затоптали насмерть Россию. У нас только и был учебный шаг, а к нему ничего более. Из него шла вся мудрость государственная. И еще — церемониальный марш! Костями клали солдата ради него!.. Тяжко, однако, жить лишь размышлением, и напрасна мысль у нас... А в сражениях что было?

Ведь в сражениях действует не столько солдат, сколько человек, и человек высокий и духовный, любитель своего отечества. Спасибо Михаилу Илларионовичу Кутузову — и вечная ему слава. Он понял русского человека и не помешал ему. Однако же истинное руководство не в том, чтобы не помешать герою, а быть умом и предвидением впереди него — и не расточить попусту ни силы, ни жизни... Ах, сколь бесплодно размышление, сколь полезно действие! (Чаадаев пребывает в томлении и в одиночестве; он подавляется грустью; вынув саблю из ножен, он глядит на нее и, вздохнув, молча кладет на стол). Сирота наша Русь, круглая сирота... И царь у нее есть, да не отец он для России, а отчим, и Русь ему — чужая падчерица. Но не оставим мы свою любовь, своими слезами и своею силой сию бедную и добрую, сию прекрасную Русь! (Чаадаев хватает обнаженную саблю и вновь кладет ее, заслышав стук в дверь).

Входит Варсонофьев. Он здоровается с Чаадаевым — сначала как военный, затем целует Чаадаева в щеку, и Чаадаев ему отвечает тем же.

Варсонофьев (усевшись в кресло). Прощай, Петр! В Париж еду с особым поручением! Чего прикажешь привезти? Духи, белье, сушеные фрукты из Индии, вино...

Чаадаев. Спасибо. Я ни в чем не нуждаюсь.

Варсонофьев. К родной капусте привык! Может, новейших книг?

Чаадаев. И книг не надо...

Варсонофьев. Что так? Сам умен — да? Ах, Петр, Петр — ты гвардии мудрец!

Чаадаев. В нынешних книгах нет ответа на сокровенные вопросы человечества... Я их читал.

Варсонофьев. Нет ответа на вопросы... А ты не имей вопросов, забавней будет жить... Слушай, едем со мной!

Чаадаев. Что говоришь! Я на службе!

Варсонофьев. К чему тебе служба? Бежи ее!

Чаадаев. Ты глуп, Василий Прохорович!

Варсонофьев. Слышал, слышал уже, да я не верю, не верю, Петр Яковлевич... А ежели и правда, — так я глуп, да весел, а что в твоём уме? Печаль да скука! Но неужели в печали истина? Нет, мудрость, по мне, дело веселое, — ну вроде, как бы тебе сказать...

Чаадаев. Вроде французского кордебалета...

Варсонофьев (смеясь). Так точно, так точно! Ах, Франция! Я там буду!

Чаадаев. Ничего там существенного нету.

Варсонофьев. Как ничего нету? А где же тогда что-нибудь?

Чаадаев. Нигде... Лишь у нас на Руси есть нечто существенное, и я за честь считаю быть ее сыном, — но спит еще Россия...

Варсонофьев. Пробуди ее, и я никуда не поеду!

Чаадаев. Бессмысленный ты человек.

Варсонофьев. А начальство меня ценит: говорит, к службе горазд и отечеству храбрая сабля.

Чаадаев. Начальство не равно отечеству.

Варсонофьев. А ты полагаешь, должно, что ты равен России и один за нее думаешь?

Чаадаев. Я равен рабу, как и она.

Является Александр. Он встревожен и обеспокоен.

Александр. Здравствуйте! Здравствуйте, Петр Яковлевич, и вы — я забыл, я вспомню, — здравствуйте, Василий Прохорович!

Варсонофьев. Верно, верно! Здравствуй, Алеша!

Александр. А я не Алеша!

Варсонофьев. А все равно! Значит, ты Павел или Володя!

Александр. Нет, нет! (Смеясь). А все равно!

Варсонофьев. Все равно, Николай, все равно.

Александр (хохочет). Опять я не он — я не Николай!

Чаадаев. Это Пушкин! Неужто не слышал?

Варсонофьев. Пушкин? Сроду не слышал! Здравствуй, Пушкин!

Александр. Здравствуй, Прохоров Василий!

Варсонофьев. Правильно: по отцу я Прохоров.

Александр. Петр Яковлевич! Петр Яковлевич, а у вас в полку был такой солдат, звали его Евсей Миронов Борисевкин?

Чаадаев. Борисевкин, Евсей Миронов... Не помню. Нет, такого не было, я бы помнил его.

Варсонофьев. Евсей Борисевкин? Как же не помнить! Это же нашего полку старослужащий солдат, он в моей роте служил...

Чаадаев. И что с ним случилось?

Варсонофьев. А ничего — помер солдат.

Александр. Его убили!

Чаадаев. Кто убил?

Александр (на Варсонофьева). Они!

Варсонофьев. Над тем рядовым Борисевкиным была произведена экзекуция. Никаких нарушений от установленных правил не было...

Чаадаев. Кто руководил той экзекуцией?

Варсонофьев. Командир роты, где служил Борисевкин, — так предписано положением, и в присутствии...

Чаадаев (перебивая). А командир роты — это ты?

Варсонофьев. Я, несомненно.

Чаадаев. Вот что... Так не в печали, ты говорил, истина, а в веселье, и к службе ты горазд, и отечеству храбрая сабля... Ты не сабля, а палка — смерть солдатская! Пошел вон отсюда!

Варсонофьев (в гневе). Что такое?

Чаадаев. Вон!

Александр. Вон отсюда!

Варсонофьев (инстинктивно хватаясь за свое личное оружие). Не касаться меня!

Александр в ответ хватается за чаадаевскую обнаженную саблю, лежавшую на столе.

Варсонофьев. Не прикасайтесь ко мне, я говорю!

Чаадаев. Уходи прочь! Мы не будем мараться об тебя!

Александр. Он трус!

Варсонофьев уходит, держась за свое оружие, но не обнажая его. Чаадаев отбирает у Александра саблю и кладет ее.

Александр (в благородной ярости). Я рассечь его хотел — какое это счастье!

Чаадаев. Да, это счастье — рассечь мучителя и палача. Я вижу, ты можешь быть и воином.

Александр. Могу, и я им буду... Если б он не струсил, я бы ударил его!

Чаадаев. Ударишь... еще будет время.

Александр. Нету времени! Я его догоню сейчас и изрублю! Дай мне твой пистолет!

Чаадаев. Нельзя, нельзя. Успокойся, дорогой... Будет время!

Александр. Когда будет время? Не будет его, нужно сразу!

Чаадаев. Что нужно сразу?

Александр. Все!

Чаадаев. Что все?

Александр. Все, а то не будет нам ничего.

Александр вынимает из кармана сухую булку, что принес ему в Лицее Фома, разломил ее пополам, подвинул половину Чаадаеву, а другую половину начал грызть сам.

Чаадаев. Погоди... От такого хлеба у тебя во рту сухо.

Александр. Не сухо, я сгрызу.

Чаадаев выходит в кухню и приносит оттуда кувшин с молоком и одну чашку. Александр ест булку, запивая ее молоком.

Чаадаев. Крестьяне тоже хлеб сухой едят, его съедается меньше.

Александр. Они черный едят, они живут в рабстве.

Чаадаев. В рабстве, Александр...

Александр. А когда вольность будет? Нужно, чтобы она сразу была!

Чаадаев. Нельзя сразу... Но тебе лучше думать о Музах, Александр. Иди к Музам, там ты встретишь свободу.

Александр. Не пойду. Пусть Музы приходят к нам. Нынче утром Муза приходила ко мне...

Чаадаев (заинтересованный). Какая Муза? Я никогда не видел Муз и не увижу, — и есть ли они?

Александр. Есть, я видел.

Чаадаев. Какова же она? Что она говорила, — или она молчала?

Александр. Она бедная, грустная, она была русская Муза. Она говорила... она говорила мне... (Лицо Александра покрывается внезапными слезами, и он опускает голову на стол).

Чаадаев. (как бы про себя). Вон какая Муза являлась к тебе! Такую Музу и я видел, пожалуй!.. Прекрасный мой, не волнуйся, не волнуйся более. То была у тебя истинная Муза! Ты радуйся!

Александр. Я не волнуюсь, все прошло.

Чаадаев. Что она сказала тебе, или она безмолвствовала?

Александр. Она сказала, сын ее убит.

Чаадаев. Как можно так, я и мысленно не представляю! Камена — замужняя, у Камены дети? Разве Музы семейные? Ты шутишь, но ты плакал... Ты сумасшедший, Пушкин!

Александр. Ты сам сумасшедший!

Чаадаев. Почему я сумасшедший?

Александр. Ты понимаешь рабство, а сам в рабстве живешь!

Чаадаев (задумываясь). Отсюда ты прав: я сумасшедший.

Александр. Она безумная, она поет колыбельные песни умершему сыну, она баюкает мертвых на долгую, вечную ночь!

Молчание.

Чаадаев. Говори мне далее.

Александр. Она безумная и нищая от рабства, она скоро умрет. Ты понимаешь меня?

Чаадаев. Я понимаю.

Александр. Я не могу более ничего сочинять, когда она нынче горестна и безумна, а завтра будет мертва. Я сам безумен буду!

Чаадаев. Да, но зачем нужна вольность твоей безумной Музе?

Александр. Какая Муза! Она не Муза, ее зовут Фекла... Ко мне нынче поутру приходила старуха, мать солдата Борисевкина...

Чаадаев. Вот что было! Она возвышеннее и священнее всех этих Муз!

Александр. Возвышеннее и священнее всех Муз — это правда, я видел ее... И верно, ей вольность уже не нужна, она скоро умрет... Но она оттого безумна и оттого умрет, что не сбылась у нас вольность. И все мы бесчестны!

Чаадаев. Вольность суть призвание России и главная ее обязанность! А мы бесчестны, пока рок рабства мешает отечеству исполнить его высшее призвание...

Александр. Ты умный, я люблю тебя.

Чаадаев. Я люблю тебя еще более, чем ты.

Александр. Нет — я! Нельзя более меня! А то я тебя...

Чаадаев. Что ты меня?

Александр. А то я тебя ударю!

Чаадаев. Ну, хорошо... Не бей только! Пиши, Пушкин! Пиши свои стихи, в них же есть тайная музыка свободы...

Александр. А как писать, я не могу их писать: у нас все Музы умирают!

Чаадаев. Умирают?

Александр. Да, они умирают, их не будет...

Чаадаев. Но все одно — ты и по нечаянности будешь сочинять.

Александр. Я и по нечаянности буду... А сколько было бы лучше, если бы я мог сочинять по свободе и по размышлению!

Чаадаев. Это будет при вольности.

Александр. Тогда всякий будет поэтом, тогда Музы будут жить в русских избушках, а в деревянных колодцах забьют касталийские родники!

Чаадаев. А я и тогда не стану поэтом...

Александр. А кем будешь? Дельвиг будет лодырем, он говорил.

Чаадаев. Я буду, кем был, — буду солдатом. Я боюсь за вольность, пожрут ее.

Александр. А кто пожрет?

Чаадаев. Неизвестно, а может так стать...

Александр. А ты сторожи!

Чаадаев. Хорошо, я буду сторожить... Ты, может быть, еще кушать хочешь?

Александр. Не хочу. Я к тебе по делу!

Чаадаев. Сказывай свое дело... А то скушай яичницу, тебе надо кушать.

Александр. Не надо, мне некогда... Петр Яковлевич, устрой вольность на Руси!

Чаадаев. Как можно — так вдруг?

Александр. А все бывает вдруг! Зачем томиться? Ступай к государю — скажи ему. Ты ведь офицер!

Чаадаев. Ты наивен, милый друг мой, сердце твое доверчиво и чувствует просто... Государь казнит меня!

Александр. Тогда ты возьми власть над государем — и объяви вольность.

Чаадаев (улыбаясь). Да, это легко и приятно!

Александр. Нет, это страшно! Но зато легче, чем жить в рабстве. А то жизнь будет потеряна даром...

Чаадаев. Как ты сказал? Да, жизнь может быть потеряна даром...

Александр. А государь трус, и они все трусы, ты их не бойся.

Чаадаев. Умолкни! Я сам знаю, что мне делать.

Александр. Я хочу иметь высокую цель жизни! Скажи, что я правду говорю, мне будет легче жить.

Чаадаев. Так... Так слушай: я сам выберу первый час вольности, я знаю срок ее рождения. А сейчас ей времени еще нету!

Александр. Ты трус!

Чаадаев (разгневанно). Молчать!

Александр. Трус!

Чаадаев. Ты безумец!

Александр (в ярости). А ты враг отечества, ты лишь его рабство! Есть в доме пистолеты?

Чаадаев. Есть!

Александр. Давай стреляться!

Чаадаев. Ты молод еще, чтобы оскорблять и стреляться!

Александр. Молчать!

Чаадаев бросает на стол два пистолета.

Чаадаев. Жребий будем тянуть?

Александр. Нет. Я вызываю вас. Ваш выстрел первый!

Чаадаев. Хорошо. Ваши условия?

Александр. Любые, которые вы мне поставите!

Чаадаев. Отлично. По одному выстрелу, в этой комнате, дистанция — расстояние между двух противоположных углов.

Александр. Согласен. Скорее!

Чаадаев. Становитесь!

Противники становятся на свои позиции — в противоположные углы комнаты. Александр стоит спокойно, с опущенным пистолетом в руке. Чаадаев медленно наводит свой пистолет на Александра, нацелился — и держит пистолет на линии выстрела; кладет палец на спусковой курок, Александру надоело ожидать: он отворачивается, глядит рассеянно в весенний день за окном, затем опять спокойно, неподвижно смотрит на Чаадаева.

Чаадаев быстрым движением прикладывает дуло пистолета к своему виску. Александр одно мгновение следит за Чаадаевым огненным взором — и враз, роняя свой пистолет, бросается на Чаадаева; с ловкостью и могучей силой Александр хватает правую руку Чаадаева и скручивает ее — дуло пистолета в этот момент случайно обращается прямо в лицо Александра. Чаадаев разжимает пальцы, пистолет падает на пол. Чаадаев в изнеможении садится. Александр смущенно протягивает ему руку. Чаадаев, взяв руку Александра, приближает его к себе и целует Пушкина.

Чаадаев. Не надо так... обижать меня... Я тоже бедный человек.
Александр. Прости меня... я больше никогда тебя не обижу...
Чаадаев. Не надо больше... В тебе сердце, и во мне сердце...
Александр. Я теперь один добуду вольность, никого не стану просить.
Чаадаев. Как же... каким средством ты добудешь вольность один?
Александр. Сейчас не знаю, но я выдумаю средство.
Чаадаев. Выдумаешь? Как же ты его выдумаешь?
Александр. Не знаю... Я буду биться в неволе...
Чаадаев. Трудное твое средство!
Александр. Трудное... Но пока живой, я буду биться в неволе.
Чаадаев. Другие не бьются, а порхают в клетке, — подлецы!
Александр. Подлецы!

Стук в дверь. Является Дельвиг.

Дельвиг. Здравствуйте, господа... Здравствуйте, Петр Яковлевич! Я к месту или нет?
Чаадаев. Садись, садись, Антон Антонович, — честь и место, честь и место.
Дельвиг (поднимая с пола пистолеты). Кто дрался? Пушкин! С кем?
Александр. С противником.
Дельвиг. А где он?
Александр. Я его к тебе послал — занять денег и купить вина.
Дельвиг. Значит, мы с ним разминулись, как жалко: я бы вызвал его! Зачем ты дерешься, Саша, с кем попало? Дерись со мной, я тебя давно прошу.
Александр. Зачем с тобой драться?
Дельвиг. Я уже говорил, — я буду постоянно при тебе в должности трупа.
Чаадаев. Ах, Дельвиг, вон вы какой!
Дельвиг. Какой? Я сам себя не вижу.
Чаадаев. Вы славный, Дельвиг... Я второй день постничаю, давайте поедим немного.
Александр. Горького хлеба?
Чаадаев. Нынче хлеб наш сладкий, — мы этот хлеб отработаем.
Александр. Как мы его отработаем?
Чаадаев. Честью сердца, может быть — жертвой своей жизни.
Александр. Давай тогда его кушать!
Дельвиг. Саша, завтра у нас экзамены!
Александр. Пусть!
Дельвиг. Что — пусть? Слышно, Державин будет. Что ты прочтешь из русской словесности? Прочти стихи самого Державина.
Александр. Я свои стихи прочту.
Дельвиг. Которые, Саша?
Александр. Новые стихи, я их сочиню нынче в ночи. Я давно их задумал — стихи о вольности...
Чаадаев. Не надо, не надо, Пушкин! Сочини эти стихи после экзамена.
Александр. Я хочу сочинить их нынче.
Дельвиг. Прочитай что-нибудь прелестное и тихое.
Александр. Иди ты прочь!
Чаадаев. Прочитай им «Воспоминания в Царском Селе». В нем сокрыта слава русского народа, там поминается Державин, там музыка великой нашей мощи...

В дверь слышится слабый стук; его не слышат действующие на сцене лица.

Александр (улыбаясь). А правда, там есть мощь России против ее врагов:

Да снова стройный глас герою в честь прольется,
И струны трепетны посыпят огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Входят Пущин, за ним Кюхельбекер.

Пущин. «И ратник молодой вскипит и содрогнется при звуках бранного певца». Можно к вам, господа?

Все здороваются и приветствуют друг друга. Чаадаев по-холостяцки, то есть небрежно и быстро, собирает на стол угощение, доставая кое-что из скудных своих запасов.

Кюхельбекер (Александр). Скажи мне, как ты соединяешь в стихах своих силу с музыкой?

Александр. Не знаю.

Кюхельбекер. Лжешь! Как же ты пишешь, когда не знаешь? Так не бывает!

Александр. А ты узнай, брат Кюхля.

Кюхельбекер. Я узнаю... Я десять раз переписал эти твои стихи, чтобы узнать.

Пущин. Узнал, Вильгельм?

Кюхельбекер. Ничего не узнал. Я еще перепису!

Александр (к Пущину, с нежностью). Ну как, Жан? Ах ты, Жан!

Пущин (сияя от дружеского счастья). Ах ты, Саша, Саша! Брат мой милый, скучно мне без тебя! Не живется и не учится...

Александр. А со мной?

Пущин. А с тобой... С тобою мне всегда хорошо, и все можно стерпеть.

Дельвиг. Даже взор ее можно стерпеть!

Александр. Чей взор?

Дельвиг. Ее!

Пущин. Я не знаю, как ее зовут. Антон, ты видел ее?

Дельвиг. Конечно. Прелестное создание природы и духа!

Александр. Скажите скорее, кто она, кого вы видели?

Кюхельбекер. Не говорите ему! Мы одни видели ее, когда шли сюда!

Дельвиг. Я видел ее прежде вас всех! Вон там она проходила... (Указывает в окно в парк).

Кюхельбекер. Не говорите ему!

Александр. Молчи, Кюхля! Скажи мне, Жан, скажи, Антон! А ты, Кюхля, молчи лучше!

Кюхельбекер. А что — ты вызов бросишь? Я давно хочу увидеть своего покойного родителя.

Александр. Успеешь, успеешь еще. Живи, брат мой...

Дельвиг. Без Кюхельбекера — Россия сирота.

Кюхельбекер (серьезно и гневно). Врешь, брат! Это Кюхельбекер сирота без России.

Чаадаев. Успокойтесь, Вильгельм Карлович... Не шутите, господа! Сей Вильгельм любит Россию не меньше любого Ивана и Петра! Прошу к столу, — чем бог послал...

Гости Чаадаева усаживаются к столу, но тут же встают, ходят, опять садятся вкусить чего-либо и т. д. Внешне нет никакого порядка, но за этим беспорядком идет действительный порядок свободных чувств и слов этой дружественной компании.

Александр. А кто же это она, — ну скажите мне, а то я...

Дельвиг. Я знаю — кто она! Она прекрасна, как Муза, и добра, как материнское сердце!

Александр. Мне имя ее нужно! А то я вас...

Дельвиг (перебивая). А то ты что? Ты жуй — отощешь!

Александр. Не скажешь?

Дельвиг. Нет!

Александр. Не скажешь?

Дельвиг. Нет!

Александр. До трех считаю! Раз!.. Два!.. Дважды!.. Три!

Александр хватает Дельвига, подымает его и размахивает его туловищем, собираясь выбросить его в окно.

Дельвиг. Ты умеришь меня! Александр. А ты скажи!

Дельвиг. Не убивай меня! Я тебе ее покажу... Она — Карамзина...

Александр оставляет Дельвига.

Александр. Я думал, правда, явилось что-нибудь никому не известное.

Чаадаев. Да, в Царское прибыл Николай Михайлович Карамзин, с женой и семейством...

Александр. Она, должно, старуха?

Дельвиг. Так вот, господа... Аракчеев умер!

Общее движение и восклицания.

Дельвиг. Нет, он не умер, а он...

Шум и смех. Кюхельбекер близок к обмороку; Чаадаев его поддерживает и дает ему вина.

Дельвиг. Он умрет еще, надейтесь, господа!

Кюхельбекер. Ты, Антон... У меня сердце могло разорваться от радости, я был способен умереть.

Дельвиг. А теперь, Вильгельм, а теперь?

Кюхельбекер (грустно). Теперь у меня опять целое сердце.

Пушин. Друзья, чтобы наш Вильгельм не умер от радости, следует беречь Аракчеева!

Дельвиг. Обождите! Аракчеев не умер, а он...

Александр. А он?

Пушин. А он?

Кюхельбекер. А он жив!

Дельвиг. Не вполне! Его изувечила собственная кухарка!

Александр. Прелестная кухарка!

Дельвиг. А государь об этом узнал и поглядел на Аракчеева косо — вот так! (Показывает косо́й взгляд). Аракчеев слег и объявил себя при смерти, и у него еще началась изжога!

Пушин. Да здравствует изжога!

Кюхельбекер. Изжога в желудке тирана!

Александр. И кухаркина тяжкая длань!

Чаадаев. Выпьем, друзья, за могучих кухарок, в руках которых больше разума, нежели в головах иных философов!

Смех, общее оживление.

Александр. Это правда, это правда! (Указывает на Чаадаева, упираясь в него пальцем).

Чаадаев грустно улыбается.

Дельви́г. А еще говорят...

Пу́щин. Кто говорит? Один Дельви́г Антон!

Дельви́г. Э-э... говорят еще, в Неву кит приплыл, его ищет полиция, чтобы арестовать и выяснить его личность...

Кюхельбекер. Полиция кита не увидит!

Пу́щин. Никогда! Во веки веков!

Александр. Она съест его!

Дельви́г. На нем уже, говорят, катаются верхом ребятишки, и солдаты кормят его сухими щами!

Приходят Василий Львович Пушкин и с ним гвардейский офицер Захарий Петров. Приветствия и восклицания. Оживление увеличивается.

Александр (к Василию Львовичу). Дядя, правда, кит в Неве?

Василий Львович. Конечно, натурально! К нам всякая пакость плывет, бежит и едет. Порядочное к нам не прибывает, а киты, акулы, змеи, ехидны — сколько угодно, сколько угодно!

Александр. А ты видел кита?

Василий Львович. Зачем мне глядеть на всякое чудовище, на всякую гадость! Я избегаю сего зрелища! (К Чаадаеву). Петр Яковлевич, Петр Яковлевич, а стол у тебя того — убог, батюшка, убог... Где же яства?

Чаадаев. Здесь юность, она же есть лучшее яство для души...

Василий Львович. Для души! Ах так, — верно и справедливо... А ведь у каждой души, ниже ее, живот есть! Вот, батюшка, — я поэт, а рассудком здрав!

Александр (к Петрову). Захарий! Иди сюда, Захарий... Ешь сыр со мной. Где ты был, Захарий, я соскучился...

Захарий. Служил, Саша, — царю служил...

Александр. И что получилось?

Захарий. Да ни черта!.. А ты кому служил — Музам? Ну как они?

Александр. Они, Захарий, старушки!

Дельви́г. А еще, господа, говорят, что это...

Пу́щин. Подожди, Антон!

Дельви́г. Мне некогда... Говорят, звезда на землю летит — и нам всем гроб!

Кюхельбекер. Если не встрянет человеческий разум, нас поглотят роковые силы, — так полагали и Жан-Жак Руссо, и сам Бернарден де-сен-Пьер!

Василий Львович. Бернарден де-сен-Пьер? Ого! Серьезно!..

Пу́щин. Прекрасно! Звезда — молодец: сколь негодяев погубит!

Кюхельбекер. Однако ж и тебя, Жан, и меня!

Пу́щин. Да, тебя мне жаль, это напрасно...

Александр. А самого себя, Жан, а самого себя?

Пу́щин. самого себя не жаль, Саша... Придется, пожалуй, жить с честью, и тогда все равно погибнешь. Ты знаешь!

Александр. А так не надо! Пусть гибнут одни негодные... Не грусти, Жан!

Василий Львович. Я поспешаю, я поспешаю!

Чаадаев. Куда, куда, Василий Львович?

Василий Львович. На месте, на месте... Я сочинил поэму о деяниях Петра... Я хочу вас ознакомить, господа, с новым своим сочинением, ведь здесь присутствуют поэты, мои земляки с Парнаса...

Кюхельбекер. И я читаю! И у меня есть поэма в кармане — и также о Петре.

Александр. Друзья, нам гроб!

Василий Львович. Ты что?

Александр. Нам гроб, — звезда падучая, лети на нас скорее!

Смех. Дельвиг открывает крышку фортепьяно, бренчит на клавишах.

Василий Львович (несколько обиженный). Вы монстры и курьезы!

Чаадаев (к Василию Львовичу). Извините их... Юность свободна, с ней трудно нам, старикам.

Василий Львович. Сыграйте марш «На взятие Парижа».

Чаадаев. Не стоит... А вот — песню пастушка. (Играет старинную песнь пастушка, простую тихую мелодию).

Александр. Захарий! Ты воин: когда же ты завоюешь нам вольность?

Захарий. Да когда хочешь, Саша, — хоть сейчас!

Александр. Ты шутишь со мной?

Захарий. Я люблю тебя, Саша...

Александр. Правду говоришь?

Захарий. Правду!

Александр. А почему вольности все нету и нету?

Захарий. За дело никто не брался. Надо было взяться как следует, взяться круто, по-солдатски, — и дело выйдет!

Александр. И один ты можешь взяться за дело?

Захарий. Могу! А другие после явятся.

Александр. Возьмись, Захарий!

Захарий. А зачем, Сашенька, зачем? Царем придется стать, а я не хочу!

Александр. Почему? Побудь царем, Захарий!

Захарий. Лишнее, лишнее, Саша! Я не хочу быть царем, я с вами хочу быть — запросто, весело, счастливо... Здесь и есть отрада жизни, а другой нету. Она в дружбе, Сашенька! А станешь царем — друзей не будет!

Александр обнимает Захария.

Захарий. А вольность я тебе добуду. Только ты не суйся — боже избавь! Для этого дела нужен наш браг!

Александр. А я и без тебя могу ее добыть!

Захарий. Ишь ты! Ах, милый мой... Я знаю, ты все можешь!

Чаадаев с песни пастушка перешел на застольную песню, играет ее. Все собираются вокруг стола, берутся за руки в счастливом дружелюбии.

Дельвиг (поет; все движутся вокруг стола).

Друзья, досужный час настал;
Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино златое!..
Под стол холодных мудрецов,

Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем...

Все подпевают Дельвигу.

Дельвиг (протягивая руки к Александру).

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном...
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? — это не беда:
Для пьяных все ведь ладно...

Все тесно окружают Александра. Александр берет Кюхельбекера за руки.

Александр.

Писатель, за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Кюхельбекер и все другие друзья охватывают Пушкина и разом обнимают его. В это время — несколько ранее — мимо окна, снаружи, проходит Фома; он даже приостанавливается у окна и глядит, что делается внутри комнаты. Фому никто из комнаты не видит, кроме Пущина, который мгновенно глядит на него в окно. Раздается грубый стук в дверь. Все замирают.

Пущин. Фома идет!

Александр первым вырывается из рук друзей, бросается под стол и прячется там, занавешенный скатертью. Все его друзья, даже Василий Львович, поступают вслед Александру таким же образом, попрятавшись где кто сумел. Остается один Чаадаев за фортепьяно.

Чаадаев. Прошу вас!

Входит Фома.

Фома. Здравия желаю! Дозвольте сказать...

Чаадаев. Говори, друг!

Фома. Егор Антоныч велели сказать: экзамен завтра, господа!

Голос Кюхельбекера. Что?

Фома. А слухай: экзамен завтра, господа!

Чаадаев. Хорошо. Ступай!

Фома топчется на месте и кряхтит. Чаадаев встает, наливает ему стакан вина и подносит. Фома выпивает, крякает, берет крошку с края стола, бросает ее в рот.

Фома. Покорно благодарю!

Фома опять топчется и кряхтит.

Чаадаев. Ступай, ступай! Нету вина! (Фома вздыхает и уходит).

Первым вылезает Дельвиг. Он протягивает руку под стол и тащит оттуда Александра.

Дельвиг. От смертных восхитит бессмертного Аполлон на Олимп торжествующий!

Все спрятавшиеся выбираются наружу.

Александр. Я думал... я забыл, что думал.

Все смеются.

Робкое, осторожное постукивание в дверь. Все настораживаются. Чаадаев отворяет дверь. За дверью стоит Екатерина Андреевна Карамзина, прелестная зрелая красавица. Александр глядит на нее, замерши на месте.

Екатерина Карамзина. Простите, я, кажется, ошиблась...

Чаадаев (слегка теряясь). Прошу вас, прошу вас, сударыня... Чем могу служить?

Екатерина (входя). Я вам помешала...

Чаадаев (смущенно). О нет, сударыня мы вам помешали! А вы отнюдь! Прошу вас...

Екатерина (с интересом наблюдая вытянувшихся перед нею офицеров — Чаадаева и Петрова, замерших, пораженных лицеистов и лишь одного равнодушного — Василия Львовича). Я хотела спросить... меня направили сюда...

Василий Львович. Здравствуйте, матушка моя, Катерина Андреевна!

Екатерина. Ах, это вы здесь! Как я рада, как я рада, Василий Львович, — здравствуйте, здравствуйте, наш милый поэт!

Василий Львович. Готов служить вам, Катерина Андреевна! Готов служить, а чем, не знаю!

Екатерина. А мне нужно найти комендантского адъютанта, — если не запомнила, штабс-капитана Петрова. Нам отвели на жительство китайские домики, я бы хотела их осмотреть...

Василий Львович (на Захария Петрова). Да вот он, балбес!

Петров. Штабс-капитан Петров к вашим услугам, сударыня!

Екатерина. Помогите мне... (Делает общий поклон, Петров берет ее об руку, Василий Львович берет ее под другую руку, все трое уходят).

Краткая пауза.

Кюхельбекер. Что же это такое?

Пушкин. А мы с тобой уже видели ее!

Кюхельбекер. Видели! Значит, я тогда не успел наглядеться на нее.

Пушкин. А теперь нагляделся?

Кюхельбекер. Нет еще. Завтра пойду, где китайские домики, и погляжу снова. Это вдохновение!

Дельвиг. Саша, это она. Теперь ты знаешь ее имя.

Пушкин молчит.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зала в Лицее, где идет публичный экзамен. Экзаменационный длинный стол под бархатом; за столом сидят директор Лицея Е. А. Энгельгардт, преподаватели Лицея, приглашенные лица — генерал, высшие чиновники, в центре ветхий Г. Р. Державин. В публике сидят сановники, родители и родственники лицеистов, гости. Среди публики мы видим и знакомые лица: сестру Александра — Ольгу Сергеевну, Василия Львовича, Екатерину Андреевну Карамзину, Петрова, Чаадаева, датского посла, даму с усами.

В стороне расположена широкая лестница, ведущая на второй этаж. На лестнице тесно стоят барские люди и сосредоточенно следят за экзаменом; среди них находится Арина Родионовна, рядом с нею Маша и Даша, здесь же и музыкант, игравший на скрипке в людской Ольги Сергеевны; Фома также здесь, но он на более привилегированном месте — в самом низу лестницы и сторожит порядок. Все эти люди соответственно случаю принарядились во что могли.

Идет экзамен. У стола стоит Кюхельбекер. Он только что промолвил последний свой стих:

Ревет и плещет и шумит могучий океан, —
Всего лишь сила он, а нам судьбою гений дан!

Энгельгардт (к Державину). Гаврила Романович, ваше суждение в сем предмете непререкаемо.

Державин смотрит дремлющими глазами, молчит.

Энгельгардт. Размер стихов соблюден правильный, и каждый стих отягощен мыслию... Однако же судить о всех тайнствах поэзии я, Гаврила Романович, не смею... (К другим членам экзаменационной комиссии). Имеете суждение, господа?

1-й преподаватель. В присутствии их превосходительства Гаврилы Романовича Державина наше суждение недостаточно, Егор Антонович.

2-й преподаватель. Есть погрешности противу точности рифм, но сии погрешности терпимы.

Энгельгардт (к генералу). Ваше превосходительство, вы имеете мнение?

Генерал. Гм... Имею! В сочинении этого... его. (К Кюхельбекеру). Как вас зовут?

Кюхельбекер. Кюхельбекер Вильгельм Карлович!

Генерал. Отчества не надо — вам рано носить отчество! В сочинении Кюхельбекера Вильгельма я не чувствую — как бы сказать... я не чувствую чувства! Вот именно: не чувствую чувства!

Кюхельбекер. Вы не поняли моего сочинения!

Генерал. Как-с? Что вы изволили сказать?

Кюхельбекер. Я сказал — вы не поняли поэзии.

Генерал. Гм... Дерзновенно!

Энгельгардт. Кюхельбекер, суждение принадлежит нам, а не вам... (К Державину). Гаврила Романович, мы осмелимся вас просить...

Державин. Еще! Еще!

Энгельгардт (к Кюхельбекеру). Еще прочтите!

Кюхельбекер. Что прочитать?

Энгельгардт. Читайте, что считаете достойным.

Кюхельбекер. Я не буду более читать. Для понимающих я прочитал достаточно.

Энгельгардт. Что такое? Вы где находитесь, Кюхельбекер?

Державин. Не затрудняйте его, не обижайте поэта.

Энгельгардт. Гаврила Романович? Мы вас утомили?

Державин. Нету, нету... Я слышу, я все слышу! Ах, юность, юность, — нельзя на нее наглядеться!

Энгельгардт. Нельзя, Гаврила Романович, нельзя, это истинно. Я сам постоянно наслаждаюсь наблюдением ее... (К другим). Не будет ли высказано ваше мнение, господа?

2-й преподаватель. В стихах господина Кюхельбекера я не чувствую достаточного одушевления.

Генерал. Согласен, согласен... И какова в них прямая польза отечеству?

Державин (оживляясь). Ах, господа! Не разлучайте юность с поэзией, пусть они вместе будут, вот вам и польза!

1-й преподаватель (к Державину). Они и неразлучны, ваше превосходительство, они неразлучны! В стихах Кюхельбекера Вильгельма есть достойная прелесть!

Генерал. Нету ее! Гм... Нету, говорю я, ни пользы, ни прелести. Ничего-с!

Кюхельбекер. Есть в них и польза, и прелесть!

Генерал. Нету, любезный!

Кюхельбекер. Есть!

Генерал. Нету, я говорю! (Забываясь). Не смей! Гм!..

Державин. А что есть польза, генерал?

Генерал. Польза, ваше превосходительство, это есть существенность!

Державин. Существенность... Из существенности можно точать сапоги, из поэзии сапогов не шьют, — следственно, польза поэзии сверхсущественна и потому весьма обильна...

Генерал. В сочинении сего Кюхельбекера я не чувствую благодарности создателю со стороны низшей твари!

Державин (генералу). Вы кто, а? Вы кто, я спрашиваю! Не слышу, ничего не слышу!..

Генерал (слегка привстав). Генерал от кавалерии службы его величества Геннадий Петрович Савостьянов.

Державин. Вот вы кто, вот вы кто! Так-так-так! Не знаю вас, не помню, не помню... А я поэт — вы слышите?

Генерал. Так точно!

Державин (на Кюхельбекера). И он поэт, и он поэт! Мы оба с ним поэты — вот мы кто! А вас не помню, — забыл, совсем забыл! И упомнить нельзя, нельзя упомнить: много генералов... Михаилу Илларионовича помню! Но Михаила Илларионович не слушал стихов, а слушая, молчал-с: говорил, не понимаю, ничего не понимаю. И молчал-с!

Генерал. Гм... Так точно!

Державин. Что? А Бонапарта победил, — истребил и победил! А стихи были после, только Михаила Илларионович не читал их, однако, — я его спрашивал, — и моих стихов не читал! Добрейший человек был, воин божьего милостью! И все понимал, все разумел, да не сказывал, и стихи понимал...

Кюхельбекер. Это правда, Гаврила Романович!

Энгельгардт. Гаврила Романович, у вас будут еще вопросы к Кюхельбекеру Вильгельму?

Державин. Нету, нету, какие вопросы? У меня и не было вопросов! Не надо, ничего такого не надо, не утомляйте детей!

Энгельгардт. Кюхельбекер, вы свободны.

Кюхельбекер выходит из зала через боковую дверь.

Энгельгардт (листая классный журнал). Что же... теперь что же... Теперь далее мы пригласим Дельвига Антона... Дельвиг, пожалуйста сюда! Пригласите Дельвига!

Фома или другой служитель Лицея приглашает через боковую дверь, в которую только что ушел Кюхельбекер, Дельвига.

2-й преподаватель. Разве ныне не будем придерживаться порядка алфавита, Егор Антоныч!

Энгельгардт. Нет! (Тихо). Гаврила Романович может утомиться, поэтому спервоначала будем вызывать наших поэтов.

Перед столом является Дельвиг.

Энгельгардт. Дельвиг Антон... Вот Дельвиг Антон, господа, — прошу задать ему ваши вопросы в предмете российской словесности.

Генерал. Дельвиг, Антон! Ага! Отлично: пусть он будет.

1-й преподаватель. Может быть, из прозы Карамзина что-либо... Дельвиг, вы знаете прозу Карамзина?

Дельвиг. Знаю всю!

Державин. Ах, проза! Не надо прозы! Пусть стихи — короче, явственней...

1-й преподаватель. Вот именно: стихи, короче и явственней.

Энгельгардт. Было бы приятно, если бы Дельвиг прочел нам свои собственные стихотворные сочинения.

Державин (оживленно). Читайте, читайте нам, друг мой, свои стихи... И я тоже, и я читал свои стихи когда-то...

1-й преподаватель. Давно, ваше превосходительство?

Державин. Давно, любезный, давно... В минувшем столетии. Как это было? — ...река времен в своем теченьи...

Генерал. ...уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей...

Дельвиг (нечаянно). И царей!

Державин. Это вы, генерал? Похвально, похвально! (К Дельвику). Читайте, друг, свои стихи.

Дельвиг. Свои стихи я читать не могу, я не буду их читать!

Державин. Отчего же, дружок, отчего, любезный, — утешьте нас!

Дельвиг. Я не могу... Я плохой поэт!

Державин. Как вы сказали? Я ослышался!

Дельвиг. Я плохой поэт...

Державин. Какое правдивое сердце! Такое сердце равно таланту... Ан нет, возвышенней, пожалуй! Как вы полагаете, дорогой генерал?

Генерал. Возвышенней, возвышенней!.. Талант, что — талант? У меня в гарнизоне был солдат: полпуда хлеба и полведра щей с говядиной в сутки съедал! Талант был, ваше превосходительство!..

1-й преподаватель (Дельвику). Читайте, что знаете твердо.

Дельвиг. Я все знаю твердо! (Произносит стихи).

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?..

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Державин (слушавший с большим вниманием, под конец чтения от волнения вытер платком глаза). Прекрасно, вдохновенно!.. Что это? Чьи стихи? (К Дельвигу). Поздравляю вас, друг мой, поздравляю!

Краткое затруднительное молчание.

Дельвиг. Это не мои стихи! Это ваши стихи!

Державин. Как? Что он сказал?

Энгельгардт. Это ваши стихи, Гаврила Романович, ваше произведение!

Державин. Мои стихи?

Энгельгардт. Ваши, ваши, Гаврила Романович. Вы их сочинили.

Державин. В давности, в давности, должно быть. Забыл уже, забыл свои стихи... Старость, господа, старость пришла ко мне. А сердце, однако, горит, как в юности горит! Ах, боже мой, боже мой! (Впадает в сонную задумчивость).

Генерал. Превосходные стихи!

1-й преподаватель. Дивная поэзия!

2-й преподаватель. Божественный глагол, воистину божественный.

Энгельгардт (тихо). Есть, господа, вопросы?

Генерал. К чему вопросы?

Энгельгардт. Идите, Дельвиг. (Дельвиг уходит). Пригласите Пушкина Александра!

Является Александр. Арина Родионовна издали крестит его маленьким движением руки. Чаадаев, Петров, Ольга Сергеевна, Василий Львович следят за Александром с тревожным напряжением. Александр у стола.

Энгельгардт. Господа... Пушкин Александр Сергеевич!

Генерал. Они у вас с отчеством! Не рано ли?

Энгельгардт. Иные, ваше превосходительство, рождаются с отчеством, а иные умирают с прозвищем.

Генерал. Бывает, бывает...

Энгельгардт (Державину). Пушкин, Гаврила Романович.

Державин (очнувшись). Ах, Пушкин! Здравствуй, друг мой, здравствуй, Пушкин!

Пушкин молча кланяется Державину глубоким поклоном. Затем окидывает взором весь зал.

Энгельгардт. Читайте, Пушкин!

Александр. Что я должен читать?

Энгельгардт. Свои стихи читайте.

Державин. Свои, свои... Моих не надо, более не надо... Новые стихи читайте!

Александр. Новые? У меня есть новые...

Державин. Вот их, вот их читайте... Какие же новые, Пушкин?

Александр. Я начал писать стихи о вольности, я написал оду.

Генерал. Я люблю оды!

Александр. А есть у меня другие стихи...

Державин. Вот-вот, читайте их, читайте их, друг мой!

В это время в зале среди публики происходит движение: с побледневшим, изменившимся лицом встает с места Чаадаев, за ним встает Захарий Петров; Ольга Сергеевна и Василий Львович в тревоге шепчутся друг с другом.

Чаадаев (с места). Оды нету, она не окончена! Просим читать «Воспоминания».

Александр (смущенно). Ода не окончена...

Энгельгардт (в зал). Господа, мы сами рассудим, мы сами справимся со своими обязанностями.

Петров (с места). Не справитесь! С ним вы не справитесь!

Александр. «Воспоминания в Царском Селе».

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почил дол и роши.
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

По мере чтения вдохновение Пушкина увеличивается, глаза его блистают; вслед за ним, как связанная с ним душа, Державин все более возбуждается, лицо его преображается и приобретает черты юности, встав с места, он всматривается в Пушкина и проникновенно слушает его.

Чаадаев и Петров слушают Пушкина стоя. Кроме них, встали с мест и слушают стоя еще три офицера.

...Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополем сплелась молодая ива
И отразилась в кристалле зыбких вод;
Царицей средь полей лилея горделиво
В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются няюды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Увы! промчались те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет...

Александр останавливается, он обводит взором зал, не видя никого.

Державин (в восторге). Еще, еще! Далее...
Фома. Это у нас такие учатся, — больше нигде. Орлы!
Александр.

Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;

Здесь, по признанию А. С. Пушкина, голос его «отрочески зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом».

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

Державин выпрямляется и протягивает руки к Пушкину.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел...

В зале движение публики; большинство присутствующих встает, ими овладело общее чувство, и люди хотят лучше видеть Пушкина.

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены...
 О вы, которых трепетали
 Европы сильны племена,
О галлы хищные! И вы в могилы пали. —
О страх! о грозны времена!..
 В Париже росс! Где факел мщенья?
 Поникни, Галлия, главой!..

Александр делает движение к Державину.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй!
В кругу друзей твоих, с душой воспламенной,
Взгреми на арфе золотой!
Да снова стройный глас герою в честь прольется,
И струны трепетны посыпят огонь в сердца,

И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Державин последние части стихотворения слушает стоя, и слезы текут по его старому, одухотворенному восторгом лицу. При последних словах Державин с живостью молодой силы бросается к Пушкину, но Александр, сам потрясенный, убегает из зала. При этом он бежит не в ту дверь, через которую вошел, а мчится по лестнице мимо дворовых людей, где стоит и его няня. Он замечает Арину Родионовну и обнимает ее; затем он видит Машу и Дашу — и целует их. Простые, восхищенные люди почтительно расступаются перед ним. Музыкант из дома Ольги Сергеевны быстро и низко кланяется Пушкину, отчего с головы его сваливается парик. Александр мгновенно поднимает парик, нахлобучивает его обратно на голову музыканта и исчезает.

Одновременно за экзаменационным столом происходит следующее: Державин, не успевши приблизиться к Пушкину, чтобы обнять его, возвращается на свое место.

Державин. Где же он? Где он есть? Ах, резвый, резвый мой! (Утирает лицо большим платком).

Генерал. Да он там вот, ваше превосходительство! (Указывает в сторону, где сейчас находится Александр, среди дворовых людей). Он там! Эх, бойкий какой!

Державин (всматриваясь туда). Я не вижу! Сыщите, сыщите мне его!

Фома. Да разве сыщешь его! Поди сыщи!

Энгельгардт (сияющий от радости за своего питомца). Мы найдем его, Гаврила Романович!

Державин. Обязательно сыщите... Я поцелую его!

Энгельгардт. Я сейчас же прикажу сыскать его!

Державин. Нельзя, нельзя — не беспокойте его: он дитя. Я еще приеду к вам.

Энгельгардт. Просим вас, просим вас, Гаврила Романович!

Державин. Приеду, приеду... Я без него теперь не могу, не могу...

Генерал. Это все стихи! Стихов в Лицее, я слышу, много, их каждый сочиняет. Однако отечеству нашему нужна также и проза, поскольку проза для разума более питательна! Из того, я полагаю, не следует ли образовать сего Пушкина в прозу, тогда бы и пользы ожидать от него можно много больше.

Державин (резко). Оставьте его! Пусть будет поэтом!

Энгельгардт. Не прикажете ли, Гаврила Романович, сделать полуденный отдых? У нас приготовлен и завтрак. Осчастливьте нас, Гаврила Романович.

Державин. Благодарствую, благодарствую... Ничего не надо. Скучно стало без Пушкина. Я пойду. (Подымается, берет свою палку, медленно, старчески осторожно идет. Все встают — и публика в зале, и члены экзаменационной комиссии).

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

1-я картина

Гостиная в доме Ольги Сергеевны в Петербурге, скромно убранная комната; стоит небольшой застекленный книжный шкаф.

Весна 1820 года, май месяц.

По комнате ходит Ольга Сергеевна; она печальна и от печали невнимательна и небрежна: если столкнет нечаянно книгу или другой предмет со столика, то не поднимает его, не замечая происшедшего. На диване сидит Василий Львович, внимательно рассматривающий большую книгу.

Василий Львович (смотря в книгу). Эх его как! Эх его как! Хе-хе-хе, премудро, премудро! (К Ольге Сергеевне). Это я не к тебе, это я сюда! (В книгу). Забавно, забавно!

Ольга Сергеевна. Дядя, отчего вы бесчувственны! Ведь Сашу, нашего Сашу, Александра Пушкина, усылают безвестно куда, а он ведь еще мальчик, он еще не вырос, он маленький...

Василий Львович. Маленький-то он маленький... А черт, говорят, тоже маленького роста.

Ольга Сергеевна. Дядя, поезжайте вы домой!

Василий Львович. Прости, прости, — это я сказал неуместно, неуместно... (В книгу). Эх его! Так-так-так!.. (Захлопывает книгу). Как глупо и как прелестно!..

Ольга Сергеевна. Дядя, вас ждут дома!

Василий Львович. А пусть, а пусть, — пусть ждут... Говорил я ему — не послушался!

Ольга Сергеевна. Все ему говорили — не вы один!

Василий Львович. Я как дядя ему говорил и как старший поэт! Остерегись, я говорил, Саша, остерегись, друг мой... А он не чувствует! И вот — в ссыльные арестанты попал... Он молод, он мал еще, чертенок, а уж Россия без него не может остаться...

Ольга Сергеевна. Это мы так думаем, а они думают вовсе не так.

Василий Львович. Кто думает не так?

Ольга Сергеевна. А те, кто возле государя.

Василий Львович. А кто возле государя? К государю сам Николай Михайлович Карамзин пошел, государь не оставит его просьбы о Пушкине.

Ольга Сергеевна. Не знаю... Не знаю, что говорил Карамзин с государем. Карамзин бережет свою семью, свое значение для государства... Если бы жена его, если бы Катерина Андреевна попросила милости у государя...

Василий Львович. Прекрасная, волшебная женщина, — и с чудным разумом!

Ольга Сергеевна. Саша ее любит больше меня. Он называет ее своею старшей сестрой. Я заметила, у него слезы бывают на глазах, когда он глядит на нее.

Василий Львович. Она достойна поклонения...

Ольга Сергеевна. И у нее отважный характер... Если бы она обратилась к государю, она бы думала только о Саше и спасла его. Но это невозможно, поздно уже, и нельзя женщине в ее положении...

Василий Львович. А государь, слышно, сильно рассердился на Сашку.

Ольга Сергеевна. А она бы могла... Она любит Сашу как сына и скрывает свою нежность к нему.

В комнату быстро отворяется дверь, из-за двери показывается лицо Даши, она окидывает взглядом присутствующих и сейчас же скрывается.

Ольга Сергеевна. Боже мой, хоть бы Катерина Андреевна скорее приехала. Она еще вчера обещала заехать и рассказать, что ответил государь ее мужу. Ведь это она упростила мужа идти к государю и молить за нашего бедного Сашу.

Василий Львович. Она ангел!

Ольга Сергеевна. Она старшая сестра, она лучше меня... И правда, она старшая, она делает Саше больше добра, чем я... Может быть, она спасет Сашу!

Василий Львович. Спасет! Она спасет! И Сашка это чувствует; он весел и спокоен. А мы плачем о нем! Эх, пороть бы, пороть бы его непрестанно надо было, да уж опоздали теперь, уведут его от нас в арестанты... Срам, срам, — всему роду Пушкиных срам от него!

Ольга Сергеевна. Не всему роду! Я тоже Пушкина — и срама от брата не чувствую!

Василий Львович. А что ты чувствуешь, — честь?

Ольга Сергеевна. Уходите вон, дядя!

Василий Львович. Нет, ты рассуди сама — кого он только не обидел, этот наш обезьяний царь! Аракчеева оскорбил, преосвященного Фотия то же самое, князя Голицына сюда же давай и даже любезнейшего Николая Михайловича Карамзина воздел на перо... А меня, а меня! И меня тоже хлопнул эпиграммой, невежа этакий! И еще скольких! А теперь

что? Из чего мы теперь все мучаемся? Зачем объявил он эту проклятую оду «Вольность»? И тут же, вдобавок, стихи к этому Чаадаеву и еще всякое прочее!..

Ольга Сергеевна. Перестаньте, дядя! Вас он обидел! Он государя не побоялся обидеть...

Василий Львович. Да, да — я и забыл, я и забыл... Не послушался он меня! Я говорил ему: уведет тебя твоя «Вольность» к неволе, — и увела!

Ольга Сергеевна. Ах, что говорить теперь напрасно!

Василий Львович. А пусть его помучается, умнее станет!

Ольга Сергеевна. А отчего же вы, дяденька Василий Львович, не помучили себя в молодости? Вы жили всегда себе в удовольствие!

Василий Львович. А зачем? Зачем мне мучиться надо было, сударыня моя? Чтобы поумнеть? Так я глупцом никогда не был!

Ольга Сергеевна. Василий Львович! Я хочу остаться одна!

Василий Львович. Да, пожалуйста, пожалуйста... Мы, Пушкины, все своенравны! До свидания, голубушка... Я пройду, я дойду до кондитерской и вскорости же наведаюсь к тебе обратно.

Василий Львович уходит. Ольга Сергеевна одна. Она прижимает платок глазам и беззвучно плачет. Из-за окна доносятся слова и звуки уличной жизни Петербурга того времени: кричат продавцы сбитня и бубликов, мягко стучат копыта извозчичьих лошадей по древесной торцовой мостовой, проходящая солдатская рота поет походную песню суворовских времен.

В наступившей затем краткой тишине слышится голос Арины Родионовны — из людской или со двора: «Даша, глянь-ко в горницы: не явились еще Александр-то Сергеевич?» Голос Даши в ответ: «Нетути, нетути, я уж глядела». Арина Родионовна: «А ты еще погляди!» Даша: «Не надобно! У ворот Филька-дворник стоит, он мне свистнет, когда Александр Сергеич-то явится, а я тебе скажу, матушка Арина Родионовна!» Арина Родионовна: «Ну, ин, так, что ли!»

Ольга Сергеевна невольно прислушивается к этим голосам. Слышатся тихие медленные шаги. Стук в дверь. Является Екатерина Андреевна Карамзина. Ольга Сергеевна идет к ней навстречу и обнимает ее. Обе женщины стоят одно мгновение, прижавшись друг к другу.

Ольга Сергеевна. Что сказал государь? Что будет с Сашенькой?

Екатерина Андреевна. Все будет хорошо... Успокойтесь, успокойтесь, милая, бедная моя... (Но сама она не в силах сдержать слез и, стыдясь их, продолжает быстро говорить). Успокойтесь, успокойтесь, не надо, не надо...

Ольга Сергеевна вновь обнимает ее.

Ольга Сергеевна. Говорите мне скорее, говорите все!

Екатерина Андреевна. Его ушлют на юг, где живут колонисты...

Ольга Сергеевна. Где колонисты? А где они живут?

Екатерина Андреевна. Не знаю, милая...

Ольга Сергеевна. И я не знаю...

Екатерина Андреевна. Я спрошу у мужа.

Ольга Сергеевна. Навсегда его, навечно ушлют?

Екатерина Андреевна. Нет, нет, не навсегда... Там генерал Инзов живет, говорят, он добрый человек. Он будет там недолго, он вернется сюда.

Ольга Сергеевна. Откуда вы знаете? Это государь так сказал?

Екатерина Андреевна. Нет... Я сама так думаю...

Ольга Сергеевна. А где юг, где эти колонисты? Боже мой, как грустно, как это ненужно...

Ольга Сергеевна открывает книжный шкаф, вынимает оттуда альбом с картами и картинками. Склонившись вместе над альбомом, Ольга Сергеевна и Екатерина Андреевна листают альбом, рассматривают картинки.

Ольга Сергеевна. Вот Таврида — это Крым...
Екатерина Андреевна. Это Крым! Он будет там жить.
Ольга Сергеевна. Там тоже колонисты?
Екатерина Андреевна. Там тоже... Видите, как там красиво и пустынно...
Ольга Сергеевна. Там грустно...
Екатерина Андреевна. И здесь грустно!

Движимые одним чувством, они обнимают друг друга в общей печали. Снаружи раздается свист Фильки-дворника.

Ольга Сергеевна. А когда ему ехать нужно?
Екатерина Андреевна. Немедля, милая, — государь приказал, чтоб ехать ему немедленно...
Ольга Сергеевна (в испуге). Так, может, он уехал уже?
Екатерина Андреевна. Не простившись? Нет, он добр и чувствителен...
Ольга Сергеевна. Я пойду искать его!

Отворяется дверь, входит Александр, одетый в дорожную одежду. Александр, против прежнего, возмужавший юноша.

Александр (весело). Еду!

Две женщины в изумлении глядят на него.

Александр. Здравствуйте! Сестрица моя! (Целуется с Ольгой Сергеевной). Здравствуйте, Катерина Андреевна.

Ольга Сергеевна. Куда, куда ты едешь, Сашенька? (Плачет).

Александр. Сам не знаю: далеко, далеко...

Ольга Сергеевна. И жил ты как сирота, и в арстанты едешь один...

Александр. Я не сирота. У меня сестры есть! (Глядит на Екатерину Андреевну сияющим взглядом. Екатерина Андреевна берет руку Александра в свои руки и гладит ее).

Екатерина Андреевна. А у нас брат есть... младший и самый любимый...

Александр. Мне пора!

Ольга Сергеевна. Куда ты спешишь? Подожди еще, побудь с нами...

Александр. Пора! До вечера я далеко-далеко уеду отсюда, и не знаю, где буду ночевать...

Ольга Сергеевна. А куда ты едешь, где тебе назначено жить?

Александр. Далеко, сестрица... Я тебе напишу. Я увижу всю Русь, я увижу теплый край, полуденную землю!..

Ольга Сергеевна. Успел бы еще увидеть их! Что тебе Русь?

Александр. Добрее Руси, говорят, земли нету, и всякой сироте она матушка.

Ольга Сергеевна. А ты будешь ехать по ней как невольник!

Александр (смеясь). Это мне полезней. Я лучше разгляжу ее, я побираться буду в деревнях: подайте, православные, узнику на пропитание...

Екатерина Андреевна. Это печально и страшно!

Ольга Сергеевна. Никуда не уходи! Я соберу тебе вещей в отъезд и на стол подать прикажу...

Александр. Не надо мне вещей!

Ольга Сергеевна. Так я же знаю, у тебя нету ничего...

Александр. Нету!.. А понадобится, мне люди подадут!

Ольга Сергеевна. Да что тебе — нищенствовать охота!

Александр. Охота! Нищий видит много добрых людей...
Ольга Сергеевна. Дитя ты еще! (Она уходит).

Краткое молчание.

Александр (смущенно). Я заезжал к вам. Я хотел поблагодарить вас...

Екатерина Андреевна. За что?

Александр. Вы хлопотали за меня, вы беспокоились... Не надо было, я не боюсь: и в арестантах люди живут.

Екатерина Андреевна. Я ничего не сделала, нам не удалось. Я хотела, чтоб дело было предано забвению и вы стали опять свободны. Но государь вас не простил.

Александр. Я бы на его месте тоже не простил.

Екатерина Андреевна. Кого бы не простили?

Александр. Пушкина не простил бы.

Екатерина Андреевна. А как бы вы поступили?

Александр (смеясь). Я бы его повесил, этого Пушкина! Ишь, какой!

Екатерина Андреевна. А я бы простила: Пушкин еще очень молод и уже несчастлив!

Александр. Молод? А усы с бородой отрастают, — вот они, — для каторги он созрел.

Екатерина Андреевна. Саша, Саша, младший мой брат... В народе говорят: для тюрьмы и смерти всякий годится.

Александр (задумчиво). Народ наш часто от горя говорит, а не от правды.

Екатерина Андреевна. Я хочу, чтобы вам не было грустно.

Александр. Глядите — мне теперь не грустно! (Напряженно улыбается; Екатерина Андреевна берет руки Александра, приближает его к себе; Александр в ответ припадает к ее руке, и она гладит его курчавые волосы).

Екатерина Андреевна. Мы будем помнить о вас. А вы не забудьте, не забудьте, кого вы здесь оставили, и берегите себя в чужих людях... Пожалейте тех, кто любит вас.

Александр. А вы могли бы быть мне матерью?

Екатерина Андреевна (чуть смутившись). Могла бы...

Александр. Как жаль!

Екатерина Андреевна. Не жалейте... Я буду вам, как самая старшая сестра.

Александр. И лучше, вы лучше сестры! Почему, когда я вместе с вами, мне более никого не нужно?

Екатерина Андреевна. Не знаю...

Александр. И я не знаю... Я боюсь, что отъеду одну версту, заплачу и вернусь назад.

Екатерина Андреевна. Боже избавь, Саша! Не возвращайтесь, вас тогда сильно накажут. Не надо! Вспомните, что и мы в тот час будем плакать по вас...

Александр. Не плачьте. Я стерплю слезы, я не вернусь...

Екатерина Андреевна. Не возвращайтесь... Привыкайте к терпению, к долгому ожиданию, к простой и трудной жизни.

Александр. А я привык уже!

Екатерина Андреевна. Нет еще, нет, еще не привык...

Александр. Поедемте со мной!

Екатерина Андреевна. Что вы, что вы говорите! У меня дети есть, как им без матери!

Александр. А как мне — без матери, без сестры, без всех?

Екатерина Андреевна. Вы знаете, я хотела вовсе избавить вас от разлуки, от страдания...

Александр. Я знаю! А от страдания избавиться нельзя...

Екатерина Андреевна. Я думала, можно. И вас мне так жалко, вы мне так дороги...

Александр. Поедемте! Возьмите с собою детей и мужа, и поедemте все со мной!

Екатерина Андреевна (улыбаясь). Куда же? С детьми ехать в ссылку!

Александр. И с детьми, и со мной!

Екатерина Андреевна. Нельзя... Этого я не могу.

Александр. А я думал, можно... Я бы уехал с сестрой, если б сестру мою усылали... Я сел бы с ней и в тюрьму.

Екатерина Андреевна. А я не могу. Я здесь дождусь своего меньшего брата... Время минует, и он скоро вернется домой.

Александр. А где мой дом будет, когда я вернусь?

Екатерина Андреевна. Ваш дом? Как — где ваш дом?

Александр. Да, где тогда будет мой дом?

Екатерина Андреевна. Ваш дом везде, где вас любят.

Александр. А где меня любят, в каком сердце?

Екатерина Андреевна. В моем... Так любить, как я вас люблю, вас никто любить не может, — как мать и сестра...

Александр. Вы любите еще и детей своих, и еще кого-нибудь.

Екатерина Андреевна. И детей своих люблю! А вам что — вам от них тесно в моем сердце?

Александр обиженно молчит.

Екатерина Андреевна (улыбаясь). Вы бы хотели там быть один?

Александр. Один...

Екатерина Андреевна. Ах вы...

Александр. А кто я?

Екатерина Андреевна. Вы маленький еще.

Александр. Я уже большой.

Екатерина Андреевна. Вы будете еще большим.

Александр. Когда? Когда, по-вашему?

Екатерина Андреевна. Когда я старая стану, когда я, может быть, уже умру.

Александр (в волнении). Не умирайте! Не умирайте никогда!

Екатерина Андреевна. Почему же? Я состарюсь и умру, как все.

Александр. Вам нельзя! Вы после меня умирайте, когда меня не будет.

Екатерина Андреевна. Нет, нет, вы после меня. Так должно быть!

Александр. Не должно так быть! Без вас пусто будет мое сердце...

Екатерина Андреевна. Вспоминайте меня там, где вы будете один...

Александр. Я не боюсь неволи, но без вас я там умру...

Екатерина Андреевна. Опомнитесь, Саша! Маленький мой брат... Что же нам делать?

Александр. Добрая моя сестра!

Екатерина Андреевна. А хотите...

Александр. Что?

Екатерина Андреевна. Я поеду с вами!

Дверь открывается, оттуда показывается лицо Даши, — увидев Александра, Даша ухмыляется и исчезает обратно.

Екатерина Андреевна. Дети мои выросли, муж не осудит, а я сберегу вас в чужом краю...

Александр (потрясенный, задумывается, лицо его меняется и делается словно старческим). Нельзя, Екатерина Андреевна... Живите дома, в семействе.

Екатерина Андреевна. Вы тоже мое семейство...

Александр. Нельзя, я говорю! Нельзя вам ехать! Зачем вместо одного сердца будут грустить и мучиться еще сердце матери и сердце ее детей... Я сам снесу свою участь, и так каждый должен.

Екатерина Андреевна. Бедный мой брат! Вы дороже мне всех, и дороже моих детей... Боже мой, что я говорю! Вы можете меня возненавидеть, — простите меня!

Александр. Спасибо вам, спасибо вам, сестра моя.

Екатерина Андреевна. Забудьте... Забудьте эти мои слова!

Александр. Никогда их не забуду! Прощайте... Мне пора!

Екатерина Андреевна. Не пора еще...

Александр. Пора!

Входят Ольга Сергеевна и Василий Львович — у последнего в руках упакованный в коробку и в бумагу пирог.

Василий Львович (к Екатерине Андреевне). Здравствуйте, душа моя! Рад вас видеть! Премного благодарны ото всех Пушкиных за ваши хлопоты, за ваши заботы о нашем младшем потомке...

Екатерина Андреевна. Пустое, Василий Львович, — ничего я не сделала, что сделать должна...

Ольга Сергеевна. Саша, покушать надо в дорогу. Пойдемте к столу!

Александр. А я не хочу есть!

Ольга Сергеевна. Не обижай меня!

Александр. Некогда, мне дальняя дорога...

Василий Львович. А вот, Саша, пирожок тебе в дорогу... Лучший сорт, — знаешь французскую кондитерскую Жана... С начинкой из печени разнообразных птиц!

Александр. А я люблю с капустой и с грибами...

Отворяется дверь, в дверях стоит смущенная наивная Маша, теперь она из подростка-отроковицы превратилась в красивую девушку. Она низко кланяется всем.

Маша. Батюшка, Александр Сергеевич! По тебе матушка наша Арина Родионовна скучает, аль ты забыл ее?

Александр. Здравствуй, Машенька! Ишь, красавица какая стала! Зачем она послала тебя? Она обидела меня! Разве я забуду ее, родимую!

Маша. Она не посылала, и ты ей не сказывай... Это я сама пришла — на тебя поглядеть. Уедешь ты — помру, не увижу...

Александр. Спасибо, Маша... Знать, и ты мне сестра! (Берет ее руку в свою).

2-я картина

Людская в доме Ольги Сергеевны, — та же, что и в 1-м действии. Но прошло время, и люди изменились. Арина Родионовна сильно постарела и согнулась, а Даша, как и Маша, из подростка расцвела в красивую девушку.

Стоит теплое время (май месяц). Дверь открыта настежь, наружу. За дверью видны крыльцо и дорога, уходящая в русскую провинциальную даль.

Арина Родионовна сидит одна на лавке и вяжет спицами теплую зимнюю варежку трясущимися руками. Теперь она уже носит очки, а прежде их не было. Слышно, как где-то в глубине двора ямщик готовит лошадей в дорогу и разговаривает по своим делам. Иногда позванивает дорожный колокольчик, уже подвешенный, вероятно, на пристяжную лошадь.

Голос ямщика. Стой смирно! Стой, говорю! Ногу дай! Ногу! А ты куда, ты куда, Абракадабра! Чухайся, чухайся тут! Филипп, Филипп! Филька! — кого я зову! Давай сюда молоток, и гвоздей не бери, что они тебе — казенные? В избу отчего их тащишь? И топор, он втупорже тут был! — а игде теперь? Волоки враз к месту назад! Эх, народ балованный какой на готовых харчах! С такого постоя без колес уедешь, и лошадей раскуют... Чего ты,

чего ты Зорьку кусаешь, — душегубка вредная этакая! Право что Абракадабра! И верно что Абракадабра! — вот ведь лошадь какая, да matka еще! Эх ты, супротивщица, сухое колесо! В корень бы тебя надо, да глупа ты, дурная губерния!

Арина Родионовна (откладывая готовую варежку и спицы). Управилась... Лето у нас скорое, лето пройдет, а там опять зима... Вот, гляди, и сгодятся ему варежки-то, хоть руки будут в тепле...

Со двора является Даша.

Даша. Тута!.. Он тута! Я сама его видела!
Арина Родионовна. Знаю уж! Слыхала, — мне Филька давеча сказывал.

На пороге появляется ямщик.

Ямщик. Игде вода у вас? Лошадей поить пора!
Даша. Тамо, в речке... А к нам из колодца водовозы возят!
Ямщик. Эх какая! Мое дело конное, я господ по службе вожу! Достань мне воды к экипажу!

Даша. Куда тебе воды?

Ямщик. К экипажу, говорю, где я нахожусь.

Даша. Сычас, сычас, батюшка, доставлю!

Ямщик. Доставь, дочка... Чья сама-то будешь?

Даша. Мы-то? Мы сироты были — ничьи...

Ямщик. Не в утехе, стало быть, росла, а выросла как раз в пользу...

Арина Родионовна (ямщику). Иди, батюшка, иди к своему делу, у нас своя забота есть.

Ямщик. Забота всем полагается... А Филька ваш мошенник!

Арина Родионовна. Знаем уж, давно знаем, — к чужим мошенник, а своим слуга.
Ступай, батюшка!

Ямщик. Слуга, говоришь, своим-то? Да то-то!.. А мешка у вас лишнего нету?

Арина Родионовна. Нету, нету... Ступай, тебя лошадь зовет, ишь звонит...

Ямщик. Лошадь умна, она обождет. Лошадь тварь... (Уходит).

Арина Родионовна (Даше). Глянь-ко, варежки какие я Александру Сергеевичу связала.
Теплы ли будут и впору ли придутся?

Даша (примеряя варежку на свою руку). Теплы, матушка, да и впору, — а не впору, так потянутся.

Арина Родионовна. А я все сумлеваюсь... Да ты не тяни их и рукою не марай — сними прочь!

Даша. А у меня руки чистые!

Арина Родионовна. С чего они чистые? Аль ты без дела сидишь?

Прибегает Маша.

Маша. Сейчас придут... Они меня своей ручкой тронули и назвали сестрой!

Даша. О! Аль правда?

Арина Родионовна. Добр мой Сашенька-то и милостив... А ты на людях-то молчи — мало ли что!

Маша (в испуге). А я вам только сказала! Бабушка, иль опять я дурочкой стала?

Арина Родионовна. Иль ты и вправду одурела? Его, слышно, сам царь боится, а тебя он сестрой назвал — какая же ты дурочка? Тебе нельзя!

Маша. Мне нельзя, я у Пушкина младшая сестра!

Арина Родионовна. А кто сестра ему — та умница.

Маша. И правда, бабушка!

Арина Родионовна. И-их! У тебя-то и прежде добра в сердце занять можно, кому нужно было. Беда, что разум твой неприметный, да Александр Сергеевич, вишь, заметил его и в родную к себе взял...

Маша. И тебя... Он тебя родимой зовет.

Арина Родионовна. А то как же! Сейчас небось явится... (Причитает по старинному обычаю). Голубчик ты наш — и за что тебя казнят, почему не милуют! Чем ты кого прогневал; а кого прогневал — так пусть смилостивится, окаянный! И в силу-то он еще не вошел, и кость его не окрепла, а что речь его кому негодна, так он с малолетства смышленный! И ты-то, царь-батюшка, чего детей от родителей отымаешь да разлукой казнишь, — аль остатнее время настало?

Маша. Бабушка Арина, бабушка Арина, ты не плачь, бабушка! Александр-то Сергеевич веселый, а вы причитаете, иль он помер?

Арина Родионовна. Ему что! Мал еще, он не понимает, оттого и веселый.

Даша. Александр Сергеевич все чисто понимает! Чего ты, бабушка, говоришь такое!

Арина Родионовна. А знаю, что говорю... Он-то умник, а я — иль глупая! Ступайте по делу, не стойте у меня на глазах!

Даша. Батюшки, воды-то лошадям надобно! (Уходит во двор).

Маша (тихо и таинственно). Бабушка, я пойду гляну.

Арина Родионовна. Кого?

Маша. А опять его!

Арина Родионовна. Я тебе гляну! Стало, дело у него там, — потерпи еще!

Маша. Я потерплю, бабушка, — и ты тоже потерпи.

Арина Родионовна. Потерпи, потерпи, и я потерплю.

Маша. Мы с тобою вместе будем терпеть.

Маша усаживается на лавку рядом с Ариной Родионовной, складывает руки на коленях и так «терпит». Во дворе позванивает время от времени дорожный колокольчик, что привязан, должно быть, к шее пристяжной лошади.

Входит ямщик со двора.

Ямщик. Запрягать-то не пора еще? Время, гляди, за полдень! Ты бы, бабушка, наведалась к господам да спросила — ямщик, мол, Кузьма, там думает.

Арина Родионовна. Чего тебе? Не кличут — сам не называйся. Иди, иди к своему месту!

Ямщик. А ты бы спросила... Я-то не один человек, нас трое — две лошади со мной, управься поди!

Арина Родионовна. Ступай прочь, ступай прочь, — наш-то, я слыхала, может, завтра поедет!

Несколько ранее из двери, что ведет в господские горницы, является Александр, одетый в дорогу. Он улыбается и глядит с порога на свою няню, слушая, что она говорит.

Александр. Нынче, нынче, матушка!

Александр обнимает Арину Родионовну; Маша стоит возле, глядя на Александра сияющими глазами.

Ямщик. Нынче-то способней; завтра, глядишь, дождь, глядишь, ветер...

Александр. Запрягай!

Ямщик. И то, барин! (Уходит).

Арина Родионовна (вглядываясь в Александра, словно в первый раз видя его). Пришел, батюшка... Пришел ко мне!

Александр. Прости меня, матушка... Гневил я тебя и непокорным был...

Арина Родионовна. Бог тебя простит... А что гневал, так я к тебе гнева не знала. Далече ли, батюшка, едешь-то?

Александр. Далече... Далече, матушка.

Арина Родионовна. Знать, и вернешься не скоро?

Александр. Не скоро, матушка...

Арина Родионовна. Увижу ль я тебя, нет ли? Ан, увижу, без тебя не помру. Я жить буду долго, тебя ожидаючи... Машенька!

Маша. А!

Александр. Ах, Машенька! Совсем невестой стала, и прелесть какая!

Арина Родионовна. Не хвали, не хвали ее даром, с похвалы девка портится...

Александр. Машеньку испортить нельзя... Был бы я волен, уехал бы с Машенькой да с вами, матушка, в деревню, стал бы мужиком, двор бы постоянный открыли...

Маша. А Дашу тоже бы взяли?

Александр. И Дашу взяли бы.

Арина Родионовна. Машенька, ты бы на стол собрала... У нас лапша с грибами... Поел бы, батюшка, в дорогу.

Александр. Не буду я кушать... Я хочу с вами разговаривать, а у меня лапша будет во рту, — так нельзя!

Арина Родионовна. Возьми-ка, родной, vareжки, я тебе связала, руки не озябнут, и меня вспомнишь...

Александр. Спасибо вам, матушка... Да там тепло, там и зимы нету.

Арина Родионовна. А кто сказывал-то? У нас зима, а там нету! Того не бывает: везде одинаково. Бери-ко да спрячь подальше.

Маша (вдруг в печали). А как же мы-то одни тут останемся?..

Александр. И я один буду, Машенька!

Маша. А нам страшно! Не уезжайте от нас!

Арина Родионовна (на Машу). Да ты уж — чего думаешь!.. Я сама к царю пойду, — ишь, чего вздумал: детей губить!

Александр (смеясь). Куда вы пойдете, к какому царю? Нету царя!

Арина Родионовна. Я пойду, мне надобно к нему! Неужели у нас и царя нет, а один Аракчей остался! Так я и к Аракчею дойду! У меня право есть, я тебя в люди выходила, а они чего! Кто у дитяти хозяйка-то, царь или я?

Маша. Заколдуй их, бабушка, пусть они обомрут!

Арина Родионовна. По нужде и заколдую, коли сами не опомнятся!

Маша. Заколдуй!

Александр. Терпи, матушка, как я терплю... Сам государь велел мне уехать, к кому же ты пойдешь?

Арина Родионовна. Стало, дела у них нету, что тобою занимаются...

Александр. У них балы с праздниками, матушка...

Арина Родионовна. Горе наше, горе наше, бедный мой...

Со двора на пороге появляется конвойный солдат с ружьем, за ним стоит Захарий Петров в старой солдатской шинели, одетый как рядовой и в арестантской шапке.

Петров выходит вперед сопровождающего его солдата.

Петров. Могу я видеть господина Пушкина? Доложите господину Пушкину, что я — Петров Захарий!

Маша. Тута, он тута, Пушкин!

Александр (навстречу Петрову). Ты кто? Это ты, Захарий? Здравствуй, Захарий!

Петров. Это я! Здравствуй, Саша!

Александр (обнимая Петрова). Ты что?
Петров. Ничего. Был в каземате, в другой ведут, потом в каторгу.
Конвойный солдат (мешает им). Не велено, не велено...
Александр. Прочь! За что тебя?
Петров. Говорят, царем хотел стать.
Александр. Кто царем?
Петров. Я!
Александр. Ты?
Петров. Я!

Оба весело смеются. Подают друг другу руки. Конвойный разлучает их.

Конвойный солдат. Не велено, не велено...

Александр. Ты — царь?

Петров. Я царь! А ты?

Александр. А я раб... Меня гонят...

Петров. Куда?

Александр. Не знаю! Куда велено...

Конвойный солдат (Петрову). Пошел, пошел... Нельзя, тебе говорят!

Петров. Прощай, Пушкин! Прощай, раб!

Александр. Прощай, царь! Ты и вправду царь, а они — нарочно!

Петров. А что царь? Царь — старший урядник. А ты — Пушкин!

Конвойный солдат. Не велено, не велено... (Толкает Петрова).

Александр. Захарий, Захарий! Не бойся — мы их одолеем...

Петров. Одолеем, Саша! Мне жалко их было, я дрогнул, а теперь они тебя тронули, и я не дрогну!

Конвойный солдат. Иди, иди...

Александр (беря варежки со стола, отдавая их няне). Отдай ему!..

Арина Родионовна (подходя к Петрову). Возьми, батюшка, вспомнишь Сашу.

Петров (беря варежки). Спасибо, мать! (Целует ее в лоб).

Петров. Прощай, Саша! Мы с тобой увидимся!

Александр. Прощай, Захарий, милый мой друг!..

Конвойный солдат уводит Петрова.

Арина Родионовна. И его в неволю, Захария-то?

Александр. И его...

Арина Родионовна. Уж лучше бы он помер, бог бы его прибрал.

Александр. Тогда и я умру, — я люблю его...

Арина Родионовна. А чего ему жить? Без воли, как без души, — кто уж лишил его воли, тот и жизнь его взял...

На пороге появляется ямщик. На дворе позванивают дорожные колокольцы, теперь их два — слышно два разных звука, запряжены две лошади.

Ямщик. Лошади готовы... Прощайтесь, батюшка!

Ямщик уходит. Во дворе через крыльцо видно, как ходит туда и сюда Даша, укладывая вещи в возок. Туда же выходят Ольга Сергеевна, Екатерина Андреевна, Василий Львович.

Арина Родионовна садится на лавку, рядом с нею садится и Пушкин; тут же сидит и Маша. Все они сидят в молчании перед разлукой. Со двора слышен голос Василия Львовича, видна и его фигура.

Василий Львович. Лицей не виноват, сударыни мои, Лицей не виноват. В Лицее злу не учат! И позвольте сказать, он там все равно ничему не учился...

Голос Ольги Сергеевны. Неправда, дядюшка, неправда...

Василий Львович. А все к лучшему: теперь ему вся Россия — Лицей.

Голос Екатерины Андреевны. Да где же он есть?

Звон колокольчиков на лошадях.

Голос ямщика. На месте! Стой на месте, зверь! Опухли с кормов-то!

Во дворе появляются Кюхельбекер, Пушкин и Дельвиг.

Александр (вставая с лавки). Прощай, матушка... Не горюй по мне!

Арина Родионовна. Прощай, сыночек мой... Да сыт ли ты? А одет-то ладно? Постой, огляжу-ко я тебя... На тебе денежку в дорогу.

Достает денежку из ларца на полке и подает Александру.

Александр. (пряча денежку). Спасибо, мать, — себе бы берегла... (К Маше). Расти, Машенька, сестренка моя... (Целует ее в лоб).

Затем Александр обнимает Арину Родионовну; дрожащими руками няня крестит спину Александра. Александр быстро уходит во двор. Согбенная Арина Родионовна глядит ему вслед. Маша неподвижно стоит, как оставил ее Александр, поцеловав в лоб. Со двора слышен шум и голоса людей, позванивают колокольчики. Но вот уже колокольчики ударились в такт, забились и зазвонили на удалении. Пушкин уехал.

Колокольчики бьются все далее и далее, но звон их не умолкает вовсе, а лишь делается все более мелодичным, как бы волнообразным, и словно превращается в музыку, заполнившую все русское пространство, куда уехал Пушкин. Арина Родионовна надевает на голову платок.

Маша. Ты куда уходишь? И я с тобой!

Арина Родионовна. К царю!

Маша. У нас нет царя!

Арина Родионовна. А ты знаешь?.. К богу тогда пойду!

Маша. А где бог?

Арина Родионовна. Я сыщу их! А ты дом карауль!

Со двора входит Кюхельбекер.

Кюхельбекер. Здравствуйте, Арина Родионовна...

Арина Родионовна. Здравствуй, батюшка... А что, ты знаешь небось, где царь-то живет!

Кюхельбекер. Знаю, Арина Родионовна, всякий знает.

Арина Родионовна. Отведи меня к нему, мне по делу надобно.

Кюхельбекер. И мне к нему надо, давно надо. Пойдемте, Арина Родионовна.

Он осторожно берет под руку согбенную Арину Родионовну, и они уходят. Пушкин уехал далеко. Стало совсем тихо. Маша одна в людской избе.

Маша (улыбаясь и яснея лицом). Я не чужая ему, а сестра, и он мне брат!

Вдалеке возникает звон колокольчиков и умолкает в большом удалении.

Конец

Москва, зима 1950.

НОЕВ КОВЧЕГ

(Каиново отродье)

Комедия

Действующие лица:

1. ШОП Эдмонд, ученый, руководитель американской археологической экспедиции.
2. ЕВА, глухонемая, 20 лет.
3. СЕКЕРВА Иезекииль, член экспедиции, разведчик.
4. ПОЛИГНОЙС Генри, инженер экспедиции, радист и буровой мастер.
5. ИАКОВ, брат Иисуса Христа, брат Господень.
6. АГАСФЕР, вечный жид.
7. КЛИМЕНТ, нунций папы римского.
8. ЧЕРЧИЛЛЬ.
9. ЧАРЛИ ЧАПЛИН.
10. БЕРНАРД ШОУ.
11. АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН.
12. МАРТА, голливудская кинозвезда.
13. ДЕЙПОН, миллиардер.
14. ИВОННА, международная проститутка.
15. ШНАПХАУ, министр.
16. АЛИСОН, кинооператор.
17. МАРГАРИТА ОССКАЯ, разведчица всех государств.
18. СИМОНЯН, председатель колхоза «Арарат» из Армянской ССР.
19. ПЕТРОВ, советский корабельный инженер по монтажу ковчега.

1-е ДЕЙСТВИЕ

Гора Арарат. На склоне палатка американской археологической экспедиции. С большой высоты видно пространство мира, видно небо. Палатка открыта в сторону зрителя. В палатке научные инструменты и бытовая утварь для долгой комфортабельной жизни; тут же радиопередатчик и радиоприемник. На сцене Шоп и Ева. Шоп смотрит в бинокль по очереди в разные страны света. Ева стоит на земле на коленях и рассматривает там что-то, занимается чем-то: крошит крошки, трогает пальцем на земле какое-то маленькое, невидимое существо.

Шоп. В Армении пашут... В Иране — там богу молятся, народ нищенствует у мечети... А в Турции что? В Турции люди волнуются — вон движется целая толпа в той деревне; землю делят или хоронят кого. А черт с ними: мне забота!.. (Оставляет бинокль). Обедать пора! (Подходит к Еве, смотрит, чем она занимается). Ева, ты что делаешь? Зачем ты скорпиона кормишь, зачем ты гладишь его? (Шоп, отстранив Еву, растаптывает скорпиона толстой подошвой башмака). Ведь это же скорпион, он гад! Корми лучше фалангу. Вот она, фаланга, — она добрее скорпиона. (Шоп целует в лоб Еву, затем нежно гладит ее волосы; для Евы, видимо, привычны ласки людей, она к ним равнодушна). Корми фалангу!.. Ах, Ева, Ева, — кто ты такая, прелесть ты наша!

Ева быстро копается в земле: образуется маленький могильный холмик, в него Ева втыкает крестик из двух связанных палочек.

Шоп (следит за ней). Это ты скорпиона похоронила и крест ему поставила?.. Ева, ты добрее самого бога! Бог лишил тебя языка, лишил слуха, а ты гадов его любишь!

Появляются Секерва и Полигнойс с легкими геологоразведочными и рекогносцировочными инструментами. Полигнойс дарит Еве апельсин, Секерва — цветок.

Шоп (К ним): Все в порядке?

Секерва. Конечно — да! Ведь нам нужно немного, начальник!

Шоп. Я знаю. Нам даже ничего не нужно.

Секерва. Возможно, что так. Нам нужно сверить данные об Арарате, которые у нас были, с натурой и кое-что выяснить более точно.

Шоп. И что же? Нам теперь все ясно?

Секерва. Я думаю — да, я предполагаю, что так, я предвижу — именно так: нам все ясно! Эта гора Арарат вполне пригодна для создания в ее недрах современной сверхмощной американской крепости, неуязвимой для противника и постоянно громящей его всеми видами оружия.

Шоп (к Полигнойсу). А вы как думаете?

Полигнойс. Я думаю так. Он прав, Иезекииль Секерва. Но он и не прав...

Шоп. Это очень хорошо!.. То есть, я хотел сказать, это очень интересно. Продолжайте!

Полигнойс. У Арарата всегда будет одна слабость... Когда он станет нашей крепостью или мощным дотом, то ведь он будет так же далек от Америки, как и сейчас далек... В этом будет слабость крепости!

Шоп. Неужели? Что вы говорите?!

Секерва. Конечно — нет! Американская крепость и на краю света неуязвима! А вот что Генри Полигнойс уязвим для большевизма, так это конечно — да!

Полигнойс (к Секерве). Как вы смеете?

Секерва. Америка все смеет!

Полигнойс. Но вы не Америка!

Секерва. Я почти она! А вы конечно нет!

Шоп. Стоп! Мы на работе, а не в баре! Кроме того, зачем вы берете на себя обязанности президента? Охота вам! И вот еще что — день кончается. Не пора ли нам поехать вниз и доставить себе какое-либо удовольствие? Что такое американец без удовольствия? Нужен ли он кому-нибудь и самому себе?

Секерва. Это изменник!

Шоп. Правильно! Умываться мы не будем...

Секерва. Не будем, нет. Здесь не Америка!.. (К Полигнойсу). Генри, вы конечно будете дуться?

Полигнойс. Да нет, не буду. Деваться все равно некуда. Да я и не знаю, прав я или нет.

Шоп. И отлично! Вы обратили внимание на духан турка Селима, он как раз у нашего четвертого репера? У Селима неплохое вино, а еще лучше две его турчанки-помощницы. Вы обратили внимание?

Секерва. Мы уже обратили внимание. Конечно — да!

Полигнойс. А как Еву оставим? Может быть, прислать сюда наших рабочих?

Шоп. Ничего, она не скучает. Она живет сама по себе. Мы ей привезем снизу сладостей и подарков. (Напеваает).

Весь мир — трактир,
Веселые мы янки.
Пропьем мы мир,
Пропьем его до дыр!
Идем мы к вам, прекрасные турчанки!

Резко стучит радиопередатчик, работающий на прием, сверкает сигнальная лампа вызова.

Полигнойс. Внимание! Там Америка! (Он подходит к аппарату, принимает передачу).

Шоп. Интересно! Пустяки какие-нибудь! Нам некогда...

Полигнойс. Нет, не пустяки. Или пустяки! Я не понимаю... (Читает радиотелеграмму).

Шеф просит профессора Эдмонда Шопу ответить — есть ли возможность отыскать на горе Арарат останки Ноева ковчега. Их следует искать, начиная с высшей точки горного пика, а также и ниже, имея в виду сползание останков Ноева ковчега под действием собственного веса и других естественных причин. Обратитесь к первоисточнику — Библии и собственному религиозному чувству. Шеф пишет далее: этим делом интересуется Вашингтон. Что ответить шефу, профессор?

Шоп. Вашингтон интересуется! Вашингтон!.. Отвечайте: американская палеонтологическая экспедиция на горе Большой Арарат открыла останки ковчега нашего праотца Ноя, некогда спасшего человечество от всемирного потопа! Высотные отметки расположения останков: 1412, 1632 и 644,2 метра над уровнем Черного моря. Все! Добавьте, уточните: главная масса останков ковчега находится под 39° 40' северной широты и 61° 56' восточной долготы от Гринвича. Вы передаете?

Полигнойс. Нет еще, профессор... Разрешите сказать: ведь это ложь, мы не искали Ноева ковчега и не нашли его. Да его и нету! Его и быть не может, профессор! Дерево не сохраняется четыре-пять тысяч лет. Вы сами это знаете... Весь мир будет смеяться, нам стыдно будет, пожалейте нашу родину Америку!

Секерва. Я вас конечно понимаю, профессор Шоп... Это великое научное открытие, это будет новая гордость Америки! Это не менее, чем атомная бомба! Конечно это так, конечно — да! Но ведь ничего же нету у нас! Где эти останки Ноева ковчега, я пока их не вижу! Я не вижу их пока!

Шоп (Секерве). Вы что, вы тоже болван?.. Полигнойс, передайте нашему шефу в Америку то, что я вам продиктовал... (Полигнойс начинает работать на передатчике). Неужели

вы не понимаете: в самом вопросе было желание положительного ответа, а в желании было приказание, а приказание мы должны исполнить!

Полигнойс. Но позвольте!.. Я не понимаю!..

Шоп. Стучите ключом, Полигнойс. Умрете — поймете! Или поезжайте в Америку и там скачайте об Арарате... Боже, как можно быть счастливым среди глупцов! Невозможно!

Секерва. Я уже понял! Я уже понял! Конечно я понял. Я вам сказал: я пока их не вижу, останков ковчега! Пока! Но они будут, они будут! Раз они нужны, они будут! Такова воля Америки! Они там вон лежат, где обрушилась древняя скала, — я их, кажется, уже вижу! Помоему, это бушприт ковчега!

Шоп. Поглядите внимательней: вы и камбуз увидите. Вы жить хотите — вы правы. (К Еве). Ну, что ты тут делаешь, моя радость?.. Дай я тебя в лобик поцелую. Освежи меня от этих чертей! Погляди на меня своими глазами!.. Что ты здесь сотворила? Целый мир из камешков, из глиняных комочков, целый мир тишины и детской истины. А могила скорпиона цела? Ага, вот она! Ишь ты как убрала ее! Помолимся за вечное упокоение души безыменного неведомого раба божьего скорпиона, из тьмы пришедшего и во тьму ушедшего! (Крестится, кланяется. Ева глядит на него и повторяет его действия: крестится и кланяется до земли).

Секерва (вдруг — к Шопу). Обождите, профессор, обождите! Я прошу вашего внимания!.. Ведь можно и так подумать! Конечно можно! — А не будет ли это в пользу русских?

Шоп. Что в пользу русских? — Ноев ковчег, что ль?

Секерва. Ну да, ну да! Наше великое всемирное открытие останков ковчега, — не пойдет ли большевикам на пользу?

Шоп. Пойдет! Наверно пойдет!

Секерва (постепенно приходя в неистовство). Ах, пойдет! Ага, пойдет!.. Так зачем же нам открывать, чего нету? Зачем? Я вас спрашиваю, профессор, — отвечайте мне, или вы ответите за свою ложь, за свой этот Ноев ковчег в Америке, — ответите в худшей, в суровой обстановке, уверяю вас! Конечно и так точно — да!

Шоп (как бы про себя, лаская Еву как дочь). Зачем мне нужен весь этот штат, целая экспедиция, большие затраты? Мне нужна только Ева! Всю работу я сделаю один, потому что и работы нет...

Секерва. Отвечайте мне, профессор! Оставьте Еву прочь, в стороне! Отвечайте мне, отвечайте, я говорю как честному американскому гражданину, дрожащему за судьбы Америки! Я не могу оставаться в этом сомнении как в мешке!

Шоп. Вы про русских? Им ковчег на пользу.

Секерва. Тогда — нету его! Видите — нету?

Шоп. Есть!

Секерва. Нету!

Шоп. Есть!

Секерва. Нету! Скажите — нету, дайте радио в Америку: нету! — или вас самого не будет!

Шоп. Отойди от меня, болван! Отойди на четыре метра!.. Ты должен знать, что русским все на пользу. Будет здесь ковчег или не будет, — им одинаково выгодно. Русским теперь все на пользу! В этом, дураки, великая тайна нашего века, и в чем разгадка этой тайны — я не знаю... Полигнойс, вы готовы? Едемте обедать!

Полигнойс. Я давно готов. Надо там выпить немножко...

Секерва (пытаясь понять и размыслить). Ну да, если так, конечно, тогда так точно! Если буду я сегодня обедать — русским хорошо, не буду обедать — русские все равно сыты. И так хорошо, и наоборот приятно. Это им, а не мне! Я понимаю. О, я все понимаю, пока мне ясно!

Шоп. Секерва! Обедать к Селиму! В Америке давно пообедали!

Секерва (взглянув на часы). Верно, верно! Это нехорошо, нехорошо с нашей стороны!.. Америка везде заботится о своих сынах. — Обедать!

Сигнал — вызов радиопередатчика: звук зуммера, свет сигнальной лампы. Полигнойс принимает депешу.

Шоп. Опять Америка! Когда же обедать!

Полигнойс (читая постепенно ленту телеграммы, по мере передачи). Профессор, шеф в восторге от нашего открытия. Он жмет всем нам руки и целует нас. Он считает открытие останков ковчега великим всемирным научным событием, более важным, чем все открытия Шлимана и Эванса. Шеф пишет: это величайший факт культурно-исторического и религиозного значения, это сущий след божий на грешной земле...

Шоп (прерывая). Какой след?

Полигнойс. Сущий...

Шоп. Благодарю вас. Продолжайте.

Полигнойс. Шеф считает открытие останков Ноева ковчега несравнимым даже с открытием атомной энергии. Оно более значительно, чем атомная бомба, оно есть новое торжество американского гения, великое деяние самого мирного, самого боголюбивого народа на земле...

Шоп. Дальше... Что им нужно? Опасно, когда начальство много болтает. Сейчас оно требовать будет.

Полигнойс. Уже требует... Шеф считает необходимым восстановить часть огромных расходов Соединенных Штатов, вложенных в создание системы обороны, путем небольшой оплаты другими народами тех величайших культурных ценностей, которые им дарит Америка...

Шоп. Понятно... Следует строить военные базы за счет прочих государств. Крепость должна быть на самокупаемости.

Секерва. Так на так! А как же? Это разумно-правильно и правильно-разумно! Точно так, а не иначе! Это правильно, как Америка!

Шоп. Неправильно: так на так — этого мало!

Секерва. Мало, пожалуй! Лучше — больше!

Шоп. Лучше, чтоб и чистый доход еще был: хотя бы 6 процентов годовых. Наш шеф — великий коммерсант.

Секерва. Великий вполне!

Шоп. Под землей крепость, а на земле бал-маскарад и касса наша.

Полигнойс (продолжает прием). Американская академия наук готовит поздравительное послание... Шеф ожидает предложений профессора Шопы в отношении наилучшего, экономически целесообразного использования открытых мировых ценностей...

Шоп. Сам он и думать не хочет... Даже продать товар поручает мне... Копеечник он, сукин сын! Нет, мы продадим своей товар дорого, очень дорого. Правда, Ева? (Он гуляет по нагорью, обняв за плечи Еву).

Полигнойс. Какой товар, профессор?

Шоп. Ноев ковчег... Ева, тебе скучно с нами? Скучно... Я вижу, что скучно. Терпи, терпи еще немножко... Мы тебя танцевать научим, ты вино будешь пить — хорошее только, нарядим тебя, замуж отдадим... Что еще тебе нужно? Ева кротко улыбается. Подарить-то тебе нечего! Ноев ковчег? — Это человечеству, тебе он не нужен!.. А вот развлечь тебя нужно! Ты ведь живешь в вечной тишине, грустны наверно твои мысли, а душа твоя почему-то прекрасна!.. Ты только видишь: тебе надо показать взрыв атомной бомбы, — там много света, тебя это может развеселить.

Полигнойс. Шеф ожидает вашего ответа, профессор. Что следует сообщить? Шоп. Сейчас... Пусть обождут. Я сейчас. (Шоп идет с Евой по нагорью, останавливается вдалеке,

но еще видимый зрителю. Свистит, засунув два пальца в рот; хлопает несколько раз в ладоши, зовет). Джоржи! Джоржи!

Голос Джоржи (снизу). Я здесь, шеф!

Шоп. У тебя мотоцикл на ходу?

Голос Джоржи. Всегда, шеф.

Шоп. Свистни вниз — пусть там звонят во все колокола! Понятно?

Голос Джоржи. Нет, шеф. Сейчас пойму!

Шоп. Свистни вниз... Там есть чья-то церковь, — армянская, что ль, — на ней колокола, большие и маленькие... Пусть звонят во все, в маленькие и в большие, — у нас сегодня большой праздник. Свистни им, американцы велят.

Голос Джоржи. Есть, шеф! Слушайте колокола!

Шоп (возвращаясь; к Полигнойсу). Отвечайте... Отвечайте так. «Благодарим за приветствие. Останки корабля нашего праотца Ноя открыты нами, американцами, не случайно. Не случайно! — отнюдь нет! Они есть знак и прямое, руководящее указание бога на пути Америки. Америка, подобно Ноеву ковчегу, должна вторично спасти человечество от потопа большевизма, уничтожающего радость, удовольствие, всю светлую легкую сущность жизни...» Передали?

Полигнойс. Одну минуту... Зачем я работаю, не понимая, что делаю? Что я такое?

Шоп. Ничто. Передавайте. Итак, «если бы останки ковчега имели только культурно-историческое, научное и религиозное значение, они были бы вечно-священными реликвиями человечества; в одном этом отношении ценность их бесконечно велика. Однако останки имеют еще современное политическое боевое значение; останки могут воодушевить цивилизованное человечество на борьбу против большевизма и обеспечить нам победу. Поэтому, если ценность останков и без того бесконечно велика, все же она должна быть удвоена...» Передали?

Полигнойс. Есть! Странно...

Шоп. Потерпите. Скоро поедим обедать. Прекрасное вначале странно. Заканчивайте. Приобрести останки может лишь правительство Соединенных Штатов, беднякам это имущество не по карману...

Полигнойс. Правительство не купит этот хлам...

Шоп. Купит... Сейчас купит... Необходимо теперь же, немедленно, на горе Большой Арарат, под этими вечными снегами, в этой вечной точке человечества...

Полигнойс. Скучно тут... Что дальше?

Шоп. Необходимо созвать всемирный культурно-религиозный чрезвычайный конгресс всего цивилизованного человечества, на который прибудут все лидеры современной цивилизации, все отцы церкви — и папа римский, и вселенский патриарх, и кадик, и прочие могучие старики... Конгресс соберется вокруг останков ковчега, а обсудит всю судьбу нашего мира. За это вот наше правительство дорого заплатит! Понятно? Останки как цемент нашей цивилизации! Этого не передавайте. Все!.. Пусть приедут сюда разные люди, это любопытно. Еве будет интересно, она очень умна и наблюдательна, а мы ей надоели.

Секерва. Так нужно Америке, а не Еве! Что такое Ева! Кому нужна Ева?

Шоп. Вам нужна, мне нужна, всем!

Секерва. Необходимости нет! Не вижу, нет!

Шоп. В ней первая необходимость! Для чего вы дома держите собаку? У вас есть собака?

Секерва. Дог, профессор. Дог! У меня дог есть, жена есть, недвижимое имущество...

Шоп. И жена есть! Так зачем вам собака? Пусть жена будет вам другом!.. Однако вам мало жены, нужна и собака! Зачем?

Секерва (искренно удивляясь). Зачем?

Шоп. Затем, чтобы остаться немного человеком. Вот для чего нужна собака человеку, а нам нужна Ева. Без нее мы сопьемся, порежем друг друга...

Снизу раздается торжественный колокольный благовест: звонят все колокола церкви под горою Арарат.

Секерва. Это в нашу честь! Вот она, Америка! Всюду Америка!

Полигнойс. Далее... Что еще передавать?

Шоп. Обождите... Нам давно пора обедать!

Секерва. Давно пора! Служишь-служишь родине, обедать некогда!

Шоп. Поглядите в справочник, нам нужна фирма, которая делает эти...

Секерва. Ковчег?

Шоп. Что-нибудь подобное... Что-нибудь родственное... Поглядите!

Секерва (листуя толстую книгу). Вот! И вот! “Анонимное общество Иван Ной и Компания. — Древние вещи. Реликвии. Реставрация. Любые заказы на уникальные предметы, по предметам в возрасте от ста до ста тысяч лет”.

Шоп. Подходит! Полигнойс, давайте заказ этой фирме. Предмет заказа: останки Ноева ковчега. Исполнение срочное, доставка самолетом, расчет франко, гора Арарат.

Полигнойс. Есть! Живем дальше! (Работает на передатчике).

Шоп. И хватит. Пусть все отправляются к чертовой матери!.. Обедать к Селиму! Кончайте, господа, — и поехали!.. Колокольный благовест стихает, теперь он звучит еле слышно, работают только маленькие колокола.

Секерва. Обедать! Прекрасна жизнь, Америка всеильна!

Из-под горы медленно появляется Брат Господень.

Шоп. Это что еще за черт! Нам некогда!

Ева первой подходит к брату Господню, здоровается с ним, брат берет ее за руку, несколько позже опускает ее.

Секерва (к брату). Американец?

Брат. Нет.

Секерва. А тогда вообще зачем ты? Здесь запретная зона! Кто такой — я спрашиваю!

Брат. Брат господень.

Секерва. Кто? — не слышу!

Брат. Я Иаков, брат господа нашего Иисуса Христа, только я порочного зачатия.

Секерва. Порочного? Брат. Порочного. Шоп. А разве был брат у Иисуса Христа? И главное — Иаков, порочного зачатия?

Секерва. Да наверно был, — черт его знает, — раз вот он есть.

Шоп. Но позвольте, позвольте... Сколько же вам лет, брат Господень?

Брат. Я немного моложе бога. Мне тысяча девятьсот сорок восемь лет, девятый пошел. Я чуть-чуть моложе его.

Шоп. Правда, вы моложе. Но вы-то не бог?

Брат. Нет.

Шоп. Почему?

Брат. Я простой человек.

Секерва. Он простой человек!.. А брат у него — бог!

Брат. Бог. Так точно.

Секерва. А может быть братом у бога простой человек? Это ведь вопрос!

Шоп (брату). И неужели вы не приобрели себе солидного положения? Вы могли быть императором, папой римским, акционером всех церквей, миллиардером. А кто вы такой?

Брат. Нищий.

Шоп. Ну вот. В брата пошли?

Брат. В брата.

Шоп. Жаль. Но это ваше дело.

Секерва (отводя Шопу; брат отходит от них к Еве и занимается с нею). Что вы думаете, шеф?.. Этот брат — разведчик, ясное дело.

Шоп. Конечно.

Секерва. А чей?

Шоп. Этого сам черт сразу не узнает.

Секерва. А вдруг он наш — от Федерального бюро расследований? Это его за нами следить прислали. Разведка за разведкой, крест на крест, так вполне бывает.

Шоп. Ну?

Секерва. Бывает. А за ним, за братом, тоже следят, а за тем, кто за ним, тоже... Это великая система!

Шоп. Так ведь не поймешь тогда ничего!

Секерва. Не поймешь — не надо!

Шоп. Верно! — понимать не надо, жить надо. Нам что! Мы научная экспедиция. Пред нами факт неизвестного значения: брат Иисуса Христа. Скажите Полигнойсу, — пусть он запросит богословское отделение Американской академии наук: как быть?

Секерва. Совершенно верно, и мы будем ни при чем. Пусть Академия отвечает за бога.

Шоп. Академия должна дать нам инструкции... А когда же мы обедать поедем?

Полигнойс. Я кончил...

Секерва. Не кончили. (Отходит к Полигнойсу). Исполняйте свой долг — трудитесь для отечества. Успеете нажраться. Передайте, что сказал шеф.

Полигнойс. Я слышал. Я напиться хочу... А вдруг он большевик! Интересно! (Работает на радиопередатчике).

Шоп. Кто? Этот? А пусть!

Секерва. То есть как это пусть? Как это пусть? Он замыслы наши узнает. Это нетерпимо!

Шоп. А какие у нас замыслы? — Всем по зубам, и все — весь замысел! Его и воробьи знают.

Секерва. Пусть так, пусть не так, — но что он будет делать у нас?

Шоп. Работа найдется. Я его назначу капитаном ковчега. Брат бога — капитан Ноева ковчега. Это нормально!

Секерва. Пожалуй, да, это нормально.

Брат. А обедать когда? Обедать будем? (На Еву). Она есть хочет и я!

Шоп. Вы правы, брат Господень! Сейчас! Надо свистнуть вниз, пусть Селим сюда принесет.

Секерва. А ей-богу он простой человек, брат Господень. Он есть хочет, он с Евой играет, другой бы брат бога говорить с нами не стал.

Шоп. Жулик, должно быть. Ну как все, конечно, иначе бы он умер. Благовест утих; слышится приближающаяся торжественная музыка оркестра на местных национальных инструментах. Не дадут нам сегодня пообедать! Сколько работы!

Брат (поглядев под гору). Турки обед несут!

Шоп. Разумно! (К брату). Вы какой марки предпочитаете вино? У нас есть “Мельбурн” — три звезды. Рекомендую — нечто загадочное, но приятное.

Брат. Мне хлебного...

Шоп. Разве есть такая марка — хлебная? Не пробовал! Очень жаль! Это что — виски, шнапс, водка?

Брат. Оно.

Являются Селим и две его помощницы девушки-турчанки. Они несут судки и различную посуду с пищей. Селим несет большую суповую вазу на голове, Ева и брат быстро собирают обед на походном разборном столе; им деятельно помогают Селим и его турчанки. Одновременно на радиопередатчике сверкает лампа, звучит зуммер, Полигнойс манипулирует там.

Полигнойс. Внимание! Прием! Слушаю Америку!

Шоп. Потом, потом... (Садится за стол). Мы умрем с голоду!

Полигнойс (читает ленту). “Богословское отделение Академии извещает вас, что второй сын богоматери Марии по имени Иаков родился от плотника Иосифа, то есть он является простым человеком и зачат обычным нормально-порочным путем...”

Брат (разливая половником суп из вазы-миски по тарелкам, которые подает ему Ева). Я забыл, а они помнят!

Полигнойс (продолжая чтение ленты). “Иакову, брату Господню по матери, исполнилось ныне от рождения одна тысяча девятьсот сорок восемь полных лет, два месяца, одиннадцать дней...”

Брат (разливая суп по тарелкам). Они знают! Мне тысяча девятьсот сорок девятый пошел...

Полигнойс (продолжая чтение). “Установите эти факты в открытом вами человеке. Независимо от окончательных выводов науки сохраните брата Господня, младшего брата Иисуса Христа, в здоровом неизменном виде: в нем, возможно, сокрыта неизвестная истина, — Передняя Азия полна древних тайн. За президента доктор протопресвитер Феофилакт Смит...”

Брат. Слыхали?.. Садитесь есть, малолетние! Потом опять шалить будете!.. Играйте, турки, музыку! Турки!

Ева садится на колени к брату, они едят с ним из одной тарелки. Все обедают. Селим и две турчанки пляшут и поют под музыку местного оркестра, скрытого за сценой.

2-е ДЕЙСТВИЕ

Место 1-го действия, но иначе установленное и теперь более украшенное. Прямо перед зрителем, выше американского лагеря, останки Ноева ковчега. Это, как можно догадаться, несколько бесформенных, неопределенных предметов, вроде лесного бурелома или домашних поваленных стульев, покрытых золоченой церковной парчой, огороженных посеребренными столбиками с цепью из разноцветных ярких звеньев. На одном столбике табличка с надписью: “Священно. Не прикасаться”. Невидимый оркестр играет религиозную мелодию; на протяжении действия музыка звучит или утихает, соответственно смыслу и ходу действия. Сейчас из-под горы слышится временами шум голосов, игра оркестров, гудки машин и крик ослов. Предстоит торжество. На сцене сейчас одна Ева. Она подметает лиственным веником дорожку к ковчегу. Затем она скрывается на минуту в палатке и волочит оттуда пустой ящик. На ящике прочитывается надпись: “Секретно. Срочно. Самолетом. Арарат — профессору Шопу. Киль-ковчега. Не кантовать. Не бросать. Анонимное общество. США”. Ева устанавливает ящик плашмя перед останками ковчега; сдергивает с ковчега один кусок золоченой парчи, покрывает им ящик с надписью. Ковчег теперь немного обнажен: оттуда высовывается ветхое бревнышко. Ева принимается украшать ящик цветами, выкладывает на нем горные камешки, занимается своим хозяйством. Появляются Шоп, Секерва, Полигнойс.

Шоп. Господа! Усилия наши увенчались всемирным успехом! Я доволен, я доволен... Я чувствую необходимость немедленно доставить себе какое-либо удовольствие. Иначе я не могу. Мне нужно утешить чем-нибудь самого себя. Я этого заслужил, и вы заслужили. Вы чувствуете это?

Секерва. Я чувствую это. Я давно это чувствую. Я всю жизнь сам себя хочу поцеловать.

Полигнойс. А я думал, вы Америку хоть немного любите. А вы любите только самих себя.

Шоп. И что же! Я же часть Америки! Как вы не понимаете? Я обязан себя любить! Самого себя!

Секерва. Он не понимает! Надо любить себя как часть Америки! А он не понимает!

Шоп. Да, да, это необходимо! Нужно ценить и уважать себя, я немедленно должен доставить себе радость... Но мне некогда! Нам некогда наслаждаться — вот в чем драма жизни! Вся забота о всем мире лежит на нас! Прошу, господа, не упустить чего-либо из виду: сейчас начнется всемирный религиозно-культурный конгресс... Будьте на своих постах! Прибыл Конгрессмен!

За сценой усиливается шум голосов, раздаются звуки торжественного оркестра.

Полигнойс. Он болван! Секерва. Не забывайтесь, Полигнойс! Конгрессмен есть частица правительства Америки! Вы клеветник!

Полигнойс. А он болван, хоть и частица! Он частица и болван.

Является Конгрессмен.

Конгрессмен (Шопу). Это вы здесь?

Шоп. Это мы здесь!

Конгрессмен. Где сие?

Шоп (указывая на ковчег). Здесь сие!

Конгрессмен направляется к ящику, у которого одиноко играет Ева.

Конгрессмен. Убрать девчонку!

Шоп (Секерве). Убрать девчонку!

Секерва. Убрать девчонку! (Он хватается за руку Еву и отталкивает ее). Прочь, девчонка!

Конгрессмен (он становится на ящик, покрытый парчой; достает из внутреннего кармана маленький портативный флаг Соединенных Штатов; снимает шляпу и трижды подымает флаг вверх). Ура! Ура! Ура! (Надевает шляпу; складывает флаг и прячет его в карман).

Брат Господень, спавший в палатке, просыпается от шума, выходит наружу. (Сойдя с ящика). А где здесь он?

Секерва. Кто, ваше превосходительство? Кто есть он?

Конгрессмен. Этот!

Секерва (указывая на брата). Вот этот — брат Господень? Вот он!

Конгрессмен. Да, конечно! Это он. (К брату). Отвечайте, как он смел, этот мерзавец, ваш отец?

Брат (кратко). Не знаю.

Конгрессмен. А надо знать, спросить надо было! Как он смел, этот мерзавец, ваш отец, какой-то плотник-старик, жить с богоматерью и рожать от нее детей, — вас, например? Как вы смели родиться?

Брат. Не знаю. Дело было не мое.

Конгрессмен. Не знаете? Две тысячи лет живете, ничего не знаете! Зачем живете?

Брат. Не помирается. Хлеб-соль-кипяток бесплатно. Живи, говорят. Я живу.

Конгрессмен. А кто вам говорит — живи?

Брат. Начальство говорит.

Конгрессмен. Начальство? А кто твое начальство?

Брат. Вы! Кто же теперь?

Конгрессмен. Мы?.. Ну конечно! Это хорошо, это правильно. Живи пока.

Брат. Спасибо, не помру.

Конгрессмен. Живи, живи, — это ничего, это пока можно допустить — жизнь. А там мы посмотрим. (Всем другим). Позовите сюда всемирный религиозно-культурный конгресс! (Поглядев на часы). У меня в четырнадцать десять самолет.

Шоп (свистнув сначала, кричит вниз). Джорджи!

Голос Джорджи. Есть, шеф!

Шоп. Давай конгресс.

Голос Джорджи. Есть конгресс.

Являются папский нунций Климент; за ним вослед: Герцогиня Винчестерская, 75 лет, в шлеме и полном костюме летчика, она только что из самолета, которым, видимо, управляет сама; Кнут Гамсун; еврейский цадик Саул Абрагам; Черчилль; Сукегава, японский православный священник; супруга Чан Кай-ши; Марта Такс, кинозвезда; Агнесса Тевно, международная старуха; Алисон, кинооператор; Леон Этт, урод-карлик-вундеркинд, универсальный мудрец. На втором плане являются другие члены конгресса: ученые старики, священники, красавицы, старухи, молодые люди, журналисты и другие; среди них находится и Грегор Горг, вор.

Климент (становится на ящик, на золоченую парчу, делает жест рукой, благословляющий всех, произносит речь, которая доносится до слушателей как звуки, то подымающиеся до рева, то снижающиеся до шепота). Ва-вв! Доворивалиум-стевервим! Ориховарим! Аливан-тево-эрго-гориум! Э-э-эвмв! Тиво-ливайе, тиво-мерханто, тиво-рекугейро, э-э-эйвем! Анстун-анстун-алейво, инстерейберейро-квоок! Сихон-теос-альбиги-шпо-фоорх! Ище-кве, ище-хве, элентоманиарум-гвак!.. (Сходит с ящика, идет вокруг ковчега, освящает его; на ящик всходит Конгрессмен).

Черчилль (к брату Господню). Что он сказал?

Брат. Что нужно! Элентоманиарум-гвак: слушайте бога!

Черчилль. Он глупец?

Брат. Кто же еще? Должно быть!

Черчилль. Так. А вы кто?

Брат. Я кто? Я брат бога.

Черчилль. Так. Ясно.

Вслед за нунцием Климентом, освящающим останки ковчега, идут чередою вокруг ковчега все члены, все гости конгресса; кинооператор Алисон снимает конгресс, вопрошая: “А не брат? Где брат Господень? Дайте мне брата Господня!” — Черчилль, взяв брата под руку, идет с ним вслед за другими.

Конгрессмен (говорит с ящика). Господа! От лица Америки приветствую вас в сей великий торжественный час! Почему именно Ноев ковчег и почему именно Америке он дался в руки? Вот вопрос! А что нам вопросы, когда у нас на все есть ответы? Велика Америка, велика, все у нас есть. А чего у нас нету, то нам не нужно, только потому его и нету. Одного у нас не было, одного не хватало: вещи или предмета бога, какого-либо имущества прямо из библейского хозяйства, из божьего инвентаря. А эта вещь нам необходима! Так вот она, эта вещь бога, вот факт — сейчас она в моих руках! (Конгрессмен выхватывает бревнышко-головешку, торчавшую из-под парчи останков, и показывает его всем). Вот она — божественная штука! Наука открыла нам ее в сей древней горе! Слава науке, открывающей все, что нам нужно. А почему именно Ноев ковчег? А потому, что это есть знак и прямое указание бога Америке, бог говорит: Америка, строй новый ковчег, спасай человечество! Это всем понятно!.. А если бы бог думал что-нибудь не то, то он бы дал нам в руки что-нибудь другое, а отнюдь не останки Ноева ковчега, отнюдь нет!

Горг (он очутился вблизи Конгрессмена, почти вплотную к нему). Что же именно? (И отбирает у него из рук остаток ковчега; Конгрессмен машинально отдает ему этот останок; Горг мгновенно, с неуловимой, почти невидимой ловкостью прячет останок к себе, внутрь сюртука).

Конгрессмен. Это богу известно. Одно ясно: бог говорит с Америкой! Он говорит ей: собери человечество в один ковчег, спасай его от врага!

Черчилль. От какого врага? Кто враг?

Конгрессмен. Богу и Америке известен сей враг, и каждый простой человек знает его. Только один человек не знает его. Это вы — господин Уинстон Черчилль. Уинстон Черчилль его не знает?

Герцогиня Винчестерская. А разве здесь Уинстон? Это удивительно! Он всюду, наш Уинстон, — где бог и где дьявол! Где вы, Уинстон? Подойдите ко мне!

Черчилль. Я приветствую ваше высочество! Как вы путешествовали, какова была погода на трассе?

Герцогиня Винчестерская. Ах, что мне теперь погода? У меня ракета, скорость шестьсот!.. А зачем вы сюда явились, старый большевик? Что вам здесь надо среди нас, простых религиозных людей? Вы же друг генерала Сталина, вы его старый боевой конь! Так точно — не правда ли? Думаете, мы не знаем! Вы хитрейший большевик! Подите же прочь от меня, уйдите отсюда, со святого места!

Черчилль. Благодарю вас, ваше высочество!

Агнесса Тевно (свирепо). Пустите меня! Пустите меня вперед! Где большевики? Где они, я спрашиваю!

Конгрессмен. Пропустить старуху вперед!

Черчилль. Я здесь, старуха!.. Ах, это вы! Пожалуйте, мадам Тевно!

Тевно (подойдя к Черчиллю). Да какой же это большевик? Это Черчилль-старичок! Он притворяется большевиком! Я видела большевиков, — они совсем другие мужчины! Пустите меня отсюда в Москву! В Москву меня, я в Москву хочу! Я бомбу брошу в нее, — мне бог велел!

Конгрессмен. В Москву старуху!..

Шоп. Она вооружения требует — бомбу.

Конгрессмен. Невооруженную! Не вооружать старух!

Тевно. Я здоровее бываю, я моложе себя чувствую, когда вижу большевиков и ненавижу их. Я в Москву хочу! Помогите мне уничтожить их, а не поможете — я одна их разможду. Вперед! Вперед!

Черчилль. Вперед, сударыня! Конгресс к этому моменту превратился в парад людей, которые заняты тем, что показывают себя друг перед другом или любят сами собой; они разбрелись по горе Арарат и забыли, зачем они здесь присутствуют; ковчег им уже не нужен, да и ничего им не нужно, кроме того, что обещает им личное удовольствие или наслаждение.

Явившийся Селим и его помощницы обслуживают делегатов религиозно-культурного конгресса: они продают им напитки, сласти и легкую пищу. Ева вынимает из-за пазухи Горга украденную им частицу ковчега. Горг не обижается: он целует Еву в лоб. Затем тут же выхватывает частицу ковчега и подает ее Агнессе Тевно.

Горг. Возьмите вещь бога! Возьмите ее себе на помощь! Сокрушайте врага!

Тевно. Где эта вещь? (Хватает ее из рук Горга). А как она действует?

Горг. Бог сам научит вас. Осторожно! Это сильнее атомной бомбы!

Тевно. Отлично! Мне годится!

Климент (резко). Энтимпаторум-гвак-энтимпаторум-гвак!

Конгрессмен. А? Ну да! Конечно. Это... Ясно, это гвак, это конечно гвак и кощунство! Откуда она взяла кусок ковчега? Отымите его у старухи! Это кощунство!

Горг. Вы сами держали его в руках!

Конгрессмен. Так это я! Я держал и буду держать! Ковчег наш, а не твой. Откуда эта лишняя старуха?

Шоп. Из Европы. Это знаменитое международное существо! Мы сами себе враги — и от этого погибнем.

Конгрессмен. Прочь старуху в Европу!

Секерва. Прочь старуху в Европу!

Алисон. Где старуха? Дайте мне старуху! (Снимает Тевно киноаппаратом).

Общий шум. Горг бросается к Тевно, пытается отнять у нее частицу ковчега. Тевно бьет Горга по голове частицей. Горг вырывает у Тевно частицу. Все присутствующие направляются к Тевно, окружают ее как центр скандала. Горг, когда внимание всех сосредоточено на старухе Тевно, исчезает из толпы. Вот он у останков ковчега, где сейчас никого нет. Он вползает на четвереньках под золотую парчу — и выползает оттуда, держа в охапке все останки ковчега. Скрывшись на мгновение, он является вновь. Теперь у него в охапке вместо останков камни. Он их складывает под парчу и накрывает, как прежде было. Потом вмешивается в общую толпу.

Горг (как нунций Климент, тем же тоном). Энтимпаторум-гвак! Энтимпаторум-гвак! Мы победим! С нами бог и вещи его! Конгресс снова приобретает вид парада эгоистов.

Черчилль (прогуливаясь об руку с братом и Кнутом Гамсуном, продолжает разговор с братом). Вы подумайте, я не тороплю вас. Вы нам необходимы, именно сейчас, в тяжелые опасные годы! Вы понимаете меня?

Брат. Нет, ничего не понимаю.

Черчилль. А ведь это же ясно. Я вам говорю ясно, дорогой мой. Вы брат Иисуса Христа, вы родственник нашего господа бога! (Мелко скороговоркой крестится). Да святится имя твое, да будет воля твоя, яко на небеси, тако и на земли... Раз ты брат господа бога — этого нам достаточно. По этой причине ты величайший авторитет современного мира. Понятно теперь?

Брат. Нету!

Черчилль. Вы будете императором земного шара: всякому болвану понятно. Вот он, всемирный император Иаков!

Гамсун. Ах, прекрасно, прекрасно: император! Это великолепно: император! Тогда будет всемирный очаг, а у очага один хозяин — старик, брат бога. Это хорошо. Это превосходно! А где я? А я тогда буду возле вас, я буду советником всемирного императора. Порядок, тишина, девушки в белых платьях, сосновая хижина, и мы с вами — два старика! Утром мы будем есть хлеб с молоком, а вечером хлеб с молоком и сыром...

Черчилль (брату). Соглашайтесь на императора! Это вам прилично.

Брат. А большевики! Они не любят всемирных императоров: они мне голову оторвут. (Пробует руками свою голову и поворачивает ее).

Гамсун. Бог сильнее большевиков, господин брат бога по матери!

Брат. Да ведь забот будет много — с этим человечеством. Надоест оно мне.

Черчилль. А я! Я где же! Я буду при вас! С человечеством я один управлюсь. Вам ничего не надо будет делать. Будете чувствовать одно удовольствие.

Брат. Неохота... Подумаю, однако.

Черчилль. Не спешите, подумайте... Может, папой римским решитесь быть? Вам это вполне к лицу. А мы устроим.

Гамсун. Папой римским! Великая мысль! Так он уже есть римский папа! Самый лучший наместник Христа — это брат самого Христа. Вот и все! Он — папа!

Шоп (он подходит к Черчиллю под руку с кинозвездой Мартой Такс, отвлекает Черчилля в сторону). Господин Уинстон! Простите меня, но я надеюсь, вам ясно, какой он брат Господень! — вы понимаете меня?

Черчилль. Я понимаю. Вы же, однако, открыли останки ковчега! — вы понимаете меня?

Шоп. Понимаю, господин Черчилль.

Черчилль. Мы идем с вами к одной цели — к истине. Не правда ли?

Шоп. Это правда, господин Черчилль.

Черчилль. Продолжайте свой путь, господин ученый!

Шоп. Куда?

Черчилль. Туда же.

Гамсун (Шопу). Приветствую великого ученого и сердечно, вдохновенно поздравляю с мировым открытием, — поверьте, я желаю вам личного счастья и славы.

Шоп. Благодарю вас, искренно благодарю.

Марта Такс (отойдя с Шопом). Кто это? Такое знакомое лицо!

Шоп. Божий племянник.

Марта. А кто? Он смотрел куда-то ниже меня. Как его зовут?

Шоп. Он на ваш таз смотрел, он понимает в женском инвентаре. Это Кнут Гамсун, дорогая, он пишет книги посредством лирического расслабления желудка.

Марта. Фу! Все янки — грубияны! Они умываются кое-как, едят руками, говорят чепуху... А что делать! С кем нам водиться?

Шоп. Со мной! Утешьте меня, дорогая, доставьте мне радость. Я так много добра сделал человечеству, я так устал, что мне теперь необходимо счастье, просто для здоровья необходимо.

Марта. Да пожалуйста, — а в чем ваше счастье?

Шоп. В возвышенном! В чем-то возвышенном!

Марта. Как жаль!.. Как жаль, что я не могу вам помочь!

Шоп. Помогите! Помогите мне скорей! Утешьте меня, ради бога! Я не могу оставаться без удовольствия. Чего ради!

Марта. Я понимаю вас. Только во мне нет ничего возвышенного, есть одно низшее только. Что поделаешь!

Шоп. Я добрый. Давайте низшее. Следуйте за мной.

Марта. Куда, дорогой мой?

Шоп. В уединение. Скорее!

Марта. Скорее? А что там?

Шоп. Там что? А там любовь! Вы глупы, что ли? Вы немка?

Марта. А любовь что?

Шоп. Щекотка! Марта (гневно, в другой игре). Отойди от меня, отойди, негодяй! Тебе страдать нужно, а не наслаждаться, пошлая тварь!

Шоп (в раздражении). Тише ты, животное! Здесь всемирный конгресс, здесь ковчег стоит! (Хватает ее за руку). Успокойся — и за мной!

Марта (толкает его в грудь с большой силой). Не прикасайся! Здесь ковчег стоит... Молись!

Полигнойс (подбегая). Держитесь, шеф!

Шоп (еле удерживается на ногах). Это не считается. Она дура!

Полигнойс. Как не считается? — Она бьет умело. Считается! Внимание некоторых лиц привлекается в сторону Марты. Марта закрывает лицо рукою. Успокойтесь, успокойтесь. Что вы хотите?

Марта. Я хочу... Я хочу ударить его еще раз. Ах, как жить стало скучно, как подло!

Полигнойс. Ого! Да вы человек! Слава богу!

Ева подходит и обнимает Марту. Марта обнимает ее в ответ.

Марта. Милая моя... Ты кто? Как тебя зовут? Я тебя видела где-то, давно когда-то, и забыла... Забыла я самое лучшее! Ева стелает в ответ, словно стараясь сказать что-то. Я поняла, я поняла... Прекрасная моя! Прости меня, прости меня. (Целует Еву в губы).

Цадик (подходя к Марте). Кого вы ударили — это главный, нет ли?

Марта. Главный! Нет, я не знаю.

Цадик. Главный, главный! Он свободный, нахальный человек, — значит, главный. Я прав.

Шоп (цадику). Что вам угодно? Скорее говорите, времени нет. Видите, времени нет.

Цадик. Вижу, конечно, — времени нет. Дайте мне, пожалуйста, кусочек ковчега, — нашему государству!

Конгрессмен (подходя к Шопу). Он и у меня просил кусочек. Дать ему или нет — вы подумайте.

Шоп. Подумал: нет! Гнать его к черту! А за что ему давать?

Цадик. А зато — мы евреи и Ной есть наш родной еврей. Весь ковчег наш, а я прошу кусочек. Поймите меня — кусочек!

Шоп. Это ложь и старомодная чепуха! Ной американец! Экспедиция Боба Спринглера доказала в тридцать втором году, что Ной был живой американец. Вы помните, господа, эту экспедицию? Ее организовала компания машиностроительных заводов — “Бабкок и Вилькос”.

Цадик. Не помню. Я этого не помню. А Ной еврей!..

Шоп. Американец!

Секерва (внезапно явившись). Американец! И наш президент верит так, а не иначе: Ной — американец!

Цадик. И я также верю! Ну маленький дайте кусочек! Один маленький: больше не надо, будет уже много!

Секерва. Идите и слушайте! Не раздражайте наше руководство!

Цадик. Тогда парчу подарите. Парчу с ковчега!

Конгрессмен. Парчу можно. Пусть берет, и у них государство.

Шоп. После конгресса только... После конгресса пусть сдернет с ковчега.

Цадик. Я сдерну! Парчу я сдерну!

Климент (возглашает с ящика-трибуны). Гирги-горги-георгиорум!

Шоп. Хочется мне чего-то!.. Полигнойс!

Полигнойс. Шеф! Я вас слушаю!

Шоп. Полигнойс! Закажите для меня телеграфом фирме “Зигфрид” вечерние полуботинки типа “альфа” уфиолевого оттенка, вне сорта и стандарта, мой номер сорок два.

Полигнойс. Я исполню, шеф.

Шоп. Легче стало!

Полигнойс. Я все исполню. (Про себя). Хорошо, что будет война. Пусть поразят нас большевики. (Уходя к радиопередатчику).

Сукегава (с ящика-трибуны). Я православный священник святой церкви... Я верю в бога как русский человек. Русский человек говорит: тело у него большевистское, а дух у него божий. Он говорит: не надо ему тела, пусть умрет на войне, а надо ему один дух божий, больше ничего ему не надо!..

Брат (к японцу Сукегаве). Слушай — ты чей? Ты откуда?

Сукегава. Мы японский православный священник токийской епархии. А вы?

Брат. А мы — брат Божий. Сходи прочь!

Сукегава. Не буду сходить!

Брат. Врешь — сейчас сойдешь!

Сукегава (к ближним, слушавшим его). Как мне быть?

Конгрессмен. Брат Господень авторитетней вас — уйдите!

Сукегава исчезает с трибуны.

Супруга Чан Кай-ши (появляясь на трибуне). Человечество! Я к тебе обращаюсь, человечество! Вели отдать моему супругу Китай! Его у нас взяли неправильно, мы думали — так не может быть! Отдайте Китай моему супругу, а мы его больше никому не отдадим!

Конгрессмен. Ладно! Пожалуйста, Леон Этт!

Этт (с трибуны). Господа! Я хочу возвестить вам: что будет завтра с миром и людьми...

Голоса: Что же? Ну говори! Пожалуйста, скажите нам! Отчего раньше не говорил?

Этт. Господа! Завтра будет война. Большевики нападут на нас!

Герцогиня Винчестерская. А где мы тогда будем?

Этт. Герцогиня! Мы будем там же, где бывает мясо, пожранное псом, где сейчас находится мясо, скушанное вами вчера.

Герцогиня Винчестерская. В желудке? Пса?

Этт. Дальше, герцогиня, после желудка!

Герцогиня Винчестерская. Не понимаю. Где дальше, где после?

Этт. Простите, герцогиня... Итак, господа, завтра, возможно ранее полудня или позже него, начнется мировая война.

Тевно. Старо, глупо, господин профессор! Завтра — значит никогда.

Конгрессмен. Глупо! Прошу вас, мистер Уинстон!

Черчилль (появляется на ящике-трибуне; Этт исчезает). Правильно, мадам Тевно: завтра — значит никогда; война теперь начаться не может, она уже началась... Леди и джентльмены, господа! Все мы — дети единого небесного бога-отца, — да святится имя его! — но непослушные дети. Бог дал нам в руки атомную силу, сказав этим: приведите жизнь на земле в порядок, — а мы не послушались его!..

Климент (ставши на ящик рядом с Черчиллем, провозглашает в подтверждение). Энтимпаторум-гвак!

Черчилль. Бог указал нам на блоху как на смертоносного солдата, — и мы опять не послушались его...

Климент. Энтимпаторум-гвак!

Черчилль. Ныне бог в третий раз обратился к нам с прямым своим словом. Дав нам открыть сокровенную тайну святой древности — Ноев ковчег, — Бог явственно говорит: спасайтесь немедля, спасайте тех, кто должен быть спасен, а врагов утопите в бездне...

Климент. Энтимпаторум-гвак!

Черчилль. Гибель миру, если мы не услышим последнего слова божия!

Климент. Энтимпаторум!

Черчилль. Война начнется не завтра и не сегодня, а раньше: она началась вчера! Большевики нас бьют!

Герцогиня Винчестерская. Так что же нам делать, Уинстон! Чего вы медлите? У вас есть атом, блоха и ковчег, — и с нами еще бог! Достаточно! Чего вы боитесь?

Голоса. Так что же нам делать? Боже, спаси нас!

Климент. Энтимпаторум!

Черчилль. Я вас спасу!

Шоп. Пусть лучше бог!

Конгрессмен. Или мы — Америка!

Секерва. Лучше мы — Америка!

Черчилль. Не сумеете... Большевиков надо уничтожить трижды, чтобы они погибли один раз. Я знаю, как это делать. Я знаю большевиков, я научился у них отваге, а ненависть у нас своя. Нет лучшей жизни, как их смерть, их горе, их кровь, последний возглас их потомков! Боже, дай нам их теплые трупы! Боже, бей их!

Черчилль зашелся в крике; искусственная челюсть вылетела у него изо рта; находившаяся поодаль Ева увидела упавшую возле нее челюсть, подняла ее, оглядела, подержала и равнодушно забросила в горную пропасть.

Климент. Гвак-гвак-энтимпаторум!

Черчилль (шипит беззубым ртом). Восславим бога перед битвой! Объединимся вокруг святыни!

Конгрессмен. Ура!

Делегаты конгресса берутся за руки и идут хороводом вокруг останков ковчега; одна Ева занимается камешками в стороне, и Полигнойс сидит один у радиоаппарата.

Герцогиня Винчестерская (к нунцию Клименту). Святой отец, разрешите приложиться к святыне.

Климент (с разрешающим жестом). Энтимпаторум!

Конгрессмен. Это можно. Снимите покрывало!

Цадик. Это я! Я сдерну!

Он сдергивает парчу; под парчой горка голых камней. Цадик быстро сворачивает парчу в трубку и берет ее себе под мышку.

Конгрессмен. А где ж ковчег? Где святые останки?

Цадик. Это святотатство!

Горг. Это кощунство! Большевики украли ковчег!

Шоп. Несомненно, несомненно. Они похитили великое открытие.

Климент (в неистовстве, взойдя на ящик-трибуну). Гирги-горги-гвак-гвак! Эмфалисто-стеворвариум!

Конгрессмен (ко всем). Ну кто взял — отдайте! Ведь это действительно империализм! Отдайте, пожалуйста, Ноев ковчег! Всеобщее молчание; пауза. (К нунцию Клименту). Отец, прокляни тогда всех к черту, пусть земля сейчас содрогнется, а то мне одному придется отвечать! Проклинай!..

Климент (подняв очи к небу). Антремовельтано, интремовеле, жау-жау-зорх!

Брат (поглядев на небо). Боже, дай им!

Конгрессмен (брату). Проклинай сильнее! Бог вас не слышит!

Брат. Боже, дай им как следует: мошенникам, убийцам, обманщикам, мучителям и прочим всем разнообразным стервецам. Боже, дай им скорее гневной рукой!

Волны ослепительного разноцветного света, в том числе и черного света, содрогаясь, побежали по небу. Возник, тихий вначале, далекий звук; вот он усилился до страшного вопля и постепенно спал до безмолвия. Но волны разноцветного света по-прежнему бегут по небу. Все люди на сцене в ужасе пали ниц, даже Полигнойс. Лишь брат остался стоять на ногах как был. Теперь он взял за руку Еву и держит ее, чтобы она не боялась. Пауза. Первым поднимается Горг. Он уходит со сцены; возвращается с охапкой останков ковчега и кладет их на прежнее место; никто не интересуется действием Горга. Вторым очнулся Полигнойс. Он настраивает радиоприемник.

Радио. Бук-бук-бук! Где твой зад, где перед? Вот и муж твой идет! Привет, идиот! Бук-бук-бук!.. Полигнойс переключает радио. ...вительственное сообщение. Правительство Соединенных Штатов передает для всеобщего сведения. С целью показать пример разоружения правительство решило уничтожить свой запас атомных бомб. Уничтожение бомб производится в международных водах Атлантики. Впредь до указания всем самолетам и кораблям Атлантического бассейна не начинать рейсов во избежание возможной гибели или повреждения. Самолеты и корабли, находящиеся в движении, прекращают рейсы и заходят в ближайшие базы и порты. Правительство Соединенных Штатов призывает человечество к спокойствию.

Конгрессмен. Ура! Вставайте, господа! Жизнь идет нормально!

Черчилль. Не совсем. Это война, господа. А где моя челюсть?

Брат (к Еве, прижавшейся к нему). Чего ты? Неба боишься? Не бойся, не бойся, сирота.

Шоп. Полигнойс! Вы исполнили мое поручение?

Полигнойс. Да. Башмаков уфиолевого цвета фирма временно не изготавливает. Я заказал цвета Индийского океана.

Шоп. Прекрасно. Я стерплю этот цвет, я стерплю! (Напевая). Бук-бук-бук, бук-бук-бук! Вот и муж твой идет... вот и муж твой идет...

Полигнойс. Привет, идиот.

Марта. Опять война... На небе фейерверки, на земле могилы. Как интересно, черт вас возьми!

3-е ДЕЙСТВИЕ

То же место на горе Арарат. Тот же американский лагерь. Но теперь все пришло в другой вид: все обветшало, износилось, постарело, одичало, люди и предметы. Люди находятся здесь явно вынужденно, над ними грозное бедствие. Кроме американской палатки, теперь здесь много землянок, шалашей, временных убежищ. На сцене те же действующие лица, что и во 2-м действии; теперь их, однако, словно стало еще больше. Ева, Гамсун и Горг вешают два котелка, разводят под ними из нескольких щепок костер. Другие люди тоже занимаются хозяйственным бытом. Конгрессмен и нунций Климент стоят на кучах житейского мусора и алчно обглаживают мясо с костей. Количество людей меняется на сцене, — они уходят по другую сторону горы, затем возвращаются; они занимаются житейскими делами. На заднем плане, как и во 2-м действии, лежат останки ковчега, теперь открытые.

Шоп. Когда же придут за нами корабли?

Герцогиня Винчестерская (Конгрессмену). Неужели мы здесь погибнем? Неужели вы не можете устроить нам спасения? Зачем тогда вы хвастались — мы, Америка! мы, Америка! — при нас, когда у руля стояла Великобритания, подобного безобразия не было... Ах, где мой самолет? — улетела бы я отсюда на своей ракете!

Конгрессмен. Утешьтесь, ваше высочество! Вместе с нами погибнут и большевики! Это прекрасно!

Герцогиня Винчестерская (к Черчиллю). Уинстон! По-моему, он глупец!

Черчилль. Это естественно, ваше высочество. Задача в том, чтобы погибли только одни большевики, а мы должны процветать!

Герцогиня Винчестерская. Ну конечно! Ну конечно! Вообще, по-моему, вся ихняя Америка это — как бы так ясно, популярно сказать?..

Горг. Шпана, ваше высочество! Популярно!

Герцогиня Винчестерская. Шпана? — я не понимаю — это что. Но возможно, это правда: Америка — шпана!

Тевно. Ясно, шпана! И стрелять они не умеют. Попали в земной шар — и раскололи его, вода потекла. Вот большевики стрелять умеют! Те бы не промахнулись!

Секерва. Америка сразу во всех бомбой попала. Вот она — Америка!

Полигнойс. И в себя тоже попала!

Шоп. Скучно, Полигнойс! Когда же придут за нами корабли?

Брат Господень приносит охапку кустарника и опускает топливо около Евы, возле тлеющего костра. Ева, Гамсун, брат и другие стараются разжечь принесенные прутья, но они не горят.

Черчилль (Полигнойсу). Радист! Дайте Москву! Что думают сейчас большевики?

Полигнойс. Трудно, господин Черчилль, но я попробую. Америка забывает все станции, она слушает только самое себя.

Черчилль. Это обычно, это стало нормальным: всякий слушает самого себя. Но вы настройтесь на другого. Попробуйте. Полигнойс работает у радиоаппарата. Слышите кого-нибудь?

Полигнойс. Слышу вопль! Москвы не слышу.

Черчилль. Ищите Москву... Интересно и странно. Но этого даже я не понимаю. Почему большевики совершенно спокойны, когда весь мир гибнет, и они тоже?

Полигнойс. Стоп! Нет, опять исчезло.

Черчилль. Москва? Кто там?

Полигнойс. Трио баянистов: Кузнецов, Попков и Данилов... Опять все исчезло...

Черчилль. Нужнее всех нам сейчас Москва, нужнее всех Москва. Баянистов не нужно.

Брат (у костра). Не разгорятся! Одна вода. А что же? Всюду сыро стало, грунт насквозь промок.

Горг. А мы сейчас сухим подождем. Берет одно бревнышко из останков ковчега, зажигает его. К костру подходит нунций Климент. Отец, мы вам кофе варим. Не обижайтесь, а то помрем скоро — свободная вещь!

Климент (берет из останков другое бревнышко и подает его Горгу). Надо больше огня! Черчилль (подходя к костру). А мне готовите что-нибудь?

Брат. Вам кашку и лапшичку такую приготовим. Чего же беззубому человеку...

Черчилль. Можно кашки, можно лапшички.

Горг. Оно бы лучше бекон, бифштекс, а коньячком бы заправить!

Черчилль. О, да! О, да!

Горг. Да где же взять? Папский нунций сглодал последний мослак.

Брат. Вот до чего добаловались: сами империалисты не евши живут, и курить нечего! Горе!

Полигнойс. Господин Черчилль! — Москва!

Радио. Американское правительство решило ужаснуть социалистические нации массовым взрывом атомных бомб, чтобы затем атаковать эти нации и поработить их. Как известно, в результате разрушительного взрыва атомных бомб в базальтовой оболочке земного шара образовались скважины и трещины. Через них из глубочайших недр Земли начали фонтанировать могучие извержения девственных вод. Наступил всемирный потоп. Низменные части материков уже покрываются первым слоем воды. Расчет показывает, что через месяц вода достигнет вершины таких гор, как Альпы, Арарат, и им подобных. Советское правительство направляет свои корабли и продовольствие в районы наибольшего бедствия. Советское правительство примет решение направленное к спасению человечества, в том числе и американского народа.

Молчание. Общая пауза. Многие молятся.

Черчилль. Какое же решение примут большевики? Такого решения нет и его не будет. Всему должен быть конец; хорошо, что весь мир кончается при мне, на моих глазах...

Полигнойс. Неужели мы такие?.. Неужели я должен стать изменником?

Секерва. Вы что там, Полигнойс? Вы что такое сказали там в двух смыслах? — и даже в трех? Отвечайте!

Полигнойс. Ничего... Мне стыдно жить!

Секерва. С кем, где, когда вам стыдно жить? — говорите с точностью!

Полигнойс. С тобою, стервец!

Конгрессмен. Прекратить разложение! Мы еще в опасности, мы еще не спасены! Радист, дайте нам голос родины!

Полигнойс. Даю!

Радио. Бук-бук-бук! Бук-бук-бук! Где твой зад, где перед?..

Конгрессмен. Другую станцию!

Радио. Век-пек-интержек! Иря-иря-бирьбирьбош...

Конгрессмен. Третью!..

Радио. Выясняется, что значительное количество воды, затопляющей весь мир, обладает щелочными, лечебными свойствами; она может быть использована для лечения желудочных и нервных заболеваний...

Полигнойс (прервав радио). Вот она — Америка, жирная дура! Лечите понос водой всемирного потоп!

Конгрессмен. Радист Полигнойс! Вы арестованы с исполнением служебных обязанностей! Вы близки к измене Америке, мерзавец! Я чувствую это!

Полигнойс. Ладно. Мне теперь утопать неохота! Мне жить надо, чтобы все негодяи погибли, при мне погибли — и не жили больше никогда!

Шоп. Господа, отложим этот вопрос... Вода подымается выше! Когда же придут корабли?

Конгрессмен. В свое время, в свое время, профессор! Америка знает, когда нас спасать.

Секерва. Она все знает, Америка!

Шоп. А когда будет свое время? Смотрите, лягушки, жабы, змеи — все лезут к нам на гору. И сколько бабочек на вершине! — бедные прелестные твари!

Черчилль. Бедные, но прелестные! В раннем детстве, помню, я тоже хотел стать бабочкой. Да как-то не вышла, как-то не вышла из меня бабочка!

Герцогиня Винчестерская. Не надо, Уинстон, вам не надо быть бабочкой... Уинстон, спасайте нас наконец! Неужели я умру от сырости, в какой-то щелочной, в содовой воде? Что думают ваши большевики в Москве?

Черчилль. Они не думают утопать в потопах, ваше высочество. Им не хочется.

Герцогиня Винчестерская. Очень хорошо. Молодцы — большевики! И я не хочу утопать.

Черчилль. Но большевики утонут, сударыня.

Конгрессмен. И отлично!

Черчилль. И мы все утонем.

Конгрессмен. Большевики сказали, вода к нам подыметя через тридцать дней. Это же не скоро, господа! Америка вполне успеет нас спасти. А мы пока будем отдыхать на горном воздухе. Отдыхайте, господа.

Черчилль. А курить будем что? Нас никто не спасет. Чудес нет.

Марта. Чудес нет, а разум вот, наверное, есть. Без него почему-то нельзя.

Черчилль. Где же он, сударыня?

Марта. Не знаю... Где-нибудь он должен быть. Неужели есть только одна глупость и смерть? Как вы думаете?

Черчилль. Спросите у большевиков.

Марта. Хорошо, я у них спрошу... Старый вы тюлень! (К Полигнойсу). Радист!

Полигнойс. Я вас слушаю, сударыня!

Марта. Сообщите в Москву... Напишите так, только лучше: “Москва, господину Сталину, — извините нас и спасите”.

Конгрессмен. Не смей! Это измена!

Герцогиня Винчестерская. А почему — не смей? Как вы смеете при мне кричать?

Конгрессмен. А я здесь главный, я из Вашингтона! Вам понятно?

Герцогиня Винчестерская. Замолчать! Я герцогиня, а вы мошенник... (К Черчиллю). Уинстон! Послушайте, обратитесь вы к генералу Сталину, в самом деле. Ведь он вас прекрасно знает. Объясните ему наше положение, это просто невозможно. Как вы думаете, мадам Тевно?

Тевно. Конечно — и немедленно! Большевики даже обязаны нас спасти. Пусть они теперь за все отвечают. Сейчас же пусть шлют сюда корабли и продовольствие! Это безобразия!

Герцогиня Винчестерская. Вы слышите, Уинстон? Вам ведь ... курить нечего, — большевики должны прислать вам табак.

Черчилль. Должны, должны, ваше высочество.

Герцогиня Винчестерская. Так действуйте! Я вот уверена, что большевики не утонут, они слишком коварны, они и природу обманут. Ну что ж! На это время мы ухватимся за них и тоже не утонем. Действуйте, Уинстон!

Конгрессмен. Без меня действовать запрещается! Я сказал, а вы слышали! Америка помнит своих детей, и они не утонут. А вот те сукины дети, которые забыли Америку, тех мы и после потопа утопим.

Секерва. Есть таковые!

Являются Селим со своими двумя турчанками и еще несколько турок; они несут, держа их на головах, гробы и небольшие новые лодки; каждый гроб и лодку несут двое людей. Всего приносят два гроба и две лодки. Они ставят свой товар на землю, устроив небольшой базар.

Брат Господень. Турка! Почему гробы?

Селим. Один доллар, один доллар, — всего только. Хороший гроб, всякому покойнику полезен.

Брат. А лодки почему?

Селим. Одна лодка — сто тысяч долларов.

Горг. Сколько?

Селим. Сто тысяч. Бери! Жить будешь во время потопа, плавать будешь, а кругом все утонут. Не за лодку беру деньги — за жизнь: недорого! Покупай и живи!

Горг. Значит, гроб — один доллар, а лодка — сто тысяч долларов?

Селим. Так — верно!

Шоп. Что это за турецкая торговля? Что это за корабли?

Селим. Турецкая, турецкая... Бедному человеку тоже купить что-нибудь надо. А что он купит, когда всемирный потоп? Ему гроб надо! А другому человеку и на потопе жить нужно, он купит себе лодку, и с него за жизнь сто тысяч долларов. А сколько жизнь стоит? Купите ее дешевле?

Брат. Обожди, турка. Значит, богатому жизнь, бедному гроб.

Селим. А что? Так конечно! А турку деньги!

Брат. А турку деньги! А турку деньги, ты говоришь?

Полигнойс. А турку убыток! Турку будет убыток!

Полигнойс приподымает гроб за один конец, брат за другой — и они бросают его в пропасть. Горг и Абрагам помогают им в этой работе, и весь турецкий товар летит в пропасть.

Секерва. Так, Полигнойс! А ты немножко американец! Молодец!

Конгрессмен (Селиму). Базара нет. Уходи прочь отсюда, уходи вниз!

Селим. Там сыро стало, там вода!

Конгрессмен. Утопай!

Шоп (Селиму). Разве так торгуют кораблями во время потопа? Селим. А что не так?

Шоп. Во-первых, дешево. Во-вторых, недемократично: богатых и бедных нет; это тайна, дуралей.

Селим. Это правда. Твоя правда, что дешево. А во-вторых, гробы были сшиты прочнее лодок, на них тес суше. Лодки сразу бы утонули на воде, богатый жил бы в лодке минуты две или четыре, только всего; за это — сто тысяч долларов, и вышло дешево; надо мне думать лучше, плохая голова у турка. Иди домой!

Шоп. Подожди, Селим... Достань там, обжарь и принеси, знаешь, такой тентерь-вентер с хлебом и луком.

Селим. Какой тентерь-вентер? Нету тентерь-вентер, помирай!

Шоп. Шашлычок, шашлычок — мясная, печеная жизнь на длинной такой железке!

Селим. Нету шашлыка, и лука нет, и хлеба нет, и табаку нет. Одна вода есть, — сам хотел, пей воду! Селим пошел.

Шоп. Ступай к черту.

Селим уходит, и за ним уходят все турки и турчанки.

Черчилль (Шопу). Шашлычок хорошо покушать. И суп мясной хорошо покушать — густой чтоб был. Вспоминаете, профессор?

Шоп. А какие были соусы, кремы, напитки, вина из виноградных гибридов Зондского архипелага!

Черчилль. А печень! Печень тихоокеанского кашалота!..

Шоп. Да, велика земля, а жрать нечего!

Герцогиня Винчестерская. Уинстон, я кушать хочу!

Тевно. Кормите нас, мерзавцы, или сейчас же обращайтесь к большевикам! Я супа хочу!

Брат. У большевиков всегда щи мясные!

Тевно. И нам щи мясные!

Черчилль. Молитесь богу, сударыня!

Конгрессмен (Клименту). А чего ты тут без дела ходишь? Ты зачем сюда явился? Это ты “гвак” кричал?

Климент. О, это я! Я прибыл сюда на религиозный всемирный конгресс, здесь был наш праотец Ной в ковчеге.

Конгрессмен. Какой Ной? А где же он?.. Вот что, ты свяжись с богом. Можешь?

Климент. Могу, конечно. Я архипастырь!

Конгрессмен. Свяжись с богом, архипастырь! Пусть он накормит людей чем-нибудь, — супом, хлебом, фасолью, чем хочет! Можешь?

Климент. Я помолюсь.

Конгрессмен. Да нет, что там молиться! Это долго: туда-сюда, пока ответ придет. Ты свяжись по радио. Пусть папа римский свяжется, ты его попроси, если бог тебя не примет.

Климент. Я обращусь к святейшему отцу.

Конгрессмен. И еще так сделай. У нас здесь есть люди старые, больные и прочие разные, которым давно пора на тот свет. Ведь на этом свете потоп, ты сам видишь, тут деваться некуда! Чего их задерживать! Отведи их туда! Рай там есть?

Климент. Есть, конечно.

Конгрессмен. Уведи их в рай, я тебе список дам, кого увести. И сам туда с ними. Понятно тебе?

Климент. Непонятно. Нет. Мне непонятно. Мне нельзя сейчас в рай, мне некогда, я здесь в командировке. Мне отчет надо сделать святейшему отцу.

Конгрессмен. В рай ему не хочется, а жить не евши хочется, — ишь ты гвак какой! Не веришь ты в бога! Ну, займи всех молитвой, чтоб я вас не слышал никого... Мне некогда! Гвак!

Секерва (Клименту). Молись, тебе говорят! И всем вообще молиться, делом заниматься, а не болтаться, не разлагаться: смотрите, я вас вижу, Америка все учтет!

Климент (проводящая). Элимпаториум!.. Опускается на колени в молитве. За ним опускаются на колени и молятся Сукегава, Этт, Абрагам и другие.

Конгрессмен. Полигнойс! Работайте на Америку! Вызывайте Вашингтон: я прошу прислать за нами миноносец! Конгрессмен и Полигнойс работают у радиоприемника.

Тевно. Ваше высочество, неужели этот дурак поумнел? Он вызывает корабль!

Герцогиня Винчестерская. От страха, мадам. От страха умнеют иногда, только на короткое время.

Брат (у костра). Лапшичка готова!

Черчилль. Давай, давай, брат Господень! Не остыла бы она, лапшичка!

Брат снимает с костра два котелка; один подает Черчиллю, другой оставляет себе; из одного котелка едят брат, Ева, Горг, Гамсун, к ним втискивается со своей ложкой и Секерва; Черчилль садится на землю несколько в отдалении от них и начинает есть один из своего котелка.

Этт (подползая на коленях, — он молится, — к котелку брата). А мне дадите ложечку? Я говорил, что будет война!

Брат (вытерев свою ложку концом своей бороды, ударяет ею Этта по лбу и отдает ему ложку). Ешь молча!

Герцогиня Винчестерская и Тевно (одновременно). А нам?
Черчилль (поспешно подходя к ним с котелком). Простите, ваше высочество! Простите, мадам! Я увлекся!

Герцогиня Винчестерская. Чем, чем вы увлеклись? Ах, Уинстон, Уинстон! Дайте нам... Тевно. Ложки!

Герцогиня Винчестерская. Ложки! (Обе вместе). Ложки давайте!

Черчилль (к Марте Такс). И вам ложку?

Марта. Нет, благодарю. Я лапшу не люблю. Я мясо люблю, у меня зубы есть.

Черчилль. И я, и я мясо люблю, — превосходная вещь, полноценный белок!

В это время Черчилль ставит котелок с лапшой возле Тевно и герцогини и приносит им от брата две ложки. Старухи жадно, быстро едят.

Брат (Черчиллю). Мясной навар я тебе сделаю. Будет вроде густого говяжьего супа, и вкус будет.

Черчилль. Свари, пожалуйста, мне нужен говяжий суп.

Брат. Сними один башмак! Черчилль снимает правый башмак, отдает его брату. Австралийская кожа! Эта подойдет, — живи пока в одном башмаке. А на правую ногу портянку накрути. Дай я тебе покажу. Вот так нужно, — и ходи! Мягко?

Черчилль. Мягко, удобно.

Брат. Ходи спокойно.

Черчилль ходит; одна нога обута в башмаке, на другую накручена портянка. Брат режет башмак Черчилля на мелкие ломти. Резко стучит радиоаппарат.

Полигнойс. Принимаю Америку!

Шоп. Читайте вслух, Полигнойс. Когда там пришлют за нами корабли?

Полигнойс (читает ленту радио). “Уполномоченный президента выражает осуждение всем американцам, которые находятся за пределами отечества и требуют для своего спасения корабли. Все означенные американцы должны любыми средствами приобрести, построить или конфисковать за границей корабли и немедленно направить их в Америку без лишних пассажиров — для спасения цвета нашей нации. Американцев за границей должно призвать к самопожертвованию, помня, что каждый может освободить место на корабле для спасения своего соотечественника и тем увековечить свое имя как герой. Президент помолится о них. Лицам неамериканского подданства спасение обеспечивают правительства по принадлежности”.

Черчилль. Хорошо!

Конгрессмен. Хорошо! Отлично!

Черчилль. Не Америка нас, а мы все должны спасти Америку. Это мудро!

Секерва. А то как же! У нас в Америке так! У нас мудро!

Полигнойс. Слушай, Секерва. Хочешь быть героем?

Секерва. А ты?

Полигнойс. Я хочу... Пожертвуй собою, освободи место на корабле! Ты не бойся!

Секерва. Ишь ты! А как пожертвовать?

Полигнойс. Это не больно. Ты не бойся. Я тебе покажу. Это не страшно.

Секерва. Покажи!

Полигнойс и Секерва идут на край пропасти.

Полигнойс. Я тебе покажу.

Секерва. Покажи. Ты не бойся. Зато польза будет отечеству, — как ты думаешь?

Полигнойс. Польза будет отечеству. Полигнойс бьет мощным ударом Секерву в спину; тот летит в пропасть. Не страшно и полезно...

Конгрессмен. А где Секерва?

Полигнойс. Пожертвовал собою, освободил одно место на корабле. (Садится за радиоаппарат).

Конгрессмен. Отлично! Это отлично! Ура! Сообщите сейчас же об этом в Вашингтон. Скажите, чтобы Секерву этого наградили чем-нибудь и увековечили его, сообщите — у нас уже освободилось одно место на корабле. Вот уже я кое-что сделал!

Марта. Скажите, а на каком корабле у вас освободилось место? Я займу его!

Конгрессмен. Сударыня, чем задавать вопросы, жертвуйте лучше собою! Не будьте эгоисткой!

Марта. А я не американка, я эгоистка.

Шоп. Тем лучше, тем выше ваш подвиг: швыряйтесь в пропасть, мадам. Не придут за нами корабли!

Конгрессмен. Правильно, профессор. Жертвуйте собою все, господа, всякая национальность может жертвовать собою. Кто еще желает пожертвовать собою? — тех я запишу в особый список. Записывайте, Полигнойс!

Полигнойс. Открываю запись жертв в пользу Америки. Первый был Секерва, кто — второй?

Общее молчание. Пауза.

Конгрессмен. Никто... Сукины вы дети!

Брат (он варит на костре суп в котелке, суп из башмака Черчилля). А может, так, начальник, сделаем, — так оно еще лучше будет...

Конгрессмен. Как? Говори, старик!

Брат. А так! Ты первый кидаешься в пропасть, — ты нам будешь в пример, — а мы все туда же за тобой. Кувырк — и нет задачи!

Конгрессмен. Кувырк — и ты дурак!

Брат. Ну? Иль правда?

Конгрессмен. Это глупая мысль старика. Как государственный человек, я должен сперва организовать всеобщее самопожертвование. А себя принести в жертву последним.

Брат. Вот тебе раз! Тогда-то к чему же? Тогда уж живи один как гад.

Конгрессмен. Глупый старик не понимает интересов Америки.

Брат. А она понимает: весь мир топит и себя самое. Эко дура, откуда такова?

Конгрессмен. Молчать, а то кувырк в пропасть головой!

Марта (напевает и танцует).

Кувырком-кувырком
Темечком о камень.
Хорошо лежать ничком
В бездне под волнами.
Хорошо себя убить
И Америку любить;
Плохо, жить вот хочется,
Жить мне, сладко жить мне хочется!

Конгрессмен. Надо в пропасть броситься!

Марта (механически повторяя). Надо — в пропасть броситься...

Шоп. Песня хорошая, исполнение хуже, артистка толста. А где нам достать корабль? — миноносец, линкор, крейсер, дредноут, авиаматку, плот, плашкоут, шхуну, — что-нибудь! Вода, господа, подымается.

Конгрессмен. Корабль? Сейчас мы организуем корабль! Позвать ко мне турок! Мы их день и ночь заставим строить корабли...

Черчилль. Турки? Им топор не по руке. Этот народ живет для отдыха.

Конгрессмен. А персы? Пусть персы работают...

Черчилль. Еще курды есть... Это несерьезно, господа. В Шотландии наш король был посажен на бриг при поддержке артиллерийского огня с берега, но вскоре король был сброшен за борт. Вы слышали вчера сообщение. Вот что означает сейчас корабль... Есть один народ; он злодей, но он работник; может, он вам сделает корабль.

Конгрессмен. Кто? Где этот работник-злодей? Пусть работает сейчас же, мы ему за это простим кое-что. Кто это?

Черчилль. Большевики. Прощать их не надо.

Конгрессмен. Не надо. А корабли пусть делают, мерзавцы.

Черчилль. Конечно. Они же добра хотят человечеству. Пусть делают добро.

Конгрессмен. Пусть делают! А то мы бомбой по ним!

Черчилль. Естественно.

Шоп (смотря в бинокль). А большевики пашут! — представьте себе, господа! Пашут по взгорью.

Черчилль. Пашут? Во время всемирного потопа пашут? Удивительно, что я не могу понять их поведения. Неужели пашут?

Шоп. Что поделаешь, пашут... Я вижу. Крестьянин сидит за рулем трактора и курит трубку.

Черчилль. Курит трубку? (Грызет пустую трубку). Пусть бы только пахал. Зачем же он еще курит?

Брат (кладет в костер последнюю часть останков ковчега). Садись под дым. Подыши!

Черчилль садится на корточки за костром; брат раздувает костер; дым идет на Черчилля, тот усиленно вдыхает и выдыхает дым, засовывая его через свою пустую трубку.

Алисон (являясь из-за горы с киноаппаратом). Господа, разрешите мне погибнуть последним. Мне нужно заснять самый последний момент жизни человечества, последний взор последнего человека. Вы понимаете? Это великолепно, этому кадру цены нет! Можно?

Брат. Можно, это допускается. А кому ты продашь свой последний кадр?

Алисон. Да, — это вопрос!.. Может, большевикам?

Конгрессмен. Большевикам? Так значит, они уцелеют, болван?

Алисон. Не знаю. А пожалуй уцелеют! С ними это бывает.

Марта. Без них просто нельзя.

Брат. Без них куда же... (Черчиллю). Пospel твой суп.

Черчилль. Густой, наваристый, питательный, мясной, — да?

Брат. Сейчас попробую. (Пробует суп на вкус). Хорош! Бери, питайся, — не спеши, не обожгись... Черчилль жадно питается.

Герцогиня Винчестерская. А нам? Уинстон, я слышу аромат мясного бульона... Правда ли это? Почему же нам давали пустую похлебку?

Черчилль. А суп, ваше сиятельство, в Америке, вон там!

Герцогиня Винчестерская (к Конгрессмену). Послушайте, как вас? Подайте нам супу, или нет — лучше бульона!.. Только навару не снимайте, пусть он уж остается...

Конгрессмен. Старухи! Вам умирать пора. К богу обращайтесь, к архипастырям, к святым отцам, они здесь. Америка отдала им весь суп, весь навар и бульон, — на небо! Ступайте, ешьте!

Черчилль (наевшись). Прекрасно, отлично!.. Еще несколько дней — и ни одного большевика не будет на свете! Итак, оправдался смысл моей жизни, брат Господень, — полностью оправдался!

Брат. Через несколько дней никого не будет... Так что же это значит? — Чтоб убить большевиков, нужно всех людей убить?

Черчилль. О, да! О, да! Лучше у бога в могиле, чем на земле у большевиков. Понимаешь?

Брат. Не понимаю. Ты бы испробовал, потом говорил! Это ты накурился, наелся — и опять ошалел, озверел...

Марта. И я не понимаю... Ах, нет, — я теперь понимаю! Теперь понимаю!.. Большевиков захотели одних погубить, а погибает человечество. Они в середине жизни. Вот что такое!

Герцогиня Винчестерская (к нунцию Клименту). Архипастырь, это так или не так?

Климент. Гвак!

Марта (на нунция). Отойди прочь. Мне некогда! Радист, дайте Москву!

Полигнойс. Кому Москву?

Марта. Мне!.. Зачем спрашиваете?

Полигнойс. Простите... Что передать?

Конгрессмен. Ничего!

Марта (радисту). Приготовьтесь!

Конгрессмен. Не смей!.. Кому ты нужна там? Разве будет тебя слушать Москва? Ты подумай!

Марта. Будет!

Конгрессмен. Дурочка! Меня, федерального конгрессмена, государственного деятеля Соединенных Штатов, слушают уже не все, — а тебя? Как ты сюда попала?

Марта. Не помню... Я иду! Я не хочу умирать, мое сердце полно силы, оно может чувствовать счастье...

Конгрессмен. Слушайся меня! Попала ты сюда просто за хорошее телосложение, мы подумали — это для Ноева ковчега кстати, и ты артистка, на вид не совсем дурна, а так ведь ты дурочка. Это хорошо, однако!

Марта. Это правда. Я дурочка. Мы все бедные, дурные и умираем от вас... Радист, пусть из Москвы пришлют мне корабль!

Шоп. Ну и глупа!

Марта. Уже нет, не глупа!

Шоп. Простите!

Марта. Прощаю... Мне пришлют корабль. В Москве любят кино, а я артистка, во мне есть талант. Если я не утону, я покажу им всю человеческую душу, я в одном образе сыграю целое умирающее человечество, чтобы его не забыли, — и большевики будут смотреть меня. А вам не дадут корабля! Кто вы такие? Конгрессмены, нунции, архипастыри, ученые мошенники, шпионы, политики, и все вы одно и то же — убийцы, теперь ясно! Ах, боже мой, зачем, зачем мы доверили вам жизнь?.. Большевики ничего вам не дадут, а нам дадут, мне и ей! (Она берет за руку Еву, привлекает ее к себе). И ей дадут! А конгрессменов, политиков, нунциев из кого угодно можно сделать, вы — пустяки! — и шпионов можно. Я сама была шпионкой! Пишите, радист... Полигнойс стучит ключом.

Конгрессмен. Стоп! Прекратить самовластие! Здесь я, а не вы!

Шоп. Здесь вы, шеф, конечно, вы! Но можно попробовать. Это не вполне глупо.

Черчилль. Можно в виде опыта... Ничего не значит.

Марта. Глупцы! Я на борт вас возьму. Черт с вами! А то не стану звать Москву!.. Жить с вами еще в будущем — неохота!

Конгрессмен. Ступай, зови! Попробуем в виде опыта. А корабль я угоню в Америку. Ступай!

Марта. Сейчас!

Конгрессмен. Ну ступай. Иди, тебе говорят, к передатчику.

Марта. Ну я иду.

Конгрессмен. Ну иди! Ты иди бегом! Опять ты дурой стала!

Марта. Опять... (Полигнойсу). Пишите так. (Бормочет Полигнойсу, тот стучит ключом).

Полигнойс. И все?

Марта. Все. Подпишите: Ева и я, Марта.

Полигнойс. Надо сказать, что вы знаменитая артистка.

Марта. Не надо. В Москве хвастаться ничем нельзя.

Нарастает вопящий звук летящего предмета. Все замирают. Затем все действуют соответственно своему характеру. Горг свистит. Архипастыри падают на колени. Все стараются прижаться к земле, убежать, скрыться от опасности. Некоторые остаются в спокойствии: брат, Ева и другие.

Конгрессмен. Бомба!

Климент. Большевицкая!

Тевно. Большевицкая, атомная! Вот она! Вот она! На нас идет! (Визжит — и ей вторит герцогиня Винчестерская).

Брат (глядит на небо). И где? Нету!

Шоп отталкивает Еву от Марты, обнимает Марту.

Марта (борясь с Шопом). Что вам нужно? Идите прочь!

Шоп. Мы умрем сейчас. Отдайтесь мне. Я не могу.

Марта. У меня нет ничего! Что вам отдавать?

Шоп. О, дура!

Марта. Нас видят.

Шоп. Не важно. Они все сейчас будут покойники.

Марта. Мы не успеем.

Шоп. Успеем. Бомба еще летит. Пока она взорвется, пока волна ее нас достигнет, пока мы умрем, туда-сюда... Успеем!

Звук летящего предмета то словно приближается, то сразу удаляется, многократно отражаясь в горных пропастях.

Марта. Я боюсь!

Шоп. Бойся! Только молчи!

Брат. Обождите! Опомнитесь! Звук теперь явно и быстро удаляется в гулкой горной пропасти. Все прислушиваются в надежде, хотя испуг никого еще не оставил. И брызги грязные откуда-то сверху летят!

Этт. При атомном взрыве всегда дождь идет!

Брат. Молчи, специалист...

Звук замирает вдали. Тишина.

Селим (голос его — сверху). Эй, нижние! Кто там есть? Америка, ты там?

Конгрессмен. Америка здесь! А ты кто, — отвечай!

Селим. А мы турки. Мы здесь выше живем, тут суше будет. Потоп сначала вас утопит, Америку, а до нас не дойдет, пожалуй, мы выше, — как вы думаете?

Черчилль (забывшись). Молчать, мерзавец! Открыть по ним артиллерийский огонь!

Конгрессмен (также забывшись, командует). Огонь!

Краткая пауза.

Селим. А огня нету, пожалуй! Ну вот, опять нету!.. Америка, слушай меня, Америка! У нас железная бадья сорвалась, отдай назад!

Брат. С чем твоя бадья была?

Селим. С чем была, того не отдавай. В ней хозяйственная, житейская жидкость была, нам ее не жалко.

Черчилль (Конгрессмену). Америка! Твой сателлит мочится на тебя! Орошает тебя помоями.

Конгрессмен. О, изменники! Эх, если бы не надо было нам утопать! Мы бы тогда показали всему этому миру, стервецу! Теперь нам ясно! В это время из-за другого склона Арарата тихо и неожиданно подходит глубокий, однако быстрый на походку, привычный к ходьбе, старик. Ты кто? Откуда явился?

Агасфер. Агасфер.

Конгрессмен. Кто?

Агасфер. Вечный жид, говорю тебе: Агасфер!

Конгрессмен. Это вот туда иди — к тому. Он заведует загадками природы и истории.

Агасфер (к Шопу). Низом ходить сыро стало, земля замокла. А ноги старые, больные, ведь сколько лет земля меня держит... Мне бы сухих портянок в запас, шерстяных чулок можно, белья теплого, варежки, два свитера и еще что у вас есть.

Шоп. А у тебя что есть?

Агасфер. У меня список есть, что мне нужно. Я хочу...

Шоп (Конгрессмену). Шеф! Нам Агасфер, вечный жид, нужен сейчас?

Конгрессмен. Это ваше дело. Годится он для славы Америки, можно из него что-нибудь сделать?

Шоп. Не сейчас... Сейчас он едок, сейчас он шерстяное белье просит и все, что есть у нас... Курящий?

Агасфер. Курящий.

Шоп. Значит, и табак ему нужен.

Черчилль. Мерзавец! Шпион! В пропасть его!

Конгрессмен. В пропасть его! Откуда он взялся среди потопа?

Селим (голос его сверху). Эй, Америка! Слушай меня, Америка! Отдай нам старичка! Мы его покормим чуть-чуть, а он нам сказки будет рассказывать. Нам сказки надо.

Конгрессмен. Бери его, бери его к черту отсюда скорее! (Агасферу). Ступай кверху, там тебе суше, теплее... Пошел вон, — в пропасть сброшу!.. Откуда берутся негодяи, когда ничего нету? Что?

Агасфер. Я молчу.

Конгрессмен. Нет, ты говоришь, мерзавец!

Агасфер. Я говорю: считай себя покойником! (Уходит).

Раздаются позывные радиоприемника.

Полигнойс (у аппарата). Это Москва!.. Москва, господа!.. Телеграмма для Евы, для Марты Такс. (Пауза. Полигнойс принимает телеграмму).

Марта (в волнении). Боже мой, боже мой!.. Неужели жизнь прекрасна?

Полигнойс. Сейчас увидим... Кажется, прекрасна! “Местным советским властям дано указание смонтировать у подножья Арарата для вас и ваших спутников корабль на сто пассажиров с запасом продовольствия. Желая Еве и Марте долгой счастливой жизни. Сталин”.

Всеобщее безмолвие. Все опустили глаза, словно великий стыд охватил всех.

Марта (обняв одною рукою Еву, она стоит с нею на коленях на земле). Я уже счастлива. Я уже долго-долго прожила в эту минуту. На земле живет человек, которого можно любить бесконечной любовью; теперь я счастлива, потому что узнала его, а раньше я думала, таких людей нет, и погибала... Ах, Ева, услышь меня, что я говорю!

Конгрессмен (Черчиллю). Вас я возьму конечно на борт. Еву эту и Марту мы возьмем временно, Америке они не нужны.

Полигнойс. Как временно? Что значит, вы возьмете их временно?

Конгрессмен. Я им разрешу совершить подвиг самопожертвования, когда мы будем в океане. Корабли должны теперь приходить в Америку пустыми, — таков приказ правительства. Вы слышали?

Полигнойс. Слышал. Но этот корабль советский, он для Евы и Марты...

Конгрессмен. Он советский, пока его нет. А потом он сразу будет американский, и еще с запасом продовольствия. Отлично!

Полигнойс. Нет, он не американский! Он русский! Зачем ты из Америки, из моей родины, делаешь воровку, убийцу?..

Конгрессмен. Молчать, изменник!

Полигнойс. Пусть теперь с тобой расправится мое сердце! Вы отняли у меня радость жизни, возьмите и мою ярость... Он наносит сильный удар Конгрессмену. Тот припадает на мгновение к земле, подымается, сбрасывает пиджак, Полигнойс делает то же самое, начинается жестокая драка. В драке они двигаются; проходят по тропинке над пропастью, скрываются по ту сторону Арарата.

Шоп (вынимая из бумажника деньги, кладет их на землю под камень). Сто долларов на Полигнойса против шефа. Шеф будет на земле.

Климент. Сто, говорите? Гм, гвак! Двести за шефа против радиста.

Герцогиня Винчестерская. Учтите пятьдесят моих за радиста!

Тевно. И я! И я! Десять за того, кто помоложе.

Черчилль. Пятьсот! За нашего великолепного шефа!

Другие также держат пари, складывая деньги под камни. Шоп записывает ставки. Из-за той стороны горы показываются Полигнойс и Конгрессмен. Они идут в драке по тропинке над пропастью. Конгрессмен хватает Полигнойса поперек туловища, приподымает его над пропастью с торжествующим лицом; Полигнойс обхватывает шею Конгрессмена, рвет его на себя — и оба летят в пропасть.

Шоп. Господа! Выигравших нет. Возьмите свои ставки.

Селим (голос его сверху). Кто же теперь у вас будет Америка?

Шоп. Я очевидно. Очевидно я. А тебе что нужно. Селим?

Селим. Ничего не нужно, ничего... Две Америки у вас погибли. Одну мне жалко, другую нет. Жалко мне одну Америку, ах, как жалко! А другую нет, не жалко почему-то. Эх вы, железопрокат, Форд и компания, патефоны и зажигалки... Дедушка, брат Господень, иди к нам по делу.

Брат. Чего тебе. Скажи оттуда.

Селим. Иди, дедушка... Я тебе два хлебца дам. Покушайте хлеба, помяните души погибших.

Брат встает. Ева подает ему руку. Они медленно идут к Селиму наверх.

4-е ДЕЙСТВИЕ

Арарат. Та же обстановка, что и в предыдущих действиях; но есть и разница. Люди повеселели. Слышится непрерывная смешанная музыкальная мелодия от птичьих голосов, жужжания жуков, звука стрекоз, кузнечиков, стрекотания незримых насекомых. Все эти твари поднялись сюда, кверху, на сухое место, чтобы спастись от потопа, и здесь существуют, занимаясь жизненными обычными делами. Это создает праздничную обстановку. И люди выглядят теперь более счастливыми. На сцене та же американская палатка. Но нет общего запустения, что в 3-м действии. Людей мало: они расселись по горе со всех ее сторон; по временам слышны их голоса. Невдалеке, чуть ниже под горою, слышно, как горят дрова в походной кухне и как жарится мясо на сковороде. Изредка доносятся звуки автоматических молотков, шипенье газовой сварки — работа над монтажом большой металлической конструкции. К этим звукам более всего и прислушиваются действующие лица. На сцене: Селим, две турчанки и Шоп. Затем — другие. На переднем плане нечто подобное ресторану на открытом воздухе: два-три столика под белыми скатертями, на столиках накрытые салфетками яства, у столиков работают Селим и его две помощницы-турчанки; они ставят кушанья.

Шоп. Тише вы там гремите посудой!

Селим. А что, шеф? А почему нельзя греметь тарелкой, чашкой, ложкой? Ведь тут у нас пища, яство, счастье, жизнь! Это прекрасно!

Шоп. Пусть советская власть гремит и стучит, — ты слышишь?

Селим. О, я слышу, шеф! Я все слышу и все понимаю!.. Пусть стучит советская власть! Пусть большевики делают нам корабль. Ведь надо жить, а то потоп. Тонуть нам некогда.

Шоп (прислушиваясь). Тонуть конечно нам некогда... А большевики стучат! Хорошо, превосходно! Пусть стучат!

Селим. А расчет со мной в два с четвертью раза! Меньше мне нельзя. Вы помните?

Шоп. Мы помним.

Селим. Значит, так. Я вам один килограмм мяса, — один! — а вы мне два килограмма с четвертью, — два с четвертью! Я вам литр вина, а вы: Селим, получай два с четвертью литра! И за соль, и за сахар — мне в два с четвертью раза больше. Так или не так?

Шоп. Так, Селим, так, мошенник.

Селим. Зачем мошенник? Жизнь — мошенство, я тоже. Мы тут жили на горе — худо, а сухо! А вы прилетели — вам надо всемирный потоп. А турка что может? — он Америке не ровня. Турка берет в два с четвертью раза больше за все, — а потом он еще набавит, он будет постепенно...

Шоп. А мы потом взорвем атомную бомбу в потоке и сварим суп из турок.

Селим. Хорошо. Это будет потом. А кто мне теперь заплатит в два с четвертью раза больше? — такой вопрос!

Шоп. Большевики, конечно. Из запасов на корабле.

Селим. Это я знаю. А где тут большевик, или — пусть — хозяин: кто платит, кто умный?

Шоп. Хозяйки у нас две: Марта и Ева: Сталин им подарил корабль, а мы у них гости. И запасы продовольствия, которые погрузят на корабль, это их добро! С них и получай.

Селим. Ты не знаешь. Марта уже назначила главным капитаном на корабле Якова — брата Господня, у него и хлеб будет, и говядина, и консервы. Ты не знаешь.

Шоп. Получай с брата.

Селим. Получу, получу, сполна получу! Старик — справедливый человек.

Шоп. А ты с утопающих проценты берешь! Откуда ты взял эту цифру — в два с четвертью раза?

Селим. Как откуда?.. Ваш главный шеф, господин Конгрессмен, сказал, что наши турчанки в два с четвертью раза — как раз ровно так! — лучше и красивей американок! Турчанки слышат и повизгивают от удовольствия. Отсюда я и взял курс вашей валюты. Наша фондовая биржа вот где — в женщинах.

Являются Конгрессмен и с ним Сильвестр Чадо-Ек.

Конгрессмен (Селиму). Накормите его... И покруче, погуще ему что-нибудь: это наш солдат-космополит, бесстрашный солдат, новый человек всемирной американской нации.

Чадо-Ек. Керь-герь-герь! (Подпрыгивает в судороге, а затем сразу усаживается за столиком — и ест и пьет с большой жадностью и скоростью).

Шоп. Шеф! А они стучат!

Конгрессмен (прислушиваясь). Стучат! Отлично! Пусть стучат! Вот скажут теперь в Вашингтоне: неглупый, скажут, наш Конгрессмен на Арарате. Эх, скажут, великий там существует старик: большевиков заставил корабли строить для спасения американцев!

Шоп. Это неглупо! Весьма и весьма неглупо! Может, и в самом деле вы старик великий!

Конгрессмен. Конечно, я старик великий! Это видно! Не спасти ли мне человечество от потопа?

Шоп. Охота вам! Нам и на корабле будет неплохо, а вода когда-нибудь сама высохнет.

Конгрессмен. Неверно говоришь, это мне в убыток! Тут дело, тут карьера! Упустить всемирный потоп мне нельзя, как бы он не просох, я что-то должен получить за него... Это так! Однако пусть меня запросит Вашингтон: как спасти человечество? А я отвечу. Это будет солидней!

Шоп. Это солидней, шеф.

Конгрессмен. Я тоже думаю: солидней.

Селим. А слушайте меня: где я буду, если буду?

Конгрессмен. Буфетчиком.

Селим. Подумаем, ответим позже... Угощайтесь, господа, — кушайте в долг! Пища моя, но большевики отвечают в два с четвертью раза. Турка согласен.

Шоп (в счастливом настроении). А там стучат! Вот-вот и корабль готов!

Конгрессмен. А там стучат! Большевики работают! Это отлично!

Шоп. Отлично! Они готовят нам жизнь.

Селим. Они дадут нам жизни! Факт будет!

Конгрессмен. Но ими надо руководить!

Все садятся и кушают.

Чад-Ек. А сколько там большевиков — на сборке корабля?

Селим. Сорок шесть! Сорок шесть! Там два инженера-женщины, они собою хороши, как наши турчанки! Обратите внимание! Только не чешись, американец!

Чад-Ек (судорожно зачесавшись всем телом). Сорок шесть! Это мне мало!

Селим. А для чего мало?

Чад-Ек. Это пока не твое дело, турка!

Появляются Черчилль, Герцогиня Винчестерская, Полигнойс, Брат Господень, он в фуражке морского командира.

Герцогиня Винчестерская (возбужденно — к Черчиллю). Нам теперь надо обедать с утра и здесь же ужинать. Это естественно. Ведь потоп усиливается, вода может подмочить продукты, как вы не понимаете, как вы управляли страной!..

Черчилль (ко всем). Господа! Потоп усиливается. Прибыль воды увеличилась в пять раз. (К брату). Капитан! Когда большевики соберут корабль?

Брат. Кто ж их знает? Через неделю, должно бы! Да они могут и скорее, у них все зависит от них же.

Конгрессмен (брату). Прикажите им свинтить, склепать, сколотить, оснастить, запустить корабль немедленно — раз! Выдать пищу пассажирам вперед в сухом и твердом виде — два!

Брат. Это я сам соображу — как быть.

Полигнойс. Я запрошу Москву.

Брат. Не нужно. Москва сама помнит... Вот идет хозяйка.

Являются Тевно, за нею Марта с Евой.

Тевно. Я говорю — пусть лучше они отдадут нам корабль! Мы поплывем на нем. Ведь он только немножко недостроен. Это ничего! И продукты в трюм положите. Смотрите не забудьте чего-нибудь от страха! Где мои вещи? Что за безобразие, жить нельзя стало!

Марта. Подайте ей кушать!

Тевно. Да, и кушать подайте, конечно! Вот сюда подайте, вот сюда.

Марта. Не волнуйтесь, господа! Большевики следят за потопом, нам корабль подадут вовремя! Кушайте и не сердитесь!

Брат (к Чад-Еку). А ты откуда явился и чужое ешь?

Чад-Ек (снисходительно подавая документ). Вам это нужно? Вы верите в бумагу и печати?

Брат. Верю, когда она грамотная... Возьми. Кто ж ты таков, Чад-Ек номер 101?

Чад-Ек. А ты кто?

Брат. Я брат Господень.

Чад-Ек. Ага! Ясно! (Вскакивает в конвульсии, содрогается и успокаивается). Значит, ты то же самое, что я. Брат Господень! Привет! Это хорошо: керь-герь-герь!.. А я спецчеловек Соединенных Штатов Америки, воин авангарда, космополит земного шара и новый человек будущего мира. Тебе понятно теперь? (Изводится).

Брат. Понятно... Полигнойс!

Полигнойс. Я вас слушаю, капитан!

Брат. Кто этот Чад-Ек? Может быть, это новое научное явление: ишь, его блохи грызут.

Полигнойс. Не знаю, капитан. Мы спросим у профессора.

Шоп. Этот? А это солдат-блоха. Он полон блох. На нем специальная герметическая одежда, и блохи вылезти оттуда не могут. А блохи заражены новой смертной болезнью... быстрой смертью.

Чад-Ек. Так-так, именно так! А дальше не знаешь?

Шоп. Не помню. Сейчас много в Америке таких изобретений.

Чад-Ек. Я откармливаю своей кровью насекомых двадцать четыре дня, сегодня прошло двадцать три. А потом иду в район противника, отмыкаю одежду, пускаю насекомых на волю, одежду закапываю в землю, а сам домой. Врагу смерть, мне награда.

Брат. А тебя самого блоха не трогает?

Чад-Ек. Трогает. Вот сейчас она жрет меня. (Изводится и стонет). Но я терплю, я герой. Так надо, блоха растет и размножается. А умереть я не могу от блохи, у меня есть прививка.

Брат. Вот ты кто!

Чад-Ек. Я спецчеловек. Все будут такие!

Брат. А сам ты американец?

Чад-Ек. Нет. Отец из Сирии, мать — неизвестно. (Он снова изводится; однако все время алчно ест; турчанки меняют ему блюда).

Брат. Не хватит тебе жевать?

Чад-Ек. А блох кормить чем?.. Однако надо пойти повоевать. Дайте мне проводника в район противника. (К брату). Пойдем со мной, старик! Это интересно. Были большевики — и вдруг не будет! Керь-герь-герь!

Черчилль (жуя). Разумно! Идите, Чад!

Брат. Нельзя! Большевики нам строят корабль, они кормят нас. Куда нам деваться без них?

Чад-Ек. Старик — идиот. Три зла, три удара сильнее одного! Или ты изменник, — так я тебя блохе отдам! (Изводится).

Полигнойс (в размышлении, про себя). Неужели, чтобы быть человеком, надо быть убийцей?

Брат (к Марте). Хозяйка! Чад-Ек — американский спецсолдат. У него приказ — убивать большевиков блохою.

Марта. Разве?.. А вы кто здесь?

Брат. Я кто? Я здесь капитан корабля, я комендант Арарата...

Марта. Я вас смещу с должности, капитан!

Брат. Действовать, что ли?

Марта. А то как же! Нельзя кушать даром большевистский хлеб.

Чад-Ек быстро собирает продукты в дорогу, укладывая их в вещевой мешок. Брат подходит к нему, подобрав по дороге добрый камень. Марта и Ева садятся кушать.

Брат. Подыми руки вверх!

Чад-Ек (соображая). Что ты? Я занят!

Быстро шарит по своей одежде, ища оружие, выхватывает маленький пистолет. Однако рука его с пистолетом уже находится в руке брата, и брат подымает ее вверх; другую руку, в которой камень, брат заносит над головой Чадо. Брат скручивает руку Чадо, пистолет его падает на землю. Брат бросает свой камень и свободной рукой вздергивает над головой Чадо-Ека и другую его руку.

Брат. Ты арестован!

Чад-Ек. А ты убит! Я блоху выпущу!

Брат. Селим, Полигнойс, Шоп... вяжите его! Вяжите его втугую, чтоб он не чесался. Селим, Полигнойс, Шоп, герцогиня Винчестерская и сам брат скручивают Чадо ремнями, которые подали им турчанки из инвентаря ресторана.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТЕМЫ ПЬЕСЫ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДЕТСКОГО ТЕАТРА

Название пьесы «Тит-человек», или «Добрый Тит», но это название — условное: возможно, что оно будет изменено.

Тит — имя одного из главных действующих лиц; ему — тринадцать-четырнадцать лет; его страстью и особенностью характера является желание опередить свой возраст: казаться и быть на самом деле зрелым человеком и принимать действительное участие в важнейших делах взрослых людей. Эта черта характера, присущая детям и подросткам, является, вероятно, общечеловеческой чертой, и потому образ Тита должен стать естественным и приобрести общее значение. Тит, поддавшись своему влечению, уходит из родительского дома в большой мир (а может быть, Тит оставляет дом за смертью родителей, но бегство лучше). И Тит внешне превращается во взрослого человека; взрослому виду и состоянию Тита помогает то обстоятельство, что он сравнительно большого роста.

Итак, Тит, почти еще ребенок, действует в «большом» серьезном мире. Тит вооружен лишь чистым сердцем, жизненного опыта у него еще нет; однако он вынужден быть взрослым и ответственным за общую жизнь — и отсюда происходит драматическая ситуация Тита, входящая в главный драматургический узел пьесы.

Тит встречает Агафона Кузьмича, пожилого человека, бывшего солдата, необычайно искусного на труд, знающего почти все ремесла, существующие на свете: он столяр, портной, механик, сапожник, парикмахер, слесарь, пахарь и т. п. Агафон считает, что человек может и должен уметь делать все, и практически это исполняет. По своему существу Агафон — это учитель жизни, тот, кто после родителей замещает юному человеку мать-отца и выводит его за руку в великий мир работы и борьбы, страдания и счастья, и, главное, тот, кто укрепляет надежду в человеке, веру в его прекрасную судьбу.

Умея делать все на свете, Агафон не умеет делать самого главного: как злое превращать в доброе, зло в добро. Агафон знает, как дерево или камень превратить в дом или как вырыть колодезь, а высшей и самой первой, самой нужной работы — из зла в человеке сделать добро — он делать пока не умеет, и в этом его мученье и страсть. Поэтому он хочет быть еще молодым, чтобы успеть, иметь время исполнить главный труд своей жизни, тогда как Тит желает быть «старым». Однако нечто внутреннее — может быть, излишний возраст, излишний опыт жизни — мешает ему постигнуть высшее искусство человеческой жизни, без которого то мастерство, которым владеет Агафон и другие люди, не дает полного своего результата, не дает надежной и возвышенной жизни.

И Агафон встречает ребенка, сделавшегося взрослым, — Тита.

У Тита есть в скрытом состоянии эта высшая способность — из злого делать доброе, потому что у него есть отважная детская непривязанность к жизни, равная объективному пониманию ее.

И вот Тит и Агафон действуют в нашем мире. Причем Агафон возвращается домой из армии, но дойти домой он не может — и никогда не доходит, — его задерживают встречные неотложные дела и происшествия. Сначала Тит является учеником и подручным Агафона, но вскоре уже Агафон превращается в невольного ученика Тита.

Агафон и Тит действуют в реальном, но вместе с тем и волшебном мире: волшебное в нем, однако, только то, что реальное изображается более обнаженно. Агафон делает машину, которая должна дробить злаки зла в пыль и развеивать эту пыль по ветру без следа. Но машина, будучи сделана, не смогла молоть злое в доброе — из нее надо было сделать другую, лучшую машину, а из лучшей еще более совершенную — и так далее. Только в будущем, если много работать, можно сделать машину, которая будет столь мощной, что может разрушить злое и обращать его либо в добро, либо в ничто.

Все это, однако, составляет лишь фон для начертания образа главного действующего лица — Тита. Действительная сила, разрушающая зло в жизни, в нем. Он является олицетворением той светлой силы, которая зародилась в нашей стране и воспитана в ней и которая должна во что бы то ни стало теперь, после войны, в новом времени, спасти мир и преобразовать его.

Конфликт, на котором построена пьеса, подобен общему противоречию существования современного человечества: бесплодность жизни, точнее, отсрочка ее смысла и счастья, затянувшаяся предыстория, еще точнее — огромный напор и давление враждебных для человека сил, что требует противоборства этим враждебным силам.

Сила Тита не в том, что он действует, а в том, что он существует. Мощь его заключается в обаянии его личности, в его особого рода бесстрашии и непривязанности к своей только жизни, в интимном ощущении каждого существа, с которым он имеет дело.

Тит борется силой своего очарования, не сознавая своей силы, и разрушает самые недра враждебных сил.

Пьеса должна иметь и косвенный педагогический смысл: Тит явится образом для этического подражания, Агафон — для воспитания чувства трудолюбия.

Естественно, что пьеса должна быть осуществлена в простейших, элементарных формах, и ее идея должна быть выражена не философски, а наглядно до осязаемости. Это должно быть нечто вроде Букваря Жизни, составленного из картинок, понятных для того, кто еще не может ни читать, ни говорить и не обладает логикой взрослого человека.

[1946]